

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
БИБЛИОТЕКА

С. П. ЛУППОВ

ИСТОРИЯ
СТРОИТЕЛЬСТВА
ПЕТЕРБУРГА
В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ

XVIII
ВЕКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА ЛЕНИНГРАД

1957

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

доктор исторических наук
проф. *А. В. ПРЕДТЕЧЕНСКИЙ*

ВВЕДЕНИЕ

Петровские реформы являлись попыткой преодоления вековой отсталости России. Необходимость крупных преобразований во всех областях жизни страны диктовалась ходом исторического развития и стала особенно острой к началу XVIII в.

Несмотря на то, что в XVII в. в экономике страны произошли заметные сдвиги, обусловленные ростом общественного разделения труда,¹ экономическая отсталость России чувствовалась во всем. В то время как в передовых странах Европы быстро развивались буржуазные отношения, в России господствовал крепостнический строй, тормозивший всякую инициативу. Производительные силы России сильно отставали в своем развитии от производительных сил западноевропейских стран. Достаточно сказать, что первая русская домна была построена лишь в 1636 г., т. е. на 200 с лишним лет позже, чем в Западной Европе. Сравнительно немногочисленные еще мануфактурные предприятия и ремесло не могли удовлетворить все возрастающих потребностей страны. Из-за границы ввозились не только предметы военного снаряжения (оружие, порох), но и более сложные предметы домашнего обихода высших классов (шелк, вино, дорогие сукна). Внешняя торговля находилась в руках англичан и голландцев. Торгового флота у России не было.

Экономическая отсталость обуславливала военную слабость России. Несмотря на попытки правительства завести постоянные воинские части «иноземного строя», основную часть регулярной армии почти на всем протяжении XVII в. продолжали составлять мало дисциплинированные и плохо обученные стрелецкие полки, на создание которых государство выделяло скудные средства. Ратники дворянского ополчения зачастую были вооружены не огнестрельным оружием, а луками и стрелами. Военного флота Россия не имела.

Сложная путанная система управления Русского государства с ее многочисленными приказами в центре и большим числом воеводств на местах являлась пережитком прошлого и способствовала чрезвычайному развитию произвола, хищений и медленности делопроизводства. Государственные финансы, несмотря на огромные налоги, взимаемые с населения, постоянно

¹ В XVII в. складывается русский национальный рынок. В связи с развитием ремесла и торговли быстро увеличивается число поселений городского типа. С 30-х до середины 90-х годов XVII в. возникают мануфактурные предприятия в разных отраслях промышленности: металлургической, текстильной, кожевенной, силикатной и т. д. Развитие внутренней торговли привело к образованию крупных купеческих капиталов. Сильно возросла внешняя торговля России. Только через Архангельский порт ежегодно вывозилось товаров на сумму около 1 млн руб. (Е. В. Спиридонова. Экономическая политика и экономические взгляды Петра I. [М], 1952, стр. 36, 45; Е. И. Заозерская. Мануфактура при Петре I. М.—Л., 1947, стр. 7).

находились в тяжелом состоянии. Россия продолжала оставаться бедной неграмотной страной, сильно отстававшей в развитии культуры от своих западных соседей.

Общая отсталость России была причиной ее поражения в войнах с соседями в начале XVII в. Хотя в этих войнах русскому народу благодаря его патриотизму и мужеству и удалось отстоять свою национальную независимость, однако Россия утратила важную для нее территорию. По Столбовскому миру 1617 г. Русское государство лишилось искони принадлежавших ему берегов Балтийского моря, потеряло возможность удобного сообщения с Западной Европой и вынуждено было вести торговлю с границей только через недалого замерзающий Архангельский порт. Это не могло не сказаться в высшей степени отрицательно на дальнейших судьбах страны. Отсутствие у России выхода к морю вызывало задержку в ее экономическом развитии, увеличивало ее зависимость от других государств. Перед страной все более нависала угроза потери национальной независимости.

Возвращение берегов Балтийского моря становилось для России абсолютной необходимостью. Без этого условия не приходилось и думать о том, чтобы догнать передовые страны Европы. Таким образом, задача приобретения выхода к морю тесно связывалась с основной проблемой эпохи — проблемой преодоления вековой отсталости России. Разрешение этих задач требовало проведения реформ во всех областях жизни страны, потому что невозможно было вести борьбу с таким сильным в военном отношении врагом, как Швеция, без преобразования русской армии, постройки флота, строительства целого ряда промышленных предприятий, преобразования финансов и т. д.

Таким образом, реформы первой четверти XVIII в. были связаны с разрешением самых насущных задач, стоявших перед Русским государством; вместе с тем, они проводились не на пустом месте, а являлись дальнейшим развитием того, что было начато в предшествующую эпоху. Уже в XVII в. в России строились мануфактуры, велись оживленные торговые сношения с Западом, делались первые попытки преобразования государственного аппарата и т. д. Как известно, передовые люди того времени — А. Л. Ордин-Нащокин, А. С. Матвеев, В. В. Голицын и другие — хорошо понимали необходимость реформ и во многом предвосхитили то, что позднее делалось при Петре.

Проведение реформ соответствовало интересам господствующих классов того времени — дворянства и купечества. Дворянство было крайне заинтересовано в укреплении государства, потому что только в этом оно видело возможность предотвращения народных восстаний, которые стали особенно частыми в XVII в. Укрепление же государства было невозможно без проведения реформ, и это хорошо понимали передовые представители дворянства. Купечество, а также дворянские круги, наиболее сильно втянутые в товарно-денежные отношения, были заинтересованы в развитии торговли (внешней и внутренней) и промышленности. А это также связывалось с необходимостью реформ и борьбы за отвоевание берегов Балтики.

Проведение реформ предопределило успех России в борьбе с сильным врагом за выход к морю. Победоносные русские войска вышли к устью Невы. Однако это далеко еще не разрешало поставленную задачу. Недостаточно было лишь вернуть стране утраченное морское побережье, необходимо было и закрепиться на нем, построить военный и торговый флот и создать для них хорошие базы. Все эти вопросы разрешались строительством в устье Невы Петербурга — города-крепости, города-порта, базы Балтийского флота.

Поэтому с первых лет своего существования Петербург приобрел большое значение для всей России. Это хорошо понимал Петр, видевший в строительстве города задачу государственной важности, проводивший строительство со свойственной ему энергией в годы величайшего напряжения сил страны в борьбе с внешним врагом. Недаром через какой-нибудь десяток лет после основания Петербурга на берега Невы была перенесена столица Русского государства: этим подчеркивалась та выдающаяся роль, которую должен сыграть новый город в истории страны. И действительно, основание Петербурга способствовало быстрому развитию внешней торговли России, что в свою очередь было связано с подъемом промышленности и всего хозяйства страны. Создание мощного Балтийского флота превратило Россию в крупную морскую державу и содействовало росту ее политического влияния. Перенесение столицы на берега Невы создало условия для более тесного общения России с Западной Европой.

Таким образом, строительство Петербурга тесно связано с реформами первой четверти XVIII в. По существу это была одна из важнейших реформ Петра: она знаменовала собой изменение внешней и внутренней политики государства. Как и другие преобразования, строительство Петербурга содействовало введению в России новых порядков, способствовавших развитию производительных сил.

Стремление к новым порядкам прослеживается уже на самой манере застройки города. Попытка строить город по определенному плану, строжайшая регламентация всего строительства, широко проведенные мероприятия по городскому благоустройству имели целью сделать столицу идеальным городом по представлениям того времени и придавали Петербургу те новые черты, которые отличали его от других русских городов. В таком городе регламентировалось не только строительство, но и сама жизнь городского населения. Жители Петербурга должны были поселяться только в определенных, отведенных им (в зависимости от их социального положения и рода занятий) местах, строить и благоустраивать свои жилища по определенным образцам, участвовать в выполнении многочисленных городских повинностей, причисляться к пользованию водным транспортом; представители господствующих классов обязаны были посещать ассамблеи, принимать участие в общественной и деловой жизни столицы и т. д.

Регламентация как один из методов внедрения в жизнь страны элементов нового весьма характерна для русского абсолютистского государства первой четверти XVIII в. Она вызывалась сопротивлением консервативных кругов общества проведению реформы. Регламентация широко применялась не только при строительстве Петербурга, но и в промышленности, в военном деле, в быту и т. д., т. е. методы, которыми осуществлялось строительство новой столицы, были такими же, какими проводились и другие реформы. С первых лет существования города в Петербурге энергично проводилась работа по переустройству жизни на новый лад, и эта работа, как в зеркале, отражала кипучую деятельность Петра по преобразованию всей страны.

Все сказанное позволяет сделать вывод, что история строительства Петербурга представляет большой интерес для исследования. Этому вопросу и посвящена настоящая монография, в которой ставится задача воспроизвести на основании первоисточников наиболее полную картину организации строительства Петербурга в первой четверти XVIII в. и, таким образом, на одном из частных примеров рассмотреть практику проведения петровских реформ по преобразованию страны.

Затрагиваемые в монографии проблемы градостроительства (планировка и застройка города, благоустройство и т. д.) рассматриваются с точки зрения историка, а не архитектора, т. е. автор не касается вопросов архитектурного стиля, манеры мастерства того или иного архитектора и т. д. Основное внимание уделяется в книге таким проблемам, как производство строительных материалов, комплектование рабочей силы, организация строительных работ, городское управление и городское хозяйство Петербурга. Все эти вопросы еще не получили должного освещения в нашей исторической литературе.

Специальных монографий, посвященных истории строительства Петербурга в первой четверти XVIII в., до сего времени не имеется. В большей или меньшей степени эти вопросы затрагиваются в работах по истории Петербурга и истории петербургской архитектуры. Та и другая литература довольно обширны, однако среди них не так уж много оригинальных работ, написанных на основании первоисточников. В большинстве же случаев сведения по истории Петербурга заимствовались одними авторами у других. Целый ряд книг по истории города вышел к 200-летию юбилею Петербурга (1903 г.), но среди них много малоценных популярных брошюр компилятивного характера.

Из литературы о петровском Петербурге одно из важнейших мест занимает хорошо известная книга, написанная библиотекарем Библиотеки Академии наук А. И. Богдановым и опубликованная (с добавлениями) в 1779 г. В. Г. Рубаном под названием «Историческое, географическое и топографическое описание Санктпетербурга от начала заведения его с 1703 по 1751 год...».² Подлинная рукопись книги Богданова (без добавлений Рубана) находится в Архиве Академии наук СССР.³

«Описание» Петербурга Богданова составлено в 1751 г., т. е. почти через 50 лет после основания города. Следует, однако, учитывать, что Богданов сам жил в петровское время и при написании книги пользовался, по-видимому, какими-то архивами. Его добросовестное сочинение представляет исключительную ценность как собрание сведений по первому периоду истории Петербурга я до сего времени считалось основой, на которой строились последующие работы по истории города. Ценность книги увеличивают иллюстрации, воспроизводящие облик первоначальных петербургских зданий.

Тщательное сличение данных, приводимых Богдановым, с архивными материалами показывает, что в отношении петровского времени нельзя слепо верить всему, что он пишет. Так, например, Богданов дает неверные даты прорытия многих каналов. По-видимому, он ошибочно принял за год окончания работ дату их начала или пользовался сведениями, почерпнутыми из воспоминаний. Следует также учитывать, что, печатая книгу Богданова, Рубан кое-где изменил текст. Поэтому при написании настоящей монографии все сведения, почерпнутые из этой книги, проверены по рукописи Богданова.

² А. И. Богданов. Историческое, географическое и топографическое описание Санктпетербурга от начала заведения его с 1703 по 1751 год, сочиненное г. Богдановым со многими изображениями первых зданий, а ныне дополненное и изданное надворным советником, правящим должность директора над новороссийскими училищами, Вольного российского собрания при императорском Московском университете и Санктпетербургского вольного экономического общества членом Васильем Рубаном. Издание первое, СПб., 1779, 528 стр.

³ ААН, разр. II, оп. 1, № 95.

Вышедшие после Богданова «Описания» Петербурга XVIII и XIX вв. И. Г. Георги,⁴ Ф. Туманского,⁵ А. П. Башуцкого,⁶ И. Пушкарева⁷ и других в отношении петровского Петербурга не дают нового материала, а большей частью повторяют лишь сведения, взятые у Богданова. Академик П. П. Пекарский в своей работе «Петербургская старина», опубликованной в 1860 г. в журнале «Современник», дает описание Петербурга петровского времени на основании письменных источников и изображений города.⁸ Эта работа очень хорошо воспроизводит картину Петербурга первой четверти XVIII в. и в свое время много содействовала пробуждению интереса у широкой публики к истории города.

Первым большим научным исследованием по истории Петербурга XVIII в. была широко известная книга П. Н. Петрова «История Санкт-Петербурга», вышедшая в 1885 г.⁹ Петров изучил огромное количество документальных материалов по истории Петербурга: обследовал целый ряд архивных фондов, тщательно проштудировал «Полное собрание законов Российской империи», петербургские «Ведомости», ознакомился с описаниями Петербурга, составленными современниками, со всей литературой по истории Петербурга, планами города и т. д. В результате 18-летней кропотливой работы им был составлен монументальный труд (848 стр. текста + 246 стр. примечаний). Главное достоинство этого труда — огромное количество собранного автором фактического материала.

При всем том книга Петрова не лишена и серьезных недостатков. Весь материал автор расположил по типу летописей в строго хронологическом порядке без всякой попытки как-то систематизировать его и выделить главное. Вследствие этого интересные факты тонут в массе мелочей, и если бы не подробное оглавление (с указанием страниц) и вспомогательный предметно-именной указатель, то книгой вообще невозможно было бы пользоваться. Ссылки на использованные источники в монографии Петрова неполны (без указания номеров дел и листов), например: «Кабинет Петра, отд. II, кн. 39», «Дела Городовой канцелярии, 1719 г.» и т. д. Такие ссылки почти невозможно проверить. Создается даже впечатление, что все указания на использованные источники делались Петровым позднее и по памяти.

Недостатком Петрова как исследователя является то, что временами он излишне поспешен в своих выводах; при этом часто свои заключения он выдает за факты, не делая необходимой оговорки. Так, например, размышляя о причине большой ширины Литейного и Воскресенского проспектов, а также Таврической, Сергиевской, Захарьевской улиц в Петербурге, Петров приходит к выводу, что в петровское время здесь проходили каналы. Этот вывод он выдает читателю за факт. На 106 стр. Петров пишет: «Каналы же вдоль улиц кажется были вырыты при Петре I, но дурно поддерживались и к царствованию Елизаветы Петровны уже не существовали, так что время исчезновения их точно определить нельзя», вследствие

⁴ И. Г. Георги. Описание российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга... СПб., 1794, 757 стр.

⁵ Ф. Туманский. Российский магазин, ч. I—II. СПб., 1792—1793.

⁶ А. П. Башуцкий. Панорама Санктпетербурга, ч. I—III. СПб., 1834.

⁷ И. Пушкарев. Описание Санктпетербурга и уездных городов С.-Петербургской губернии, ч. 1—4. СПб., 1839—1842.

⁸ П. П. Пекарский. Петербургская старина. Современник, т. LXXXI, стр. 311 — 338; т. LXXXII, стр. 143—204; т. LXXXIII, стр. 577—638; СПб., 1860.

⁹ П. Н. Петров. История Санкт-Петербурга с основания города до введения в действие выборного городского управления по учреждениям о губерниях. 1703—1782. СПб., 1885, 848, 246 стр.

этого улицы получили такую ширину, «которая без каналов в то время была не мыслима».

Выводы Петрова не подтверждаются другими документами¹⁰ и исходят из ошибочного предположения, что ширина улиц Ленинграда определялась уже в петровское время. На той же 106 стр. Петров сообщает, что по обеим сторонам Невского проспекта существовали каналы (чем и объясняется его большая ширина), путая каналы с водоотводными канавами и почему-то называя работу по проведению каналов «канализацией». Можно привести еще ряд подобных примеров.

Следует остановиться несколько подробнее на ошибке Петрова в отношении оценки двух «Описаний» Петербурга, сделанных современниками. Первое из этих описаний, относящееся к 1710—1711 гг., было составлено неизвестным автором, укрывшимся под инициалами Н. Г., и опубликовано им в Лейпциге на немецком языке в 1713 г.¹¹ Русский перевод брошюры издан в 1860 г. отдельной книжкой под названием «Описание Санктпетербурга и Кроншлота в 1710-м и 1711-м гг.», а затем в 1882 г. напечатан в журнале «Русская старина».¹²

Следующее описание Петербурга, относящееся уже к 1716—1717 гг., было напечатано в 1718 г. также на немецком языке и также анонимным изданием под названием «Eigentliche Beschreibung der an der Spitze der Ost-See neu-erbaueten russischen Residentz-Stadt St.-Petersburg...».¹³

Нельзя не заметить, что этот любопытный документ по плану построения и языку очень напоминает «Описание» Петербурга 1710—1711 гг. Некоторые места повторяются почти дословно. Это сходство дало основание Петрову считать «Описание» 1716—1717 гг. вторым изданием «Описания» 1710—1711 гг. (только с измененным заглавием). Между тем из сопоставления текстов обоих документов легко установить, что второе «Описание» (1716—1717 гг.) значительно полнее первого и что оно отразило все весьма существенные изменения, которые произошли в застройке Петербурга за 6—7 лет (с 1710—1711 по 1716—1717 гг.).¹⁴

¹⁰ Прокапывавшиеся при Петре I для осушения улиц этой части города «каналы» представляли собой дренажные канавы, накрывавшиеся сверху лесом (откосы канав также крепились лесом). Судя по стоимости (50 коп. за 1 пог. сажень канавы), объем каждой погонной сажени такой канавы составлял всего Vs куб. сажени (АИМ, ф. 2, № 202, лл. 425—426; № 215, лл. 54, 64, 65).

¹¹ Exacte Relation von der von Sr. Szaarschen Majestat Petro Alexiowitz (cum tot. tit.) an dem grossen Newa Strohm und der Ost-See neu erbaueten Vestung und Stadt St. Petersburg, wie auch von dem Castel Kron Schloss und derselben umliegenden Gegend, ferner Relation von den uhralten russischen Gebrauch der Wasser Weyh und Heiligung nebst einigen besondern Anmerkungen auffgezeichnet von H. G. Leipzig, 1713, 112 стр.

¹² Русская старина, т. XXXVI, стр. 33—60, 293—312.

¹³ Eigentliche Beschreibung der an der Spitze der Ost-See neu-erbaueten russischen Residentz-Stadt St.-Petersburg, worin deren Situation, Anwachs und Auffkomen, und wie so wohl die Stadt, als auch die Vestung gegenwartig beschaffen. Imgleichen der neue See-Haven, das Kastel Krohn-schlott, und die gegen fiber liegenden neu-erbaueten Palatia, nebst einigen besondern und curieuses Anmerkungen auff's genaueste vorgestellt. Hiebey a parte ein specialear und accurater Grund-Riss, woraus ein curieuseer liebhaber die rechte Idee dieses neuen und iraportuanten Orths sich eigentlich vorgestellen kan. Franckfurt und Leipzig, 1718, 104 стр.

¹⁴ Описание Петербурга 1716—1717 гг. вошло в качестве одной из частей в состав известного сочинения ганноверского резидента при дворе Петра I X. Ф. Вебера «Das veranderte Russland...». Впрочем, и тут нельзя говорить о простой перепечатке. Вебер добавил от себя некоторые подробности, кое-что сократил, а главное внес в «Описание» ряд исправлений в связи с теми изменениями, которые произошли в застройке Петербурга за время с 1717 по 1720 г. Сравнивая все три описания — 1710—1711, 1716—1717 и 1720 гг., — мы можем проследить динамику развития Петербурга как города, что не всегда удается сделать по одним лишь архивным и другим источникам

Ошибка Петрова может быть объяснена лишь тем, что он очень поверхностно ознакомился с обоими «Описаниями» и, считая второе из них простым переизданием первого, Петров нашел, что оно противоречит действительному положению вещей, показывает то, чего не было, что оно написано с одной лишь целью создать наиболее выгодное представление о новой столице.¹⁵ Это утверждение Петрова совершенно неверно. Сличение сведений, приводимых в «Описании» 1716—1717 гг., с архивными данными и другими источниками приводит к выводу, что оно правильно воспроизводит картину застройки Петербурга этого времени и что автор проявил большую наблюдательность и осведомленность. Несмотря на то, что текст документа составлен на немецком языке, есть основание полагать, что в основу его положен русский оригинал. Правильно воспроизводит картину застройки Петербурга и описание 1710—1711 гг.

Все вышесказанное заставляет сделать вывод, что сведения, почерпнутые из книги Петрова, нужно по возможности проверять по другим источникам. К сожалению, до сего времени некоторые историки города, продолжая смотреть на Петрова как на какого-то «классика» литературы по истории Петербурга, некритично используют его книгу. Вследствие этого ошибки, допущенные Петровым, продолжают повторяться в самых последних изданиях книг по истории города. Так, например, история с прорытием в 1717 г. каналов на Васильевском острове, опровергнутая еще П. Н. Столянским, снова оживает в вышедшей в 1953 г. монографии А. В. Бунина «История градостроительного искусства»,¹⁶ а версию с каналами в Литейной части города повторяет В. И. Кочедамов в своей работе «Набережные Невы», вышедшей в 1954 г.¹⁷

Следует все же иметь в виду, что в некоторых случаях, например в отношении подворной описи Петроградской стороны 1713 г., книга Петрова является первоисточником, так как архивное дело, которым он пользовался, утрачено. Но и, помимо этой описи, в монографии Петрова имеется много ценного материала, который безусловно можно использовать, если подойти к нему критически.

Из последующей литературы по петровскому Петербургу необходимо отметить работы П. Н. Столянского, во многих из которых этому периоду истории города отводится значительное место.¹⁸ Книги Столянского написаны очень популярно, с явным стремлением к занимательности изложения, вследствие чего их трудно отнести к исследовательским работам. Однако не надо забывать, что автор был большим знатоком истории Петербурга, извлекая из первоисточников (главным образом печатных, так как архивами Столянский занимался мало) много новых сведений по исто-

Произведение Вебера «Das veränderte Russland...» опубликовано впервые в 1721 г. на немецком языке, переиздавалось в 1729 и в 1744 гг. без всякого изменения текста описания Петербурга. В переводе на русский язык книга напечатана в 1872 г. под названием «Записки Вебера» в журнале «Русский архив», однако без описания Петербурга (см.: Русский архив, год десятый, 1872, стр. 1057—1168, 1334—1457, 1613—1704).

¹⁵ П. Н. Петров, ук. соч., стр. 2—4.

¹⁶ А. В. Бунин. История градостроительного искусства, т. I. М., 1953, стр. 376. О каналах на Васильевском острове см. в гл. VI нашей книги.

¹⁷ В. И. Кочедамов. Набережные Невы. Л.—М., 1954, стр. 10.

¹⁸ Перечислим некоторые работы П. Н. Столянского: Жизнь и быт петербургской фабрики за 210 лет ее существования. 1704—1914 гг. Л., 1925, 199 стр.; Петербург. Как возник, основался и рос Санкт-Петербург. Пгр., 1918, 376 стр.; Из прошлого Петрограда. К истории строительных материалов. Зодчий, 1915, №№ 30, 34, 37, 38, 41; Замечательный перекресток старого Петербурга. Зодчий, 1915, №№ 1, 2, 3; Старый Петербург. Петропавловская крепость. Историко-художественный очерк. М.—Л., 1923, 134 стр.

рии города, по-новому поставившим некоторые вопросы. Так, например, именно Столпянский, как уже было указано, убедительно опроверг распространенную версию о каналах на Васильевском острове, якобы вырытых в 1717 г. в отсутствие Петра. Столпянский критически подошел к работе Петрова, однако, критикуя Петрова,¹⁹ он в некоторых вопросах не смог отойти от его точки зрения, например, в отношении к «Описаниям» Петербурга 1710—1711 и 1716—1717 гг.

У Столпянского имеются и крупные ошибки, являющиеся следствием поверхностного изучения документов. Так, например, в своей работе «Жизнь и быт петербургской фабрики за 210 лет ее существования» Столпянский приводит текст указа от 9 октября 1713 г., предписывающего продать «охочим людям» кирпичные заводы, «которые строены из Канцелярии каменных дел... для того, что по именному его великого государя указу велено кирпич делать и продавать всяких чинов людям повольною ценою, как и преж сего, а из казны продажи не быть».²⁰ На основании этого указа Столпянский делает вывод, что петербургские кирпичные заводы сначала были в частных руках, потом были монополизированы казной, но, очевидно, неудачно, так как вскоре снова пришлось вернуться к частной промышленности.

При этом Столпянский недоумевает, почему в указе предлагается объявление о продаже заводов прибить к городским воротам. Ведь «в Петербурге „городских ворот“ в истинном смысле этого слова, а особенно в 1713 г., когда весь город помещался на Петербургском острове, не существовало». В этом он видит «любопытную бытовую подробность», так как термин «городские ворота» употреблен в тексте указа, по мнению Столпянского, лишь «по московской привычке».²¹

Все это выглядит несерьезно. Было бы весьма странно, если бы правительство, давая точные указания, в каких местах города развешивать объявления, употребило бы термин «городские ворота» лишь по привычке. Дело в том, что указ касался не Петербурга, а Москвы, где действительно имелись «городские ворота» и где находился в то время Сенат, куда предлагалось прийти «охочим людям», желающим купить заводы. Следовательно, то, что указ относился к петербургским кирпичным заводам, является домыслом Столпянского. Столпянский не заметил также, что указ от 9 октября 1713 г. являлся развитием указа от 17 июня 1712 г., где прямо говорилось о Москве: «... на Москве кирпич, камень, известь делать всякого чина людям и продавать повольною ценою, как и преж сего, а из казны продажи не быть».²²

Таким образом, запретив в Москве продажу кирпича из казны, правительство в следующем году приступило к продаже казенных кирпичных заводов, учрежденных Канцелярией каменных дел. Что же касается петербургских кирпичных заводов Канцелярии городовых дел и Адмиралтейства, то у нас нет никаких оснований считать, что они на какое-то время прекращали свое существование и утверждение Столпянского о временном исчезновении казенных кирпичных заводов в Петербурге ничем не обосновано. Неверно и его другое утверждение, что в 1713 г. весь Петербург

¹⁹ П. Н. Столпянский. Библиография Санктпетербурха. Рукопись. Хранится в библиотеке Государственного музея истории Ленинграда.

²⁰ ПСЗ, т. V, № 2721.

²¹ П. Н. Столпянский. Жизнь и быт петербургской фабрики..., стр. 14. Об этом же см.: П. Н. Столпянский. Петербург. Как возник, основался и рос Санкт-Петербург, стр. 353—354.

²² ПСЗ, г. IV, № 2546.

помещался на одном лишь Петербургском острове. Как видно из описи строений Адмиралтейского острова 1711 г., на нем было в это время уже 297 дворов, а по числу жителей этот остров, по-видимому, значительно превосходил население Городского острова.

Из всего сказанного вытекает, что к работам П. Н. Столянского, так же как и к работам П. Н. Петрова, надо подходить критически, так как оба эти широко известные историка Петербурга допускали иногда излишнюю поспешность в выводах.

Кое-какие материалы по истории строительства Петербурга в первой четверти XVIII в. можно получить из ряда книг, представляющих собой простое сведение фактического материала. К числу таких работ относятся: «Охтенские адмиралтейские селения» Б. П. Мансурова,²³ «Александро-Невская лавра» С. Г. Рункевича²⁴ и др. Ценность книги Рункевича заключается в том, что она построена на архивных материалах, правда, не всегда умело использованных.

Из книг, вышедших к 200-летнему юбилею Петербурга, наибольший интерес представляют следующие: «Первые годы Петербурга» Г. И. Тимченко-Рубана,²⁵ «Петербург или Петрополь?» Н. В. Голицына,²⁷ «Пожарное дело в С.-Петербурге» В. С. Рудницкого²⁸ и некоторые другие.²⁹ Работа Г. И. Тимченко-Рубана интересна тем, что в ней, наряду с описанием военных действий, приводятся почерпнутые из архивов и печатных источников сведения о застройке города в первые годы его существования (1703—1708 гг.). Брошюра Н. В. Голицына «Петербург или Петрополь?» завершила собой полемику о точной дате основания Петербурга (16 мая или 29 июня 1703 г.). Голицын доказал несостоятельность утверждения П. Н. Петрова, что Петербург был основан 29 июня 1703 г. Целый ряд работ разных авторов посвящается описанию петербургских наводнений, начиная со времени Петра I. Назовем некоторые из них: «Подробное историческое известие о всех наводнениях, бывших в Санктпетербурге»,³⁰ «Летопись петербургских наводнений. 1703—1879 гг.» П. П. Каратыгина³¹ и др.

История архитектуры Петербурга тесно переплетается с историей его

²³ ЦГАВМФ, ф. 176, № 62, лл. 206—225; ф. 1233, № 1, л. 274. Городской (Санктпетербургский или просто Петербургский) остров — нынешняя Петроградская сторона,

²⁴ Б. П. Мансуров. Охтенские адмиралтейские селения. Историческое описание, ч. I. СПб., 1856, 171 стр.

²⁵ С. Г. Рункевич. Александро-Невская лавра. 1713—1913. Историческое исследование. СПб., 1913, 999 стр.

²⁶ Г. И. Тимченко-Рубан. Первые годы Петербурга. Военно-исторический очерк. СПб., 1901, 208 стр.

²⁷ Н. В. Голицын. К 200-летию основания Петербурга. Петербург или Петрополь? (Новое свидетельство основания Петербурга). СПб., 1903, 16 стр.

²⁸ В. С. Рудницкий. Пожарное дело в С.-Петербурге. Исторический очерк. СПб., 1903, 119 стр.

²⁹ И. Н. Божерянов. Невский проспект. Культурно-исторический очерк двухвековой жизни С.-Петербурга, т. I, вып. 1. СПб., [1901], 92 стр.; И. Н. Божерянов. С.-Петербург в петрово время. 1703—1903. Иллюстрированный исторический очерк. СПб., [1901], 159 стр.; Н. Головин. Петербург в петровское время. Исторический очерк. СПб., [1903], 36 стр. Книги И. Н. Божерянова и Н. Головина, написанные в популярной форме, представляют интерес главным образом потому, что в них воспроизведено большое число гравюр, рисунков, планов, выполненных в первой четверти XVIII в. и имеющих непосредственное отношение к Петербургу того времени.

³⁰ [В. Н. Берх]. Подробное историческое известие о всех наводнениях, бывших в Санктпетербурге. СПб., 1826, 86 стр.

³¹ П. П. Каратыгин. Летопись петербургских наводнений. 1703—1879 гг. СПб., 1889, 87 стр.

застройки. По архитектуре петровского Петербурга написано сравнительно много работ, и некоторые из них содержат ценный материал по строительству Петербурга первой четверти XVIII в. Сюда относятся, в первую очередь, работы академика И. Э. Грабаря, основанные на серьезном изучении первоисточников. В III томе «Истории архитектуры»,³² посвященном архитектуре Петербурга, имеются сведения по застройке Петербурга, деятельности Канцелярии городских дел и т. д.

Еще больший интерес представляет вышедший в 1954 г. из печати сборник под редакцией И. Э. Грабаря «Русская архитектура первой половины XVIII века», в котором помещен ряд статей о строительстве и архитектуре Петербурга петровского времени.³³ Ценность этих статей заключается в том, что при их написании использованы архивные материалы. Несмотря на то, что сборник посвящен в основном вопросам архитектуры, в нем можно найти много интересных сведений по истории застройки Петербурга. В своей статье «Основание и застройка Петербурга» (помещенной в этом сборнике) И. Э. Грабарь уделяет значительное внимание источникам: «Описаниям» Петербурга 1710—1711 и 1716—1717 гг., изображениям города в рисунках и гравюрах, сделанных современниками, и т. д. К сожалению, при установлении даты основания Петербурга И. Э. Грабарь допускает ошибку, соглашаясь с мнением П. Н. Петрова о том, что Петербург был основан не 16 мая, а 29 июня старого стиля 1703 г., и без всякого основания игнорируя существующую по этому вопросу литературу.

Сведения по истории Летнего сада в Петербурге дают работы Ж. Мацулевич³⁴ и Т. Б. Дубяго.³⁵ Особенно интересна книга Т. Б. Дубяго «Летний сад», целиком построенная на первоисточниках (архивные материалы, чертежи, описания Петербурга). В ней сообщаются новые данные о водопроводе к Летнему саду и ряд других сведений, почерпнутых из архивов. В вышедшей в 1954 г. книге В. И. Кочедямова³⁶ «Набережные Невы» приведены некоторые любопытные сведения о набережных Петербурга петровского времени. Материал по застройке Петербурга можно найти и в других работах о петербургской архитектуре петровского времени, а также в исторических очерках, посвященных планировке и застройке русских городов.³⁷

Следует сказать несколько слов о неопубликованных в печати диссертациях Л. Р. Куракина и А. Н. Репникова, имеющих близкое отношение к теме настоящей монографии. Первая глава диссертации Куракина «Массовая застройка Петербурга в XVIII веке»³⁸ посвящена застройке Петербурга петровского времени. Основное внимание автор уделяет вопросам архитектуры, однако попутно он сообщает много очень интересных сведений о застройке города, почерпнутых из архивов (главным образом из Центрального государственного архива древних актов в Москве). Диссертация не лишена и недостатков. Досадное впечатление производит непол-

³² И. Э. Грабарь. История архитектуры, т. III. Петербургская архитектура в XVIII и XIX вв. Изд. Кнебель, М., 584 стр. (История русского искусства, т. III. Архитектура).

³³ Русская архитектура первой половины XVIII века. Под редакцией И. Э. Грабаря. М., 1954, 414 стр.

³⁴ Жанетта Мацулевич. Летний сад и его скульптура. Л., 1936, 171 стр.

³⁵ Т. Б. Дубяго. Летний сад. М.—Л., 1951, 155 стр.

³⁶ В. И. Кочедямов. Набережные Невы. Л.—М., 1954, 177 стр.

³⁷ См., например: А. В. Бунин. История градостроительного искусства, т. I. Рабовладельческий строй. Феодализм. Капитализм. М., 1953, 530 стр.; В. А. Шквариков. Очерк истории планировки и застройки русских городов. М., 1954, 202 стр.

³⁸ Л. Р. Куракин. Массовая застройка Петербурга в XVIII веке. Диссертация. 1947. Хранится в Московском архитектурном институте.

нота ссылок на использованные источники. Л. Р. Куракина можно упрекнуть также в излишней доверчивости к литературе и источникам, вследствие чего он повторяет иногда уже опровергнутые утверждения П. Н. Петрова, например, о дате закладки Петропавловской крепости, о каналах на Васильевском острове.

В 1955 г. в Ленинградском инженерно-строительном институте архитектором А. Н. Репниковым была защищена диссертация на тему «Адмиралтейские сооружения в Петербурге XVIII века и их значение в формировании планировки города».³⁹ При написании этой диссертации использован новый архивный материал. Излагая историю строительства адмиралтейских сооружений, автор касается также вопросов планировки и застройки отдельных частей города: Адмиралтейского острова, Васильевского острова и др.

Из послевоенной исторической литературы о петровском Петербурге следует отметить сборник «Петербург петровского времени», вышедший в 1948 г. под редакцией А. В. Предтеченского.⁴⁰ В помещенных в этом сборнике статьях А. В. Предтеченского интересна постановка вопроса о связи строительства Петербурга с петровскими реформами, о времени перенесения столицы из Москвы в Петербург. В статье В. Г. Геймана «Мануфактурные предприятия Петербурга» содержатся некоторые новые данные, почерпнутые из архивов, о производстве строительных материалов в Петербурге. Эта статья является переработкой ранее написанной статьи того же автора, помещенной в сборнике «Петр Великий».⁴¹

Следует отметить, что вопросу о производстве в первой четверти XVIII в. строительных материалов для Петербурга до сего времени уделялось мало внимания в нашей исторической литературе. В известных работах о русской промышленности XVIII в. П. Г. Любомирова⁴² и Е. И. Заозерской⁴³ можно получить об этом лишь очень скудные сведения.

В 1955 г. вышел в свет первый том «Очерков истории Ленинграда», подготовленный к печати коллективом научных сотрудников Ленинградского отделения Института истории Академии наук СССР и излагающий историю города со времени его основания до 60-х годов XIX в.⁴⁴ Это первый большой труд, освещающий с марксистской точки зрения историю Петербурга за полтора столетия. Ценность этой книги заключается в том, что при ее написании во многих случаях использованы новые архивные материалы.

Ряд глав первого тома «Очерков» имеет непосредственное отношение к теме настоящей монографии. Это главы об основании Петербурга, о населении, градостроительстве и архитектуре, городском управлении и городском хозяйстве, об экономике Петербурга первой половины XVIII в. Излагаемый в этих разделах «Очерков» новый материал представляет боль-

³⁹ А. Н. Репников. Адмиралтейские сооружения в Петербурге XVIII века и их значение в формировании планировки города. Диссертация. 1955. Хранится в Ленинградском инженерно-строительном институте.

⁴⁰ Петербург петровского времени. Очерки под редакцией А. В. Предтеченского. Л., 1948, 157 стр.

⁴¹ В. Г. Гейман. Мануфактурная промышленность Петербурга петровского времени. В кн.: Петр Великий. Сборник статей под редакцией А. И. Андреева. М.—Л., 1947, стр. 246—283.

⁴² П. Г. Любомиров. Очерки по истории русской промышленности. XVII, XVIII и начало XIX в. [М.], 1947, 763 стр.

⁴³ Е. И. Заозерская. Мануфактура при Петре I. М.—Л., 1947, 188 стр.

⁴⁴ Очерки истории Ленинграда, т. I. Период феодализма (1703—1861 гг.). М.—Л., 1955, 895 стр.

шой интерес. К сожалению, ограниченность объема тома не позволила дать в нем с достаточной полнотой историю строительства и городского хозяйства Петербурга первой четверти XVIII в., к тому же материал по этим вопросам оказался распределенным по нескольким главам. Нам кажется также, что в главе о градостроительстве и архитектуре Петербурга первой половины XVIII в. уделяется слишком большое внимание вопросам архитектуры, оставляя несколько в тени историю застройки города, которая могла бы быть изложена со значительно большей полнотой.

Сделанный нами краткий обзор литературы по теме настоящей работы убеждает в том, что тема эта не была еще предметом специального монографического исследования. Этот пробел пытается восполнить настоящая работа. При ее написании были использованы следующие архивные фонды: Ленинградского отделения Центрального исторического архива (ЦГИАЛ): Канцелярии строения домов и садов, Гоф-интендантской конторы, Сената (именные указы); Центрального государственного архива Военно-морского флота (ЦГАВМФ): Адмиралтейской канцелярии, адмирала Ф. М. Апраксина, вице-адмирала К. Крюйса, Комиссии Российских флотов; Центрального государственного архива древних актов (ЦГАДА): Кабинета Петра I, князя А. Д. Меншикова; Артиллерийского исторического музея (АИМ): Приказа артиллерии; Ленинградского отделения Института истории Академии наук СССР (ЛОИИ): Походной канцелярии князя А. Д. Меншикова.

Автором использованы также фонды рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР, Государственного музея истории Ленинграда, а также известные ему печатные источники, диссертации и литература, имеющие отношение к настоящей теме.

Г л а в а I

ИСТОРИЯ ЗАСТРОЙКИ ПЕТЕРБУРГА

История строительства Петербурга тесно связана с ходом Северной войны. В застройке города четко различаются два основных этапа: до и после Полтавской победы. До 1709 г. город строился стихийно, после Полтавы в строительство были внесены элементы плановости. Можно проследить и еще один переломный момент — 1714 год, год Гангутской победы, после которой застройка Петербурга пошла значительно более интенсивно.

Основание города непосредственно связано с первыми победами над шведами. Воспользовавшись тем, что основные шведские силы были заняты в Польше, русские начали наступление в сторону побережья Финского залива. Уже в конце 1702 г. была взята сильная шведская крепость Нотебург, переименованная Петром в Шлиссельбург, а 1 мая 1703 г. русские войска овладели крепостью Ниеншанц на Неве и вслед затем вышли к морскому побережью, из-за которого и велась война. Предстояло укрепиться на отвоеванной территории. А это значило, что нужно было строить не только сухопутную крепость, но и создавать базу для русского военного флота: порта и судостроительной верфи.

16 мая (27 мая по новому стилю) 1703 г.¹ по приказу Петра на маленьком Заячьем острове, недалеко от устья Невы, была заложена Петропавловская крепость.² Осенью следующего 1704 г. «а левом берегу Невы начались работы по строительству Адмиралтейства — судостроительной верфи русского Балтийского военного флота. Совершенно естественно, что местом для крепости было избрано устье Невы и что Адмиралтейство возникло вблизи моря и недалеко от крепости, под ее защитой.

Основание крепости и верфи положило начало возникновению города (рис. 1 и 2). Предполагал ли Петр, создавая новую крепость, строить здесь большой город?³ На этот вопрос, нам кажется, следует ответить положительно.

Как видно из некоторых документов того времени, уже в первые месяцы строительства Петербурга правительство хорошо понимало, что на Неве строилась не только крепость, но и город. 16 июля 1703 г. ближай-

¹ В дальнейшем все даты будут даваться только по старому стилю.

² Журнал или поденная записка блаженные и вечнодостойные памяти государя императора Петра Великого с 1698 года, даже до заключения Нейштатского мира, ч. I. СПб., 1770, стр. 76. В «Журнале» Петра дается другое название острова: «Люст Елант» (Веселый остров). В своей книге «История Санкт-Петербурга» П. Н. Петров пытается доказать, что Петербург был основан не 16 мая, а 29 июня 1703 г. (П. Н. Петров, ук. соч., стр. 37, 38). Это утверждение Петрова убедительно опроверг в своей брошюре «Петербург или Петрополь?» Н. В. Голицын, который доказал (на основании текста письма Ф. А. Головина к П. Н. Готовцеву от 16 июля 1703 г.), что 29 июня 1703 г. Петербург лишь получил свое название, а город возник раньше (Н. В. Голицын, ук. соч., стр. 7—16).

ший сподвижник Петра Ф. А. Головин писал «из Петрополя» П. Н. Готовцеву: «Сей город новостроющийся назван в самый Петров день — Петрополь, и уже онога едва не с половину состроили» (в предыдущем письме

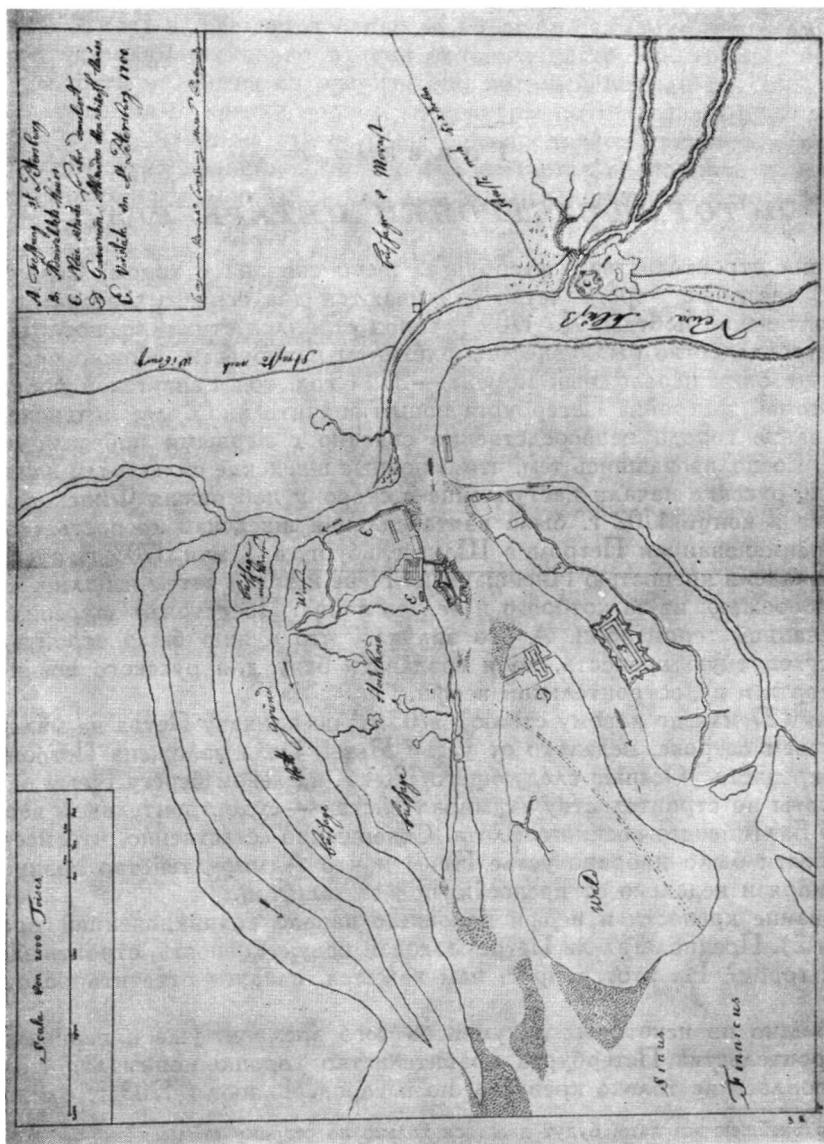

Рис. 1. План Петербурга в первые годы его существования (копия 40-х годов XVIII в.). Отдел рукописной и редкой книги Библиотеки АН СССР.

от 25 июня 1703 г. Головин сообщал о строительстве лишь крепости.³ В августовском номере «Ведомостей» было напечатано известие, датированное июлем 1703 г.: «... его царское величество не далече от Шлотбурга при море город и крепость строить велел, чтоб впредь все товары, кото-

³ Н. В. Голицын, ук. соч., стр. 7—8.

рые к Риге, к Нарве и к Шанцу приходили, тамо пристанище имели, так же бы персицкие и китайские товары туда же приходили».⁴

Таким образом, уже в августе 1703 г. речь шла о строительстве не простого города, а большого торгового центра. Через год в письме к А. Д. Меншикову, датированном 28 сентября 1704 г. Петр уже называет Петербург «столицей».⁵ Возможно, что решение о переносе столицы в Петербург возникло у Петра и ранее чем в сентябре 1704 г. Это решение, подготовленное всем предшествующим ходом экономического развития

Рис. 2. Петербург в 1704 г. Гравюра П. Пикарта. Начало XVIII в.

России, было продиктовано, как уже указывалось во введении, стремлением подчеркнуть значение для России выхода к морю, дававшего возможность быстро развивать внешнюю торговлю, строить мощный морской флот, активизировать внешнюю политику, установить более тесные общины со странами Западной Европы. Строительство Петербурга превращалось, таким образом, в одну из крупнейших государственных задач того времени, и понятно, почему правительство Петра I не жалело для выполнения этой задачи никаких сил и средств.

Если бы дело шло лишь о создании военных укреплений в устье Невы, то эту задачу можно было в какой-то степени считать решенной уже в пер-

⁴ Ведомости времени Петра Великого, вып. I, 1703—1707 гг. М., 1903, стр. 73—74. Шлотбургом был назван Ниеншанц после взятия этого города русскими войсками.

⁵ Письма и бумаги императора Петра Великого, т. III. СПб, 1893, стр. 161—162. (См. также: Петербург петровского времени. Л., 1948, стр. 27, 28).

вый же год существования Петербурга, после того как в сентябре 1703 г. было закончено строительство земляной Петропавловской крепости, а в мае 1704 г. в Финском заливе построен форт Кроншлот, который преградил вражеским кораблям вход в Неву со стороны Балтийского моря.⁶ Между тем начиная с 1704 г. правительство стало ежегодно вызывать в Петербург по 40 000 работных людей⁷ и развернуло строительные работы далеко не одного лишь военного характера. В 1706 г. было создано специальное учреждение для руководства работами по строительству города — Канцелярия городских дел.⁸ Одновременно, как мы увидим далее, в небывалых размерах развернулось производство строительных материалов.

Постоянная угроза нападения шведов заставляла все же уделять военному строительству в первые годы существования Петербурга основное внимание. Закончив земляную Петропавловскую крепость, правительство очень скоро (с 1706 г.) приступило к сооружению вокруг нее каменных бастионов и стен, в 1707—1708 гг. на противоположной стороне Кронверкского пролива, отделяющего Заячий остров от остальной территории Петроградской стороны, было построено дополнительное укрепление — Кронверк, на острове Котлине созданы постоянные военные укрепления вместо ранее существовавших временных.⁹

Появление в 1705 г. шведского отряда Майделя на левом берегу Невы побудило правительство приступить к укреплению Адмиралтейства. Обнесенное земляным валом с бастионами, палисадом, подъемными воротами и рогатками, установленными вокруг, Адмиралтейство превратилось во вторую крепость в Петербурге. Работы были произведены в удивительно короткое время: 20 сентября 1705 г. начали сооружать вал, а 15 ноября крепость была уже готова. В то же время внутри Адмиралтейства работы шли своим чередом: там спешно строились «светлицы» для «поклажи корабельных припасов».¹⁰

Военная обстановка не помешала правительству вести работы и невоенного характера. Строились царские дворцы (Зимний, Летний),¹¹ дома приближенных царя: А. Д. Меншикова, Ф. М. Апраксина, К. Крюйса, А. В. Кикина и др.; у истоков Фонтанки в первые же годы существования Петербурга начались работы по разбивке царского Летнего сада, рубились избы для мастеровых людей, появились первые мосты. В 1705 г. Адмиралтейство приступило к постройке на Адмиралтейском острове 120 домов для морских офицеров,¹² и к первым числам ноября этого года было поставлено 100 изб;¹³ работы шли и на Петроградской стороне.

Все же в первые 3 года существования города, вследствие активных военных действий шведов против Петербурга, «городовая работа шла зело медленно».¹⁴ Как видно из плана Петербурга 1706 г. (рис. 3), почти вся

⁶ Петербург петровского времени, стр. 25—27.

⁷ П. Н. Петров, ук. соч., стр. 57.

⁸ Очерки истории Ленинграда, т. I, стр. 132. В 1723 г. эта Канцелярия была переименована в Канцелярию от строений.

⁹ Петербург петровского времени, стр. 33.

¹⁰ Материалы для истории русского флота, ч. III. СПб., 1866, стр. 550, 554—556.

¹¹ Как видно из письма Синявина Меншикову от 22 ноября 1711 г., Зимний и Летний дворцы были в это время уже покрыты черепицей (ЛОИИ, ф. 83, картон 17, № 102, л. 344).

¹² Материалы для истории русского флота, ч. III, стр. 555—556. Под Адмиралтейским островом в петровское время обычно понимали остров, ограниченный с одной стороны Невой, с другой — Мойкой.

¹³ А. Н. Репников, ук. дисс, стр. 17.

¹⁴ Г. И. Тимченко - Рубан, ук. соч., стр. 157.

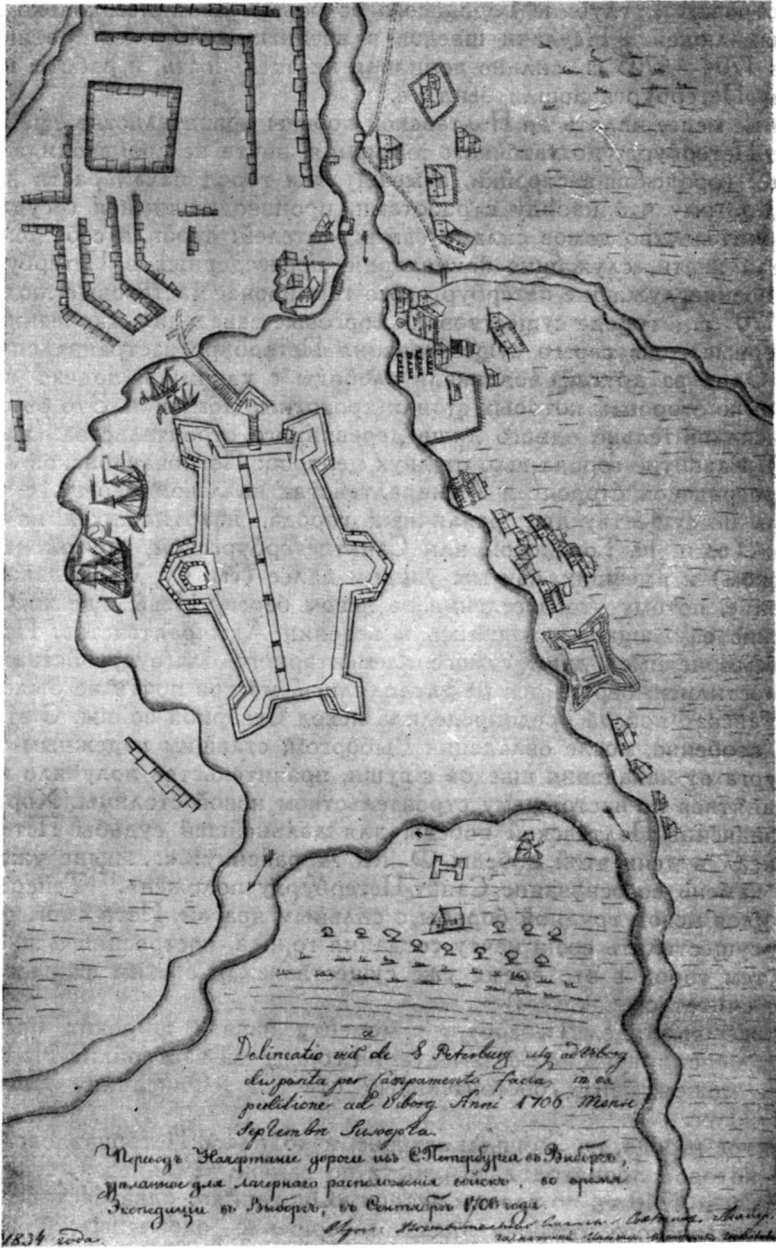

Рис. 3. План Петербурга 1706 г. (сентябрь).
Музей истории Ленинграда. Атлас Майера.

городская застройка того времени была сосредоточена в непосредственной близости от Невы на Городском (Петроградская сторона) и Адмиралтейском островах. В глубине Городского острова находились только шалаши работных людей.¹⁵ Неудачи шведов в военных действиях против Петербурга в 1704—1705 гг. сильно понизили их активность, и работы по строительству Петербурга пошли быстрее.

Тем не менее вплоть до Полтавской победы правительство еще не могло уделять Петербургу достаточного внимания, почти не производилась регламентация городской застройки, а между тем город начал расти довольно быстро, потому что наряду с работами, производившимися государством, шло строительство домов силами самих жителей: строили себе дома предстатели знати, служащие канцелярий, переведенных в Петербург, торговцы, военнотружущие петербургского гарнизона, мастеровые люди и т. д. Уже в 1707 г. в городе существовали торговые заведения, харчевни, бани.¹⁶

В первые годы своего существования Петербург застраивался по старинке. Одна за другой возникали слободы с узкими и подчас кривыми улицами, по сторонам которых стояли крохотные домишки. Это был период почти исключительно одного лишь деревянного строительства (вплоть до 1711 г.). Развитие города шло от двух центров: Петропавловской крепости на Петроградской стороне и Адмиралтейства на левом берегу. В те годы это были по существу два различных города, находившихся на разных островах (один на Городском или Санктпетербургском, другой на Адмиралтейском) и имевших, как мы увидим далее (см. гл. VII), даже разное управление, потому что поселения на левом берегу Невы, где жили адмиралтейские служащие, находились в ведении Адмиралтейства. Петербург в то время не имел даже самого элементарного благоустройства: улицы его не мостились, берега рек не укреплялись, мостов почти не было и т. д.

Полтавская победа предопределила исход Северной войны. С этого времени и, особенно, после овладения Выборгом, ставшим надежным оплотом Петербурга от нападения шведов с суши, правительство получило возможность заняться по-настоящему строительством новой столицы. Хорошо понимая значение Полтавской победы для дальнейшей судьбы Петербурга, Петр писал в день этой победы Ф. М. Апраксину: «... ныне уже совершенной камень во основание Санкт-Петербурху положен».¹⁷ Теперь, когда определился исход трудной борьбы с сильным врагом, Петр смог, наконец, начать осуществлять свою мечту создания города, построенного по-новому. Между тем город в это время уже существовал и с этим фактом нельзя было не считаться.

Как же выглядел Петербург к моменту начала широких правительственных мероприятий по регламентации городской застройки? На этот вопрос мы можем найти обстоятельный ответ в «Описании» Петербурга 1710—1711 гг.

В центре города, на Заячьем острове, находилась Петропавловская крепость, в которой производилась работа по замене земляных бастионов каменными, и в 1710 г., по словам автора «Описания», «два бастиона к стороне Васильевского острова были совершенно окончены»;¹⁸ снаружи

¹⁵ Г. И. Тимченко - Рубан, ук. соч., стр. 162—164 и чертеж 5. Городская застройка возникла в первую очередь на уже обжитых местах, т. е. там, где еще до основания Петербурга существовали поселения.

¹⁶ ЦГАВМФ, Ф 176, № 87, лл. 224, 225 (опись строений 1707 г.).

¹⁷ Письма и бумаги императора Петра Великого, т. IX, вып. 1. М.—Л., 1950,

¹⁸ Описание Санктпетербурга и Кроншлота... Русская старина, т. XXXVI, стр. 38.

крепости находились дополнительные военные укрепления: рavelин и кронверк, внутри — 4 ряда деревянных домов, крытых черепицей или же дерном, настланным поверх дранки, и небольшая деревянная церковь (на месте будущего Петропавловского собора). Через крепость проходил канал, прорытый с целью снабжения гарнизона водой. Крепостные ворота (получившие впоследствии название Петровских) были еще деревянными. От этих ворот в сторону нынешней площади Революции через пролив был перекинут подъемный мост. На площади находился первоначальный петербургский Гостинный двор, сгоревший дотла в июле 1710 г.

Далее вверх по реке на нынешней Петровской набережной стояли домик Петра и дома его приближенных: А. Д. Меншикова («с виду похожий на церковь»), П. П. Шафирова, Г. И. Головкина и др. Позади линии этих домов проходила существовавшая уже в 1709 г. Дворянская улица,¹⁹ где также жила знать.

«Вблизи Кронверка, — сообщает автор «Описания» Петербурга, — несколько улиц занято маленькими дрянными хижинами или лавчонками, в которых пироженки и разношники торгуют своим печеньем и всяким старым тряпьем... Несколько ниже по течению реки находится русское предместье или слобода, где живет преимущественно черный народ» (это, видимо, район нынешнего проспекта Добролюбова и прилегающих улиц). «За Кронверком вдоль Невы²⁰ тянется еще несколько продолговатых строений, где на зиму помещаются галерные арестанты».²¹ По соседству с Кронверком находилась Татарская слобода, а в глубине Городского острова — пороховой завод, устроенный в 1710 г.²²

Так выглядела Петроградская сторона. Как видно из «Описания», застройка тянулась здесь полосой вдоль берегов реки от Большой Невки до Малой Невы. За исключением домов знати, стоявших по набережной и в Дворянской улице, почти все остальные дома принадлежали простому народу.

На противоположном левом берегу Невы, который автор называет «Ингерманландской стороной» (в отличие от правого берега, называемого им «Финляндской стороной»), находилось Адмиралтейство и жили адмиралтейские служащие и мастеровые люди (отсюда произошло и название острова: Адмиралтейский). Здесь же у истоков Фонтанки находилась и летняя резиденция царя: небольшой летний дворец и «хорошо разбитый» Летний сад с фонтанами, мраморными статуями на аллеях, оранжереей и зверинцем.

По словам автора «Описания», набережная Невы на Адмиралтейском острове была застроена длинным рядом деревянных домов, тянувшихся на расстоянии полумили.²³ Многие из них принадлежали знати: адмиралу Ф. М. Апраксину, адмиралтейскому советнику А. В. Кикину и др. Здесь же стоял (у нынешней Зимней канавки) и первый зимний дворец царя — «маленький домик голландской архитектуры». Адмиралтейство, как сообщается в «Описании», представляло собой «обширное четырехугольное здание, окруженное рвом и валом, вооруженным пушками большого калибра»,

¹⁹ Библиотека Академии наук СССР. Рукописный отдел. Сборник, шифр 17.7.12, л. 104. См. также: С. Ф. Платонов. Из бытовой истории петровской эпохи. Изв. Акад. наук СССР, 1926, стр. 528.

²⁰ Т. е. на нынешней Мытнинской набережной.

²¹ Описание Санктпетербурга и Кроншлота... Русская старина, т. XXXVI, стр. 42.

²² П. П. Пекарский. Петербургская старина. Современник, т. LXXXII, 1860, стр. 157.

²³ Немецкая миля равна 5 русским верстам (Современник, т. LXXXI, стр. 317).

и имевшее четверо ворот; близ Адмиралтейства находились Исаакиевская церковь (тогда еще деревянная), канатный двор «в несколько сот шагов длины», а еще дальше по Неве «русские дома, занимаемые корабельными и шлюпочными матросами».²⁴

Позади линии домов, выходящих на набережную Невы, имелось много других построек, тянувшихся в сторону Мойки. Это были слободы адмиралтейских людей. Как сообщает автор «Описания» Петербурга, дома здесь были построены «на русский лад», иностранцы и русские жили обособленно друг от друга («немцы и голландцы живут здесь по правую, а русские, для которых тут устроен и особый рынок, по левую руку»); при всех домах в Петербурге имелись дворы и огороды, «потому что здесь на место полное раздолье».²⁵

Как видно из архивных дел этого времени, дома в адмиралтейских слободах строились «в линии». В 1711—1712 гг. участки под застройку на Адмиралтейском острове отводились в Большой, Первой, Второй и Третьей линиях Морской слободы (находившейся в районе нынешних улиц Гоголя и Герцена), а также в Пушкарской слободе «за малой речкой» (т. е. за Мойкой).²⁶ Размер отводимого участка зависел от положения застройщика. Офицерам давались участки одинаковой длины (20 сажен), однако ширина участка (т. е. протяжение вдоль улицы или «поперечник») была различна: капитанам полагалось 12 сажен, поручикам — 10 сажен и т. д. Матросам, солдатам и мастеровым отводились значительно меньшие участки — шириной 5 сажен при длине всего 10 сажен.²⁷ Для отвода земли под застройку требовалась челобитная на имя царя.

Для характеристики темпов строительства этого времени следует указать, что за весь 1712 г. на Адмиралтейском острове было отведено под застройку всего 55 участков.²⁸ Разумеется, в это число не вошли дома, построенные за счет казны (например, для «переведенцев»). Адмиралтейские слободы состояли из домов, построенных на небольших земельных участках разными категориями лиц, служивших в Адмиралтействе. Здесь были и офицеры, и солдаты, и матросы, и плотники, и конопатчики, и кузнецы, и корабельные мастера, и подьячие.²⁹ Приведенные сведения, почерпнутые из материалов архивов, хорошо сочетаются с описанием современника, вносят ряд интересных добавлений.

Адмиралтейский остров, так же как и Городской остров, был одним из основных участков городской застройки. На других островах и на Выборгской стороне в 1710—1711 гг. почти ничего еще не было построено. Говоря о Васильевском острове, автор «Описания» Петербурга сообщает лишь о двухэтажном (тогда еще деревянном) дворце Меншикова с большим садом и о трех ветряных мельницах для распиловки бревен, расположенных на стрелке острова. «На всем остальном пространстве, — говорится в «Описании», — этот остров (т. е. Васильевский, — С. Л.), имеющий до двух миль протяжения, еще покрыт кустарником, наиболее олешником, между которым пасутся коровы, лошади и мелкий скот, а иногда попадаются также и олени». На Петровском острове «нет ничего, кроме мелкой

²⁴ Описание Санктпетербурга и Кроншлота... Русская старина, т. XXXVI, стр. 45—47.

²⁵ Там же, стр. 47.

²⁶ ЦГАВМФ, ф. 176, № 87, лл. 218—226.

²⁷ ЦГАВМФ, ф. 176, № 62, л. 192.

²⁸ ЦГАВМФ, ф. 176, № 87, лл. 218—223.

²⁹ ЦГАВМФ, ф. 176, № 87, лл. 218—226.

поросли, пасущегося скота и тоже нескольких оленей».³⁰ Наконец, выше города по Неве «находится несколько кирпичных заводов и русских домов».³¹

«Описание» Петербурга 1710—1711 гг. дает очень картинное изображение города до начала работ по регламентации городской застройки. Оно несколько не преувеличивает действительного положения, как совершенно необоснованно утверждает П. Н. Петров. Автора скорее можно упрекнуть в известной неполноте описания, так как он перечисляет не все, что было построено в то время в Петербурге.

Если же мы обратимся к архивам, то увидим, что, согласно описи 1711 г., только на Адмиралтейском острове было около 300 дворов,³² следовательно, можно полагать, что во всем городе насчитывалось в это время 750—800 дворов. Что же касается численности городского населения, то здесь мы имеем лишь косвенные данные. В 1710 г. царским указом было предложено каждому из жителей города собрать по 100 камней, очевидно, для замощения улиц. Всего по расчетам царской администрации должно было быть собрано 826 400 камней.³³ Отсюда можно заключить, что в Петербурге в 1710 г. насчитывалось уже свыше 8 тысяч жителей; следовательно, это был довольно крупный населенный пункт, и утверждение П. Н. Столянского, что до 1712 г. Петербург еще не существовал как город,³⁴ лишено основания.

Присутствуя после Полтавской победы к большим работам по строительству новой столицы и стремясь строить город по-новому, Петр I должен был решить трудную задачу: как поступить с тем, что к этому времени было уже сделано на берегах Невы и что так мало отвечало основному замыслу? Начать ли все перестраивать или создавать новый город где-то в другом, пока еще свободном месте? Как мы увидим дальше, он принял за основу второе решение, однако одновременно взялся и за перестройку того, что было сделано раньше.

Был ли у Петра какой-либо определенный план строительства города? На этот вопрос академик И. Э. Грабарь отвечает утвердительно. По его мнению, «в деятельности Петра I по созданию Петербурга было несколько основных идей, которым он оставался верен до конца жизни». Эти идеи Грабарь видит в стремлении Петра создать город, ни в чем не похожий на неприятную ему Москву, застроить этот город каменными домами, сделать его похожим на города Западной Европы, особенно Амстердам.³⁵

Конечно, не из одного лишь желания сделать Петербург непохожим на Москву Петр затрачивал столько энергии и средств на внесение новых черт в застройку города. Как уже отмечалось во введении, строительство Петербурга тесно связано с другими реформами по преобразованию России. Перестраивая жизнь страны на новый лад, Петр I, естественно, стремился строить новую столицу в соответствии с представлениями того времени об идеальном городе. Изучая многочисленные, подчас противоречивые мероприятия Петра в отношении Петербурга, можно проследить его основной замысел:

³⁰ Описание Санктпетербурга и Кроншлота... Русская старина, т. XXXVI, стр. 47—48.

³¹ Там же, стр. 43.

³² ЦГАВМФ, ф. 176, № 62, лл. 206—225.

³³ ЦГАВМФ, ф. 1233, № 1, д. 274.

³⁴ П. Н. Столянский. Библиография Санктпетербурха. Рукопись. Хранится в Государственном музее истории Ленинграда.

³⁵ Русская архитектура первой половины XVIII века, стр. 95.

- 1) создать благоустроенный город с прямыми улицами, застроенными каменными, поставленными в линии домами, с большими садами, бульварами и целой системой каналов;
- 2) сделать водные магистрали (Неву, протоки, каналы) главными путями сообщения, а сам город возможно дальше выдвинуть в сторону моря;
- 3) всю застройку в городе подчинить строгой регламентации;
- 4) каждой группе населения отвести определенную часть городской территории;
- 5) организовать торгово-промышленное население в производственные объединения и сосредоточить управление городом в руках этой группы.

По всей вероятности, этот план сложился у Петра не сразу. Некоторые мысли могли возникнуть уже в процессе строительства, однако несомненна цельность всего замысла, который проводился в жизнь со свойственной Петру энергией.

Начало правительственных мероприятий по внесению элементов плановости в застройку новой столицы было положено еще в 1709 г., когда Петр I приехал в Петербург после Полтавской победы. Под 1709 г. в «Журнале или поденной записке» Петра имеется запись, что царь «во время бытности своей в Санктпетербурге учреждал многие гражданские дела и повелел построить церковь во имя святого Сампсона в память бывшей баталии Полтавской, также повелел строить свои забавные дома каменные изрядною архитектурною работою, украшать огороды и городовым строением поспешать, также указал умножить домов как для морских служителей, так и торговых, а господам министрам, генералам и знатым дворянам повелено тогда строить каменные палаты, тогда же указано строить пристани на Санктпетербургском острове, также и на Котлином острове гавань, пристани и магазейны».³⁶ С этого времени указы, посвященные застройке, заселению и благоустройству Петербурга, следуют один за другим.

Для успеха всего дела необходимо было быстро заселить новый город. Мы видели, что по числу жителей Петербург уже в 1710—1711 гг. был значительным населенным пунктом. Однако состав его населения не соответствовал тому, какой должен был бы быть в столице империи. В основном в городе жили военнослужащие флота и сухопутных частей. Дворян, купцов и ремесленников было немного. Не ожидая большого притока населения путем добровольного переезда, правительство решило осуществить заселение Петербурга в принудительном порядке и в первую очередь переселить туда представителей господствующих классов: дворянства и купечества, а также и необходимое число ремесленников.

Этим достигалась возможность решения сразу нескольких задач. Во-первых, заставляя переселяемых дворян и купцов строить себе дома и заниматься благоустройством города, правительство тем самым обязывало наиболее состоятельные круги населения России вкладывать свои средства в строительство Петербурга. Во-вторых, переселив большое число дворян и купцов и заставив их затратить огромные средства на строительство в Петербурге, правительство рассчитывало создать в них заинтересованность в существовании и процветании новой столицы, с которой у современников связывались все реформы Петра, вся его преобразовательная деятельность. Эта мысль хорошо выражена в одном из донесений французского дипломата де Лави, который пишет, что, заставляя дворян производить крупные затраты на постройку домов в Петербурге, Петр I

³⁶ Журнал или поденная записка..., ч. I, стр. 251—252. Петр I прибыл в Петербург 23 ноября 1709 г. и пробыл там до 7 декабря.

рассчитывает заинтересовать их в осуществлении своих планов не только при его жизни, но даже и после его смерти, ибо существует опасение, что преемник Петра вновь перенесет резиденцию в Москву и вернется к старым порядкам.³⁷ В-третьих, переселяя представителей наиболее состоятельных кругов купечества в Петербург, правительство тем самым способствовало развитию петербургской промышленности и торговли. В-четвертых, переселение в Петербург большого числа ремесленников создавало в городе постоянные кадры мастеровых людей разных специальностей, что содействовало как развитию промышленности Петербурга, так и строительству самого города и его благоустройству.

Массовое насильственное переселение на новые места не было для России новым делом. Достаточно вспомнить, например, что в 1699 г. в целях заселения Азовского края был издан указ: реку Битюг с землями передать в ведение Большого двorca и из Пошехонских сел переселить на новое место 2530 крестьянских и 20 бобыльских дворов.³⁸

Прежде чем начинать принудительное переселение в Петербург, необходимо было решить вопрос, где же будет находиться основной город? Как уже указывалось, Петру хотелось выдвинуть свою новую столицу возможно дальше в море. Именно из этих соображений он первоначально намеревался строить главную часть города на острове Котлине. Указ от 16 января 1712 г. о принудительном заселении этого острова после окончания войны не оставляет, на наш взгляд, никаких сомнений в этом отношении.

Указ гласил: «Объявить шляхетским тысячи домам, купетским лучшим пятистам, средним пяти же стам, рукомышленным всяких дел тысячи домам (из которых половина те, которые заводы имеют, яко кожевники и прочие), что им жить на Котлине острове по скончании сей войны, и даны им будут дворы готовые за их деньги, а шляхетству дворы и земли под деревни (последние без денег), и кой час будет даст бог мир, тотчас будут переведены, и для того сказывают заранее, чтоб никто неведением не отговаривался, и для того, кто хочет, чтоб на первой приезд в Петербурге строили себе некоторое строенье; и сей выбор людей надлежит без поманки выбрать под потеряннем живота, чести и пожитков, кто недостойных в сей перевод напишет».³⁹

Таким образом, переселению подлежали 1000 знатнейших дворян, 1000 купцов (500 из числа наиболее состоятельных и 500 из среднего купечества) и 1000 ремесленников (из них половина такие, которые имели свои «заводы»), а всего 3000 семей. Всем им предлагалось переехать на остров Котлин после окончания войны и поселиться в построенных для них государством, но за их счет, домах. Следовательно, основной город предполагалось создавать именно на острове Котлине, а на берегах Невы желающим из переселенцев разрешалось лишь строить себе «некоторое строение» на случай приезда в Петербург еще во время войны.

В развитие царского указа Сенатом был утвержден 4 августа 1712 г. список дворян, намеченных к переселению на остров Котлин. Из этого списка видно, что переселению подлежали самые знатнейшие дворяне. Список открывался фамилиями сенаторов: Я. Ф. Долгорукий, И. А. Мусин-Пушкин, Т. Н. Стрешнев, П. А. Голицын, М. В. Долгорукий, Г. А. Племяников, Г. И. Волконский, М. М. Самарин, В. А. Апухтин, А. Я. Шу-

³⁷ Письма де Лави французскому Министерству иностранных дел. Сборник РИО т. XXXIV, СПб., 1881, стр. 118.

³⁸ М. М. Богословский. Петр I, т. IV. М., 1948, стр. 282.

³⁹ ПСЗ. т. IV, № 2467. п. 14.

кин. Далее следовали: бояре П. И. Прозоровский, М. Г. Рамодановский, Ю. С. Урусов и др., кравчие, окольные и т. д. Всего в списке значилось 1212 человек.⁴⁰

Историки Петербурга обычно оставляют без внимания указы от 16 января и 4 августа 1712 г., мало понятные с точки зрения последующей истории Петербурга. На первый взгляд кажется, что эти указы противоречат всем другим распоряжениям о застройке и заселении Петербурга и являются каким-то странным эпизодом в истории нашего города.

Между тем это совсем не так. Петр никогда не стремился создавать Петербург как компактное целое. С первых лет своего существования, как мы уже видели, город по указанию царя строился одновременно в нескольких местах вдоль водных магистралей: на Петроградской стороне, на Адмиралтейской стороне, на Васильевском острове и т. д. Несколько позднее стали застраиваться Московская сторона, Выборгская сторона. Своей разбросанностью Петербург резко отличался от средневековых городов. В этом проявилась особенность Петра как градостроителя, уделявшего основное внимание водным путям сообщения. Нет ничего удивительного, что, когда встал вопрос о том, где же строить основной город, который надлежало застраивать по-новому и в котором должны были жить наиболее знатные и наиболее состоятельные люди страны, местом для него был избран остров, находящийся ближе всего к устью Невы, но расположенный уже в море. Возможно, что этой мерой Петр рассчитывал приучить к мореплаванию население города.

Застройкой острова Котлина по существу давалось начало совсем новому городу, потому что расстояние от Петербурга до этого острова достаточно велико. Поэтому Петербург, казалось, должен был прекратить свое существование. Однако едва ли оба города противопоставлялись друг другу, и Петр никогда не собирался уничтожать то, что уже было построено на Неве. В городе на острове Котлине намечалось поселить основное население столицы: дворян, купцов, более богатых ремесленников.⁴¹ На берегах Невы, где находились Адмиралтейство и Петропавловская крепость, предполагалось оставить жить всех работающих в Адмиралтействе, военнослужащих Петербургского гарнизона, гвардейские полки и некоторые другие категории населения.

В фондах отдела рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР имеется проект планировки города на острове Котлине. На проекте изображен город, прорезанный сеткой прямоугольных каналов и занимающий почти всю территорию острова (рис. 4). Общее число дворов в городе — 7278, ширина каналов — 60 футов (18,3 м), улиц — 50 футов (15,2 м). Большое число дворов говорит о том, что на острове Котлине намечалось построить очень крупный для того времени город. Достаточно указать, что (как мы увидим далее) к концу первой четверти XVIII в. в Петербурге насчитывалось лишь около 6000 дворов, считая и такие отдаленные окраины, как Охта. Несомненно сходство проекта планировки города на острове Котлине с последующими проектами планировки Васильевского острова, разработанными в то время, когда Васильевский остров уже рассматривался как центр города (см. рис. 8). Все это говорит о том, что перед нами проект не простого города, а столицы государства.

⁴⁰ Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем сенате в царствование Петра Великого, т. II, кн. II. СПб., 1883, стр. 100—112.

⁴¹ В приводившемся нами выше тексте указа от 16 января 1712 г. прямо говорилось, что эти категории населения будут жить на острове Котлине после окончания войны.

Дата составления проекта остается неясной. Судя по водяному знаку на бумаге, можно заключить, что эта бумага была выделана в первом десятилетии XVIII в. Подобный (хотя и несколько отличающийся в деталях) водяной знак, по данным Н. П. Лихачева, был обнаружен на грамоте Петра 1709 г. Из этого можно заключить, что интересующий нас план был составлен около 1709 г. Вероятнее всего, что дата составления проекта соответствует дате известного уже нам указа 1712 г. о переселении на остров Котлин семей дворян, купцов и ремесленников. По-видимому, одновременно с указом был разработан и проект планировки будущей столицы.⁴²

Несомненно, что идея строительства столицы на острове Котлине была нежизненна. Ставить под постоянную угрозу нападения врага основное население города, создавать на маленьком островке столицу огромного государства, расположенного на материке, было, конечно, абсурдно. Это была одна из надуманных идей Петра, от которой ему пришлось отказаться очень скоро.

Северной войне не предвиделось конца, а между тем со строительством города ждать было уже нельзя. И Петр решает часть людей, намеченных к поселению после окончания войны на острове Котлине, переселить немедленно в Петербург. 17 марта 1714 г. последовал царский указ об обязательном переезде в Петербург на жительство четвертой части намеченных к переселению дворян и купцов.⁴³ На основании этого распоряжения царя Сенатом был составлен известный указ от 3 июня 1714 г. «О строении в Санктпетербурге домов палатным людям, царедворцам, купечеству и ремесленникам».

Указ предлагал 350 дворянам, имеющим 100 и более крестьянских дворов, 300 купцам из числа «первостатейных» и «средних пожиточных» и 300 «мастеровым людям всех художеств» построить себе до зимы дома в Петербурге, а зимой переехать в них жить.⁴⁴ Сенат утвердил именной список переселяемых дворян, который в сокращенном виде повторял список тех дворян, кому следовало после войны жить на острове Котлине.⁴⁵ Списки переселяемых купцов и ремесленников было приказано составить непосредственно в губерниях.⁴⁶

Таким образом, речь шла уже о застройке самого Петербурга, причем намечалось за один сезон выстроить 950 домов. Впрочем, мысль о городе на острове Котлине не была еще окончательно оставлена. Правительство решило лишь строить здесь дома постепенно и строить только одни каменные дома, а не деревянные. Указом 10 марта 1714 г. эта обязанность возлагалась на все губернии Русского государства. Полагалось с каждой из 5 доль строить ежегодно на острове Котлине один каменный дом, а так как в России в то время насчитывалось $146\frac{7}{10}$ долей,⁴⁷ то в год должно

⁴² С. П. Луппов. Неосуществленный проект петровского времени строительства новой столицы России. Труды Библиотеки АН СССР и Фундаментальной библиотеки общественных наук АН СССР, т. III, М.—Л., 1957.

⁴³ ПСЗ, т. V, № 2788. По-видимому, позднее Петр распорядился переселить не четвертую, а третью часть людей. По крайней мере в указе Петра Сенату от 8 февраля 1716 г. говорится: «Которым уже определено третьей части всякого чина людем селитца в Питербурхе, и тех принуждайте, дабы они скорая строились» (Сборник РИО, т. XI, СПб., 1873, стр. 305).

⁴⁴ ПСЗ, т. V, № 2817.

⁴⁵ Доклады и приговоры..., т. IV, кн. I, СПб., 1888, стр. 441—445.

⁴⁶ Там же, стр. 537—538.

⁴⁷ Там же, стр. 206, 378. Доля — территориальная единица (5536 дворов), входившая в состав губернии, установлена Петром I в 1710 и упразднена в 1720 г.

было строиться около 30 домов. Сенат принял меры по обеспечению строительства материалами и работными людьми.⁴⁸

С жилищным строительством на острове Котлине правительство, таким образом, не очень-то торопилось, в то же время в Петербурге работы шли значительно быстрее. Еще за 4 года до переселения в Петербург дворян, купцов и ремесленников (согласно указу от 3 июня 1714 г.) правительство Петра I распорядилось выслать в новую столицу «на вечное житье» мастеровых людей для обеспечения работ по строительству как самого города, так и военных кораблей. Всего по указу 1710 г. было намечено к переселению в Петербург 4720 семей.⁴⁹ Для всех переселяемых или «переведенцев», как их тогда называли, были построены дома за счет казны. Стоимость постройки такого дома составляла немногим более 30 руб.⁵⁰

Так возникли поселения «мастеровых людей» в разных частях города. В «Переведенских слободах» на Адмиралтейском острове, находившихся в районе нынешней улицы Плеханова, жили «переведенцы», закрепленные за Адмиралтейством; каменщики, подведомственные Канцелярии городских дел, жили на Петроградской стороне.⁵¹ Очень многие из переведенцев были поселены за городом вблизи тех заводов по производству строительных материалов, на которых они работали.

Гораздо более интенсивное жилищное строительство развернулось с 1714 г. (после указа от 3 июня 1714 г.). В своей диссертации о застройке Петербурга первой половины XVIII в. Л. Р. Куракин дает сведения о числе дворов, построенных в Петербурге с 1703 по 1717 г., используя для этого «Табель из переписных книг» петербургских строений 1717 г., хранящийся в Центральном государственном историческом архиве в Москве.⁵² Цифры, приводимые Куракиным, могут быть сгруппированы в табл. 1.

Таблица 1

Части города	Число дворов, построенных за отдельные годы															Итого дворов в Петербурге в 1717 г.	
	1703	1704	1705	1706	1707	1708	1709	1710	1711	1712	1713	1714	1715	1716	1717		неизвестно, в каком году
Петербургский остров	—	15	6	18	2	12	23	41	209	135	139	222	172	194	142	332	1660
Адмиралтейский остров	12	24	7	4	9	7	26	28	35	87	128	205	481	323	142	169	1723
Московская сторона	—	—	—	—	—	—	—	2	45	18	58	138	161	12	17	64	515
Выборгская сторона	—	—	—	—	—	—	126	18	7	135	10	26	6	—	—	22	350
Итого	12	39	13	22	11	19	175	89	296	375	335	591	820	529	301	418	4248

В табл. 1 точными можно считать лишь цифры последнего столбца, соответствующие действительному положению застройки в 1717 г. Они

⁴⁸ Доклады и приговоры..., т. IV, кн. I, стр. 502; ПСЗ, т. V, № 2808.

⁴⁹ Доклады и приговоры..., т. II, кн. II, стр. 216.

⁵⁰ В 1715 г. Приказ артиллерии сдал подряд на постройку 20 крытых дражкой изб для мастеровых людей по цене 34 руб. 50 коп. за каждую избу (АИМ, ф. 2, оп. 1. № 179, лл. 123—124).

⁵¹ П., Н. Петров, ук. соч., стр. 97.

⁵² Л. Р. Куракин, ук. дисс., стр. 49, 51, 53, 56, 57.

очень незначительно расходятся с теми данными, которые приводятся в «Объяснении к историческим планам столичного города Санктпетербурга с 1714 по 1839 год», опубликованном в 1843 г. и составленном на основании тех же архивных источников.⁵³ Это видно из табл. 2.

Таблица 2

Части города	Число дворов в 1717 г.	
	по данным «Объяснения к историческим планам»	по данным Куракина
Петербургский остров	1679	1660
Адмиралтейский остров	1727	1723
Московская сторона	534	515
Выборгская сторона	345	350
Итого без Васильевского острова	4285	4248

Что же касается числа дворов, построенных за тот или иной год, то эти цифры Куракина нельзя считать точными, так как, во-первых, год постройки большого числа дворов неизвестен (и они занесены поэтому в особую графу), а во-вторых, Куракин не учел того, что в его распоряжении были данные, относящиеся лишь к тем дворам, которые сохранились до 1717 г. Между тем очень многие из первоначальных построек были скоро снесены как неудовлетворявшие архитектурным и противопожарным требованиям правительства или же были перенесены на новые места в связи с планировочными мероприятиями.

Вследствие этого цифры Куракина явно преуменьшены, в особенности для первых лет существования Петербурга. И действительно, трудно поверить, что в 1705 г. во всем городе было построено лишь 13 домов, а в 1706 г. — лишь 22, когда у нас есть сведения, что в 1706 г. было приступлено к строительству 120 домов для офицеров морского флота. Помимо того, строились избы для мастеровых людей.⁵⁴

Если сравнить сведения Куракина с данными, полученными из архивов, то будет большое расхождение. Так, по переписи 1711 г. на Адмиралтейском острове значилось 297 дворов,⁵⁵ из цифр же, приведенных Куракиным, вытекает, что к этому году на Адмиралтейском острове было построено лишь 152 двора, т. е. на 145 дворов меньше, чем было в действительности. Это объясняется тем, что часть из числа этих 145 дворов оказалась занесенной в графу «неизвестно, в каком году построенных», другая часть к 1717 г. была уже снесена или перенесена на новое место.

Данные, приводимые Куракиным, могут дать лишь некоторое представление о темпах застройки города. Мы видим, что начиная с 1711 г. и, особенно, с 1714 г. эти темпы быстро возрастают, достигнув в 1715 г. рекордной цифры — 820 дворов. Всего же в 1717 г. в Петербурге (за исклю-

⁵³ Объяснение к историческим планам столичного города Санктпетербурга с 1714 по 1839 год. СПб., 1843. стр. 10—40.

⁵⁴ Указы и письма императора Петра I к московскому коменданту, а потом сибирскому губернатору кн. М. П. Гагарину Сборник РИО, т. XI, стр. 135.

⁵⁵ ЦГАВМФ, ф. 176, № 62, лл. 206—225.

чением Васильевского острова, на котором не производилась перепись строений) было уже 4285 дворов, а с учетом Васильевского острова (где было еще мало построек) — предположительно около 4500 дворов.

Таким образом, всего лишь за 6 лет (с 1711 по 1717 г.) число дворов в Петербурге увеличилось в $5\frac{1}{2}$ —6 раз. На основании этого можно заключить, что указ от 3 июня 1714 г. не остался пустым звуком и что значительное число лиц, которым положено было жить в Петербурге, действительно построили себе в нем дома, правда, не в такой короткий срок, как этого хотело правительство. Переселение, начавшееся в 1714 г., продолжалось не только в 1715 г., но и в 1716 г. Вебер в своей книге о петровской России говорит о нескольких сотнях семейств дворян, переселенных зимой 1716 г. в Петербург.⁵⁶ Очень характерно, что интенсивное строительство в Петербурге началось после 1714 г., т. е. после Гангутской победы (27 июля 1714 г.).

Как же выглядел Петербург в 1717 г., какие изменения произошли в его постройке за 6 лет интенсивного строительства, мы можем видеть из подробного описания города 1716—1717 гг.⁵⁷

В Петропавловской крепости продолжались работы по выведению каменных бастионов и стен взамен земляных и, по словам автора, «Карельская сторона» крепости (т. е. та, которая обращена к суше) была закончена. Внутри Петропавловской крепости велось строительство каменного Петропавловского собора, колокольня которого, как сообщается в «Описании», «уже доведена до стропил». Из двух крепостных ворот широко известные Петровские ворота были закончены и украшены скульптурой.

На соседнем Городском острове находилась центральная городская площадь (нынешняя площадь Революции). Здесь стояла деревянная Троицкая церковь,⁵⁸ двухэтажное мазанковое здание Гостиного двора. На площади же стояло недавно построенное мазанковое здание Сената, в котором позднее разместились и коллегии (до этого Сенат, переведенный из Москвы в конце 1713 г., помещался в деревянном доме внутри Петропавловской крепости). Здесь же на площади находились австерия (трактир) и типография, занимавшая здание образцового мазанкового дома. Дома приближенных Петра, стоявшие на Петровской набережной, были еще деревянными, кроме каменного дома канцлера Г. И. Головкина, находившегося на стрелке Петроградской стороны в том месте, где от Невы отходит Большая Невка, и ошибочно приписываемого автором «Описания» князю М. П. Гагарину.⁵⁹ Другие владельцы домов на Петровской набережной только еще собирались приступить к постройке каменных домов взамен деревянных.

Некоторые дополнительные сведения о застройке Петроградской стороны дает нам опись строений Городского острова 1713 г., которую приводит в своей «Истории Санкт-Петербурга» П. Н. Петров. Дома сподвижников Петра I тянулись не только по Петровской, но и по нынешней Петроградской набережной. Между этими домами находилось и то здание, в котором помещалась Канцелярия городских дел. За линией домов на нынешней Петровской набережной, как мы уже знаем, проходила Дворян-

⁵⁶ Записки Вебера. Русский архив, год десятый, 1872, стр. 1426.

⁵⁷ *Eigentliche Beschreibung der an der Spitze der Ost-See neu-erbaueten russischen Residentz-Stadt St.-Petersburg...* Приводимые в дальнейшем цитаты взяты из сделанного нами перевода этого описания на русский язык.

⁵⁸ Отсюда старое название площади — Троицкая.

⁵⁹ А. Богданов, ук. соч., стр. 158.

екая улица, где также жила знать, еще далее вглубь острова шли улицы, заселенные мастеровыми людьми, торговцами, ремесленниками и т. д. Весь этот участок города был обнесен палисадом,⁶⁰ так как вся северная часть острова была еще не застроена.

К западу от Кронверка находился второй большой участок застройки Петроградской стороны, тяготевший к Малой Неве.⁶¹ На нынешней Мытнинской набережной стоял так называемый Мытный двор — большое четырехугольное, покрытое дранкой здание, внутри которого шла бойкая торговля всем, «что употребляется для домашнего хозяйства» (крупы, сало, посуда и т. д.), а также размещались склады муки. По соседству с Мытным двором стояло деревянное здание бойни, расположенное над водой на сваях. Вдоль течения Малой Невы находилась, как сообщает автор «Описания», Русская слобода. Там жили «только незначительные люди, за исключением мест на берегу реки, как дом вице-губернатора... и некоторых других служащих канцелярии. Также там вновь помещается Губернская канцелярия... после того как прежняя на Княжеском острове сгорела до основания зимой 1716 года».⁶²

По данным переписи строений 1713 г., в этой части города, помимо служащих Губернской канцелярии, жили также каменщики-переведенцы, различного рода мелкие служащие. Здесь же находились солдатские слободы Белозерского, Выборгского и Пермского полков.⁶³ К этой части города тяготел и Татарский рынок, расположенный против Кронверка, а также соседняя с ним Татарская слобода, где жили татары, калмыки и «всякие другие нации, каждая на свой лад». На Аптекарском острове в это время уже существовал Аптекарский огород (впоследствии Ботанический сад), про который автор «Описания» 1716—1717 гг. пишет, что этот «огород» занимал большую территорию, но не имел еще «особых достопримечательностей».⁶⁴

Из сделанного краткого описания Петроградской стороны видно, что по сравнению с 1711 г. застройка Городского острова к 1717 г. довольно сильно подвинулась на север от Невы. На этом острове уже было много общественных зданий (Сената, Канцелярии городских дел, Губернской канцелярии, Мытного двора, Гостиного двора, типографии и др.) и хороших домов знати. На Городском острове, как мы уже знаем, в это время насчитывалось свыше 1600 дворов, однако в подавляющем большинстве это были маленькие деревянные домишки. За исключением набережных Большой и Малой Невы, Большой Невки, а также Дворянской улицы все остальные улицы были застроены главным образом домами простых людей: ремесленников, мелких служащих, солдат, мелких торговцев и т. д. Не плохая характеристика населения Городского острова может быть дана на основании цифр, приводимых в диссертации Куракина,⁶⁵ если их сгруппировать в табл. 3.

Как видно из табл. 3, основную часть населения составляли военнослужащие (главным образом солдаты) Петербургского гарнизона, за ними

⁶⁰ Палисад шел от Кронверка к тому месту, где сейчас пересекаются Кировский и Большой проспекты, затем он поворачивал на восток к Большой Невке (П. Н. Петров, ук. соч., стр. 98).

⁶¹ На плане Петербурга 1715—1716 г. (рис. 8) хорошо видны две основные группы застройки Петроградской стороны.

⁶² *Eigentliche Beschreibung...*, стр. 41—42.

⁶³ П. Н. Петров, ук. соч., стр. 96—98.

⁶⁴ *Eigentliche Beschreibung...*, стр. 39—43.

⁶⁵ Л. Р. Куракин, ук. дисс., стр. 49.

Таблица 3

Категории населения, которым принадлежали дворы на Городском острове	Число дворов	В % к общему количеству дворов
Знать и члены царской семьи	102	6.1
Офицеры	140	8.5
Унтер-офицеры и солдаты	724	43.6
Мастеровые люди, мелкие служащие и торговцы	672	40.5
Духовенство	22	1.3
Итого	1660	100%

следовали мастеровые, мелкие служащие и торговцы. Домов, принадлежащих знати и духовенству, в процентном отношении к общему количеству было немного.

Основной город в это время находился уже на противоположной стороне реки. Здесь застройка также тяготела к реке, раскинувшись на огромном протяжении от нынешнего района Смольного до устья Мойки. Большая протяженность города особенно удивляла автора «Описания» 1716—1717 гг., который пишет, что длина Петербурга составляет «добрую немецкую милю», а ширина несколько меньше.

Новым участком города была «Московская сторона», или та часть Петербурга, которая находилась за Фонтанкой. Застройка здесь началась значительно позднее, чем на Адмиралтейском и Городском островах, но к 1717 г. набережная Невы, начиная от истоков Фонтанки по направлению к Смольному, была уже застроена на большом протяжении хорошими домами, принадлежавшими знати. Среди этих домов многие были каменные или мазанковые и покрыты черепицей — дома царевича Алексея Петровича, царевны Натальи Алексеевны, царицы Марфы Матвеевны и др. Ниже по Неве у нынешнего Литейного моста находился Литейный двор (в котором отливались пушки), построенный под руководством В. Генина, тут же был и дом руководителя артиллерийского ведомства генерал-фельдцейхмейстера Я. В. Брюса. Дома знати стояли не только по набережной Невы, но и в первой параллельной ей линии.

В следующих улицах (дальше от реки) жили незнатные люди: мастеровые люди, мелкие служащие дворцовых ведомств и т. д., а также и торговцы. Этот участок города автор «Описания» называет Русской слободой. Дома здесь, по его словам, сделаны сплошь из дерева и покрыты дранкой или горбылем, закрепленными парой поперечных планок. Некоторые жители для лучшей защиты от дождя настилали под горбыль березовую кору. Другие сверх щепы укладывали дерн, который выглядел на каждом здании как маленький зеленый луг. На левом берегу Фонтанки, против Летнего сада, в 1717—1718 гг. строилась Партикулярная верфь, имевшая своим назначением постройку судов для частных лиц. За Фонтанкой начинался уже Адмиралтейский остров.

Состав населения Московской стороны заметно отличался от населения Городского острова, как это видно из табл. 4, составленной на основании данных диссертации Куракина.⁶⁶

⁶⁶ Л. Р. Куракин, ук. дисс, стр. 51.

Таблица 4

Категории населения, которым принадлежали дворы на Московской стороне	Число дворов	В % к общему числу дворов
Знать и члены царской семьи	102	19.8
Офицеры	40	7.8
Унтер-офицеры и солдаты	68	13.2
Мастеровые люди, мелкие служащие, торговцы	275	53.4
Духовенство	30	5.8
Итого	515	100%

Если на Городском острове знати принадлежало относительно очень небольшое число дворов (6.1%), то на Московской стороне дворы знати составляли уже пятую часть, а вместе с офицерскими даже более четвертой части общего количества дворов. В то же время в этом районе города жило много мастеровых, торговцев, мелких служащих. Этой категории населения принадлежало более половины всех дворов. Для Московской стороны характерно также то, что здесь жило сравнительно немного военно-служащих. Общее число дворов на Московской стороне было в 3 с лишним раза меньше, чем на Городском острове.

Гораздо более населен был Адмиралтейский остров, несмотря на то, что значительный участок его был занят царскими садами. Летний сад царя, находившийся у истоков Фонтанки, по словам автора «Описания» Петербурга 1716—1717 гг., «разбит очень хорошо, против чего трудно что-либо сказать», особенно поразило его то, что в саду растут дубовые деревья, которые в этой части России не встречаются. Таким образом, пишет автор, «старанием можно достигнуть всего». Летний дворец был в это время уже каменный.⁶⁷ По соседству с Летним садом (на месте нынешнего Инженерного замка) был разбит сад царицы, здесь же находился и ее деревянный летний дом.

На запад от большого луга (нынешнее Марсово поле) начиналась уже основная застройка Адмиралтейского острова. От мазанкового здания Почтового двора (который находился на месте Мраморного дворца и использовался и как трактир, и как гостиница, и как место для празднеств) до Адмиралтейства набережная Невы была застроена хорошими домами, принадлежавшими знати. Здесь был и каменный Зимний дворец Петра (так называемый Второй зимний дворец), и дома Ф. М. Апраксина, вице-адмирала К. Крюйса, А. В. Кикина и др.

Хорошие каменные дома стояли также на берегу Красного канала, окаймлявшего Марсово поле со стороны, противоположной Летнему саду (где сейчас стоит здание Электроток). Среди этих домов выделялся дом генерала А. А. Вейде. Все пространство между Невой и Мойкой выше Адмиралтейства было уже застроено. Здесь, наряду с русскими, жило много иностранцев, особенно немцев, для которых были построены тут деревянные здания кирки и костела. Внутренние кварталы состояли из крохотных домишек, теснившихся в беспорядке на небольшой территории. В этом месте своего «Описания» Петербурга автор с удивлением отмечает, что улицы этого города еще не имеют названий. Поэтому, чтобы объяснить

⁶⁷ *Eigentliche Beschreibung...*, стр. 24—25.

друг другу местонахождение той или иной улицы, жителям приходится называть имена живущих поблизости людей.

Здание Адмиралтейства в 1717 г. окружал уже ров с водой. Вблизи от Адмиралтейства не разрешалось что-либо строить. Поэтому здесь образовался большой луг, на котором складывались строительные материалы (лес) и запасы болших якорей. Ниже Адмиралтейства стояла деревянная Исаакиевская церковь, а за ней (примерно там, где сейчас находится здание Центрального исторического архива) — постоянный двор князя Меншикова — длинное мазанковое здание, крытое черепицей. В нем жили мастеровые люди из иностранцев, за проживание которых Меншиков получал от казны плату. Далее по Неве застройки еще не было. Берег реки здесь был недавно укреплен забивкой шпунтовых свай, и дома предполагалось строить в непосредственной близости от воды.⁶⁸ Недалеко от устья Мойки находилась галерная верфь (построена в 1713 г.).⁶⁹

За исключением луга у Адмиралтейства почти все остальное пространство между Невой и Мойкой было застроено. Здесь находился целый ряд слобод: Морские, Шневенская и др. В первой «линии» от Адмиралтейства: и по Мойке стояли дома более состоятельных людей, во внутренних кварталах в маленьких домишках жили мастеровые люди, работавшие в Адмиралтействе, главным образом русские. Позади мазанкового постоянного двора Меншикова находился адмиралтейский канатный двор; где изготовлялись канаты для флота. Поблизости жили медники, а несколько ниже по реке — большая адмиралтейская кузница, в которой было около 30 горнов.

Застройка продолжалась и за Мойкой. По самой речке стояли дома знати: Ф. М. Апраксина, А. В. Кикина, А. А. Матвеева и других, а далее снова шли слободы простых людей, главным образом переведенцев, в ряде мест доходившие до речки Кривуши (нынешний канал Грибоедова). Кое-где застройка подошла даже к нынешней Садовой улице, но таких участков было немного. На Адмиралтейском острове находилось несколько рынков: Морской, Шневенский и др. Адмиралтейский остров был самой заселенной частью города. Здесь насчитывалось в 1717 г. (по данным уже знакомой нам описи строений) свыше 1700 дворов. Несмотря на то, что правительственные учреждения помещались на Петроградской стороне, Адмиралтейский остров уже в это время явно становился важнейшим городским районом. Здесь жил царь и почти все крупнейшие его сановники.

Выборгская сторона в 1716—1717 гг. была застроена довольно слабо. Мазанковое здание госпиталя еще строилось.⁷⁰ По соседству с госпиталем находились склады, пивоваренный завод и некоторые другие здания. В этой же части города размещался батальон Канцелярии городских дел, а также стояли домишки мастеровых людей, мелких служащих и т. д. Застройка тянулась узкой полосой вдоль Невы. Автор «Описания» Петербурга 1716—1717 гг. ничего не сообщает о Выборгской стороне, считая ее, по-видимому, второстепенной частью города. Впрочем здесь, помимо домов

⁶⁸ Шпунтовые сваи были забиты в пределах города вдоль всего левого берега Невы ниже Почтового двора. Шпунтовая свая — тщательно обгесанный брус, имеющий на одной стороне продольную выемку (паз), а на противоположной стороне — шпунт или гребень. При забивке свай шпунт входит в паз соседней, ранее забитой, сваи, чем достигается плотность забитого ряда.

⁶⁹ П. Н. Столпянский. Жизнь и быт петербургской фабрики..., стр. 50.

⁷⁰ Мазанковое здание госпиталя на каменном фундаменте было построено в 1717—1719 гг. В 1719 г. велено было его разобрать и строить каменное. Как видно, работы по постройке каменного здания госпиталя шли успешно, так как уже в 1721 г. его начали крыть гонтом (ЦГИАЛ, ф. 467, оп. 484/1446, кн. 10, ч. 2, № 50, лл. 265—272; оп. 73/187, кн. 17, № 85, л. 404).

простого люда, имелись земельные участки, отведенные знати под строительство загородных дач. По составу населения Выборгская сторона мало чем отличалась от Городского острова, как это видно из табл. 5.⁷¹

Как и Выборгская сторона, Васильевский остров в 1716—1717 гг. был еще мало застроен. Здесь автор «Описания» отмечает расположенный на набережной Большой Невы роскошный каменный крытый железом (окрашенным в розовый цвет) дворец князя А. Д. Меншикова с великолепным садом позади дома, а также стоявшие по соседству: мазанковую церковь с курантами, построенную Меншиковым, и очень хороший каменный крытый железом дом княжеского маршалка Соловьева. Все эти здания изображены на одном из рисунков Марселиуса (рис. 5).

Остальные, еще немногочисленные тогда здания были построены из дерева и многие покрыты черепицей. Застройка Васильевского острова еще очень недалеко вдавалась в глубь острова. В это время был уже решен

Таблица 5

Категории населения, которым принадлежали дворы на Выборгской стороне	Число дворов	В % к общему количеству
Знать и члены царской семьи	6	1.7
Офицеры	20	5.7
Унтер-офицеры и солдаты	151	43.1
Мастеровые, мелкие служащие, торговцы	163	46.6
Духовенство	10	2.9
Итого	350	100%

вопрос о строительстве центра города на Васильевском острове,⁷² поэтому многие ранее выстроенные дома подлежали сносу, чтобы уступить место на берегу реки каменным домам знати. В 1717 г. на набережной Невы строились каменные дома П. Апраксина, царицы Прасковьи Федоровны, вице-губернатора Клокачева, генеральши Полонской, поручика Арсеньева, сибирского царевича.⁷³ Переносу подлежали также и стоявшие на стрелке Васильевского острова лесопильные ветряные мельницы. По линии нынешнего Большого проспекта на Васильевском острове проходила широкая просека-аллея, в конце которой на берегу моря стоял деревянный дом с башней, служившей маяком подходящим к Петербургу кораблям. По берегу Малой Невы (нынешняя набережная Макарова) жили архитекторы, садовники и мастеровые князя Меншикова. Остальная часть Васильевского острова и в 1716—1717 гг. была еще в зарослях.

Сделанное нами краткое описание петербургской застройки показывает, что в 1716—1717 гг. новая столица, раскинувшаяся на большой территории, оставалась в основном еще деревянным городом, построенным далеко не регулярно. Неширокие, часто незамощенные, а подчас кривые улицы, неукрепленные набережные, небольшие дома, крытые дранкой или тесом, а поверх них дерном, очень кучно расположенные в сухих местах, большое количество пустырей на участках города, еще не осушенных, случайность

⁷¹ Л. Р. Куракин, ук. дисс, стр. 53.

⁷² См. об этом на стр. 36.

⁷³ ЦГАДА, ф. 9, отд. II, кн. 33, л. 165.

расселения на городской территории различных категорий жителей — все это было очень далеко от картины идеального города, задуманного Петром.

К этому времени Петр уже окончательно отказался от мысли о строительстве основной части города на острове Котлине, облюбовав место для центральной части Петербурга на Васильевском острове. Таким образом, отказавшись от мысли выдвинуть свою столицу прямо в море, он решил строить ее на том острове, который расположен к морю ближе всего. Любопытно, что первоначально Васильевский остров играл такую незначительную роль в планах Петра,⁷⁴ что он подарил этот остров князю Меншикову, построившему здесь себе дворец.⁷⁵ Однако, когда планы царя изменились, он не постеснялся отобрать Васильевский остров у своего любимца.

По всей вероятности, решение строить центр города на Васильевском острове созрело у Петра в конце 1715 г. 4 ноября этого года на вопрос князя А. М. Черкасского, возглавлявшего Канцелярию городских дел, где отводить место под застройку «купецким людям», Петр написал: «На Васильевском острове, а строения — мазанки или каменные».⁷⁶ Это был первый указ о застройке Васильевского острова, за ним последовали и другие. Уже с апреля 1716 г. основному населению города места под застройку отводились только на Васильевском острове.⁷⁷ В том же году был составлен (по-видимому, архитектором Д. Трезини) проект застройки Петербурга; в этом проекте воплощалась любимая идея Петра — идея строительства города, прорезанного сетью каналов, наподобие амстердамских. Каналы должны были пересекать Васильевский остров по направлению его нынешних проспектов и линий (см. рис. 8).⁷⁸ В следующем году архитектор Ж. Б. Леблон составил новый проект планировки Васильевского острова, однако строительство продолжалось по чертежу Трезини.⁷⁹

Вплоть до 1719 г. застройка Васильевского острова шла очень медленно, несмотря на то, что теперь этому вопросу уделялось правительством большое внимание. Поэтому, для того чтобы скорее осуществить намеченный план, было решено прибегнуть к мерам принуждения и сделать застройку Васильевского острова повинностью всей страны. По указу от 12 февраля 1719 г. обязанность строить дома на Васильевском острове была возложена на дворян (имевших свыше 40 крестьянских дворов) и купцов. Размер участка, отводившегося под застройку, определялся для дворян в зависимости от числа крестьянских дворов, которыми они владели, для купцов — в зависимости от величины тягла «с десятой деньги», которое они уплачивали в казну.⁸⁰

⁷⁴ Отсутствие интереса у Петра к Васильевскому острову в первые годы существования Петербурга объясняется, по-видимому, тем, что освоение этого низменного, заросшего лесом острова представлялось очень трудным делом.

⁷⁵ П. Пекарский. Петербургская старина. Современник, т. LXXXII, СПб., 1860, стр. 177.

⁷⁶ ПСЗ, т. V, № 2951. П. Н. Петров в своей «Истории Санкт-Петербурга» указывает, что еще в 1714 г. майором Лепинасом был сделан чертеж Васильевского острова с указанием промеров глубины воды в Большой и Малой Неве (П. Н. Петров, ук. соч., стр. 114). Этот факт не дает, однако, основания считать, что решение о застройке центра города на Васильевском острове было принято еще в 1714 г.

⁷⁷ ПСЗ, т. V, № 3019.

⁷⁸ Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия первой четверти XVIII в. Преобразование Петра. М., 1954, стр. 754.

⁷⁹ Письма де Лави французскому Министерству иностранных дел. Сборник РИО, т. XXXIV, стр. 115, 223.

⁸⁰ ПСЗ, т. V, № 3305. Десятая деньги — чрезвычайный налог, взимаемый с торговых людей, имевших доход не менее 10 руб. в год.

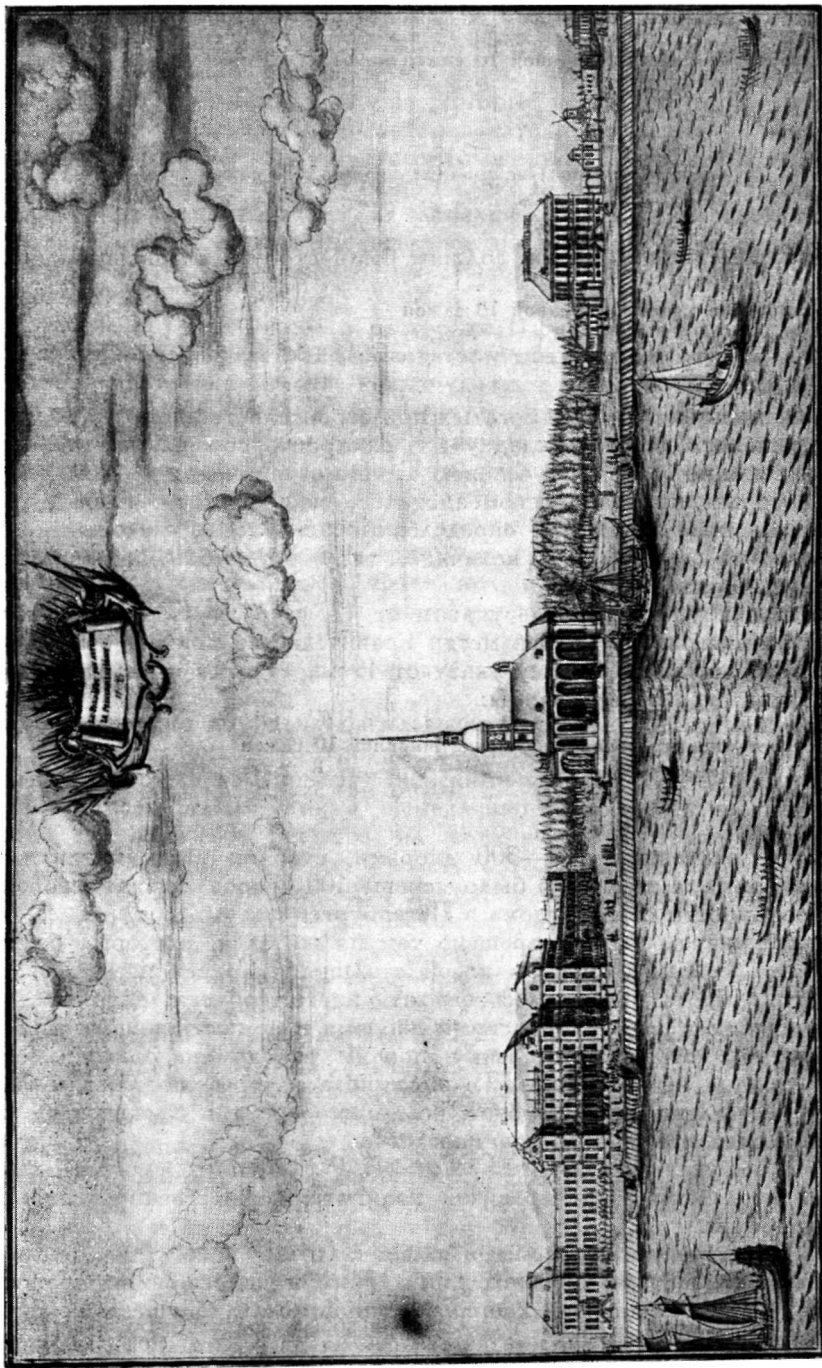

Рис. 5. Набережная Васильевского острова у двора А. Д. Меншикова. Рисунок Х. Марсе-муса. 1725 г. Отдел рукописной и редкой книги Библиотеки АН СССР.

Таким образом, каменные палаты в 2 этажа должны были строить владельцы:

450—500	дворов на участке шириной 10 сажень по берегу Невы
400—450	” ” ” ” ” 8 ” ” ” ”
350—400	” ” ” ” ” 10 ” ” берегам каналов
300—350	” ” ” ” ” 8 ” ” ” ”
250—300	” ” ” ” ” 6 ” ” ” ”
200—250	” (сложась по два) на участке шириной 10 сажень по берегу Невы
150—200	” ” ” ” ” ” ” 10 ” ” берегам каналов

Деревянные дома в 1 этаж должны были строить владельцы:

150—100	дворов на участке шириной 10 сажень
100—80	” ” ” ” ” 7 ”
80—40	” (сложась по два) на участке шириной 10 сажень

Дворянам из числа менее богатых при строительстве домов, как мы видим, разрешалось делать «складку», т. е. строить сообща, но так, чтобы в складке было не более двух человек. Такого ограничения не делалось для купцов, которым, наоборот, рекомендовалось складываться, чтобы строить большие каменные дома. При определении числа домов, которые должно было построить купечество, величина тягла в 1 рубль приравнивалась одному крестьянскому двору.

Требования, установленные указом от 12 февраля 1719 г., оказались чересчур большими. Уже через месяц правительство должно было их несколько уменьшить. По новому указу от 19 марта 1719 г. каменные дома должны были строить владельцы:

700—1000	крестьянских дворов на участке шириной 10 сажень
500—700	” ” ” ” ” 8 ”
300—500	” ” ” ” ” 5 ”

Дворяне, владевшие 100—300 дворами, строили лишь мазанки или деревянные дома, а те, у кого было меньше 100 дворов, совсем освобождались от повинности строить дома в Петербурге.

Этим же указом было разрешено тем из жителей, «которые бедны и не ожились», совсем уехать из новой столицы.⁸¹ Через несколько дней указом от 23 марта разрешалось выехать из Петербурга: дворянам, владевшим менее чем 100 крестьянскими дворами и не построившим еще себе дома, купцам, которые «торгами и прочим заводом не озаводились» и домов в столице не построили. Те же купцы, которые подлежали обязательному переселению в Петербург, но до сего времени еще не переехали, вовсе освобождались от этой повинности.⁸²

Обычно на указы от 19 и 23 марта 1719 г. принято смотреть как на некоторое послабление в петровской политике насильственного переселения в Петербург.

А. В. Предтеченский, например, пишет по этому поводу: «... очевидно, к 1719 г. надобность в прежних понуканиях и запрещениях прошла и, по крайней мере в отношении дворян и купцов, были допущены некоторые послабления».⁸³

⁸¹ ПСЗ, т. V, № 3332.

⁸² ПСЗ, т. V, № 3339.

⁸³ Петербург петровского времени..., стр. 136.

Это не совсем верно. Как раз с 1719 г. начинаются особенно сильные «понукания» в отношении застройки и заселения Васильевского острова. Суть же указов 19 и 23 марта заключается в том, что правительство начало более реально смотреть на вещи. Бессмысленно было держать в Петербурге маломощных дворян, которые все равно не могли построить здесь домов, бессмысленно было требовать переселения в Петербург тех купцов, которые не сделали этого (очевидно, также по своей маломощности) в течение 5 лет (с 1714 по 1719 г.), несмотря на строгие напоминания об этом в указах от 27 апреля 1716 г. и 20 ноября 1717 г.⁸⁴ И нельзя же также видеть серьезное послабление в разрешении петербургским жителям временно выезжать из Петербурга (на срок до 5 месяцев).

Строгие царские указы о застройке Васильевского острова не достигали должного результата. Правительство постоянно напоминало об обязательной постройке домов в новых указах с новыми угрозами всевозможных кар ослушникам.⁸⁵ Однако приходилось констатировать, что за места для постройки домов «являются немногие и места взяли под строение малое число».⁸⁶ Таким образом, вторая волна принудительных мероприятий по застройке Петербурга (начавшаяся с 1719 г.) давала несомненно худшие результаты, чем первая. Не помогала и угроза конфискации поместий, и такие меры, как запрещение лицам, обязанным строиться на Васильевском острове, покупать себе дома в других частях города.⁸⁷ 10 декабря 1720 г. была запрещена вообще всякая продажа домов на Васильевском острове «дабы каждая персона по указной должности, как прежними его величества указами опубликовано, строились сами».⁸⁸

От постройки домов на Васильевском острове не освобождались и те, кто уже имел дома в Петербурге в других частях города (если только эти дома не были каменные).⁸⁹ Царскими указами 1718—1719 гг. предписывалось всем таким лицам немедленно переезжать на Васильевский остров, построив себе для этого на своих участках позади будущих домов временные «светлицы». Рассчитывая на то, что жить в таких светлицах будет неудобно, Петр надеялся побудить владельцев участков поскорее построить себе дома на Васильевском острове.

Однако указы царя плохо выполнялись. В январе 1721 г. Петр предписал: сломать в апреле месяце кровли домов, принадлежавших ослушникам, и не разрешать крыть. Таких ослушников из числа жителей Адмиралтейского острова и Московской стороны оказалось 153 человека (среди них: князь П. М. Голицын, Я. Брюс, купцы Строгановы и др.).⁹⁰ В мае того же года генерал-полицеймейстер донес, что многие лица выполнили царский указ формально: взяли дворовые участки на Васильевском острове, построили на них по две светлицы, а жить не переехали.⁹¹

Недостаточные с точки зрения правительства результаты, полученные при застройке Васильевского острова, объяснялись не только пассивным

⁸⁴ ПСЗ, т. V, №№ 3016, 3118.

⁸⁵ ПСЗ т VI №№ 3538, 3634, 3673, 3766; ЦГИАЛ, ф. 1329, оп. 2, № 16, лл. 9, 15—16.

⁸⁶ ЦГИАЛ, ф. 1329, оп. 2, № 19, лл. 55—57.

⁸⁷ ПСЗ, т. V, № 3399.

⁸⁸ ПСЗ, т. VI, № 3683.

⁸⁹ Построившие каменные дома в любой части города освобождались от повинности строить дома на Васильевском острове (ПСЗ, т. V, № 3348).

⁹⁰ ЦГИАЛ, ф. 1329, оп. 2, № 19, лл. 1—10.

⁹¹ ЦГИАЛ, ф. 1329, оп. 2, № 19, л. 11.

сопротивлением населения тяжелой повинности, но и нечеткой работой правительственного аппарата. Так, например, в списки застройщиков включались те дворяне, которые имели менее 100 дворов (т. е. не обязанные строить дома в Петербурге), лица, осужденные по суду, умершие и т. д. Шла длительная переписка между Петербургом и провинцией. О том, как застраивался в эти годы Васильевский остров, дают представление цифры, которые приводит в своих донесениях Меншикову архитектор Д. Трезини в апреле 1722 г. (табл. 6).⁹²

Таблица 6

	Общее число участков на Васильевском острове	Из общего числа участков			
		роздано под застройку	из числа розданных участков		не роздано участков
			начали строиться и построили дома	не начали строиться	
Каменные дома в 2 жилья (этажа) по берегу Невы и по каналам . . .	483	131	93 ¹ / ₂	37 ¹ / ₂	352
Каменные дома в 1 жилье по каналам	78	4	2 ¹ / ₂	1 ¹ / ₂	74
Деревянные дома	2734	265	161 ¹ / ₂	103 ¹ / ₂	2469
Всего . . .	3295	400	257 ¹ / ₂	142 ¹ / ₂	2895

Таким образом, к апрелю 1722 г. из общего числа 3295 участков была роздано под застройку лишь 400 (т. е. всего 12%), из которых на 142¹/₂ участках работа даже еще и не начиналась. Застроить весь Васильевский остров (все 3295 участков) было, разумеется, делом нелегким. Поэтому места для строительства отводились лишь в определенной части острова (по берегам Невы и будущих каналов). Число участков, которые намечались для застройки в первую очередь, менялось в зависимости от указаний Петра. Так, например, в 1722 г. подлежало раздаче 1350¹/₂ участков (между 1-й и 24-й линиями), в 1726 г. — 1758 участков.

Данные о застройке Васильевского острова в декабре 1722 г. приведены в табл. 7.⁹³

Таким образом, за 8 месяцев 1722 г. (с апреля по декабрь) число розданных под застройку участков увеличилось более чем на 160 (с 400 до 561¹/₂), в то же время число застроенных участков и тех, на которых шла работа, возросло лишь на 113 (с 257¹/₂ до 370¹/₂). Застройщики брали участки, но работ многие из них не начинали. Там же, где строительство было начато, оно шло далеко не такими темпами, как того хотело правительство. За один год с декабря 1721 по декабрь 1722 г. на Васильевском острове было роздано под застройку 186 участков, а построено домов лишь 124 (табл. 8).⁹⁴

⁹² ЦГАДА, ф. 198. Письма к Меншикову, «Т», № 15, лл. 5—10.

⁹³ ЦГАДА, ф. 198. Письма к Меншикову, «Т», № 15, л. 23.

⁹⁴ ЦГАДА, ф. 198. Письма к Меншикову, «Т», № 15, л. 24.

Таблица 7

	Число участков, подлежащих раздаче под застройку	Из общего числа участков			
		роздано под застройку	из числа розданных участков		не роздано участков
			начали строиться и построились	начали строиться	
Каменные дома: в 2 жилья (этажа) по берегу Невы и по каналам	303	153	121 ^{1/2}	31 ^{1/2}	150
в 1 жилье по каналам	76 ^{1/2}	8	5 ^{1/2}	2 ^{1/2}	68 ^{1/2}
Деревянные дома	971	400 ^{1/2}	244 ^{1/2}	156	570 ^{1/2}
Всего	1350 ^{1/2}	561 ^{1/2}	371 ^{1/2}	190	789

Таблица 8

	Роздано участков под застройку с декабря 1721 по декабрь 1722 г.	Построено		
		на участках, розданных с декабря 1721 по декабрь 1722 г.	на участках, розданных в 1721 г.	всего
Каменные дома (в 1 и 2 этажа)	26 ^{1/2}	4 ^{1/2}	34 ⁹⁵	38 ^{1/2}
Деревянные дома	159 ^{1/2}	14 ^{1/2}	71	85 ^{1/2}
Итого	186	19	105	124

В 1721 г., по свидетельству Берхгольца, на Васильевском острове было уже много больших зданий, но застройка тянулась только по берегу Невы.⁹⁶

Стремясь возможно быстрее создать город на Васильевском острове, правительство Петра прибегало к чрезвычайным мерам. 5 марта 1723 г. было отдано распоряжение выслать в административном порядке в Петербург всех ослушников указов о застройке Васильевского острова. Взамен того, кто находился в дальней отлучке, подлежали высылке его дети.⁹⁷ В том же году для стимулирования скорейшей застройки Васильевского острова было запрещено строительство каменных домов на Адмиралтейской стороне (кроме домов по набережной Невы ниже Почтового двора).⁹⁸ Для достижения этой же цели правительство пыталось использовать известный указ от 9 октября 1714 г., запрещавший каменное строительство

⁹⁵ Из этого числа 17 домов, построенных в 1 этаж, подлежали достройке до высоты двух этажей.

⁹⁶ Дневник камер-юнкера Берхгольца, веденный им в России в царствование Петра Великого с 1721—1725 год. Перев. с немецкого И. Аммон. Ч. I. М., 1857, стр. 140.

⁹⁷ Указы блаженные и вечнодостоинные памяти государя императора Петра Великого, самодержца всероссийского, состоявшиеся с 1714 по кончину его императорского величества генваря по 28 число 1725 году... СПб., 1739, стр. 39—40 (3-я пагинация).

⁹⁸ ЦГИАЛ, ф. 1329, оп. 2, № 20, л. 43.

во всей России, кроме Петербурга.⁹⁹ Всех ослушников этого указа, т. е. тех, кто, несмотря на запрещение, возводил каменные постройки в Москве и других городах, заставляли строить каменные дома на Васильевском острове, для чего их высылали в принудительном порядке в Петербург и не отпускали оттуда до конца строительства.¹⁰⁰

Понимая, что сведения о числе крестьянских дворов, которыми владели помещики, давно устарели,¹⁰¹ правительство решило использовать свежие данные, полученные от переписи, производившейся в это время в России в связи с введением подушного налога. Указами 5 и 23 января 1724 г. размер участков, отводившихся на Васильевском острове дворянам под застройку, а также и тип домов, которые должны быть построены, определялся в зависимости не от числа крестьянских дворов, а от числа душ крестьян, принадлежавших помещикам.

Было установлено, что дворяне, владевшие 3500—5000 душами крестьян, обязаны строить каменные дома на участке шириной 10 сажен, при 2500—3500 душах крестьян ширина участка уменьшалась до 8 сажен, при 1500—2000 — до 5 сажен. Владельцы 500—1500 душ крестьян строили мазанки или же деревянные дома. Купцам полагалось построить 50 больших каменных домов (каждый на участке шириной 10 сажен), причем Магистрат должен был распределить эту повинность между купцами. Все работы требовалось закончить в 1726 г.¹⁰²

Однако и эти указы не дали того результата, какой хотело бы иметь правительство. В 1726 г., т. е. через 7 лет после начала интенсивной застройки Васильевского острова, положение оставляло желать еще много лучшего, как это видно из сведений, которые приводит в своей книге А. Богданов.¹⁰³

Таблица 9

	Число участков, подлежащих раздаче под застройку	Раздано под застройку	На розданных участках		Осталось не розданных участков
			построено домов	строится дома	
Каменных домов . .	450	238 ¹ / ₂	113	125 ¹ / ₂	211 ¹ / ₂
Деревянных домов .	1308	552	354	198	756
Итого . . .	1758	790 ¹ / ₂	467	323 ¹ / ₂	967 ¹ / ₂

Как видно из табл. 9, больше половины всех участков (967¹/₂ из 1758) еще не было даже роздано под застройку, на розданных же участках закончено лишь 467 домов (26.5%), из которых более 75% составляли дома деревянные. Таким образом, план Петра был далек от завершения. Лишь на набережной Невы и поблизости от реки стояли законченные дома, в глубине же острова положение было гораздо хуже.

Состояние застройки Васильевского острова в 1725 г. хорошо обрисовано в «Дневнике» Берхгольца. По словам Берхгольца, на Васильевском

⁹⁹ ПСЗ, т. V, № 2848. Об этом указе будет сказано ниже (см. стр. 49).

¹⁰⁰ ЦГИАЛ, ф. 1329, оп. 2, № 19, лл. 58—61.

¹⁰¹ Эти сведения основывались на дворовой переписи 1678 г.

¹⁰² ПСЗ, т. VII, №№ 4405, 4439.

¹⁰³ А. И. Богданов, ук. соч., стр. 174.

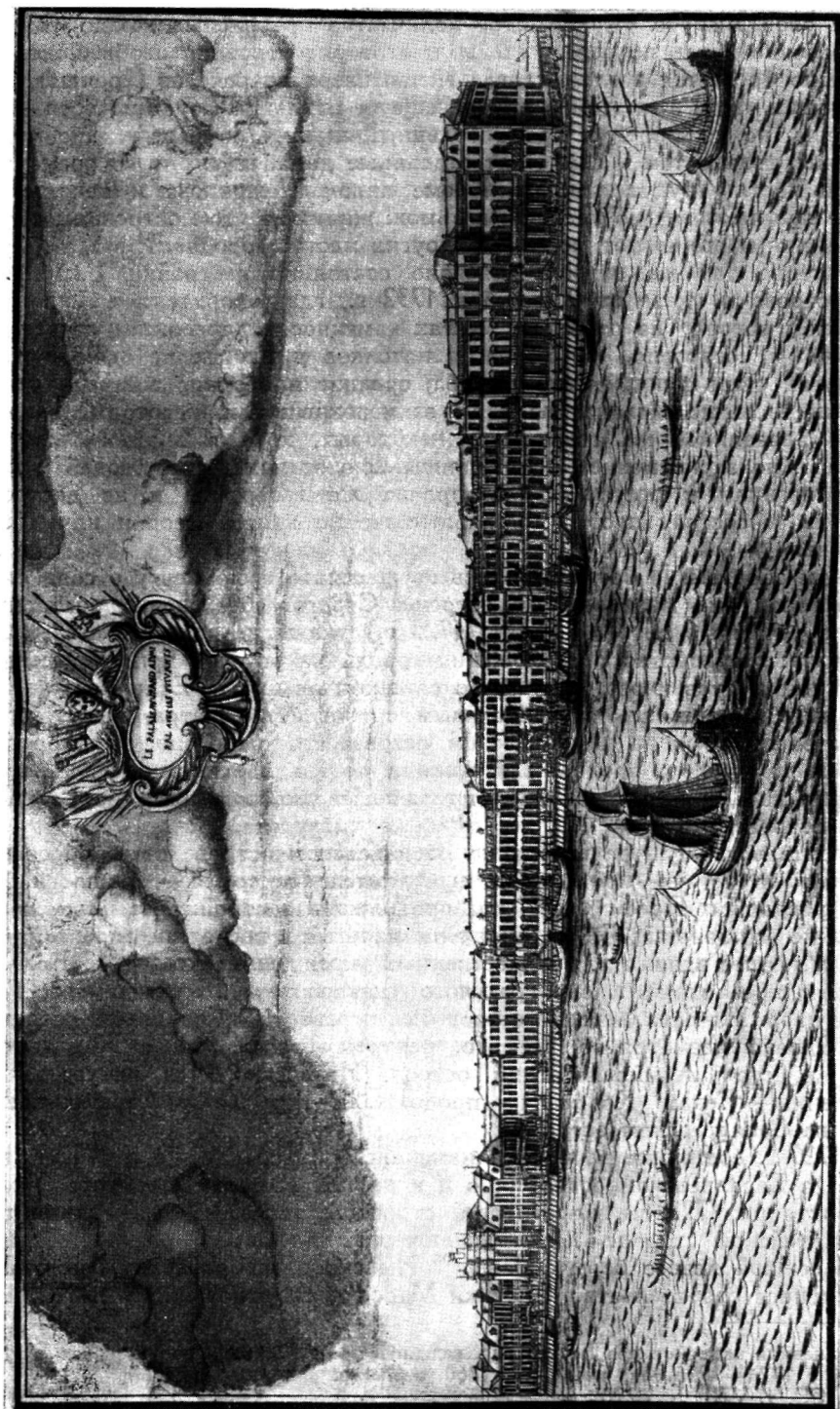

Рис. 6. Набережная левого берега Невы у дворца Ф. М. Апраксина. Рисунок Х. Марселиуса. 1725 г. Отдел рукописной и редкой книги Библиотеки АН СССР.

острове «воздвигнуто уже большое количество прекрасных каменных домов, особенно вдоль по берегу Невы, и этот ряд строений необыкновенно живописно бросается в глаза, когда едешь вверх по реке из Кронштадта. Но большая часть этих домов внутри еще не отделана... улицы хотя уже проведены, но до сих пор, кроме больших, идущих по берегу, еще мало застроены, только там и сям стоят отдельные дома, но и они со временем большей частью будут снесены. Кроме князя Меншикова и некоторых других, еще немногие из здешних вельмож живут на этом острове, потому что владельцы его имеют места и в других местах города».¹⁰⁴

Примерно так же охарактеризовано состояние застройки Васильевского острова в указе от 9 октября 1732 г., где говорится: «...на Васильевском острове на отводных местах каменное и деревянное строение, хотя где и построено, но полов и потолков у многих не окончено..., а у других одни фундаменты, погреба, средние и верхние жилья зачаты и по окна и выше сделаны были, но за непокрышками некоторые развалились, деревянное же строение у некоторых, хотя в линиях было и построено, но за неимением в них присылкою от помещиков людей и пустою погнили и растасканы, у прочих же застроены и не достроя оставлены и состоят пусты, достальные же по взятие мест и ничем не застроены».¹⁰⁵

Таким образом, Петру не удалось осуществить свою мечту о создании центра города на Васильевском острове. Строгие, бесконечно повторявшиеся в течение 6 лет (с 1719 по 1725 г.) указы не дали желательного результата. Неудобство расположения города на острове при отсутствии постоянных мостов через Неву было слишком очевидно. Если представители знати, подчиняясь настоятельным требованиям Петра, вынуждены были строить дома на Васильевском острове, то сами они, как хорошо подметил Берхгольц, продолжали жить в других частях города. Другие категории населения испытывали еще меньшее желание жить на Васильевском острове.

Строительство центра города на Васильевском острове было обречено на провал, и Петру — проживи он еще длительное время — пришлось бы в этом убедиться. Преемники Петра продолжали застройку Васильевского острова по его заветам. Были закончены начатые в последние годы жизни Петра каменные здания для общественных учреждений: здание 12 Коллегий (нынешнее здание Ленинградского университета), Кунсткамера, Гостиный двор. На Васильевский остров был переведен с Городского острова порт. Однако несмотря на все это, центром города уже с 30-х годов XVIII в. стал Адмиралтейский остров. Интересно, что центральные учреждения — Сенат, Коллегии — продолжали еще долгое время оставаться на Васильевском острове.

К 1725 г. состояние застройки изменилось по сравнению с 1717 г. не только на Васильевском острове, но и в других частях Петербурга. Указ от 22 октября 1723 г., запретивший строительство каменных зданий на Адмиралтейской стороне, делал исключение для домов, расположенных на набережной левого берега Невы.¹⁰⁶ Именно здесь развернулось большое каменное строительство. Рисунки Марселиуса, относящиеся к 1725 г.,

¹⁰⁴ Дневник камер-юнкера Берхгольца, веденный им в России в царствование Петра Великого с 1721—1725 год, ч. IV, М., 1860, стр. 126.

¹⁰⁵ ПСЗ, т. VIII, № 6220.

¹⁰⁶ ЦГИАЛ, ф. 1329, оп. 2, № 20, л. 43. Запрещение строить каменные дома на Адмиралтейской стороне преследовало цель заставить жителей Петербурга строить каменные дома на Васильевском острове.

воспроизводят набережную левого берега Невы, застроенную прекрасными каменными домами (рис. 6, 7). О том же пишет Берхгольц в марте 1723 г.: «...мы осматривали на берегу Невы великолепный ряд домов, выстроенных после нашего отъезда в Москву,¹⁰⁷ из них дом великого адмирала — лучший и самый роскошный во всем городе».¹⁰⁸

К 1725 г. все дома на нынешней Петровской набережной были уже каменными,¹⁰⁹ была проделана большая работа по регламентации застройки и благоустройству Петербурга (о чем будет сказано ниже). Появился целый ряд новых слобод работных и мастеровых людей. Так, на Охте в 1724 г. уже стояло 500 новых деревянных домов, построенных для охтенских плотников,¹¹⁰ за Фонтанкой по обеим сторонам «перспективной дороги», шедшей от Адмиралтейства к Невскому монастырю (нынешний Невский проспект), возникли новые слободы — Астраханская, Аничковская,¹¹¹ относившиеся к Московской стороне города, и др. В это время шла раздача представителям знати земельных участков под строительство загородных дач по обеим сторонам Фонтанки. Здесь получили большие наделы Апраксин, Чернышев, Репнин и др.¹¹²

Таким образом, город продолжал развиваться. Для периода после 1717 г. наиболее характерно интенсивное строительство каменных домов, производившееся главным образом по набережным. В это время, как уже сообщалось ранее, строится целый ряд общественных зданий: здание 12 Коллегий, Кунсткамера, Мытные дворы, госпиталь на Выборгской стороне и т. д., однако немногие из них были закончены при жизни Петра. Увеличивалось и общее число построек. За время с 1717 г. лишь Васильевский остров и Охтенская слобода дали Петербургу около 1000 новых домов. Всего же было построено, разумеется, больше. Поэтому, если мы определили для 1717 г. число дворов в городе цифрой, близкой к 4500, то для 1725 г. следует считать, что число дворов в Петербурге было уже около 6000, а возможно, что и больше.

В результате петровских мероприятий по застройке столицы Петербург превратился в большой город, который был обращен своим фасадом к берегам рек. Застройка внутренних кварталов и окраин продолжала оставаться деревянной. Несомненно, что и в 1725 г. подавляющее большинство домов в Петербурге все еще составляли маленькие деревянные домишки, хотя к этому времени правительству удалось проделать значительную работу по улучшению внешнего облика города и упорядочению городской застройки путем строгой регламентации нового строительства. Хорошее представление о Петербурге 1725 г. дают рисунки Х. Марселиуса (см. рис. 5, 6, 7, 10, 11, 17).

¹⁰⁷ В декабре 1721 г.

¹⁰⁸ Дневник камер-юнкера Берхгольца..., ч. III. М., 1860, стр. 63.

¹⁰⁹ Русская архитектура первой половины XVIII века, стр. 105—106.

ЦГАВМФ, ф. 174, № 34, лл. 30—31.

¹¹¹ П. Н. Петров, ук. соч., примечание 201 (стр. 41—42).

¹¹² ЦГИАЛ, ф. 1329, оп. 2, № 21, лл. 16—21.

Г л а в а П

РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ГОРОДСКОЙ ЗАСТРОЙКИ

Из предыдущей главы мы видим, что после Полтавской победы и, особенно, с 1714 г. петровское правительство принимает чрезвычайно-энергичные меры по застройке Петербурга, благодаря которым город воздвигается действительно со сказочной быстротой. Однако дело было не только в темпах строительства. Не менее существенным являлось и то, что Петербург не просто строился, а строился определенным образом. На этом следует остановиться подробнее.

Во введении уже говорилось, что Петр стремился сделать Петербург образцовым городом. И действительно после Полтавской и, особенно, после Гангутской победы, когда правительство получило, наконец, возможность по-настоящему заняться Петербургом, на манеру застройки города было обращено исключительное внимание. Строгая регламентация городской застройки, которую с этого времени стало неуклонно проводить правительство, имела целью обеспечить Петербургу черты города, построенного по-новому. Это легче всего было сделать в местах города, ранее еще не застроенных. Именно поэтому для строительства центральной части Петербурга Петр облюбовал почти пустынный, но лежащий на берегу моря Васильевский остров. Впрочем, как увидим дальше, была поставлена задача постепенно перестроить и все то, что было сделано раньше.

Регламентация как один из методов принудительного внесения в жизнь страны элементов нового очень типична для русского абсолютистского государства первой четверти XVIII в. Регламент в это время действовал повсюду. Специальными указами регламентировалась деятельность высших государственных учреждений: Коллегий, Главного магистрата.¹ В военном и морском деле строго применялся устав. Регламентация проводилась в промышленности. Достаточно вспомнить, например, указ 1715 г. об изготовлении полотна шириной в 1½ аршина² или регламент Адмиралтейской коллегии, который устанавливал определенные требования, обязательные при изготовлении канатов.³ Регламентировался и быт населения. Указы о ношении платья немецкого покроя, о стрижке бород, об обязательном посещении ассамблей преследовали именно эту цель. Поэтому нет ничего удивительного, что в строительстве Петербурга регламентация применялась так широко, тем более, что она, как мы уви-

¹ См. регламенты: Главного магистрата (ПСЗ, т. VI, № 3708), Адмиралтейской, коллегии (ПСЗ, т. VI, № 3937), Мануфактур-коллегии (ПСЗ, т. VII, № 4378), Коммерц-коллегии (ПСЗ, т. VII, № 4453).

² П. Г. Любомиров. Очерки по истории русской промышленности..., стр. 70

³ ПСЗ, т. VI. № 3937, гл. XVII.

дим дальше, основывалась на русской градостроительной практике предшествующего времени.

Мероприятия петровского правительства по регламентации петербургской застройки преследовали две задачи: 1) обеспечение противопожарной безопасности и 2) придание городу лучшего облика, чем тот, который имели другие русские города, в том числе и Москва. Как уже сообщалось, регламентация застройки Петербурга начала по-настоящему осуществляться лишь после Полтавской победы, однако отдельные мероприятия, например планировочного характера, проводились и раньше, правда они носили, по-видимому, случайный характер.

Так, имеются сведения, что в 1706 г. построенные на Адмиралтейском острове дома офицеров были перенесены «к малой речке» (т. е. к Мойке) и поставлены «по линии».⁴ В 1705 г. А. Д. Меншиков распорядился все постройки, заложенные вблизи Адмиралтейства, отнести на расстояние 150 сажен⁵ и т. д. Начиная с 1710 и, особенно, с 1714 г. царские указы по регламентации городской застройки следуют один за другим. Все строительство в новой столице было подчинено целому ряду правил. Так, в отличие от давно установившейся в России традиции, дома в Петербурге требовалось ставить вдоль улиц, а не в глубине дворов, наоборот, хозяйственные постройки (сарай, конюшни и т. д.) не разрешалось выводить на улицу, они должны были находиться позади домов.⁶ Дома полагалось выводить «в один горизонт».⁷

Ставя дома в Петербурге фасадами на улицу, правительство стремилось придать этим городу более парадный вид. С той же целью регламентирувался и внешний облик самих зданий. В Петербурге не разрешалось строить дома по своему усмотрению, как кому вздумается, а полагалось возводить новые здания согласно сделанным образцам или утвержденным чертежам. В 1711 г. Петр собственноручно заложил на Городском острове подле моста у Петровских ворот «образцовые мазанки» для помещения типографии.⁸ Указом 1712 г. жителям города было предписано строить мазанки по этому образцу.⁹

Позднее, в 1714 г., всем жителям Петербурга было приказано строить мазанки по чертежам, взятым «у архитектора Трезина» (т. е. Д. Трезини). Трезини, бывший тогда чем-то вроде главного архитектора города, разработал типовые чертежи домов для разных категорий населения: для «именитых», «зажиточных», «подлых» (простой народ). Представители каждой из перечисленных групп петербургских жителей строили себе дома соответствующего типа. Самые роскошные здания полагалось строить знати, самые простые — беднейшему населению. Специальный тип дома был разработан для застройки набережных города.¹⁰

Эта типизация построек не преследовала цели стандартизации всего строительства, а лишь обеспечения известного минимума архитектурных требований: не разрешалось строить хуже типовых домов, но каждый застройщик имел право строить по своим чертежам, если он «объявил» свои чертежи архитектору Канцелярии городских дел, т. е. получил их

⁴ Материалы для истории русского флота, ч. III, стр. 557.

⁵ Там же, стр. 549—50.

⁶ ПСЗ, т. V, № 2855.

⁷ ПСЗ, т. VI, № 3799.

⁸ Русская архитектура первой половины XVIII века..., стр. 98.

⁹ ЦГАВМФ, ф. 1233, № 250, лл. 184а—186.

¹⁰ Петербург петровского времени..., стр. 139—140; ЦГАДА, ф. 198, 1717, № 33; чертежи.

соответствующую апробацию. Во внутренней планировке домов и в расположении окон, выходящих во двор, хозяин дома мог поступать по своему усмотрению.¹¹

Указом от 14 сентября 1715 г. было еще раз подтверждено, «дабы никто нигде против указа и бес чертежа архитекторского (включая солдатские и нисших мастеровых людей) отнюдь не строился под лишением всего того, что построил, и сверх того за каждое жилье десять рублей в шпиталет».¹² Те, кто руководствовался в постройке своих домов установленными правительством образцами, могли, по-видимому, обходиться без «чертежа архитекторского». Мы уже говорили об образцовом мазанковом доме, установленном на Городском острове. Имеются сведения, что в 1719—1721 гг. по приказу Петра строился образцовый деревянный дом на Васильевском острове.¹³ В целях придания деревянным домам лучшего вида предписывалось делать их не из бревен, а из брусьев или обшивать тесом и расписывать под кирпич.¹⁴

Ряд других указов правительства преследовал ту же задачу — улучшить внешний облик петербургских зданий. В 1723 г. последовало распоряжение о том, чтобы на крыльцах всех домов, расположенных на набережной левого берега Невы от Почтового двора до Адмиралтейства, были установлены чугунные балясы.¹⁵ Ранее построенные здания предписывалось «по архитектуре поправлять».¹⁶ Даже зданиям бойни, находившейся на самой окраине города, правительство постаралось придать более нарядный вид. В октябре 1721 г., проезжая мимо бойни, расположенной в устье Мойки, Петр обратил внимание на то, что здания бойни сделаны «весьма худо», и он распорядился их «поставить в линию регулярно, подобно ступе якобы жилое строение, и с фальшивыми окошками и для лучшего виду расписать красками».¹⁷

Своеобразной мерой было предписание обваривать кипятком мох, употреблявшийся для конопатки стен. Это делалось для того, чтобы в домах не заводились тараканы.¹⁸ Правительство заботилось и об экономном расходовании кирпича, который изготовлялся далеко не в достаточном количестве. Поэтому предписывалось при строительстве каменных зданий ставить два дома рядом, чтобы одна стена у них была общая.¹⁹

Особое внимание уделялось обеспечению противопожарной безопасности, именно поэтому петровские указы требовали, чтобы крыши домов крылись черепицей или дерном, чтобы печи и дымоходы не примыкали к стенам домов, а трубы выводились на один аршин выше кровли.²⁰ Печи требовалось ставить на фундаментах, а не на полу, выдерживая расстояние не менее 2 футов от деревянной стены, трубы делать такими широкими, чтобы сквозь них мог даже пролезть человек, потолки подмазывать глиной.²¹

¹¹ ПСЗ, т. VI, № 3799.

¹² ЦГИАЛ, ф. 1329, оп. 2, № 16, л. 22. «Десять рублей в шпиталет» — штраф 10 руб. в пользу госпиталя.

¹³ ЦГИАЛ, ф. 467, оп. 560/1579, картон 5758, № 11, л. 1; оп. 73/187, кн. 18, л. 770.

¹⁴ ПСЗ, т. V, № 2855.

¹⁵ ПСЗ, т. VII, № 4384.

¹⁶ ПСЗ, т. V, № 3019.

¹⁷ ЦГИАЛ, ф. 1329, оп. 2, № 19, л. 102.

¹⁸ Высочайшие указы и повеления императора Петра I... Сборник РИО, т. XI, тетр. 467; ЦГИАЛ, ф. 1329, оп. 2, № 20, л. 11.

¹⁹ ПСЗ, т. VI, № 3799.

²⁰ ЦГАВМФ, ф. 176, № 62, лл. 257, 282.

²¹ ПСЗ, т. V, № 3192.

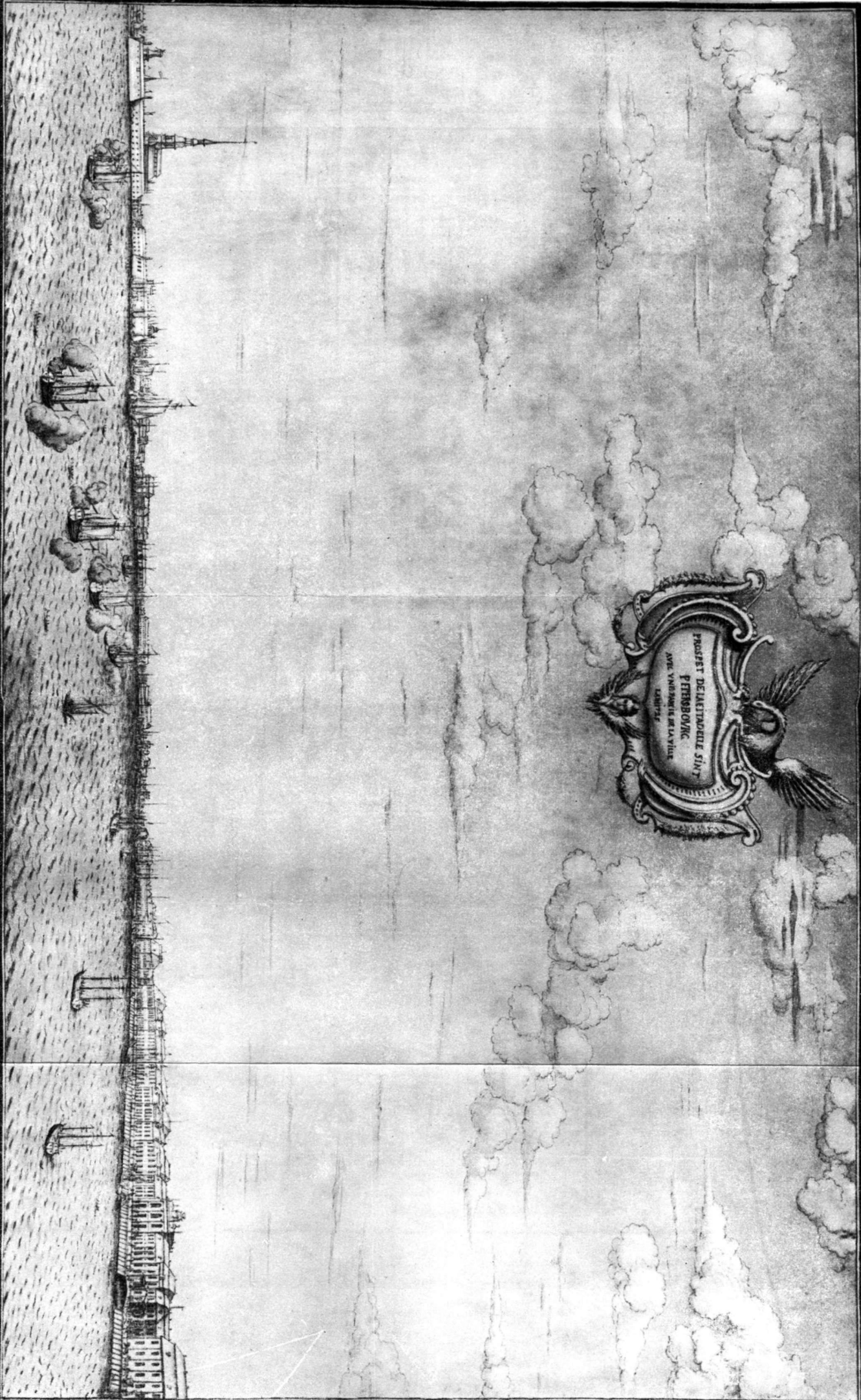

Рис. 7. Панорама Невы. Вид со стороны моря. Рисунок Х. Марсевиуса. 1725 г. Отдел рукописной и редкой книги Библиотеки АН СССР.

Однако при наличии в Петербурге огромного числа деревянных построек все эти меры не могли уменьшить опасность возникновения пожаров. Поэтому правительство всячески стимулировало постройку домов из огнестойких материалов (глина, кирпич) и пыталось ограничить деревянное строительство. Уже в 1712 г. было запрещено строить в Петербурге деревянные дома, разрешалось делать лишь мазанки, т. е. глинобитные дома на манер украинских хат.

Чтобы показать жителям, как их строить, была сделана, как мы уже знаем, образцовая мазанка на Городском острове.²² Период с 1711 по 1714 г. И. Э. Грабарь называет мазанковым периодом строительства Петербурга. Мазанки строились в разных частях города, однако этот тип построек не очень-то хорошо прививался. Невозможно было также провести полное запрещение строительства деревянных домов. Уже в апреле 1714 г. правительство вынуждено было отказаться от этого, запретив строить деревянные дома лишь на Городском и Адмиралтейском островах, а также по берегам рек и протоков.²³ В дальнейшем, как мы увидим, пришлось делать новые послабления.

Мазанковый период был коротким эпизодом в строительстве Петербурга. Уже осенью 1714 г. Петр решил начать интенсивное строительство каменных домов. К этому времени Канцелярии городских дел удалось наладить производство кирпича в довольно значительных размерах (ежегодная выделка кирпича выражалась уже в миллионах штук), однако не хватало опытных каменщиков, и Петр, никогда не останавливавшийся перед применением крайних мер для достижения своих целей, указом 9 октября 1714 г. запретил строительство каменных домов во всей стране, кроме Петербурга. В тексте указа говорилось: «... понеже здесь (т. е. в Петербурге, — С. Л.) каменное строение zelo медленно строится от того, что каменщиков и прочих художников того дела (достать, — С. Л.) трудно и за довольноую цену, того ради запрещается во всем Государстве на несколько лет (пока здесь удовольствуются строением) всякое каменное строение».²⁴

Это запрещение было окончательно отменено лишь в 1741 г., впрочем в 1721 г. было сделано некоторое послабление разрешением достроить ранее начатые дома.²⁵ Таким образом, в течение более чем четверти века вся Россия не имела права строить каменные дома, чтобы обеспечить строительство Петербурга каменщиками. Любопытно, что такая исключительная мера, как запрещение каменного строительства во всей стране, не являлась какой-то выдумкой Петра. К этому средству прибегали и в прошлом. В 1600 г. царь Борис Годунов также запретил по всей Руси каменное строительство для того, чтобы обеспечить мастерами сооружение каменных стен вокруг Смоленска.²⁶

Попытки Петра заставить большую часть жителей Петербурга строить дорогостоящие каменные дома была обречена на провал. Мазанки, как уже отмечалось, также прививались плохо, и правительство убедилось в этом довольно скоро. В 1723 г. последовал указ: при застройке Васильевского острова жителей «в строении мазанок не понуждать», а отводить

²² ЦГАВМФ, ф. 1233, № 50, лл. 184а—186.

²³ ПСЗ, т. V, № 2792.

²⁴ ПСЗ, т. V, № 2848.

²⁵ ПСЗ, т. VI, № 3706; т. XI, № 8357.

²⁶ А. Н. Сперанский. Очерки по истории приказа каменных дел Московского государства. М., 1930, стр. 41.

места «под каменное и деревянное строение».²⁷ Таким образом, даже в центре города, которым, по мысли Петра, должен был быть Васильевский остров, разрешалось деревянное строительство.

Прежнее запрещение строить деревянные дома на Адмиралтейском и Городском островах также оказалось нежизненным. В 1719 г., например, было разрешено строительство деревянных домов по обе стороны речки Мойки,²⁸ через несколько месяцев (тоже в 1719 г.) было разрешено деревянное строительство по Фонтанке²⁹ и т. д.

Правительство практически вынуждено было ограничиться требованием обязательного строительства каменных домов лишь по набережным Невы. В 1723 г. в целях стимулирования строительства каменных домов на Васильевском острове было запрещено, как уже сообщалось в предыдущей главе, каменное строительство на Адмиралтейской и Московской сторонах (т. е. в важнейших частях города), кроме домов по набережной Невы, от Почтового до Галерного двора (от нынешнего Марсова поля до Ново-Адмиралтейского канала).³⁰ Получилась, таким образом, совершенно своеобразная картина: строительство каменных домов в России разрешалось лишь на набережных Невы и на некоторых других улицах Васильевского острова.

В остальных частях города практически разрешалось строительство деревянных домов, за исключением мест, опасных в пожарном отношении. Таким опасным местом считался участок на Адмиралтейском острове от Адмиралтейства вниз по Неве, где находился прядильный двор и «прочие адмиралтейские заводы». Здесь строительство деревянных домов было запрещено даже на второй линии от Невы.³¹

Таким образом, Петру не удалось сделать Петербург каменным городом. Выполнить эту грандиозную задачу за такой короткий срок в ту эпоху было практически невозможно. Однако в результате проведенных мероприятий число каменных домов, построенных в новой столице, было довольно велико. На одном лишь Васильевском острове, по уже приводившимся нами в предыдущей главе сведениям А. И. Богданова, насчитывалось в 1726 г. 113 каменных домов, а всего в городе их было значительно больше.

Не меньшее внимание, чем строительству каменных домов, правительству уделяло вопросам планировки Петербурга. В этом история новой столицы сильно отличалась от истории развития других городов России. Конечно, не может быть и речи о существовании какого-то заранее разработанного проекта планировки Петербурга. Первое время планировочные мероприятия выражались лишь в том, что при отводе мест под застройку размечались «линии», т. е. направления будущих улиц; однако и это, видимо, делалось не всегда, и часто постройки возникали стихийно совсем не «в линиях», а там, где больше нравилось самим застройщикам.

По-настоящему вопросам планировки Петербурга правительство занялось лишь после Полтавской победы. Из текста целого ряда указов, особенно начиная с 1715 г., видно, что Петр часто сам намечал направление и ширину улиц, месторасположение мостов, направление каналов, характер застройки той или иной части города и т. д. Это делалось обычно в форме резолюций Петра на вопросы, поставленные учреждениями, руко-

²⁷ ЦГИАЛ, ф. 1329, оп. 2, № 16, л. 14.

²⁸ ЦГИАЛ, ф. 1329, оп. 2, № 15, л. 27.

²⁹ ПСЗ, т. V, № 3448.

³⁰ ЦГИАЛ, ф. 1329, оп. 2, № 20, л. 43.

³¹ ПСЗ, т. VI, № 3598.

водившими застройкой С.-Петербурга: Канцелярией городских дел, Полицеймейстерской канцелярией и т. д. Так, например, 4 ноября 1715 г. Петром были даны указания о застройке Выборгской стороны, 20 мая и 16 ноября того же года — о застройке Адмиралтейского острова, в апреле 1716 г. — о застройке Московской стороны³² и т. д.

Несомненно, что Петром давались и устные указания. Однако план строительства новой столицы не был продуман во всех деталях и Петр менял свое мнение о характере застройки и назначении той или иной части города. Первое время основное внимание уделялось Городскому и Адмиралтейскому островам. С 1712 г. начинает застраиваться Московская сторона, здесь получают участки многие из переселяемых в Петербург. Совершенно неожиданно в октябре 1714 г. Петр отдает распоряжение прекратить строительство домов на Московской стороне и отводит участки под застройку всем тем, кто подлежал переселению в Петербург, на Выборгской стороне.³³

Интерес Петра к Выборгской стороне продолжался, однако, недолго, уже в конце 1715 г., а может быть и несколько ранее у него созрела идея создать центр города на Васильевском острове. Выборгская сторона отошла теперь на последний план. Подобного рода факты не могли не вызывать изменения в мероприятиях по планировке Петербурга. В соответствии с указаниями Петра, архитекторами разрабатывались проекты планировки различных частей города. Так, в 1712 г. Петр приказал «сделать чертеж Московской стороны». Этим чертежом, на котором были указаны места, предназначенные для огнестойкого (каменные дома, мазанки) и деревянного строительства, руководствовались при отводе участков под застройку на Московской стороне.³⁴

На Адмиралтейском острове дело обстояло гораздо сложнее. Там уже существовала застройка, возникшая до того, как были составлены проекты планировки. Поэтому планировочные мероприятия были связаны с необходимостью сноса многих домов. Обычно после составления проекта выставлялись вехи, обозначающие направление улиц и указывавшие жителям, какие дома подлежали сносу или переносу на новые места. Такой проект «поправления улиц» Адмиралтейского острова был составлен архитектором Г. И. Маттарнови.³⁵ По-видимому, этот проект имел в виду автор «Описания» Петербурга 1716—1717 гг., когда он писал: «... два года назад были обозначены вехами новые направления улиц, и вехи прошли в беспорядке через дома и стало неизвестно, какая улица или дом должны быть совершенно или наполовину уничтожены».³⁶

После смерти Маттарнови его проект был оставлен и указом от 1 октября 1719 г. предписывалось руководствоваться уже новым проектом, составленным архитектором Н. Ф. Гербедем и «по оному чертежу на том острову улицы, поставя вехи, поправить и, где надлежит строению, по тем вехам в линии быть, перестроить».³⁷ Как видно из текста указа от 22 февраля 1720 г., дома, мешавшие улучшению планировки Петербурга, действительно ломались.³⁸ Планировочные мероприятия на Адмиралтейском

³² ПСЗ, т. V, №№ 2909, 2950, 2955, 3019.

³³ ЦГИАЛ, ф. 1329, оп. 2, № 15, л. 11. Указ о застройке Выборгской стороны был подтвержден 16 сентября 1715 г. (ЦГИАЛ, ф. 1329, оп. 2, № 16, л. 20).

³⁴ ЦГИАЛ, ф. 1329, оп. 2, № 13, л. 13.

³⁵ ПСЗ, т. V, № 3427.

³⁶ *Eigentliche Beschreibung...*, стр. 33.

³⁷ ПСЗ, т. V, № 3427.

³⁸ ПСЗ, т. VI, № 3530.

острове проводились и в последующие годы. Так, например, в 1720 г. в связи с прокладкой новой набережной улицы, устроенной на подсыпанном участке левого берега Невы, была закрыта прежняя улица, проходившая от Почтового двора до старого Зимнего дворца.³⁹

По сведениям Трезини, к 1722 г. на Адмиралтейском острове было проложено 16 улиц общей длиной 5797 сажен (т. е. около 12 км), в том числе: шириной 8—10 сажен — 7 улиц, шириной 7 сажен — 4, шириной 4—5 сажен — 5, а также проложена «перспективная» дорога от Адмиралтейства к Фонтанке длиной 826 сажен и шириной 9 сажен.⁴⁰ Обращает на себя внимание узость тогдашних улиц. Ширина в 4—5 сажен (8—10 м) была обычным явлением, некоторые улицы имели ширину всего 3 сажени и даже «перспективная дорога» была шириной лишь в 9 сажен. Из этого можно заключить, что представление о широких петербургских улицах, существовавших уже в петровское время, является ошибочным и, конечно, не прав П. Н. Петров, который полагал, что ширина современных улиц определилась уже при Петре.⁴¹

Планировочные мероприятия проводились и в других частях Петербурга. В 1715—1716 гг. был разработан генеральный план Петербурга, на который нанесен проект планировки Васильевского острова, где намечался центр города (рис. 8). В 1717 г. Леблон создал новый проект планировки всего Петербурга, попытавшись искусственно вписать план города в геометрическую фигуру эллипса. Проект Леблona, отличавшийся надуманностью и формализмом и не учитывавший местных условий, не был осуществлен. Застройка Васильевского острова проводилась по чертежам Трезини, который в 1717 г. сделал два варианта проекта планировки этого острова, развивавших планировочную структуру проекта 1715—1716 гг.⁴²

В эти чертежи также вносились изменения. В апреле 1722 г. Трезини писал А. Д. Меншикову, что он высылает ему планы Васильевского острова, «и на том же плане назначены дворы, строенные по первому чертежу, которые надлежит перенести на улицу по новому чертежу». На плане Трезини была обозначена запроектированная высота от урвня воды в Неве до погребных окошек домов. Эта высота первоначально намечалась равной 9 футам 7 дюймам, но после наводнения 1721 г. была увеличена на 3 фута — до 12 футов 7 дюймов (3 м 84 см).⁴³ Отсюда видно, что на проектах планировки того времени обозначалось не только расположение улиц и домов в плане, но и задавалась вертикальная отметка, определявшая высоту уровня полов зданий. Окончательный вариант планировки Васильевского острова был составлен уже после смерти Петра.

В письме от 19 декабря 1722 г. Трезини сообщал А. Д. Меншикову, что собирается выслать ему план Адмиралтейского острова, который

³⁹ Высочайшие указы и повеления императора Петра I. Сборник РИО, т. XI, стр. 397—398.

⁴⁰ Составленное по высочайшему повелению обозрение предположений о застроении С.-Петербурга с 1703 по 1834 год в семи исторических атласах. [Атлас Майера]. Атлас I, ч. I, описание, стр. 129—130. Хранится в Государственном музее истории Ленинграда.

⁴¹ См. рассуждения П. Н. Петрова о ширине улиц Литейной части города (П. Н. Петров, ук. соч., стр. 106).

⁴² А. Н. Репников, ук. дисс, стр. XV—XX; Письмо де Лави французскому Министерству иностранных дел Сборник РИО, т. XXXIV, стр. 115, 223; Русская архитектура первой половины XVIII века..., стр. 145—146.

⁴³ ЦГАДА, ф. 198. Письма к Меншикову, «Т», № 15, лл. 5—10

делает Гербель (по-видимому, это был опять новый план этой части города), что же касается Городского острова, то нового чертежа не делается, потому что там сейчас нет нового строительства.⁴⁴ Таким образом при Петре были сделаны проекты застройки всех основных районов города, однако эти проекты не были чем-то незыблемым. Они, как мы уже видели, часто менялись в зависимости от новых указаний Петра.

В результате правительственных мероприятий по урегулированию городской застройки при Петре были заложены основы современной планировки некоторых частей Петербурга. Знаменитые 3 луча, идущие от Адмиралтейства, которыми до сих пор восхищаются архитекторы, были намечены уже в то время. Два из них — Невский проспект и нынешний проспект Майорова — проложены при Петре, направление третьего луча (нынешняя улица Дзержинского), проложенного позднее, определилось также при Петре. Л. Р. Куракин в своей диссертации сообщает, что на плане Петербурга 1722 г. этот третий (средний) луч или средняя перспектива (ул. Дзержинского) уже обозначен. Таким образом, трехлучевая композиция является творением зодчих петровского времени.⁴⁵

Сведения Л. Р. Куракина подтверждаются планом Петербурга 1727 г., хранящимся в Рукописном отделе Библиотеки Академии наук СССР. На этом плане, представляющем собой проект защиты Петербурга от наводнений, обозначены все три луча (рис. 9).⁴⁶ План 1727 г. был опубликован в 1859 г. в «Журнале Главного управления путей сообщения и публичных зданий».⁴⁷

В петровское время в значительной степени определилась также планировка Васильевского острова. Хотя Петр и не успел осуществить всего того, что было намечено, все же планировка Петербурга с его прямыми улицами, проложенными в соответствии со специально разработанными проектами, выгодно отличалась от планировки как других городов России, так и городов Западной Европы, носивших еще средневековый характер. Мероприятия по планировке Петербурга дали городу четкий план, однако они обходились дорого. При проведении их Петр никогда не считался ни с затратами государства (что ложилось на плечи простого народа), ни с интересами петербургских жителей.

Перенос на другие места казенных зданий, казарм и т. д. практиковался часто. В январе 1721 г. в связи с постройкой эллинга⁴⁸ Петр приказал перенести за казенный счет рыбные садки на Неве от нынешней площади Декабристов на новое место у Почтового двора.⁴⁹ В 1723 г. велено было казармы солдат, матросов и конопатчиков Партикулярной верфи перенести поближе к этой верфи.⁵⁰ В 1724 г. царь распорядился перенести во внутрь нового каменного Мытного двора рынок, находившийся до этого на Адмиралтейском лугу,⁵¹ и т. д. Еще меньше считалось правительство с интересами отдельных жителей. Снос и перенос домов

⁴⁴ ЦГАДА, ф. 198. Письма к Меншикову, «Т», № 15, лл. 21—22.

⁴⁵ Л. Р. Куракин, ук. дисс, стр. 94.

⁴⁶ Проект, каким образом город Санкт-Петербург как наискорейше и наиспешнейше против разливания воды укрыть возможно. Хранится в Библиотеке АН СССР. Рукописный отдел. Шифр 17.17.3.

⁴⁷ Журнал Главного управления путей сообщения и публичных зданий, т. 30, СПб., 1859, чертежи, л. IX.

⁴⁸ Эллинг — строение с наклонным фундаментом (стапелем), в котором строится корпус судна.

⁴⁹ ЦГИАЛ, ф. 1329, оп. 2, № 19, л. 38.

⁵⁰ ЦГАВМФ, ф. 174, № 34, л. 25—26.

⁵¹ ЦГИАЛ, ф. 1329, оп. 2, № 21, л. 27.

в связи с мероприятиями по планировке города были делом самым обычным. Каждое изменение проекта планировки вызывало новые осложнения для жителей Петербурга. Дома, с переносом которых на новые места медлили их владельцы, ломались полицией. При этом все расходы по переносу построек падали на самих жителей.

Легкость, с которой правительство Петра отдавало распоряжения о сносе тех или иных домов, поражала иностранцев. Прусский посланник Мардефельд с возмущением сообщал в своем донесении, что барону Левенвольду приказали сначала мостить улицу около своего дома, потом с него взяли деньги на посадку деревьев у этого дома, а в заключение приказали снести самый дом, потому что это место понадобилось Петру для размещения своих преобразенцев. «Часть этого дома, — писал Мардефельд, — Левенвольд постоянно отдавал в наймы иностранным министрам и имел от этого годовой доход в 400 рублей. Что ему за это не возвратят ни гроша, это прямо следует из основных законов этой страны, в которой все принадлежит богу и царю».⁵²

Если так мало соблюдались интересы высокопоставленных иностранцев, то что же говорить о простых людях, с ними уж никак не считались. В 1725 г. (уже после смерти Петра) началась перепланировка Переведенских слобод на Адмиралтейской стороне, так как правительство нашло, что переведенцы «для лутчей выгоды» все должны «в купности быть», «а не как ныне в расстоянии живут». Архитектором Фоншвизеном был составлен проект урегулирования Переведенских слобод. Согласно этому проекту, дома переведенцев (каждый на две семьи) ставились друг против друга таким образом, чтобы один из них выходил на одну улицу, а другой на соседнюю, между домами размещались огороды (см. схему).

Схема расположения домов в Переведенских слободах по проекту архитектора Фоншвизена

Имба (10×8 арш.)	Сени	Чулан Чулан	Огороды	Чулан Чулан	Сени	Имба (10×8 арш.)
---------------------	------	----------------	---------	----------------	------	---------------------

Когда поставлены были вехи, обозначавшие направление новых улиц, выяснилось, что 96 дворов подлежало сносу. Это нисколько не смутило правительство, которое предписало приступить к работе немедленно и тотчас же ломать дома, подлежащие сносу. Была выделена специальная сумма на расходы с тем, однако, чтобы она возместилась за счет самих мастеровых-переведенцев.⁵³ Таким образом, в целях некоторого улучшения планировки Петербурга правительство с необычайной легкостью пошло на ломку сотни домов, принадлежавших людям, жившим на скудное жалованье; две сотни семейств, оставленных без крова, были обязаны за свой счет строить себе новые дома. Такие случаи были далеко не единичны.

Петровские мероприятия по регламентации городской застройки придали Петербургу черты нового города не только по времени его основания. Четкая планировка, прямые улицы, застроенные домами, поставлен-

⁵² Дипломатические документы, относящиеся к истории России в XVIII столетии. Relationen des Freiherrn Gustav von Mardefeld. Сборник РИО, т. XV, СПб., 1875 стр. 185.

⁵³ ЦГАВМФ. . 233, № 260, лл. 179—183. 201—202.

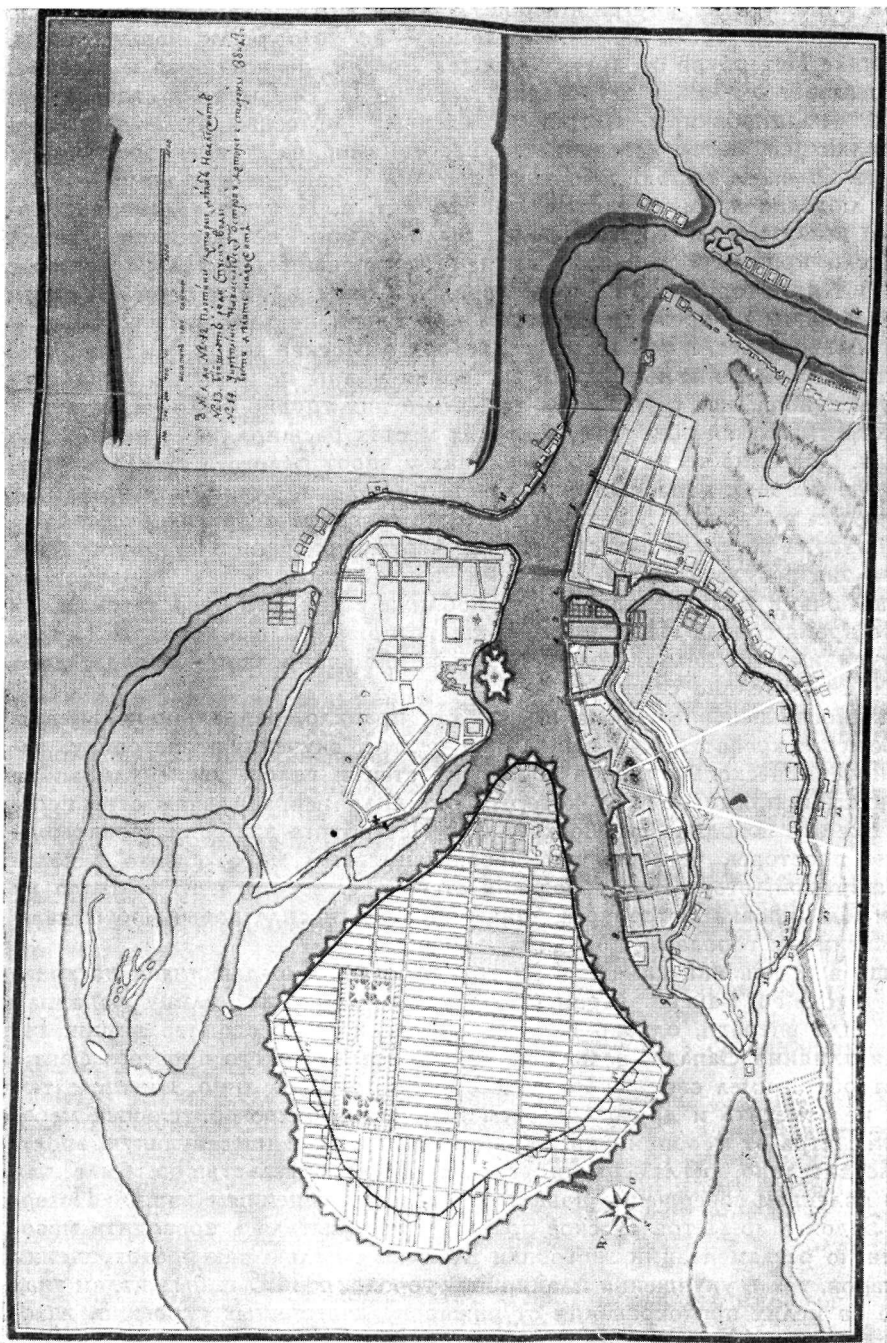

Рис. 9. Проект Миниха защиты Петербурга от наводнений. 1727 г. Отдел рукописной и редкой книги Библиотеки АН СССР.

ными в линию, а не внутри дворов, хорошее архитектурное оформление зданий, большое число каменных домов — все это были новые черты, отличавшие Петербург от других городов России, не исключая и Москву. Вот что пишет о Москве петровского времени П. В. Сытин в своей книге «История планировки и застройки Москвы»: «Москва была застроена в подавляющей массе деревянными строениями; на улицы выходили большей частью заборы с воротами и кой-где меж ними — деревянные людские избы, конюшни, амбары и т. п. Каменные дома по улицам, за исключением Китай-города, были редким исключением. Линии улиц были кривые и ломаные; камнем замощены были только главные улицы в Китай-городе и в Белом городе. Улицы и их переулки внутри были замощены по-прежнему деревом или ничем не замощены».⁵⁴

Несколько ранее, в той же книге, говоря о Москве конца XVII в., Сытин пишет: «Выдержанных линий застройки улицы не имели: в одних местах они суживались строениями так, что в них трудно было развехаться двум встретившимся подводам, в других местах расширялись в настоящие площади. Особенно тесно было на улицах у ворот Белого и Земляного городов, где впереди дворов стояли лавки, цирюльни, кузницы и пр.»⁵⁵

Если так выглядела Москва, то что же говорить о других русских городах! Откуда же были занесены новые черты, присущие Петербургу? Не были ли они результатом перенесения западноевропейских образцов на русскую почву? Если познаться поближе с тем, что представляли собой в то время города Западной Европы, которые удалось повидать Петру, то мы увидим, что нельзя говорить о простом копировании Запада; дело обстояло значительно сложнее.

Западные города имели, как правило, радиально-кольцевую планировку с крепостями и рынками в центре, скученную застройку, заключенную в несколько рядов городских стен и валов, узкие улицы, не отличавшиеся прямизной, от которых отходила неправильная сеть переулков. Все это походило на Москву. Для Петербурга же были характерны широкие просторы, четкость планировки, имевшей мало общего с кольцевой системой, отсутствие городских стен, т. е. все то, чего не было на Западе. Планировка Петербурга, таким образом, носила новые черты даже по сравнению с городами Западной Европы.

Лишь в отношении каменной застройки, обилия выдающихся по архитектуре зданий и манере строить дома фасадами на улице Западная Европа шла впереди, однако и здесь в России были свои традиции. Не отрицая влияния Запада, нельзя не видеть все же такого простого факта, что Петербург имел свое особое и несомненно русское лицо. Вместе с тем нельзя не отметить и другое — преемственность градостроительных мероприятий Петра от мероприятий, проводившихся в предшествующую эпоху.

Действительно, регламентация городского строительства не была для России явлением совершенно новым, впервые примененным лишь в Петербурге. Задолго до Петра русское правительство пыталось проводить мероприятия по регламентации застройки Москвы с целью как предохранения от пожаров, так и улучшения планировки города. В 1495 г. был издан указ о сносе (в целях предохранения от пожаров) деревянных строений, находящихся ближе 110 сажен от стен московского Кремля.⁵⁶ При царе Феодоре Иоанновиче была сделана первая попытка установления нормальной

⁵⁴ П. В. Сытин. История планировки и застройки Москвы, т. I. 1147—1762. Труды Музея истории и реконструкции Москвы, вып. I. М., 1950, стр. 227.

⁵⁵ П. В. Сытин, ук. соч., стр. 183.

⁵⁶ Архитектура и строительство, 1947, № 11.

ширины улиц Москвы (12 сажен для улиц и 6 сажен для переулков),⁵⁷ но этот царский указ не выполнялся.

После пожара 1688 г. был издан указ, требовавший покрытия крыш домов поперек теса землей и дерном и запрещавший строить «хоромное строение о трех жилых» (т. е. трехэтажные дома),⁵⁸ так как считалось, что высокие здания были опасны в пожарном отношении. Именно поэтому запрещалось возведение на крышах высоких гребней.⁵⁹

Уже в XVII в. правительство всячески стимулировало постройку каменных домов и пыталось ограничить деревянное строительство. В 1633 г. были обещаны царские милости всякому, кто построит каменные палаты. Указом 1681 г. предписывалось на погорелых местах по большим улицам строить каменные дома и запрещалось строительство деревянных домов у стен Китай-города и Белого города. Для облегчения же постройки каменных зданий, правительство распорядилось выдавать из казны кирпич с рассрочкой платежа на 10 лет. В 1688 г. было запрещено делать деревянные надстройки на каменных домах.⁶⁰

Прокладка прямых параллельных улиц (характерных для планировки Васильевского острова) практиковалась еще в Москве. Если центральная часть Москвы имела весьма путанный план, то на окраинах ее уже в XVII в. при застройке Хамовнической, Немецкой и Мещанской слобод применялась линейная планировка с прямыми и параллельными улицами, причем дома ставились не внутри дворов, а вдоль улиц. Возможно, что в этом проявилось влияние Запада. Подобную же планировку применил и сам Петр, когда он строил солдатские слободы для Преображенского и Семеновского полков за рекой Яузой. «Светелки», в которых жили солдаты, вытягивались в линию вдоль улицы с соблюдением необходимых в противопожарном отношении разрывов между домами.⁶¹ Отсюда остается один шаг до идеи применения сплошной линии застройки в тех случаях, когда дома делаются из камня, и, следовательно, не нужно устраивать между домами противопожарные разрывы.

В отношении регламентации городской застройки Петр шел по пути, намеченному уже его предшественниками. «Градостроительные реформы Петра были подготовлены предшествующей эпохой», — пишет в своей работе «Старая Москва» П. И. Гольденберг. «Предшественники Петра стремились регулировать городскую застройку: расширить и выпрямить улицы, придать кварталам прямоугольные очертания, строить каменные палаты вдоль главных улиц, но сделано ими было немного и их начинания были продолжены Петром».⁶²

Петру удалось сделать гораздо больше. Он придал градостроительным работам плановый характер и поставил их наравне с выполнением других работ государственной важности. Первоначально регламентация городской застройки проводилась Петром в Москве и начало этому было положено еще до основания Петербурга. Характерно, что очень многое из того, что так настойчиво проводил Петр в Петербурге, он пытался несколько ранее осуществить в Москве.

Согласно указу от 17 января 1701 г. предписывалось на погорелых местах строить в Москве лишь каменные дома или, в крайнем случае, мазанки;

⁵⁷ История Москвы, т. I. М., 1952, стр. 236.

⁵⁸ П. В. Сытин, ук. соч., стр. 164; ПСЗ, т. II. № 1314.

⁵⁹ История Москвы, т. I, стр. 508.

⁶⁰ Там же, стр. 506; П. В. Сытин, ук. соч., стр. 163.

⁶¹ П. В. Сытин, ук. соч., стр. 230.

⁶² П. И. Гольденберг. Старая Москва. М., 1947, стр. 31.

(«по образцам каковы сделаны в селе Покровском») и крыть их черепицей.⁶³ Указом 28 января 1704 г. было запрещено строить деревянные дома во всем Кремле и Китай-городе. Новые дома требовалось делать из камня и ставить по «улицам и по переулкам, а не посреде дворов своих».⁶⁴ Таким образом, уже в 1701—1704 гг. правительство принимает энергичные меры по стимулированию каменной застройки, требует, чтобы дома ставились вдоль улиц (а не в глубине дворов), практикует строительство образцовых домов.

Добиваясь того, чтобы в Кремле и Китай-городе строились лишь каменные дома, Петр запретил возведение каменных зданий в других частях города: Белом и Земляном городе.⁶⁵ Здесь мы опять встречаем применение той меры, которая практиковалась позднее в Петербурге: запрещение строительства каменных домов повсюду, чтобы они строились в назначенном царем месте. В 1712 г. запрещение строительства деревянных домов было распространено и на Белый город. Крыть дома разрешалось лишь черепицей или дерном.⁶⁶ Построенные в Кремле и Китай-городе, вопреки указам, деревянные дома по распоряжению властей ломались.⁶⁷ В 1715 г. было приказано в Москве «во всяком лесном ряду» сделать образцовые деревянные каркасы для мазанок.⁶⁸ По-видимому, этот указ был связан с запрещением в 1714 г. строительства каменных домов во всей стране, кроме Петербурга.

Из всего вышеизложенного следует, что петровские мероприятия по регламентации петербургской застройки были продолжением и дальнейшим развитием того, что несколько ранее было им начато в Москве и что в свою очередь вытекало из предшествующей русской градостроительной практики. И Петр, и его предшественники использовали опыт передовых стран Запада, однако при этом принимался во внимание и опыт России.

Петровские градостроительные мероприятия, как и все его реформы, были подготовлены естественным ходом развития страны. Поэтому они проводились успешно. Но это было не всегда. В тех случаях, когда Петр ставил перед собой надуманные задачи, не вызывавшиеся потребностями жизни, он всякий раз терпел неудачу в их выполнении. Именно поэтому потерпел провал его план устройства центра города на Васильевском острове, а еще раньше на острове Котлине. Поэтому же он не смог осуществить и другой свой замысел — расселения жителей в Петербурге по профессиональному принципу. Об этом следует сказать несколько подробнее.

Средневековый обычай ремесленников разных профессий селиться обособленно друг от друга был широко распространен как в Западной Европе, так и на Руси. В Москве в XVII в. было много ремесленных слобод, названия которых говорили о профессии их жителей: Гончарная, Бронная, Иконная и т. д.⁶⁹

По-видимому, этот обычай, который в XVIII в. начинал уже постепенно превращаться в пережиток прошлого, привел Петра, горячего сторонника регламентации, к мысли о необходимости расселения жителей Петербурга в зависимости от их занятий. План Петра заключался в следую-

⁶³ ПСЗ, т. IV, № 1825.

⁶⁴ ПСЗ, т. IV, № 1963.

⁶⁵ ПСЗ, т. IV, №№ 2051, 2232, 2306.

⁶⁶ ПСЗ, т. IV, №№ 2531, 2534, 2548, 2591.

⁶⁷ Указы и письма императора Петра I к московскому коменданту, а потом Сибирскому губернатору кн. М. П. Гагарину. Сборник РИО, т. XI, стр. 131.

⁶⁸ ПСЗ, т. V, № 2972.

⁶⁹ М. Н. Тихомиров. Древняя Москва (XII—XV вв.). М., 1947, стр. 124—126

шем. Каждая часть города предназначалась для заселения вполне определенной категорией жителей. На Адмиралтейском острове должны были жить лишь те, кто по своей работе был связан с Адмиралтейством; на Московской стороне — те, кто работал в Конюшенном и Артиллерийском ведомствах, в ведомстве Конторы Партикулярной верфи, а также гвардейские полки; на Городском острове — мастерские люди Канцелярии городских дел, военнотружущие полков Петербургского гарнизона и т. д. На Васильевском острове надлежало жить наиболее состоятельному населению города: дворянству, купечеству, разночинцам и, по-видимому, также части ремесленников, т. е. всем тем, кто был в состоянии строить хорошие дома.⁷⁰

Жители Васильевского острова противопоставлялись в какой-то степени населению других частей города, где должен был жить главным образом «подлый» народ. Исключение представляла лишь полоса застройки вдоль реки и ее протоков, которая относилась к парадной части города. На набережных, независимо от того, в какой части города они находились, строила себе дома знать.

Определив назначение каждой части города, Петр добивался, чтобы они заселялись именно так, как он наметил. А так как жители уже успели построить себе дома совсем не там, где им было предназначено, то правительство следовало либо примириться с создавшимся положением, либо переселять всех тех, кто жил не в установленном для него месте. Петр выбрал второй путь.

26 мая 1720 г. был издан указ, в котором говорилось: «... на Адмиралтейском острове и за речкою Мьею (т. е. за Мойкой, — С. Л.) объявить всякого ранга людям, кроме морских и адмиралтейских служителей, у которых дворы на оном острове есть, кроме вышних персон и набережных домов по Большой Неве реке и речке Мье... чтоб они хоромное строение с мест своих сносили и строили на Васильевском острове, и о том требовали мест, понеже на Адмиралтейском острове и за речкою Мьею на оных местах надлежит строитца адмиралтейским служителям и теми местами удовлетворять прежде подлых адмиралтейских служителей, у которых к ломке по векам пришли дворы, а потом и протчим отдавать такие места челобитчиком, адмиралтейским же служителям, которые будут требовать чьих мест».⁷¹

Таким образом, указ требовал переселения с Адмиралтейского острова на Васильевский всех тех, кто по своей работе не был связан с Адмиралтейством. Исключение делалось лишь для «вышних персон» (т. е. знати) и для тех, кто имел дома на набережных Адмиралтейского острова. Освобожденные места подлежали раздаче адмиралтейским служащим, а в первую очередь тем, у кого сносились дома в связи с перепланировкой города. В последующих указах правительство потребовало переселения также и с Московской стороны и с Городского острова всех тех, кому там не надлежало жить. Территория, предназначенная для расселения служащих того или иного ведомства, закреплялась за ним и всякая продажа домов представителям других ведомств была запрещена.⁷²

О насильственном переселении с Адмиралтейского острова на Васильевский прусский посланник Мардефельд писал в 1721 г. следующее: «Так как окончательно решено, что настоящий город будет находиться на Ва-

⁷⁰ ПСЗ, т. V, № 2951; т. VII, №№ 4405, 4474.

⁷¹ Высочайшие указы и повеления императора Петра I... Сборник РИО, т. XI, стр. 404—405.

⁷² ЦГИАЛ, ф. 1329, оп. 2, № 18, л. 87; ПСЗ, т. VII, №№ 4439, 4474.

сильевском острове, то было приказано жителям Немецкой слободы⁷³ переехать туда, на этой стороне вообще не хотят ничего оставлять, кроме строений, принадлежащих к Адмиралтейству. Этот приказ отзывается на всех богатых купцах всех наций, которые ведут оптовую торговлю, ремесленниках всех родов, мясниках, пивных и винных торговцах, одним словом на всех, которые заботятся о необходимости и приятности в жизни. Жители находятся в отчаянии: их лишают домов, садов, теплиц, а потом по произволу заставляют на новых местах опять селиться, а все живущие по реке должны строить каменные дома».⁷⁴

Несмотря на угрозу сломки домов ослушников указов, правительству не удалось осуществить намеченное переселение даже к 1724 г. 5 января 1724 г. еще раз предлагалось жителям Городского острова и Московской стороны переехать на Васильевский остров в 1725 г., иначе дома их будут сломаны, а сами они будут насильно поселены в черные избы на Васильевском острове.⁷⁵ Указ от 14 февраля 1724 г. устанавливал также окончательный срок для переселения с Адмиралтейского острова — 30 июля 1724 г. Ослушникам грозили новые кары.⁷⁶

Все эти угрозы не дали нужных результатов. Петру так и не удалось осуществить свой план регламентации расселения жителей Петербурга. Эта надуманная затея потерпела крах. Преемники Петра еще долго держались за идею закрепления за ведомствами определенных территорий города. Окончательно от нее отказались лишь в 1761 г., когда адмиралтейским служащим было разрешено продавать свои дома.⁷⁷

Интересно, что за год до этого в 1760 г. была отменена повинность дворян по обязательной постройке домов в Петербурге.⁷⁸ Эта чрезвычайная мера Петра, практически давно уже не дававшая результатов, была юридически отменена лишь через 35 лет после его смерти.

⁷³ Немецкая слобода находилась на Адмиралтейском острове в районе нынешней улицы Халтурина.

⁷⁴ Дипломатические документы, относящиеся к истории России. Relationen des Freiherrn Gustav von Mardefeld. Сборник РИО, т. XV, стр. 184—185.

⁷⁵ ПСЗ, т. VII, № 4405.

⁷⁶ ПСЗ, т. VII, № 4474.

⁷⁷ ПСЗ, т. XV, № 11356.

⁷⁸ ПСЗ, т. XV, № 11137. О повинности дворян по строительству домов в Петербурге говорилось на стр. 36—38 и далее.

Глава III

ОРГАНИЗАЦИЯ СТРОИТЕЛЬНЫХ РАБОТ

Чрезвычайно сложная для своего времени задача строительства на пустом месте большого города — столицы Русского государства — могла быть успешно разрешена за сравнительно короткий срок только при наличии хорошей организации всего дела. Основными проблемами здесь были: обеспечение строительства рабочей силой и строительными материалами, четкая организация самих строительных работ. Как мы увидим дальше, петровское правительство справилось с разрешением этих проблем, чем и обеспечило успех строительства Петербурга.

Следует иметь в виду, что в России уже имелся опыт организации крупных строительных работ и существовало специальное учреждение, которое ими занималось, — Приказ каменных дел, созданный еще при Иване Грозном. Как показывает специальное исследование А. Н. Сперанского «Очерки по истории Приказа каменных дел Московского государства»,² этот Приказ был своеобразным центральным строительным управлением XVII в.³ В его распоряжении находились кадры технического персонала («подмастерья каменных дел», «подвязчики», «обжигальщики кирпича»), а также квалифицированные рабочие («записные каменщики» и «кирпичники»), жившие в разных городах страны и обязанные являться на работы по требованию Приказа каменных дел.

Производство строительных материалов также находилось в ведении Приказа каменных дел, который имел несколько кирпичных заводов. Помимо того, обжиг извести, ломка камня и выделка кирпича производились непосредственно на месте работ. В XVI—XVII вв. в России был успешно выполнен целый ряд крупных строительных работ, в том числе таких, как постройка каменных городских стен в Смоленске, Казани, Астрахани,⁴ сооружение Большого каменного моста через Москву-реку и т. д.⁵

Имея возможность использовать опыт Приказа каменных дел по организации строительных работ и располагая кадрами квалифицированных рабочих (правда, очень немногочисленными), Петру легче было взяться за

¹ Под организацией строительных работ автор понимает весь комплекс организационных и отчасти технических вопросов, связанных со строительством: создание специальных учреждений, руководящих работами, обеспечение строек техническим персоналом, организация технического надзора, методика производства работ, распределение рабочей силы по стройкам и т. д.

² А. Н. Сперанский. Очерки по истории Приказа каменных дел Московского государства. М., 1930, 221 стр.

³ Приказ каменных дел прекратил свое существование в 1700 г.

⁴ Пискаревский летописец. Материалы по истории СССР. II. Документы по истории XV—XVIII вв. М., 1955, стр. 90, 91, 94, 95.

⁵ П. В. Сынтин, ук. соч., стр. 165.

выполнение такой трудной задачи, как строительство Петербурга. Вопросами организации строительных работ пришлось заняться с первых же дней. Уже через несколько лет после основания города возникла необходимость в создании специального учреждения для руководства строительством. В 1706 г., как уже сообщалось в первой главе, была учреждена Канцелярия городских дел, на которую возлагалось руководство основными строительными работами в Петербурге.

Изучение архивных фондов Канцелярии городских дел показывает, что функции ее были очень широкие. В ее распоряжение поступала большая часть «рабочих людей», ежегодно прибывавших из разных губерний на строительство Петербурга, кроме того, она располагала кадрами мастеровых людей, переселенных в Петербург на постоянное местожительство, она распоряжалась также всеми денежными средствами, собираемыми государством на строительство новой столицы, ведала производством строительных материалов. Архитекторы и мастера Канцелярии городских дел руководили важнейшими строительными работами, составляли проекты и сметы новых построек. Канцелярия городских дел заключала договоры с подрядчиками на производство различных работ, заботилась о подготовке кадров мастеровых людей и технического персонала.

Несмотря на то, что строительством Петербурга занималась не одна лишь Канцелярия городских дел, но и другие учреждения, например Адмиралтейство, все же в вопросах городского строительства ей принадлежала ведущая роль. Располагая основными кадрами строительных работ и технического персонала, а также средствами, отпускавшимися на городское строительство, Канцелярия городских дел не только руководила производством всех важнейших работ (в том числе и многими постройками для других ведомств), но и разрешала основные вопросы градостроительства, давая тем самым общее направление всем работам, была инициатором многих царских указов по застройке Петербурга, и очень часто через нее передавалась воля Петра по вопросам строительства города.

Архитекторы Канцелярии городских дел разрабатывали проекты планировки Петербурга, типовые чертежи жилых домов, утверждали проекты отдельных зданий, отводили места под застройку, разбивали на местности направление улиц и каналов, наблюдали за выполнением царских указов по регламентации петербургской застройки. Из всего этого видно, что в какой-то степени от них зависело все строительство в городе, производившееся как различными учреждениями, так и частными лицами.

Чтобы составить себе представление о размахе работ, производившихся непосредственно Канцелярией городских дел, достаточно перечислить то, что она выполняла, например, в 1720 г. В этом году под ее наблюдением строились: Петропавловский собор, Петропавловская крепость (строительство каменных бастионов и другие работы), каменное здание госпиталя на Выборгской стороне (взамен мазанкового), новый подъемный мост у Петропавловской крепости, водовозводная машина для фонтанов Летнего сада, канал из Невы (от Литейного двора) в Фонтанку, каменная стенка в канале у Зимнего дворца, канал у Симеоновской церкви, подъемные мосты через каналы, каменное здание Коюшенного двора, адмиралтейская церковь, различные работы в Летнем саду, бумажная мельница на взморье и т. д. Кроме того, велись работы в Кроншлоте. Петергофе. Шлиссельбурге.⁶

⁶ ЦГ АДА ф. 9, отд. II, кн. 50, лл. 320—322; ЦГИАЛ, ф. 467, оп. 483/1440. № 253, лл. 1—4.

Канцелярия городских дел вела все дворцовое строительство в Петербурге и в пригородах (Зимний и Летний дворцы, Летний сад, дворцы в Петергофе и Стрельне и т. д.), строила казенные общественные здания (Кунсткамера, здание 12 Коллегий, Мытные дворы и т. д.), Петропавловскую крепость, многие жилые здания, в том числе и дома для мастеровых переведенцев, большинство подъемных мостов и каналов, лесопильные и другие мельницы и т. д. и т. д. Выполнение всех этих обязанностей требовало большого штата и четкости работы, тем более, что Канцелярия городских дел сама должна была обеспечить свои стройки строительными материалами, и в ее распоряжении, как мы увидим дальше, находился, целый ряд соответствующих заводов.

В 1724—1727 гг. штат Канцелярии состоял из 54 человек:⁷ директор, 2 члена Канцелярии, 9 комиссаров, 39 секретарей и других канцелярских служащих, 1 переводчик и 2 сторожа.

Однако это была лишь одна Контора. Кроме того, Канцелярия от строений⁸ располагала постоянными кадрами архитекторов, гезелей, мастеров, подмастерьев, учеников, мастеровых людей и т. д. Общее количество всех указанных лиц составляло в 1727 г. 1852 человека, из них одних архитекторов было 7 человек. Технический персонал возглавлял «полковник от фортификации и архитектор» Д. Трезини. Интересно, что если среди мастеров было еще очень мало русских, то подмастерья были почти исключительно из русских, а ученики только русские. Благодаря этому русские составляли более 3/4 всего технического персонала (176 человек из 229).

Среди мастеровых людей находились люди самых различных специальностей: каменщики, кирпичники, печники, каменотесы, штукатуры, столяры, каменоломщики и т. д.⁹ Это были квалифицированные рабочие — основное ядро Канцелярии городских дел. В здании, которое занимала Канцелярия (бывший каменный дворец умершей в 1716 г. царевны Натальи Алексеевны, находившийся на Неве в Литейной части города),¹⁰ размещались также и производственные помещения или, как говорит А. Богданов, «онный дом занят под мастерские департаменты, в которых работают всякие мастерства».¹¹ Для массовых работ Канцелярия городских дел использовала неквалифицированную рабочую силу: «рабочих людей», отбывавших трудовую повинность по строительству Петербурга, «каторжных невольников» (т. е. осужденных на каторгу), военнопленных, войска, вольнонаемных рабочих и т. д. (обо всех этих категориях рабочих будет сказано подробнее в главе IV).

Кроме того, в ведении Канцелярии городских дел находился батальон солдат, учрежденный в 1709 г. Некоторые исследователи, например П. Н. Петров, склонны рассматривать этот батальон как техническую

⁷ И. К. Кирилов. Цветущее состояние Всероссийского государства, в каковое начал, привел и оставил неизреченными трудами Петр Великий, отец отечества, император и самодержец всероссийский и прочая, и прочая, и прочая. Собрано трудами статского советника и бывшего в Сенате обер-секретаря г. Ивана Кирилова из подлиннейших сенатских архивов в феврале месяце 1727 года. Книга I. М., 1831, стр. 9, 34.— Книга Кирилова была написана в 1724—1727 гг.

⁸ В 1723 г. Канцелярия городских дел была переименована в Канцелярию от строений.

⁹ И. К. Кирилов, ук. соч., кн. I, стр. 31—32.

¹⁰ Этот дворец находился примерно в том месте, где нынешний проспект Чернышевского выходит к Неве.

¹¹ А. И. Богданов, ук. соч., стр. 60—61.

команду.¹² Это мнение неверно, по крайней мере для петровского времени. По указу 1709 г. батальон был придан Канцелярии городских дел для выполнения следующих функций: доставка припасов, надзор за работными людьми, несение караула.¹³ В последующее время солдаты, знавшие ремесло, стали привлекаться за особое вознаграждение к производственной работе, однако такие случаи при Петре были едва ли часты.

Общее число военнотружущих в батальоне превышало 500 человек. По указу 1718 г. денежное и хлебное жалование на батальон Канцелярии городских дел должно было выдаваться из расчета на 530 человек.¹⁴

В 1724—1727 гг. в батальоне значилось 669 человек: штаб- и обер-офицеров — 18, унтер-офицеров и солдат — 632 и неслужащих (видимо, невоеннотружущих) — 19.¹⁵

При Канцелярии городских дел имелась школа, в которой один из архитекторов преподавал ученикам черчение, математику, элементы строительного искусства.¹⁶ Здесь будущие архитекторы получали свое первоначальное образование. Ученики вербовались иногда из других школ. В 1712 г. решением Сената в Петербург «для науки архитектурных и других к городским строениям приличных дел» было направлено 10 человек учеников математической школы.¹⁷

Большое внимание уделялось производственному обучению. Для этой цели использовались квалифицированные рабочие, которые обучали своей профессии неумеющих. Очень часто к делу обучения мастерству привлекались мастера из иностранцев. В 1724 г., например, мастер слесарного дела, француз, осужденный за убийство на каторгу, был направлен под караулом в Канцелярию от строений для обучения слесарному делу подведомственных ей людей.¹⁸ В 1710 г. Петр дал распоряжение московскому коменданту М. П. Гагарину (будущему сибирскому губернатору) подобрать и прислать в Петербург человек 13 «молодых ребят» в возрасте 17—18 лет с тем, чтобы они обучались у садовника «огородной науке».¹⁹

Из всего сказанного видно, что Канцелярия городских дел была замечательным учреждением своего времени, которое по размаху своей деятельности далеко превзошла Приказ каменных дел, хотя она и производила работы лишь в Петербурге и его окрестностях. Достаточно указать, что в 1700 г., т. е. в год ликвидации Приказа каменных дел, в его штате числилось «подмастерьев каменных дел» всего 7 человек, «подвязчиков» — 11 человек, квалифицированных каменщиков, проживавших в Москве и находившихся на жалованье, — 40 человек (остальные каменщики жили в других городах и приходили лишь на время).²⁰ Между тем в Канцелярии городских дел, как мы видели, одного только технического персонала насчитывалось свыше 200 человек, причем этот персонал был гораздо квалифицированнее, чем «подмастерья каменных дел» и «обжигальщики» Приказа каменных дел.

Душой всего дела в Канцелярии городских дел был энергичный Ульян Акимович Синявин, брат известного вице-адмирала Наума Акимовича

¹² П. Н. Петров, ук. соч., примечание 123.

¹³ ЦГИАЛ, ф. 467, оп. 73/187, кн. 56, лл. 586—587.

¹⁴ Там же

¹⁵ И. К. Кирилов, ук. соч., кн. I, стр. 9.

¹⁶ И. Э. Грабарь. История архитектуры, т. III, стр. 31.

¹⁷ Доклады и приговоры..., т. II, кн. I. СПб., 1882, стр. 139. В тексте указываются фамилии учеников.

¹⁸ ЦГИАЛ, ф. 1329, оп. 2, № 21, л. 2.

¹⁹ ЦГИАЛ, ф. 1329, оп. 1, № 8, л. 54.

²⁰ А. Н. Сперанский, ук. соч., стр. 125, 141, 148.

Синявина. В 1714 г. во главе Канцелярии городских дел был поставлен князь Алексей Михайлович Черкасский, впоследствии канцлер, однако Синявин продолжал и при Черкасском играть в строительстве Петербурга очень большую роль. Черкасский по отзывам современников был ленивым, малоподвижным, весьма посредственным человеком.²¹ Возможно, что именно Синявин, а не Черкасский, был инициатором различных предложений по строительству Петербурга, хотя в документах всюду фигурирует фамилия Черкасского. Но нельзя сводить на нет и роль Черкасского, как это делает И. Э. Грабарь; едва ли Петр, хорошо разбиравшийся в людях, мог поставить во главе большого и очень дорогого ему дела совершенно бездарного человека в угоду лишь его знатности.

В 1720 г. после того как А. М. Черкасский стал сибирским губернатором, У. А. Синявин был назначен директором Канцелярии городских дел. В этой должности он пробыл до 1735 г.²² Кроме Синявина, крупную роль в Канцелярии городских дел играл выходец из Италии архитектор Доменико Трезини, называвшийся в наших документах Андреем Трезиним или даже Друзиным. Он был автором проектов целого ряда построек того времени. Под его наблюдением и по его проектам производились самые разнообразные работы (Петропавловский собор, Петропавловская крепость, здание 12 Коллегий, некоторые мосты и т. д.); он размечал на местности направления улиц и каналов, отводил места под застройку и выполнял много других обязанностей.²³ В Канцелярии городских дел Трезини играл, по-видимому, роль технического руководителя и ведущего архитектора.

Короткое время (в 1716—1719 гг.) эту обязанность выполнял французский архитектор Ж. Леблон, которому Петр подчинил всех архитекторов, работавших в Петербурге.²⁴ Леблон взялся прежде всего за улучшение организации работ. Сразу по прибытии в Петербург он назначил из числа имевшихся мастеров начальников над отдельными видами работ. Таким образом, им были назначены начальники над слесарями, резчиками камня, столярами и литейными мастерами.²⁵

Осмотрев работы, производившиеся в Летнем саду, Петергофе, Стрельне, Леблон дал свои очень обстоятельные соображения по лучшей их организации с подсчетом всех работ и потребных материалов.²⁶ Им была учреждена первая школа лепки и художественной резьбы из дуба, открыто 19 мастерских, организована архитектурная школа, поднято значение Канцелярии городских дел.²⁷ С именем Леблона связан его широко известный проект планировки Петербурга, о котором уже говорилось во второй главе.

В руководстве строительными работами большую роль играли русские архитекторы: Иван Матвеев, Федор Васильев, Григорий Устинов и, особенно, Михаил Земцов, который уже в петровское время выполнял ответственные поручения. Следует помнить, что всем архитекторам приходилось тогда производить самые разнообразные работы, далеко выходящие за рамки чисто архитектурных. В деле организации строительства, по-

²¹ См. статью Н. Н. Павлова-Сильванского о князе А. М. Черкасском в «Русском биографическом словаре» (СПб., 1905).

²² П. Н. Петров, ук. соч., стр. 61 и примечание 121.

²³ М. Корольков. Архитекты Трезини. Старые годы, 1911, № 4, стр. 17—26.

²⁴ ЦГАДА, ф. 9, отд. II, оп. 9/3, кн. 28, л. 102.

²⁵ ЦГАДА, ф. 198 Письма к Меншикову, «Л», № 10, лл. 26, 28, 30, 32.

²⁶ ЦГАДА, ф. 198. Письма к Меншикову, «Л», № 10, лл. 210—255, 258—265.

²⁷ П. Н. Петров, ук. соч., стр. 116.

мимо архитекторов, большое значение имели и многие мастера, такие, как «спishного дела мастер»²⁸ фон Более, руководивший постройкой целого ряда мостов и других сооружений из дерева, а также каналов, Тимофей Фонармус, возглавлявший кирпичное и черепичное производства Канцелярии городских дел,²⁹ и т. д.

Как уже говорилось, Канцелярия городских дел была не единственным учреждением, ведавшим строительными работами в Петербурге. Так, например, Адмиралтейство само строило свои производственные помещения (здание Адмиралтейства, канатный двор, кузницы и т. д.), дома для своих мастеровых людей — переведенцев, каналы вокруг и внутри Адмиралтейства, подъемные мосты через эти каналы, дома руководителей морского ведомства (Апраксина, Кикина, Крюйса и др.) и т. д.

Из строительных работ на Адмиралтейском острове, а также и в некоторых других частях города очень многие выполнялись силами Адмиралтейства, которое располагало большими кадрами людей («мастеровых» и «работных»), техническим персоналом и собственными заводами по производству строительных материалов. Правда, Адмиралтейство не имело какой-либо особой конторы, специально занимавшейся работами по городскому строительству. Все выполнялось теми же людьми, под руководством той же администрации, которая ведала и строительством кораблей, портовых сооружений и т. д.

В 1705 г. адмиралтейскими строительными работами руководили два брата Р. Д. и А. Д. Мещерские вместе с подъячим С. Степановым, которым было поручено «адмиралтейский двор строить и ведать». Никакого разграничения между кораблестроительными и гражданскими работами не было. Мещерские занимались и заготовкой корабельных частей (мачты, кокоры), и постройкой «светлиц» на Адмиралтейском дворе для корабельных припасов, и строительством домов для мастеровых людей, «хором» для руководителей Адмиралтейства, канатного сарая и т. д. Они же руководили устройством военной крепости вокруг Адмиралтейства и рядом других работ. Петербургским Адмиралтейством ведал в это время олонецкий комендант И. Я. Яковлев, которому подчинялись князья Мещерские.³⁰

Позднее, когда А. В. Кикин был назначен адмиралтейским советником, руководство строительными работами перешло к нему. С приездом в Петербург адмирала Ф. М. Апраксина главным руководителем всего дела стал сам адмирал. Конечно, он не вникал во все детали. Производство отдельных работ поручалось каждый раз тому или иному из представителей адмиралтейской администрации, и разделения между кораблестроительными и просто строительными работами по-прежнему не было.

В первые годы существования Петербурга значительную роль в строительстве Петербурга играл военный комендант Р. В. Брюс. В его распоряжение для строительства оборонительных сооружений (и в первую очередь Петропавловской крепости) поступала часть работных людей, высылавшихся из губерний на строительство Петербурга. В отсутствие Петра и Меншикова Брюс был, по-видимому, главным лицом в Петербурге, и без его распоряжения не производились никакие работы. В 1705 г. А. Д. Меншиковым было дано приказание Яковлеву строить крепость

²⁸ Т. е. специалист по устройству шпиров на зданиях.

²⁹ Это был тот самый Тимофей Фонармус, которому, по его просьбе, была дана в 1723 г. монополия (сроком на 10 лет) на беспрошленную добычу и продажу торфа в России (ПСЗ, т. VII, № 4365).

³⁰ Материалы для истории русского флота, ч. III, стр. 545—556.

вокруг Адмиралтейства, однако эта работа не была начата до тех пор, пока такого распоряжения от Меншикова, а также и чертежа будущей крепости не получил сам Брюс.³¹

Несомненно, что в первые годы существования Петербурга строительными работами в городе занималась и Губернская канцелярия. У нас, например, имеются сведения об участии в 1712 г. петербургского вице-губернатора Я. Н. Римского-Корсакова в постройке Литейного двора.³² После учреждения в 1718 г. должности генерал-полицеймейстера появилось еще одно ведомство, имевшее непосредственное отношение к строительству Петербурга — Главная полицеймейстерская канцелярия.

С самого своего возникновения Полицеймейстерская канцелярия (о которой нам предстоит еще много говорить в шестой и, особенно, в седьмой главах настоящей работы) получила большое влияние на все дела, связанные с Петербургом. Обязанность следить за выполнением царских указов по регламентации городской застройки перешла к полиции; она же стала заниматься отводом земельных участков под застройку, разбивкой на месте направления улиц и каналов, для чего при полиции была учреждена специальная должность архитектора с тремя помощниками.

Все чаще воля царя по вопросам нового строительства в Петербурге стала передаваться через посредство Полицеймейстерской канцелярии, и, следя за выполнением царских указов, полиция получила возможность вмешиваться в дела других учреждений, занимавшихся строительством: Канцелярии городских дел и даже Адмиралтейства. Однако это вмешательство носило большей частью административный характер, потому что Полицеймейстерская канцелярия, не имея соответствующих кадров технического персонала, не могла возглавить все дело строительства Петербурга.

Душой строительства оставалась по-прежнему Канцелярия городских дел, несмотря на то, что к полиции и перешли некоторые из ее функций. Кроме того, следует иметь в виду, что не располагая крупными денежными средствами, а также кадрами рабочих и технического персонала, полиция не производила сама сколько-нибудь крупных строительных работ в городе, ограничившись контролем за выполнением этих работ другими ведомствами.

Необходимо сказать несколько слов еще об одном учреждении, занимавшемся строительством, — Александро-Невском монастыре. Александро-Невский монастырь выполнял большие строительные работы как за городом (на территории монастыря), так и в самом Петербурге (монастырские подворья и т. д.). Он имел свои кадры квалифицированных мастеровых людей из числа монастырских крестьян, свои заводы по производству строительных материалов, для руководства работами пользовался услугами архитекторов. В миниатюре здесь делалось то же, что и в Петербурге: возводились монументальные здания, строились производственные помещения, жилые дома для мастеровых людей, прорывались каналы, разбивались сады, прокладывались дороги, делались мосты и т. д. Руководство всем делом осуществляло монастырское начальство, действовавшее по указаниям Петра.

Из всего сказанного видно, что в петровское время в Петербурге существовал целый ряд учреждений, занимавшихся строительством города, однако это ни в коей мере не мешало общей целеустремленности всех

³¹ Материалы для истории русского флота, ч. III, стр. 549—550, 553—555.

³² ЦГАВМФ, ф. 1233, № 33, лл. 145—155.

работ, которая обеспечивалась постоянным вмешательством царя. Петр был фактическим руководителем строительства города. От него шли все важнейшие указания. Когда царь находился в Петербурге, он стремился вникать во все мелочи. Будучи же за сотни верст от новой столицы, он требовал присылки себе подробнейших сведений о ходе работ и сообщал свои решения. Без указания царя не начиналось ни одно сколько-нибудь значительное дело.

Любопытно, что даже в вопросах архитектуры, где Петр не мог считать себя специалистом, он также четко проводил свою линию. В одной из своих последних работ академик И. Э. Грабарь пишет об «огромной решающей доле личного участия Петра в создании облика Петербурга». «Тщательное изучение всех сохранившихся материалов, относящихся к строительству города, — пишет далее Грабарь, — приводит к заключению, что ни одно значительное здание не строилось без прямого участия царя во всех стадиях его созидания, начиная с первых проектов и кончая отдельными работами». Именно поэтому, по мнению Грабаря, несмотря на то, что в строительстве Петербурга участвовали архитекторы самых разнообразных национальностей, в нем не получилось стилистической анархии и сохранился русский дух.³³

Если можно говорить о решающей роли Петра в вопросах архитектуры Петербурга (о чем должны судить архитекторы, а не историки), то не приходится сомневаться в решающей его роли в организации строительства; этим обеспечивалось единство действий и успех всего дела. Большую роль сыграло также то, что Петру в лице Канцелярии городских дел удалось создать учреждение, которое являлось идейным вдохновителем всего строительства.

Несколько слов о роли петербургского губернатора А. Д. Меншикова. Как видно из сохранившейся в архивах его переписки с разными лицами, Меншиков уделял строительству Петербурга очень большое внимание. Ему писали донесения непосредственные руководители работ — Трезини, Синявин, Леблон и другие, и каждому он давал свои указания. Трудно сказать, как много проявлял Меншиков личной инициативы в вопросах строительства Петербурга. Чаще всего он выступал как непосредственный исполнитель воли Петра.

По-видимому, в значительной степени инициативой Петра следует объяснить то, что в строительстве Петербурга применялись многие новые для того времени методы производства работ. Но это было достигнуто не сразу. В первые годы строительства Петербурга отсутствовало даже самое элементарное техническое обеспечение работ. Автор «Описания» Петербурга 1710—1711 г. пишет, что на строительство Петропавловской крепости людям приходилось переносить землю в полах своей одежды или же в небольших рогожных мешках, которые перетаскивались на плечах.³⁴ Однако в дальнейшие годы для перевозки грунта употреблялись уже тачки, называвшиеся тогда «тележками», которые до того времени, по словам Вебера, были в России неизвестны.³⁵ Это, однако, не совсем верно. А. Н. Сперанский сообщает, что в 1670 г. для постройки гостиных дворов в Архангельске была куплена в числе другого технического оборудования и «тележка немецкая образцовая».³⁶

³³ Русская архитектура первой половины XVIII века, стр. 112.

³⁴ Описание Санктпетербурга и Кроншлота... Русская старина, т. XXXVI, стр. 36—37.

³⁵ [Weber] Das veränderte Russland..., стр. 447.

³⁶ А. Н. Сперанский, ук. соч., стр. 81.

Колеса для тачек в петровское время делались из березы, оси — из дуба. Правительству удалось наладить производство тачек в больших для того времени размерах. В конце 1719 г., например, были сданы подряды на изготовление 5000 тачек с колесами (по цене 7 алтын за штуку) и отдельно на изготовление 5000 колес с осями (по цене 4 алтына за колесо). Эти подряды выполнялись в 1720 г.³⁷ Готовые тачки принимались в соответствии с установленными образцами. Эта «стандартизация» очень характерна для петровского времени: также по образцам изготавливались кирпич, черепица и другие строительные материалы. Мы уже знаем, что и дома строились по образцам; даже для торговых палаток, как мы увидим дальше, был сделан соответствующий образец. Таким образом, внедрялись наиболее удобные типы построек и строительных материалов.

В больших масштабах на строительстве Петербурга была применена механическая распиловка бревен на доски, о чем более подробно будет сказано в пятой главе этой книги. Следует лишь отметить, что лесопильное дело в то время еще мало было распространено в России, где даже самые простые поперечные пилы приходилось вводить в указном порядке.³⁸ Русский человек привык обходиться только одним топором, действуя им поистине виртуозно, как неоднократно отмечалось современниками.³⁹ С помощью топора же изготавливались и доски. Обилие леса позволяло не экономить его, и хищническое расходование деревьев поражало иностранцев.

По словам Леблона, при изготовлении досок с помощью топора бревно диаметром 18 дюймов (около 46 см) раскалывалось вдоль на две части и из каждой половины вытесывалась доска толщиной 4—5 дюймов (10—12,5 см). Столяры и плотники, которым не нужна была такая толщина, снова отесывали доски до толщины 1½—2 дюйма (4—5 см).⁴⁰ Таким образом, большая часть древесины шла в стружки. Механическая распиловка бревен на доски не только содействовала экономному расходованию леса, но, что еще важнее, значительно увеличила скорость изготовления досок и уменьшила трудоемкость этого процесса.

При забивке свай употреблялись копры, которые были в петровском Петербурге самым обычным явлением.⁴¹ Широко применялся также метод заготовки срубов домов в непосредственной близости леса с последующей доставкой их в Петербург. В 1711 г. Адмиралтейство рубило дома на реке Тосне силами работных людей (присланных из разных губерний). Законченные срубы переправлялись (по-видимому, по воде) в Петербург. 11 июля 1711 г. было «принято к Адмиралтейству присланных с Тосны реки в разных месяцах и числах сто изб, в том числе 24 избы с полами и потолки», а в остальных «потолки есть, а полов, крючьев и решетин на верхи нет». По указу царя велено было недостающие полы и обрешетку сделать и немедленно выслать в Петербург.⁴²

Метод заготовки срубов домов на месте и перевозки их в город был распространен в России. Вебер пишет, что в Москве на рынках продают готовыми сотни домов, сделанных на продажу. Такими домами застроена

³⁷ ЦГИАЛ, ф. 467, оп. 73/187, кн. 19, лл. 151—163; оп. 484/1446, № 15 лл. 2—3; ЦГАДА, ф. 9, отд. II, кн. 50, лл. 320—322.

³⁸ ПСЗ, т. IV, № 1883.

³⁹ *Eigentliche Beschreibung...*, стр. 75.

⁴⁰ ЦГАДА, ф. 198. Письма к Меншикову, «Л», № 10, лл. 66—69.

⁴¹ См., например: ЦГАВМФ, ф. 176, № 15, л. 705.

⁴² ЦГАВМФ, ф. 176, № 60, ч. I, лл. 376—378, 495—496.

большая часть Москвы.⁴³ Очень интересно упоминание Вебера, что строительные работы в Петербурге производились круглый год.⁴⁴

Петром было обращено большое внимание на изготовление и внедрение в практику строительства мало распространенных в России видов строительных материалов. Такими материалами были: черепица, изразцы, стекло и др. Стекло было настолько еще редко, что даже богатые люди обходились слюдой. В 1711 г. при постройке дома для царицы Марфы Матвеевны в Петербурге в окна вместо стекла вставлялась слюда. Интересно, что стены комнат царицы обивались холстом.⁴⁵ Обычай обивать холстом не только стены, но и потолки комнат был очень распространен в Петербурге. Некоторые жители обивали полотном балконы, башни в садах и заборы вокруг садов.⁴⁶

Для увеличения продолжительности службы деревянных конструкций употреблялся метод наружной их окраски. Так, например, окрашивались деревянные мосты.⁴⁷ В 1724 г. Коммерц-коллегия постановила сдать подряд на окраску построенных на Троицкой площади биржи, ваяни, амбаров и заборов. По вызову коллегии явилось 5 подрядчиков, изъявивших желание взять на себя эту работу.⁴⁸ Окрашивались также немногочисленные еще тогда в Петербурге железные крыши домов. Такие крыши имели, например, дворец Меншикова и дом его маршалка Соловьева на Васильевском острове. Крыша дворца Меншикова была окрашена в розовый цвет.⁴⁹

Во время строительства здания 12 Коллегий на Васильевском острове была применена совершенно своеобразная организация работ. Первоначально работы велись Канцелярией городских дел, но, видимо, дело шло медленно, потому что Петр распорядился, чтобы каждая коллегия строила самостоятельно свою часть здания. В ответ на это приказание архитектор Трезини подал записку, в которой доказывал, что такой метод распределения работ очень неудобен потому, что трудно ожидать, чтобы все коллегии одновременно заготовили материал и обеспечили строительство мастеровыми людьми; к тому же каждой коллегии понадобится посылать от себя комиссара с подьячими и с караульными солдатами. На докладе Трезини Петр наложил резолюцию «камень, кирпич, известь подрывать в одном месте, а протчее все по коллегии каждому».⁵⁰

Конечно, метод строительства одного и того же здания несколькими учреждениями нельзя признать удачным; здесь проявилось стремление Петра найти какой-то способ ускорения затянувшихся работ. В целом же для строительства Петербурга было, как мы видели, характерно широкое применение новых методов и технических приемов строительства, что немало способствовало общему успеху дела.

Одним из методов лучшей организации работ было широкое применение подрядного способа. Петровское правительство всячески поощряло сдачу строительных работ в подряд потому, что это давало возможность, во-первых, привлечения частных капиталов к делу строительства города и, во-вторых, использования частной инициативы. Сдав работы в подряд,

⁴³ Записки Вебера. Русский архив, год десятый, 1872, стр. 1358.

⁴⁴ Там же, стр. 1416—1417.

⁴⁵ ЦГАВМФ, ф. 1233, № 12, л. 376.

⁴⁶ Петербург в 1720 году: Записки поляка-очевидца. Русская старина, т. XXV, стр. 269.

⁴⁷ ЦГИАЛ, ф. 470, оп. 76/188, № 3, л. 8.

⁴⁸ ЦГИАЛ, ф. Коммерц-коллегии, экспедиция 4, оп. 2, № 2, картон 2627, лл. 119—122.

⁴⁹ Eigentliche Beschreibung..., стр. 47, 49.

⁵⁰ ЦГИАЛ, ф. 1329, оп. 1, № 26, лл. 33—34.

правительство уже не заботилось об организации самих работ и обеспечении строительства материалами и рабочей силой.

Немалое значение играла и финансовая сторона дела: не без основания считалось, что работа подрядным способом, несмотря на колоссальные барыши, получаемые подрядчиками, обходится государству все же дешевле, чем выполнение ее хозяйственным способом, т. е. непосредственно самими ведомствами. Дорогостоящая бюрократическая машина каждого такого учреждения была неповоротлива и неоперативна в работе; по каждому пустяку требовалась санкция государственной власти; сроки, как правило, не выдерживались, а сами работы, в конечном счете, обходились очень дорого.

В первые годы строительства Петербурга, когда все приходилось организовывать на пустом месте, когда Петербург еще только начал существовать как городской центр, все работы производились непосредственно ведомствами, силами тысяч рабочих людей, собранных в порядке трудовой повинности со всех концов России. Однако и тогда правительство всячески стремилось возможно большее число работ сдать в подряд, широко публикуя в стране о подрядах, сдававшихся в Петербурге. В 1712 г., например, Сенат приговорил «поставить листы» в губерниях (т. е. вывесить объявления) о вызове желающих взять подряд на поделку кирпича для Петербурга.⁵¹

К концу второго десятилетия XVIII в. положение сильно изменилось: большие возможности применения капиталов привлекли в Петербург значительное число людей, располагавших денежными средствами. В 1717 г., когда встал вопрос об отмене трудовой повинности по строительству Петербурга, эта мера аргументировалась тем, что «ныне на многие дела являются подрядчики и наемщики, которыми некоторые работы исправляются удобнее и скорее, нежели государственными работниками».⁵² В 20-х годах XVIII в., как мы увидим далее (см. гл. IV), правительство смогло уже обойтись без трудовой повинности, заменив ее денежным сбором с населения.

Интересно, что увеличение роли частной инициативы в 20-х годах XVIII в. наблюдалось не только в строительстве Петербурга, но также и в промышленности. «Пробуждение частной инициативы, — пишет в своей работе «Мануфактура при Петре I» Е. И. Заозерская, — произошло не сразу и не по указу со стороны правительства. Русские люди, в частности купечество, долго прислушивались к воззваниям и убеждениям правительства, внимательно присматривались к новому явлению в хозяйстве страны, а затем к двадцатым годам оценили его значение для себя и по-разному, по мере сил и умения, взялись за новое дело».⁵³

Однако и в 20-х годах XVIII в. далеко не всегда удавалось быстро найти подрядчиков на все работы, которые сдавались в подряд. В документах того времени часто говорится, что о сдаче в подряд тех или иных работ «было опубликовано», а «подрядчики не явились» (т. е. желающих взять на себя эти работы не нашлось). Вследствие этого хозяйственный способ строительства⁵⁴ существовал наряду с подрядным, и учреждения, ведавшие строительством, располагали своими кадрами мастеровых людей,

⁵¹ Доклады и приговоры..., т. II, кн. II, стр. 468.

⁵² ПСЗ, т. V, № 3124.

⁵³ Е. И. Заозерская, ук. соч., стр. 62.

⁵⁴ Т. е. производство работ непосредственно государственными учреждениями, силами своих рабочих и технического персонала и с использованием своих строительных материалов.

мастеров, а также пользовались услугами рабочей силы, привлекаемой в порядке принуждения: осужденных по суду, войск, пленных, работных людей, высылаемых по повинности, и т. д.

Объявляя о сдаче тех или иных работ в подряд, Канцелярия городских дел и другие учреждения, ведавшие строительными работами в Петербурге, «выставляли листы» (объявления) в наиболее людных местах города: на Троицкой площади, у Адмиралтейства, Литейного двора и т. д.⁵⁵ Практиковался также способ объявления об этом во всеуслышание с барабанным боем. «Явившиеся» на вызов подрядчики предлагали каждый свои условия. Не обходилось и без конкуренции.

В феврале 1721 г. был сдан подряд на поставку кленовых деревьев для царских садов посадкому человеку Василию Аркажскому. Цена была установлена по 5 алтын за дерево, а стоимость всего подряда определена суммой 4000 рублей. Узнав об этом подряде, бобыль Макарьев, «радея», как он говорил, царскому величеству, взялся поставить все деревья за 3000 рублей, т. е. дешевле на 1000 рублей. Невыгодное для казны условие с прежним подрядчиком Аркажским было заключено Главной полицеймейстерской канцелярией. Поэтому, боясь ли царского гнева или имея какую-то заинтересованность в сдаче подряда именно Аркажскому, полиция обошлась с Макарьевым очень грубо, выслал его из канцелярии «со озлоблением». Однако он успел подать донесение о готовности заключить подряд обер-фискалу А. Нестерову, и дело перешло в Сенат.⁵⁶

Подрядчики на строительстве Петербурга были выходцами из разных слоев населения. Среди них мы видим и представителей верхушки торгово-промышленного населения, и представителей царской администрации, особенно тех, кто имел непосредственное отношение к строительству города, и, наконец, крестьян, включая и крепостных. Одним из видных подрядчиков был Василий Озеров — «канальный подрядчик», бравший на себя работы по рытью каналов в Петербурге. Имя его очень часто встречается в архивных делах, имеющих отношение к строительству Петербурга. Озеров имел небольшой металлургический завод в степи между Хопром и Доном, где у него работало 270 человек наемных рабочих. В глухой степи Озеров чувствовал себя самовластным хозяином, рабочих «бьет и увечит напрасно» и принуждает их, «яко своих собственных людей или крестьян», строить винные заводы.⁵⁷

Другой крупный подрядчик по рытью каналов — Семен Крюков, занимавшийся также подрядами по поставке извести, имел на Городском острове «двор с хоромами», который был у него конфискован за недоимки.⁵⁸ Имя этого подрядчика сохранилось в названии прорытого им Крюкова канала в Ленинграде.

Представители царской администрации, ведавшие строительными работами, как русские, так и иностранцы, часто совмещали свою работу с выполнением подрядов. Это не воспрещалось правительством, хотя подобный порядок создавал возможность злоупотреблений. Одним из таких подрядчиков был полковник И. Е. Лутковский, который, согласно указу царя, ведал адмиралтейскую крепостью «со всеми принадлежащими к ней

⁵⁵ Описание архива Александрово-Невской лавры, за время царствования императора Петра Великого, т. III. Пгр., 1916, стр. 74.

⁵⁶ Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода, т. I (1542—1721). СПб., 1868, стр. 335—336.

⁵⁷ Е. И. Заозерская, ук. соч., стр. 18—19.

⁵⁸ Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода, т. I, стр. 706, 730; ЦГАДА, ф. 9, отд. II, кн. 50, лл. 320—322.

работы, всем строением».⁵⁹ Он поставлял Канцелярии городских дел кирпич своего изготовления. Это был крупный предприниматель. Согласно договору с Канцелярией городских дел, Лутковский обязался поставить в 1719 г. на своих судах и своими людьми миллион штук кирпича.⁶⁰

Подрядами занимались и мастера из иностранцев: строитель петербургских мостов фон Более, начальник всех кирпичных и черепичных заводов Канцелярии городских дел Тимофей Фонармус и др. Подрядное дело было настолько выгодно, что в 1720 г. правительство запретило выплачивать жалованье иностранным мастерам, взявшим подряды.⁶¹

Значительное число подрядчиков, выполнявших обычно мелкие работы, было выходцами из крестьян. Крестьяне брали на себя выполнение подрядов, не требовавших затраты большого капитала: поставку строительных материалов (камня, песка), производство мелких строительных работ (например, изготовление оконных рам, тачек и т. п.). Вот несколько примеров. Конюх Ростовского архиерейского дома Бахай жил в Петербурге по паспорту, выданному архиепископом Ростовским и Ярославским, кормился плотничьей и кирпичной работой. В 1722 г. он подрядился в Синоде поставить зимним путем 50 сажень песку по цене 3 р. 50 к. за сажень.⁶² В 1721 г. крепостной крестьянин помещицы Голохвостовой Василий Якимов подрядился изготовить оконные рамы для монастырского подворья на Васильевском острове,⁶³ в 1720 г. крепостной крестьянин Галицкого уезда Иван Гусев подрядился произвести капитальный ремонт 18 казарм на Малой Неве с использованием казенных материалов, но со своими мастерскими и работными людьми. Общая стоимость подряда была оценена в 150 руб.⁶⁴ В 1717 г. монастырские крестьяне взялись за выполнение еще более крупного подряда: поставить 17 654 пуда белого камня на общую сумму 617 руб. 29 алтын 4 деньги⁶⁵ и т. д.

Оформление сдачи работы в подряд заключалось в составлении договорного письма, в котором указывались условия подряда. При этом от подрядчика (по-видимому, лишь в том случае, когда он не имел крупного капитала) требовались поручители, отвечавшие за его подряд стоимостью своего имущества наравне с самим подрядчиком. Условия, на которых сдавались работы в подряд, были различны. Очень часто подрядчик требовал, чтобы в его распоряжение было предоставлено то или иное казенное оборудование, инструменты, материалы. Так, например, в 1720 г. крепостной крестьянин дворцового села Покровского Лукьян Бобров подрядился вылить воду из пруда у Летнего дворца в Петербурге. При этом лошадей и работных людей поставлял подрядчик, а «машину» (т. е. насос), деготь, кузнеца и плотника давала Канцелярия городских дел.⁶⁶

Требование подрядчика о предоставлении ему тех или иных казенных материалов и оборудования весьма типично для некрупных подрядов петровского времени; характерно также и частое требование предоставления подрядчику казенных судов для перевозки стройматериалов. Рабочую силу, как правило, подрядчик использовал свою. Почти всегда часть денег ему выплачивалась вперед (обычно половина стоимости всего под-

⁵⁹ ЦГАВМФ, ф. 1234, № 33, л. 36.

⁶⁰ ЦГАВМФ, ф. 1234, № 36, л. 61—62.

⁶¹ ЦГИАЛ, ф. 467, кн. 19, л. 228—229.

⁶² Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода, т. II, ч. I (1722 г.). СПб., 1879, стр. 702—703.

⁶³ Описание архива Александро-Невской лавры..., т. III, стр. 459.

⁶⁴ ЦГИАЛ, ф. 467, оп. 484/1446, кн. Ю, л. 479.

⁶⁵ Описание архива Александро-Невской лавры, ..., т. III, стр. 563.

⁶⁶ ЦГИАЛ ф. 467. оп. 484/1446, кн. 10, лл. 665—672.

ряда). В 1712 г. подрядчики требовали даже выдачи вперед $\frac{2}{3}$ стоимости подряда, что было уже совсем неприемлемо для казны.⁶⁷

Дальнейшие выплаты денег подрядчику (после получения им аванса) производились уже по мере выполнения работы. Выплачивая ту или иную сумму, государство руководствовалось стоимостью произведенных работ, следя за тем, чтобы аванс был погашен и больше никаких других денег вперед не выплачивалось. Практика выдачи подрядчикам крупных авансов перед началом работ говорит о недостатке в то время свободных капиталов. При отсутствии банков казна играла своеобразную роль кредитного учреждения, содействуя образованию и накоплению частных капиталов.

Неумение вести дела и недобросовестность подрядчиков были частыми причинами их несостоятельности. Невыполнивших своевременно свои подряды правительство немедленно привлекало к ответственности. Такой банкрот попадал в тюрьму, с него безжалостно выколачивали долг казне. В архивных делах часто говорится о смерти незадачливых подрядчиков в тюрьмах. В 1722 г. подрядчик Падорин взялся поставить извести по цене 50 коп. за бочку, ему был выдан аванс в сумме 300 руб., однако Падорин извести не поставил, объясняя это тем, что его суда были разбиты бурей на Ладожском озере. С поручителей было взыскано 186 руб., но остальных 114 руб. государству так и не удалось получить. Падорин умер под арестом.⁶⁸

В 1720 г. был возбужден иск о взыскании денег с крестьян, не поставивших дрова по своему подряду. Выяснилось, что некоторые из этих крестьян «бежали за польский рубеж», другие были «биты на правеже, но платежа никто не явил, а скаскою показали, что у них пожитков не имеется и платить им оных денег (285 р.) нечем».⁶⁹ В 1722 г. постройка каменного Мытного двора на Васильевском острове с лавками, амбарами и погребями была отдана с подряда предпринимателям Голикову и Смирнову, которым выплачено было вперед из казны по 1000 руб. Голиков, выполнив работы всего на 252 руб., бежал, с ним бежало 73 человека рабочих из его «сотни», среди которых были монастырские крестьяне.⁷⁰

К поручителям предъявлялись такие же требования, как и к самим ответчикам. Бывали случаи, что поручители, желая избежать наказания, вынуждены были взять на себя выполнение подряда, за который они отвечали. Так, например, в октябре 1719 г. москвич Лабзин взял на себя подряд по изготовлению 5000 тачечных колес. Получив вперед 150 руб., Лабзин бежал. Поручители его (тоже жители московской Садовой слободы) Быков, Андреев и петербуржцы Козел и Скрябин вынуждены были выполнять подряд Лабзина. Им был выдан новый аванс с зачетом старого. Поручителями выступили уже новые лица.⁷¹

В своей статье о крестьянских подрядах в петровское время А. Л. Шапиро приводит случаи, когда за невыполнение крепостными крестьянами подрядов отвечали их хозяева — помещик и монастырь. Шапиро, впрочем, оговаривается, что такие случаи были, видимо, редки,⁷² с чем нельзя не согласиться. Действительно, за невыполнение подрядов взыскивалось,

⁶⁷ Доклады и приговоры..., т. II, кн. II, стр. 460.

⁶⁸ Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода, т. II, ч. II (1722 г.). СПб., 1878, стр. 282—284.

⁶⁹ Описание архива Александро-Невской лавры..., т. III, стр. 230.

⁷⁰ Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода, т. II, ч. II, стр. 324.

⁷¹ ЦГИАЛ, ф. 467, оп. 73/187, кн. 19, лл. 151—163.

⁷² А. Л. Шапиро. Крестьянская торговля и крестьянские подряды в петровское время. Исторические записки, т. 27, 1948, стр. 228—229.

как правило, лишь с самих крестьян и их поручителей, а светские и духовные феодалы оставались в стороне.

Частые случаи несостоятельности подрядчиков заставляли правительство, помимо требования выставления поручителей при сдаче работ в подряд, принимать и другие меры. Еще в указе 1704 г. отмечалось, что имеется много случаев, когда подрядчики берут подряд и деньги вперед, а подряд не выполняют, а поручителями за них выступают такие же пьяницы, как и они сами. Правительство нашло нужным усилить контроль за лицами, берущими подряды. 16 июля 1723 г. Синод распорядился запретить архиерейским и монастырским крестьянам брать на себя подряды без письменного разрешения управляющих в архиерейских домах, а в монастырях — стряпчих и комиссаров.⁷³

Указ 1724 г. предписывал всем купцам, вступающим в подряды, предъявлять свидетельства об их имущественном положении от местных магистратов, а крестьянам — свидетельства от дворцовых крупных помещиков или от самих помещиков (мелких).⁷⁴ Еще раньше в 1722 г. регламент Адмиралтейской коллегии предписывал предпринимателю освидетельствовать подрядчиков, вступающих в подряд.⁷⁵ Придавая большое значение развитию подрядного способа работ, правительство было озабочено надлежащей постановкой подрядов. Указом 1715 г. капитан Кошелев был поставлен «над всеми подрядными делами, которые в приказах и в губерниях во управлении обретаются», с целью контроля (правильно ли сданы подряды, верна ли цена и т. д.).⁷⁶

В 1724 г. было предписано подрядчиков каменного дела регистрировать в Канцелярии от строений; каждое дело, порученное подрядчику, записывалось в Канцелярии, а наниматели были обязаны давать ей справки о добросовестности подрядчика. Всякий, кто в будущем будет подрывать его на какие-либо работы, должен взять справку об этом подрядчике в Канцелярии от строений.⁷⁷ Своеобразный указ с попыткой регулировать излишние большие прибыли подрядчиков был издан в 1715 г. Подрядчикам, выполнявшим казенные заказы, не разрешено было получать прибыль выше $\frac{1}{10}$.⁷⁸ Этот указ, разумеется, остался лишь на бумаге.

Следует упомянуть о суб-подрядах, т. е. о таких случаях, когда подрядчики часть выполняемых ими работ сдавали в свою очередь в подряд. Такие факты были нередки. Так, например, «кирпичные обжигальщики», подрывившиеся поставлять государству кирпич, часто сдавали в подряд заготовку дров для обжига кирпича.⁷⁹ Можно привести и другие примеры. В уже разбиравшемся нами случае с изготовлением тачечных колес подрядчики, взявшись изготовить 5000 колес по цене 4 алтына (т. е. 12 коп.) за штуку, в свою очередь подрывили двух суб-подрядчиков, один из которых обязался изготовить 3000 колес по цене 3 алтына 3 деньги (т. е. по $10\frac{1}{2}$ коп.) за штуку, другой — 2000 колес (без оковки) по цене 2 алтына без полущки (т. е. по $5\frac{3}{4}$ коп.).⁸⁰ Таким образом, сами подрядчики, ничего не делая, получали разницу в цене за изготовление колеса. Рассмотренный нами случай очень интересен как

⁷³ Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода, т. II, ч. II, стр. 630—632.

⁷⁴ ПСЗ, т. VII, № 4432.

⁷⁵ ПСЗ, т. VI, № 3937, гл. I, пп. 14, 15.

⁷⁶ ПСЗ, т. V, № 2894.

⁷⁷ ПСЗ, т. VII, № 4617.

⁷⁸ ПСЗ, т. V, № 2914.

⁷⁹ Описание архива Александрово-Невской лавры..., т. III, стр. 393.

⁸⁰ ЦГИАЛ, ф. 467, оп. 73/187, кн. 19, лл. 151—163.

образец отношений, характерных уже для будущего капиталистического общества.

Большие трудности для подрядчиков создавали правительственные указы, требовавшие доставки материалов и продуктов в Петербург исключительно на «судах нового манеру» (т. е. новой конструкции). Такое требование вызывало необходимость постройки новых судов, что было связано с большими расходами. Поэтому некоторые из подрядчиков договаривали себе право пользоваться казенными судами при выполнении полученного ими заказа.

Из всего сказанного о подрядчиках следует, что строительство Петербурга создало большие возможности для приложения частных капиталов и что правительство в своем стремлении использовать частные средства для строительных работ достигло несомненных успехов.

Глава IV

РАБОЧАЯ СИЛА

Разрешение проблемы обеспечения строительства Петербурга рабочей силой являлось не менее трудным делом, чем организация строительных работ. Требовалось в течение целого ряда лет ежегодно сосредоточивать в одном месте десятки тысяч строительных рабочих. Таких задач до того времени еще не приходилось решать русскому правительству, которое в прежние времена имело дело с работами значительно меньшего масштаба и носившими большей частью местный характер.

Наиболее типичным для феодального государства методом обеспечения государственного строительства рабочей силой было использование натуральной трудовой повинности населения. Работная повинность в XVI и XVII вв. носила в Русском государстве временный характер. При Петре же сбор рабочих людей сделался почти постоянным¹ и принял невиданные размеры. Вполне понятно, что, приступая к строительству Петербурга, Петр должен был применить этот уже испытанный способ обеспечения строительства рабочими людьми.

Несмотря на то, что уже в конце XVII в. строительные работы все чаще и чаще начинают выполняться подрядным способом, все же только работная повинность населения вплоть до 20-х годов XVIII в. давала возможность сосредоточить в одном месте большие массы рабочих людей. Еще до начала строительства Петербурга Петр использовал натуральную трудовую повинность населения для обеспечения рабочей силой государственных строек в Воронеже, Таганроге, Азове. Интересно, что в эти города люди посылались даже в годы полного разворота работ по строительству Петербурга, причем Петербургская губерния первоначально тоже была обязана поставлять каменщиков для Азова.²

Петербург был основан в мае месяце, когда было уже поздно рассылать указы по стране о сборе в этом году рабочих людей специально для строительства нового города. Поэтому в 1703 г. на строительных работах в Петропавловской крепости использовались рабочие люди, предназначенные для Шлиссельбурга.³ Через каких-нибудь два месяца после основания Петербурга строительные работы были уже в полном разгаре. 25 июля 1703 г. петербургский губернатор А. Д. Меншиков писал Петру: «Городовое дело управляется как надлежит. Рабочие люди из городов уже многие пришли и непрестанно прибавляются. Чаем, ми-

¹ М. В. Ключков. Население России при Петре Великом по переписям того времени, т. I. Переписи дворов и населения (1678—1721). СПб., 1911, стр. 141.

² Доклады и приговоры..., т. I, СПб., 1880, стр. 154—155.

³ П. Н. Петров, ук. соч., стр. 57.

лостью божией, что то предреченное дело будет поспешествовать. Только то бедно, что здесь солнце зело высоко ходит».⁴

Число работных людей на строительстве Петербурга в первый же год строительства определялось в тысячах человек. В «Ведомостях» от 4 октября 1703 г. сообщалось, что на постройке Петропавловской крепости работали 20000 человек «подкопщиков».⁵ Кроме того, шла заготовка строительных материалов. Так, например, по приказу Меншикова работные люди, находившиеся в Шлиссельбурге, обязаны были по окончании срока своих работ заготовить для Петербурга лес, который затем сплавлялся вниз по Неве.⁶

Начиная с 1704 г. царские указы стали требовать высылки на строительные работы в Петербург ежегодно по 40 000 человек.⁷ Эта повинность распространялась на все губернии тогдашней России. Даже такие отдаленные города, как Казань, Симбирск, Саратов, Яранск и другие, обязаны были поставлять людей для строительства Петербурга. Число высылаемых каждой местностью людей определялось количеством крестьянских и посадских дворов. Число дворов, от которых выставлялся 1 работник, не было постоянным. В разные годы оно изменялось от 9 до 16 дворов.⁸

Работа шла первоначально в три смены: каждая по 2 месяца. Первая смена людей прибывала к 25 марта и работала до 25 мая, вторая — с 25 мая по 25 июля, третья — с 25 июля по 25 сентября. В 1706 г. лишь половина всех людей поступала в Петербург, вторая же половина направлялась в Нарву. В каждую из трех смен как в Петербург, так и в Нарву по указу правительства должно было поступить в этом году по 7666 человек, а общее число людей определялось в 46 000 человек.⁹ Таким образом, люди должны были пройти сотни километров пешком, чтобы отработать в Петербурге положенные 2 месяца.

Вскоре правительство нашло нужным перейти на двухсменную работу (каждая смена по 3 месяца): первая — с 1 апреля по 1 июля, вторая — с 1 июля по 1 октября.¹⁰ Поставка работных людей в Нарву была отменена, и все люди стали направляться для работы только в Петербург. Из текста указа от 31 декабря 1709 г. видно, на кого именно распространялась повинность по поставке людей для строительства Петербурга. Указ требовал «определить в Санктпетербург к городскому строению работников к будущей компании с городов, с посадов и с уездов своих великого государя дворцовых волостей и конюшенных слобод, с патриарших и архиерейских и монастырских и церковных вотчин и помещиковых и вотчинниковых крестьянских и бобыльских и задворных и деловых людей дворов по переписным книгам 186 года¹¹ на две перемены по 20000, итого 40000 человек, oprичь каменщиков и кирпичников».

Из каждой смены 16000 поступали в распоряжение Синявина (Канцелярия городских дел), 4000 — в распоряжение обер-коменданта Петербурга Брюса, при этом из состава первой смены 4000 человек (3000 к Си-

⁴ ЦГАДА, ф. 9, отд. II, оп. 9/3, кн. 2, л. 555. (См. также: Петербург петровского времени..., стр. 22).

⁵ Ведомости времени Петра Великого, вып. I. 1703—1707 гг. М., 1903, стр. 82. (См. также: Петербург петровского времени..., стр. 22).

⁶ ЦГИАЛ, ф. 466, оп. 36/1629, № 477, лл. 3—4.

⁷ Часть этих людей, как мы увидим дальше, использовалась для других работ.

⁸ Петербург петровского времени..., стр. 128.

⁹ ЦГАДА, ф. 9, отд. II, оп. 9/3, кн. 5, лл. 140—143.

¹⁰ П. Н. Петров, ук. соч., стр. 60.

¹¹ Т. е. согласно сведениям дворовой переписи 1718 (1678) г.

нявину и 1000 к Брюсу) высылались на 2 месяца раньше и работали с 1 февраля до 1 мая. Люди обязаны были приходить с топорами, всякому десятнику полагалось иметь долото, бурав, пазник, скобель (инструмент для грубого строганья). Пропитание на все время пути бралось с собой. В Петербурге же прибывшие должны были получать «хлебное жалованье» и деньги по полтине на месяц.¹²

Средства на выплату этого «хлебного» и «денежного» жалованья собирались с тех же слоев населения, которые высылали рабочих людей. Общая, необходимая для этого сумма в 120000 руб. раскладывалась на губернии пропорционально числу крестьянских дворов. При этом платить обязаны были хозяева тех дворов, которые не высылали в Петербург работников. Таким образом, тягость повинности испытывал каждый посадский и крестьянский двор: одни из них высылали работников, с других собирались деньги. Для иллюстрации можно привести такой пример. В 1712 г. стольник Леонтий Редкий доставил в Петербург партию рабочих людей Московской губернии в 2200 человек. Он показал, что собирал людей с каждого 15-го двора по человеку, а с остальных дворов собирал деньги — по две гривны с двора.¹³

Число людей, ежегодно назначаемых на строительство новой столицы, не было постоянным, потому что часто в счет наряда для Петербурга (40 000 человек) рабочие люди посылались в другие места (в Нарву, на остров Котлин и т. д.) или использовались на работах Адмиралтейства. Мы видели уже, что в 1706 г. Петербург получил лишь половину всего наряда рабочих людей, а другая половина была направлена в Нарву. Подобные же факты наблюдались и в последующие годы.

Из года в год менялось и соотношение числа рабочих людей, которых высылала в Петербург каждая губерния, потому что при определении нормы для каждой губернии правительству приходилось как-то учитывать другие виды трудовой повинности, выполнявшиеся населением данной местности (работы для Адмиралтейства, для Артиллерийского ведомства и т. п.), а эти повинности распределялись по стране очень неравномерно. В 1713 г., когда встал вопрос о посылке на строительство Петербурга очередного наряда в 6756 человек рабочих людей из Петербургской губернии, петербургский вице-губернатор Я. Н. Римский-Корсаков донес в Сенат, что население губернии уже и так выставляет на государственные работы много людей: в Петергоф на постройку царского дворца, в Новую Ладогу на обработку и отправку корабельных лесов, в Старую Руссу и в Новгород тоже на обработку и отправку корабельных лесов, в Петербург на строительство пушечного двора и т. д. А всего отправляется 9620 рабочих людей и 5093 подвод.

Сенат все же не нашел нужным освободить Петербургскую губернию от обязанности посылать людей на строительство Петербурга, а лишь разрешил не давать рабочих людей в Старую Руссу, Новгород и Новую Ладогу (т. е. для нужд Адмиралтейства); остальные же работы (пушечный двор, дворец в Петергофе) обязал делать силами людей, наряженных сверх общего числа, полагающегося на строительство Петербурга.¹⁴ Этот случай не является типичным. Очень часто исполнение населением дополнительных повинностей принималось Сенатом во внимание, но тогда всякое уменьшение доли какой-нибудь губернии в поставке людей на строи-

¹² ПСЗ, т. IV, № 2240. Пазник (в указе «позник») — инструмент для выбирания паза в бревне.

¹³ ЦГАДА, ф. 9, отд. II, оп. 9/3, кн. 16, лл. 810—811.

¹⁴ Доклады и приговоры..., т. III, кн. I. СПб., 1887, стр. 133—134.

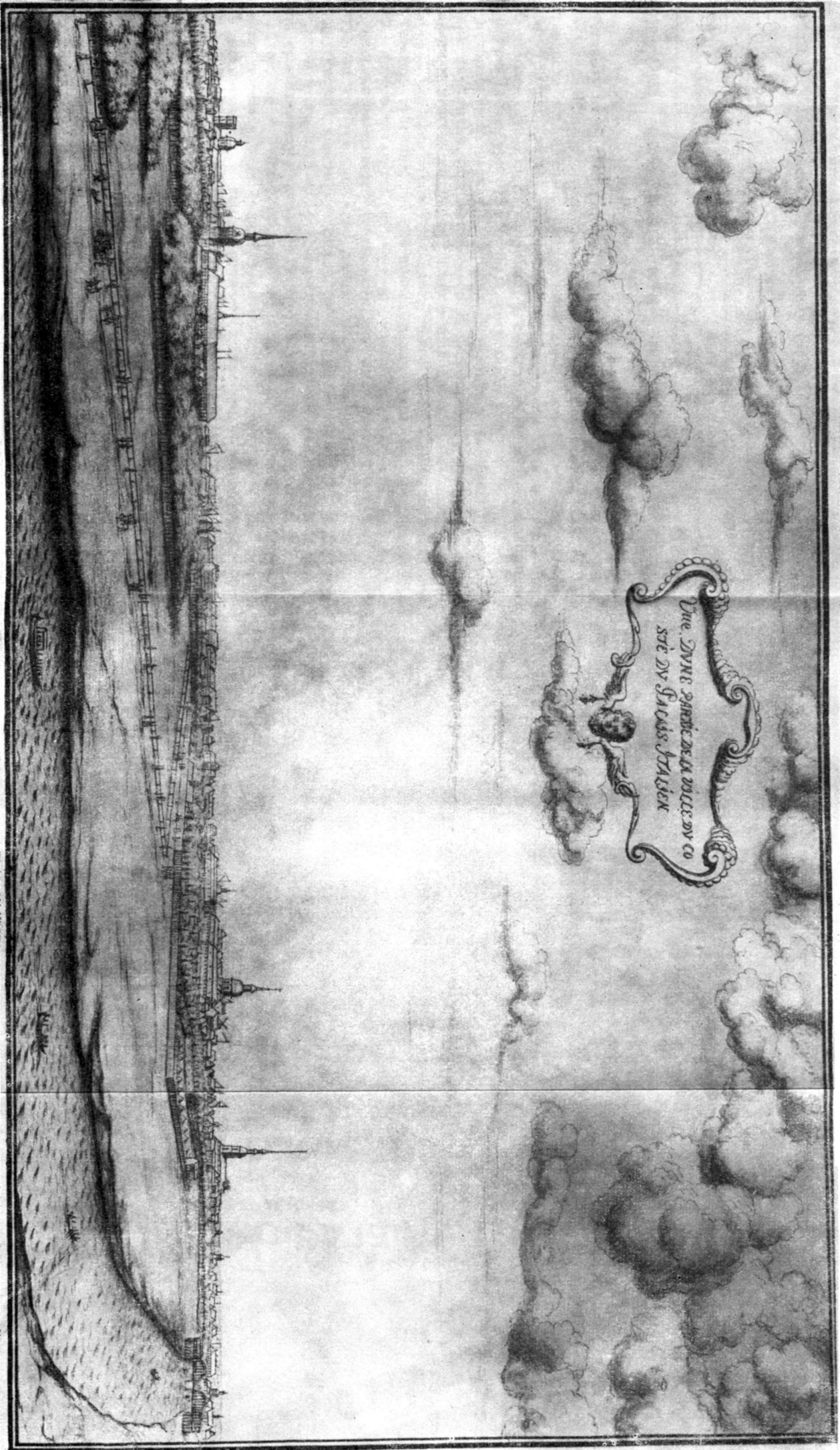

Рис. 10. Вид на Адмиралтейский остров со стороны Мойки. Рисунок Х. Марселюса. 1725 г. Отдел рукописной и редкой книги Библиотеки АН СССР.

тельство Петербурга вело к увеличению числа работных людей, которых посылали другие губернии.

Постоянные изменения числа людей, которые назначались на строительство Петербурга от каждой губернии, иллюстрируются табл. 10.¹⁵

Таблица 10

	Число работных людей, назначаемых от губерний				
	1710 г.	1711 г.	1712 г.	1713 г.	1714 г. (также и в 1715 г.)
Московская	15816	13282	12148	11187	12756
Петербургская	5908	—	—	6756	7304
Киевская	2125	—	1365	1790	1436
Архангелогородская . .	6502	5520	5050	622	—
Казанская	8580	6272	5733	7518	6024
Азовская (Воронежская)	2745	—	2047	2684	2153
Сибирская	2251	2688	—	—	—
Смоленская	—	2686	2457	3222	—
Рижская	—	—	—	—	2580
Итого	43928	30448	28800	33779	32253

Как видно из табл. 10, Петербургская губерния в 1711 и 1712 гг. не посылала работных людей на строительство Петербурга. Это объясняется тем, что по распоряжению А. Д. Меншикова эти люди (9552 человека) использовались на работах Адмиралтейства. Сибирская губерния с 1712 г. совсем прекратила высылку работных людей в Петербург (вместо этого население губернии стало платить денежный сбор). Азовская губерния в 1711 г. высылала работных людей не в Петербург, а в Троицк, вследствие чего ее долю людей пришлось высылать другим губерниям. С 1713 г. Архангелогородская губерния стала высылать работных людей не в Петербург, а на остров Котлин (ежегодно по 3000 человек).¹⁶ Все остальные изменения в соотношении числа людей, высланных губерниями, объясняются тем, что на население ложились другие натуральные трудовые повинности, размер которых менялся.

Приведенная нами табл. 10 наглядно показывает, что даже «указное число» людей, назначенных на работы по строительству Петербурга, как правило, было значительно ниже 40000. После 1711 г. оно вообще не поднималось выше 34 000 человек. Фактически же людей высылалось гораздо меньше.

В 1709 г. на строительстве Петербурга работало всего лишь 10 374 человека (7448 человек в первой смене и 3286 человек во второй).¹⁷ В следующем 1710 г. одна лишь Московская губерния не дала 3753 работника, т. е. почти четвертую часть числа работных людей (15 816 человек), которых она должна была послать на строительство Петербурга. В 1711 г. положение было не лучше, так как в самом тексте указа от 7 ноября 1711 г. содержалось признание в неблагополучном по-

¹⁵ Доклады и приговоры..., т. II, кн. II, СПб., 1883, стр. 225—227; т. III, кн. II, СПб., 1888, стр. 1202—1203; ЦГИАЛ, ф. 467, оп. 73/187, кн. 18, л. 51; ПСЗ, т. IV, № 2448.

¹⁶ Доклады и приговоры..., т. II, кн. II, стр. 225—227; т. III, кн. II, стр. 1202—1204; ПСЗ, т. IV, № 2448.

¹⁷ ЦГАДА, ф. 9, отд. II, оп. 9/3, кн. 10, лл. 749—751.

ложении с обеспечением людьми строительства Петербурга: «Нынешнее лето за Турской войною (т. е. по причине войны с Турцией, — С. Л.) лето мало в высылке было работных людей в Петербург».¹⁸

Дело было, однако, не только в Турецкой войне, так как в следующие годы мы наблюдаем ту же картину (табл. 11).¹⁹

Таблица 11

1712 г.			1714 г.			1715 г.		
надлежало высать людей	выслано	не дославно	надлежало высать людей	выслано	не дославно	надлежало высать людей	выслано	не дославно
28800	18532	10268	32253	20322	11931	32253	18366	13887

Обычно у историков Петербурга принято говорить, что ежегодно на строительство Петербурга высылалось по 40 000 работных людей. В действительности же, как мы уже видели, людей назначалось значительно меньше (30 000 — 34 000 человек), а фактически высылалось менее 20 000 человек. В 1715 г., например, число работных людей, прибывших на работу в Петербург (18336 чел.), составляло лишь 57% того количества, которое было назначено правительственными указами.

Одна из причин систематического невыполнения царских указов заключалась в нечеткости работы самого бюрократического аппарата царского правительства. Чтобы определить, какое число людей должна поставить каждая губерния, пользовались давно устаревшими сведениями о числе дворов, полученными еще на основе переписи 1678 г.; помимо этого, царская администрация, как мы уже видели, не всегда принимала во внимание то, что население данной местности уже выполняло какую-либо другую повинность (например, для Адмиралтейства) и т. д. Вследствие всего этого получалось очень неравномерное распределение повинностей, приводившее к стихийному противодействию населения.

Главной же причиной постоянного невыполнения губерниями повинности по поставке людей для строительства Петербурга была тяжесть самой повинности. В самое горячее время года здоровых работоспособных людей отрывали от их домов и гнали за сотни верст для выполнения каких-то непонятных им работ, которые производились к тому же в очень тяжелых климатических и бытовых условиях. Те, кто оставались дома, обязаны были платить тяжелый сбор на пропитание работных людей в Петербурге. Выполнение этой повинности не избавляло крепостного крестьянина от всех претензий к нему со стороны светских и духовных феодалов. Ко всему этому присоединялись частые в те времена стихийные бедствия: эпидемии, пожары и т. д. В 1711 г. Петербургская губерния настолько сильно пострадала от морового поветрия (эпидемия чумы), что даже А. Д. Меншиков был вынужден ходатайствовать перед Сенатом об уменьшении повинностей населения.²⁰ В большинстве же случаев на такого рода бедствия царская администрация не обращала никакого внимания.

¹⁸ ПСЗ, т. IV, № 2448.

¹⁹ ЦГИАЛ, ф. 467, оп. 73/187, кн. 18, л. 51; Доклады и приговоры..., т. II, кн. II, стр. 225—226.

²⁰ ПСЗ, т. IV, № 2380.

6 С. П. Луппов

Население всячески сопротивлялось выполнению тяжелой трудовой повинности. Помимо систематической недосылки губерниями установленного числа людей, весьма часты были случаи отправки в Петербург вместо здоровых больных, старых и даже малолетних работников. Чтобы обмануть представителей администрации, население иногда прибегало к различным ухищрениям. В 1717 г. был такой случай. Работные люди направлялись в Александро-Невский монастырь. На переключке и на трех смотрах все люди были налицо, но в дальнейшем, в дороге, они «собой переменились детьми и братьями своими малыми», и в Петербург вместо взрослых людей прибыло много малолетних.²¹

Только безвыходной нуждой населения можно объяснить подобные случаи. Когда вставал вопрос о существовании всей семьи, приходилось жертвовать малолетними, чтобы дома могли остаться взрослые работники, которые были в состоянии кормить семью. Царское правительство вело жестокую борьбу с подобными случаями замены, требуя высылки работоспособных людей вместо больных, старых и малолетних, но добиться этого, несмотря на самые суровые кары, было не так-то легко.

Наиболее типичным способом противодействия населения выполнению тяжелой повинности по строительству Петербурга было бегство с дороги. Назначенные к отправке люди бежали либо перед отправкой их в Петербург, либо в дороге. Согласно донесению Синявина, в 1712 г. из партии работных людей в 1946 человек, направленных в Петербург из Московской губернии, сбежало в дороге 202 человека (или более $\frac{1}{10}$ общего числа).²² Так же было и в последующие годы. В 1711 г. надлежало выслать со всех губерний на строительство Петербурга 30 448 человек. Однако губернии не додали 5999 человек, а из числа высланных сбежало с дороги 1068 человек.²³

Понятно, что царское правительство вело беспощадную борьбу с такого рода явлениями. На строительство Петербурга за сотни верст от их домов людей гнали, как на каторгу. Для сопровождения от каждой вотчины назначались приказчики (1—3 человека с вотчины), за приказчиками наблюдали дворяне. Иногда для конвоирования употреблялись воинские части. Во избежание побега практиковалось надевание на рабочих цепей.

Очень характерный пример того, как доставляли людей на строительство Петербурга, можно почерпнуть из архивов Адмиралтейства. В июле 1712 г. дворянин Яков Пещеряков привел из Азовской губернии партию работных людей. С ним прибыла целая армия проводников — 44 человека; на работных же людях «для охранения в дороге от побега» были «двоешные цепи»: 410 железных цепей общим весом в 24 пуда.²⁴ Приходилось принимать меры и против побегов работных людей из самого Петербурга. Об этом будет сказано ниже.

Скоро правительство пришло к выводу, что нецелесообразно гнать людей из отдаленных мест за сотни верст для того, чтобы они отработали на строительстве Петербурга всего лишь 3 месяца. Поэтому наряд людей из Сибирской губернии был заменен денежным сбором. Уже 17 октября 1710 г. в письме к сибирскому губернатору М. П. Гагарину Петр разрешил ему вместо высылки в Петербург работных людей собирать

²¹ С. Г. Рункевич. Александро-Невская лавра..., стр. 157.

²² Доклады и приговоры..., т. II, кн. I, стр. 299—300.

²³ Доклады и приговоры..., т. I, стр. 400—401.

²⁴ ЦГАВМФ, ф. 176, № 76, лл. 301—302.

с населения Сибирской губернии денежный сбор.²⁵ Практически же рабочие люди Сибирской губернии перестали посылаться в Петербург лишь с 1712 г.²⁶

На 1713 г., как мы видели, на строительство новой столицы было назначено лишь 33 778 человек (вместо 40000), потому что вместо 3222 рабочих людей с Сибирской губернии брали денежный сбор (по 10 руб. с человека), а 3000 человек Архангелогородской губернии были отправлены на остров Котлин.²⁷ Цифра 40000 человек перестала фигурировать даже в указах.

Подневольный труд людей был непроизводителен. Это было ясно и для царского правительства. Однако долгое время не было возможности заменить трудовую повинность работой по вольному найму. Лишь после того как Петербург стал крупным городским и торговым центром, когда сюда стало тянуться все большее число охотников до получения правительственных подрядов, когда здесь сосредоточились довольно значительные контингенты людей, искавших заработка, правительство смогло, наконец, отказаться от использования трудовой повинности.

В 1717 г. Канцелярия городских дел подняла вопрос о замене натуральной трудовой повинности по строительству Петербурга денежным сбором с населения. В докладе князя А. М. Черкасского, возглавлявшего в то время Канцелярию городских дел, указывалось, что с 1714 г. регулярно назначалось на работы в Петербурге лишь 32 000 человек (один работник с 14 дворов). На жалованье им собиралось 96000 руб. (по 3 руб. на человека). Да сверх того в 1716 г. собиралось на рабочих людей дополнительно 160 000 руб. Следовательно, всего было собрано с населения 256 000 руб.

Из общего числа людей 5200 человек не участвовало в работах: кашеваров — 3200 человек, беглых и умерших — 1000 человек, больных — 1000 человек. Следовательно, по мнению Черкасского, произведенные на них затраты в 41 600 руб. (по 8 руб. на человека) оказались бесплодными. «А ныне», — говорится в доношении Черкасского, — на многие дела являются подрядчики и наемщики, которыми некоторые работы исправляются удобнее и скорее, нежели государственными работниками». На основании всего этого Черкасский предложил заменить натуральную трудовую повинность по строительству Петербурга денежным сбором, однако для осторожности в течение некоторого времени продолжать еще высылать на работы в Петербург по 8000 человек «из ближних мест», с остальных же 24 000 человек взамен натуральной трудовой повинности собирать по 6 руб. за каждого работника, а всего 144 000 руб. Со временем, по мнению Черкасского, число рабочих людей можно будет еще сократить: с 8000 до 2000 человек. Доклад Черкасского был утвержден.²⁸

30 апреля 1718 г. последовало распоряжение: тех людей, которые уже отправлены в Петербург из губерний, обратно не возвращать, а впредь рабочих людей на строительство Петербурга не высылать.²⁹ Однако наряд на высылку людей из ближних мест (8000 человек) не был отменен. В 1719 г., согласно этому наряду, из Петербургской и Московской губерний было направлено на работы в Петербург 6232 человека,

²⁵ Указы и письма императора Петра I к московскому коменданту, а потом сибирскому губернатору кн. М. П. Гагарину. Сборник РИО, т. XI, стр. 146—147.

²⁶ Доклады и приговоры..., т. II, кн. II, стр. 225—227.

²⁷ Доклады и приговоры..., т. III, кн. II, стр. 1202—1204.

²⁸ ПСЗ, т. V, № 3124.

²⁹ ПСЗ, т. V, № 3198.

в 1720 г. — 4853 человека.³⁰ И лишь 31 марта 1721 г. натуральная повинность по поставке рабочих людей на строительство Петербурга была отменена окончательно. Вместо нее с населения стал взиматься денежный сбор в размере 300000 руб., который заменил все сборы на строительство новой столицы (в том числе и сборы на изготовление строительных материалов).³¹

То, что к этому времени правительство уже не испытывало затруднения в рабочей силе (по вольному найму), подтверждает текст указа от 12 августа 1719 г., касающийся строительства Ладожского канала: «... у той канальной работы неволею отнюдь никого работать заставлять не велено, и с работы каждому отходить по своей воле невозбранно». ³² Таким образом, в 20-х годах XVIII в. на строительстве Петербурга стал применяться в основном вольнонаемный труд, до этого же времени главное значение имело использование натуральной трудовой повинности. Наряду с ней применялись и другие виды подневольной работы: труд военнопленных, людей, осужденных на каторгу, и т. д.

Указом 4 июля 1705 г. было предписано беглых солдат «бить кнутом и ссылать на каторгу в новопостроенный город в Санктпетербург, чтоб и впредь иным таким с службы и из полков бегать было неповадно». ³³ В 1707 г. в Петербург прибыла такая партия «каторжных невольников» в 95 человек, из них 53 на вечную работу. Для предотвращения побега у одних из них были вырваны ноздри, у других лбы «запятнаны иглами», а «те пятна» натерты порохом. ³⁴

Труд арестантов и каторжников использовался в последующее время для различных работ по строительству Петербурга: битья свай, земляных работ и т. д. В 1715 г. было дано специальное указание: не использовать «каторжных невольников» для мелких работ, а назначать их на такие, которые производятся в одном месте, например битье свай. ³⁵ Это уменьшало возможность побегов. Труд осужденных на каторгу использовался также на работах Адмиралтейства. В 1721 г. на каторжном дворе при Адмиралтействе находилось на работе от 500 до 800 человек «каторжных невольников». ³⁶

На строительстве Петербурга работали также и военнопленные шведы. В 1712 г. правительство распорядилось выслать в С.-Петербург на работы из Москвы и Воронежа 1100 человек пленных шведов. По этому указу было выслано из Москвы, по-видимому в 1713 г., 338 человек, ³⁷ из Воронежа — 672 человека. ³⁸ Часть из них поступила в распоряжение Синявина, другие были отданы на работы, производившиеся Адмиралтейством. Правительство нашло безопасным держать шведов на острове Котлине, и в 1712 г. было отдано распоряжение всех имеющихся там шведов передать Синявину, потребовав от него взамен соответствующее число рабочих людей. ³⁹ В этом году на острове Котлине в острожном полку

³⁰ ЦГИАЛ, ф. 467, оп. 73/187, кн. 18, л. 45.

³¹ ПСЗ, т. VI, № 3768.

³² ПСЗ, т. V, № 3414.

³³ ПСЗ, т. IV, № 2062.

³⁴ ЦГАВМФ, ф. 176, № 16, л. 63.

³⁵ ЦГАВМФ, ф. 223, № 20, л. 2.

³⁶ Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода, т. I, стр. 183.

³⁷ Доклады и приговоры..., т. II, кн. I, стр. 294; т. II, кн. II, стр. 28—29.

³⁸ ЦГАВМФ, ф. 233, № 10, л. 95.

³⁹ ЦГАВМФ, ф. 176, № 78, л. 16.

Толбухина числилось 251 человек пленных.⁴⁰ По-видимому, эти шведы не входили в число 1100 человек и были присланы на остров Котлин ранее.

В 1714 г. из Москвы было выслано в Петербург еще 76 пленных шведов.⁴¹ По словам Вебера, в 1714 г. 600 пленных шведов были присланы в Петербург из Самары, где они до этого работали на серных копях.⁴² Пленных шведов на строительстве Петербурга мы видим даже в феврале 1721 г., т. е. в год заключения Ништадтского мира.⁴³

Число военнопленных, как и число «каторжных невольников», на работах в Петербурге было сравнительно невелико. Более массовым видом подневольного труда был труд солдат, которые использовались на строительстве новой столицы уже в первые дни существования города. Солдаты работали в Петербурге и после отмены трудовой повинности по строительству города. Возможно, что они в какой-то степени заменили собой рабочих людей. Указом 1719 г. предписывалось вместо драгун прислать в Петербург (к маю месяцу) для производства земляных работ солдат гарнизонных полков из Москвы, Пернова, Риги и Выборга.⁴⁴ Имеются сведения, что в 1722 г. солдаты использовались на работах, производившихся Канцелярией городских дел,⁴⁵ в 1719 г. они рыли канал у Адмиралтейства⁴⁶ и т. д.

Рабочие люди, военнопленные, «каторжные невольники» и солдаты использовались на строительстве Петербурга главным образом на тех работах, которые не требовали особой квалификации, т. е. на битье свай, земляных работах и т. д.⁴⁷ Вопрос о квалифицированной рабочей силе, об обеспечении строительных работ каменщиками, плотниками, столярами и т. д. необходимо было разрешить особо. Правительство Петра и в этом случае прибегло к излюбленной мере — насильственному переселению в Петербург из разных городов России нужных ему людей.

По указу 1710 г. было велено выслать в Петербург «на вечное жительство» «с посадок и с уездов» 4720 человек мастеровых людей разных специальностей с женами и детьми, так как в Петербурге ощущалась «немалая нужда» в мастеровых людях «у Адмиралтейства и у городских дел». Для всех переселяемых, как уже сообщалось ранее, заблаговременно строились дома. На содержание переселяемых (или как тогда их называли «переведенцев») в течение первого года было положено собрать с губерний по 22 руб. на каждого человека (12 руб. — денежное довольствие и 10 руб. на хлеб). Наряд на высылку людей раскладывался на все губернии: Московскую — 1417 человек, С.-Петербургскую — 1034, Киевскую — 199, Смоленскую — 298, Казанскую — 667, Архангелогородскую — 555, Азовскую — 251, Сибирскую — 299.

Из текста доношения Синявина от 6 июня 1712 г. видно, что в его распоряжение должно было поступить 2500 человек (по-видимому, из общего числа 4720). В указе оговаривалось, сколько человек каких специальностей необходимо выслать: каменщиков, кирпичников, каменоломщиков, столяров, плотников, гончаров, кузнецов, насосников и т. д.

⁴⁰ ЦГАВМФ, ф. 1233, № 48, л. 139.

⁴¹ Доклады и приговоры. ..., т. IV, кн. I, стр. 293.

⁴² Записки Вебера. Русский архив, год десятый, 1872, стр. 1103.

⁴³ ЦГИАЛ. ф. 467, оп. 73/187, кн. 19, лл. 111, 137—139; кн. 18, л. 770.

⁴⁴ ПСЗ, т. V, № 3342.

⁴⁵ Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода, т. II, ч. I, стр. 887.

⁴⁶ Материалы для истории русского флота, ч. III, стр. 566.

⁴⁷ Какая-то часть из них, имевшая квалификацию, использовалась по специальности. Так, например, некоторые пленные шведы работали в качестве плотников.

Насильственное переселение в Петербург мастеровых людей встретило решительное противодействие населения. Как видно из того же доношения Синявина от 6 июня 1712 г., вместо 2500 человек в его распоряжение прибыло всего 2210 человек, из них сбежало с работ 365, умерло 61, дряхлых 46. Синявин жаловался, что он недополучил 762 человека; из присланных же многие не специалисты, а люди нанявшиеся отбыть повинность за специалистов.⁴⁸

Несмотря на ряд строжайших царских указов о высылке губерниями недосланных мастеровых людей, это не выполнялось. Правительство вынуждено было принять меры иного рода: 29 мая 1713 г. Сенат (по доношению Синявина) вынес решение набрать 262 человека мастеровых (в счет недосланных из губерний) из числа рекрутов.⁴⁹ В том же году за счет рекрутов было пополнено число мастеровых людей на адмиралтейских так называемых «новых кирпичных заводах», находившихся в Стрельне. 9 сентября 1713 г. управляющий этих заводов князь Юрий Щербатов писал в Сенат: «Указом царского величества повелено из губерний на новые кирпичные заводы присылать помещиковых и вотчинниковых крестьян кирпичников, которые б умели делать кирпич, кафли и черепицу, и из тех губерний высылают вместо кирпичников работников, а называют их кирпичниками, а кирпичу они делать не умеют; и тех работников кирпичному делу учат на заводах, а живут они на той работе по 6 месяцев, а как выживут 6 месяцев и выучатся кирпичному делу и обжигать, и их в урочные числа надлежит отпускать по домам, а иные и бегут с той работы». Щербатов просил послать на завод постоянных людей из числа рекрут. Сенат приговорил: дать ему 100 человек рекрутов, что и было выполнено. В октябре того же года Щербатов получил еще 50 рекрутов.⁵⁰

Таким образом, острая потребность в квалифицированных рабочих (особенно «каменщиках» и «кирпичниках») заставляла правительство пополнять их число за счет рекрутов, т. е. пойти на известное уменьшение числа солдат. То же самое наблюдалось в тех случаях, когда государство в принудительном порядке вербовало для себя мастеровых людей из числа помещичьих крестьян. Чтобы оградить интересы помещиков, правительство распорядилось засчитывать им взятых людей за рекрутов: холостой человек считался за одного рекрута, женатый — за двух.⁵¹ Это вело к некоторому уменьшению численности войск потому, что помещики, у которых были взяты мастеровые люди, получали право поставлять соответственно меньшее число рекрутов.

Присланные из губерний в Петербург «на вечное житье» мастеровые люди, как уже отмечалось ранее, очень часто не отвечали необходимым требованиям: высылались люди не тех специальностей, какие запрашивались, или же малоквалифицированные, или, наконец, дряхлые и больные. В своем «доношении» Сенату от 16 декабря 1712 г. Синявин писал, что в Петербурге и Шлиссельбурге «дела каменного умножилось», а каменщики из губерний высланы в неполном количестве, вместо многих из них высланы «наемщики», неквалифицированные, многие сбежали и невозможно добиться высылки вместо них замены.⁵² Все это заставило

⁴⁸ Доклады и приговоры. ..., т. II, кн. II, стр. 216—218.

⁴⁹ Доклады и приговоры. ..., т. III, кн. II, стр. 507.

⁵⁰ Доклады и приговоры..., т. III, кн. II, стр. 734—735, 836—837. Как видно из текста письма Ю. Щербатова, квалифицированные рабочие («кирпичники») посылались на «новые кирпичные заводы» в порядке трудовой повинности.

⁵¹ ПСЗ, т. V, № 2858.

⁵² Доклады и приговоры..., т. II, кн. II, стр. 459, 461.

правительство издать указ, чтобы губернаторы лично осматривали высылаемых в Петербург людей и подписывали собственноручно списки их, «дабы неправд и коварств и негодных не было».⁵³

Грандиозные работы по строительству флота требовали большого числа плотников. Эта потребность стала, по-видимому, особенно острой на рубеже второго и третьего десятилетий XVIII в., т. е. тогда, когда правительство отказалось от применения трудовой повинности населения по строительству Петербурга и стремилось возможно шире использовать на строительных работах вольнонаемный труд. У Петра возникла мысль о создании нового сословия — «вольных плотников», которые, будучи прикреплены к Адмиралтейству и выполняя работы в основном для него, могли бы вместе с тем наниматься «вольно» и на другие работы.

В 1718 г. было приказано построить в Петербурге для «вольных» плотников 2000 изб.⁵⁴ Указ этот так и остался на бумаге, и 23 февраля 1720 г. царь предписал президенту Камер-коллегии князю Д. М. Голицыну вместо 2000 изб построить по Неве 500 изб, поручив это дело полковнику Кошелеву. 19 января 1721 г. Кошелеву было приказано: «Новопостроенные на Канцевской стороне (т. е. на Охте, — С. Л.) дома отдать безденежно вольным плотникам, которые бывали у судовых работ, чьи б оные не были и податей с них никаких также и на помещиках их за них и за детей их не иметь, а ежели кто оных домов пожелает и те б объявились и записывались у тебя с сего объявленного числа в два месяца, а кормитца им плотничью своею работой по-прежнему вольно», а если понадобятся плотники для Адмиралтейства, то платить им за это деньги «против других вольных работников».⁵⁵

Петр рассчитывал, по-видимому, на добровольную запись в «вольные плотники», но расчет не оправдался. Уже в марте следующего 1721 г. было предписано капитану Пырскому набрать в северных городах России (Вологде, Бело-озере, Устюге и др.) 432 плотника, перевезти их с семьями в С.-Петербург и поселить в построенных к этому времени 216 избах на Охте. Таким образом, речь шла уже о насильственном переселении. Переселяемым, помимо домов, давалась распаханная земля под огороды и ссуда (хлебом и деньгами), а также предоставлялось право, «где похотят работать из найму». Несмотря на эту «вольность», отпускать переселенных плотников за пожитками разрешалось только под поручительство («за поруками»)⁵⁶.

В 1722 г. тому же Пырскому было поручено произвести уже в других городах России новый набор плотников в количестве 350 человек и привести их с семьями в Петербург. Чтобы не ущемлять интересы помещиков, Петр распорядился вознаграждать их за взятых от них людей: за мужчин платили по 20 руб., за женщин (жен плотников) — по 10 руб., за детей — по 5—10 руб. (в зависимости от пола).⁵⁷

Оба набора Пырского все же не дали намеченного числа 1000 семей плотников, которые должны были быть расселены в 500 избах (по две семьи на избу). К 1724 г., как видно из архивных дел, все 500 изб уже построены, однако в них были поселены лишь 824 семьи переведенцев, т. е. Пырский не сумел доставить до полного комплекта 176 семей. Впрочем,

⁵³ ПСЗ, т. IV, № 2485; т. V, № 2753.

⁵⁴ Высочайшие указы и повеления императора Петра I... Сборник РИО, т. XI, стр. 371.

⁵⁵ ЦГАВМФ, ф. 174, № 34, л. 65.

⁵⁶ Р. Мансуров, ук. соч., ч. I, стр. 11—13.

⁵⁷ Там же, стр. 13—14.

помимо семей плотников, в этих же избах жили семьи их детей и братьев, да сверх того семьи 200 плотников, записавшихся добровольно.

Казалось, правительство могло бы на этом успокоиться, но оказывается к 1724 г. из числа переведенцев успело уже сбежать 127 человек и умерло 91. Налицо оставалось всего 806 плотников.⁵⁸ Правительство снова попыталось прибегнуть к методу добровольной записи в плотники. 4 февраля 1724 г. состоялся царский указ, по которому было велено «в новостроенные при Санкт-Петербурге Охтенские слободы на житье принимать с воли посацких людей, которые в тягле и подушных книгах не записаны, а солдатских детей в те слободы не принимать».⁵⁹ Очевидно, таких желающих много не нашлось, так как уже в июне 1724 г. Пырскому было предложено в третий раз ехать за плотниками, чтобы вывезти из Архангелогородской губернии недобранные им 176 семей плотников.⁶⁰

Указом от 6 июня 1723 г. «вольные» охтенские плотники были отданы в ведение Конторы Партикулярной верфи, которая в свою очередь подчинялась Адмиралтейству.⁶¹ Контора Партикулярной верфи имела право привлекать охтенских плотников за известное вознаграждение для своих работ. Первоначально (2 июня 1723 г.) была установлена плата — 18 коп. в день, несколько позднее плата была снижена — платили по 3 руб. 50 коп.

в месяц.⁶²

Таким образом, «вольность» охтенских плотников была фиктивной. Выйдя из крепостной зависимости от своих помещиков, они превратились в крепостных людей Адмиралтейства.⁶³ Тем не менее, в отдельных случаях охтенские плотники выступали как вольные люди. Они, например, заготавливали гонт, который продавали петербургскому населению.⁶⁴ Они, по-видимому, нанимались на строительные работы в Петербурге в качестве наемных рабочих.

Подобные же наемные рабочие из числа отнюдь не свободных людей вербовались для строительства Петербурга из разных категорий населения. Здесь были и солдаты, и посадские люди, и крестьяне, как государственные, так и крепостные. Правительство было крайне заинтересовано в рабочих для строительства Петербурга и вербовало их всюду, стремясь, насколько возможно, преодолеть возникающие затруднения. Уже в 1711 г. было разрешено солдатам петербургского гарнизона и Адмиралтейства, а также «мастеровым и работным людям» наниматься на работы в свободное время с разрешения своих командиров и начальников.⁶⁵ Известны и более ранние случаи вольного найма на строительные работы. В 1710 г. в одном из писем к Синявину А. Д. Меншиков предлагал ему строить «на государевом дворе каменные строения», нанимая по воскресеньям каменщиков, как это Синявин уже практиковал на других стройках.⁶⁶

Основная масса наемных рабочих была, по-видимому, из крестьян. Для

право законно наняться на работу, крестьянин должен

⁵⁸ ЦГАВМФ, ф. 223, № 32, лл. 6—7.

⁵⁹ ЦГАВМФ, ф. 174, № 34, л. 27.

⁶⁰ ПСЗ, т. VII, № 4527.

⁶¹ М. Н. Потехин. Охтенские крепостные селения. Диссертация. 1953, стр. 34. Хранится в библиотеке Ленинградского университета.

⁶² Б. Мансуров, ук. соч., ч. I, стр. 14—15.

⁶³ М. Н. Потехин, ук. дисс., стр. 19—20.

⁶⁴ Там же, стр. 43. Гонт — деревянный кровельный материал в виде тонких дощечек, имеющих клинообразное сечение. В толстой кромке дощечки имеется паз, в который при покрытии крыши входит острый край соседней гонтины.

⁶⁵ ЦГАВМФ, ф. 176, № 62, л. 109.

⁶⁶ ЦГИАЛ, ф. 466, оп. 36/1629, № 477, л. 85.

был получить от своего помещика написанное по форме «покорめжное письмо», которое нельзя было просрочить.⁶⁷ Помимо владельцев покормежных писем, имелось большое число беглых крестьян, искавших заработка. Как отмечает А. Л. Шапиро в своей работе «Крестьянские отходы и крестьянский наем в петровское время», «беглых крестьян и отходников-строителей, объединяющихся в артели каменщиков, плотников и т. д., мы встречаем часто в XVII в. Но особенно много было их в начале XVIII в.»⁶⁸ Крестьяне тянулись на заработки в Петербург в основном из северных нечерноземных районов европейской России — из Новгородского, Старорусского, Вологодского, Ярославльского, Суздальского, Ростовского, Московского, Бежецкого, Костромского и других уездов.⁶⁹

С беглыми крестьянами администрация вела беспощадную борьбу; их били плетью и возвращали на место жительства. Однако, будучи сильно заинтересовано в рабочей силе для строительства Петербурга, петровское правительство не было последовательно. Именно в Петербурге беглецу было легко укрыться от своих владельцев, закрепившись за сильное учреждение. Такая запись была иногда фиктивной, но помогала беглецу.⁷⁰ Таким образом, беглые крестьяне пополняли число наемных рабочих на строительстве Петербурга.

Правительство Петра широко вербовало людей на строительные работы из разных кругов населения. Помещики получали компенсацию за каждого взятого у них человека, как это было видно на примере охтенских плотников. Чаще всего вольнонаемные поступали на работу к подрядчикам. Каждый такой подрядчик брался производить работу «своими людьми» и был поэтому заинтересован в найме рабочих. Иногда артель вольнонаемных заключала договор о производстве тех или иных строительных работ непосредственно с заказчиком. Так, например, в 1716 г. князь В. В. Долгоруков заключил договор на постройку дома в Петербурге с артелью каменщиков, состоявшей из 43 крепостных крестьян, принадлежавших Головину, Бярятинскому и другим владельцам.⁷¹ Наемные рабочие вербовались не только из крестьян-отходников, но и непосредственно из жителей Петербурга. Говоря о населении города, автор «Описания» Петербурга 1716—1717 гг. выражает свое удивление той быстроте, с какой заселилась новая столица. Это произошло, по мнению автора, потому, что:

- «1) крупные бояре и дворяне привезли с собой много людей и при • слуги;
- 2) купцы и торговцы на этом новом месте, где первоначально все было в высшей степени дорого, нашли себе доходы;
- 3) много шведов, финнов, лифляндцев не могли остаться жить в своих разрушенных и частично сгоревших домах и, будучи принуждаемы нуждой, не имели другого выхода, как перебраться сюда большими партиями;
- 4) для нового мореплавания и строительства кораблей доставлены были сюда со всех уголков мастера, ремесленники и матросы с женами и детьми;
- 5) также очень много работных людей из татар, русских и калмыков после того как они отработали срок в соответствии с указом его царского величества, не потребовали возвращения в далекую дорогу домой, а получили достаточно работы за деньги у многих бояр, которые все эти годы

⁶⁷ А. Л. Шапиро. Крестьянские отходы и крестьянский наем в петровское время. Ученые записки Ленингр. гос. педагогического института им. М. Н. Покровского, т. V. Исторический факультет, вып. I, Л., 1940, стр. 39.

⁶⁸ Там же, стр. 42.

⁶⁹ Там же, стр. 36.

⁷⁰ Там же, стр. 40.

⁷¹ Там же, стр. 44.

строили все больше и больше домов и, таким образом, нашли себе выгоду; несколько тысяч их (т. е. рабочих людей, — С. Л.) сделали себе дома и поселились в них».⁷²

Возможно, что эта цитата и не вполне точно воспроизводит картину состава петербургского населения, тем не менее приведенные сведения о населении столицы весьма правдоподобны. Таким образом, наемные рабочие могли вербоваться из крепостных людей помещиков, поселившихся в Петербурге, из прежних жителей окрестных мест, перебравшихся в Петербург, из рабочих людей, отбывших свой срок и задержавшихся в Петербурге для заработка на более или менее продолжительное время.

Подводя итоги всему сказанному о вольнонаемных рабочих на строительстве Петербурга, мы должны сделать вывод, что большинство из них не были свободными людьми в юридическом отношении. Это были чаще всего крепостные крестьяне; некоторые из них имели покормежные письма и паспорта, т. е. действовали с разрешения своих владельцев, другие шли на заработки самовольно (беглые), скрываясь от своих владельцев за сильными организациями и людьми. Это были также военнослужащие (солдаты, матросы), стремившиеся хоть сколько-нибудь заработать в те немногие свободные от службы часы, которыми они располагали. Это были, наконец, насильно переселенные в Петербург мастеровые люди, целиком зависевшие от организаций, к которым они были прикреплены (Адмиралтейство, Канцелярия городских дел и т. д.). Какая-то часть вольнонаемных рабочих вербовалась из более свободных в юридическом отношении категорий населения: посадских, государственных крестьян и др.

К 20-м годам XVIII в. в Петербурге создалась, как мы уже видели, настолько прочная база для вербовки наемных рабочих, что правительство смогло почти полностью отказаться от трудовой повинности. В купеческих мануфактурах этого времени, как правило, уже преобладал наемный труд,⁷³ и нет ничего удивительного, что наемные рабочие сделались основной категорией рабочей силы на строительстве новой столицы. Петербург стал тем местом в стране, где сосредоточивалось большое число людей в поисках заработка.

Оплата труда в петровское время была дифференцированной. Если выписанные из-за границы иностранные специалисты (архитекторы, мастера и т. д.) получали очень крупные по тому времени оклады жалованья, часто даже не соответствовавшие их квалификации, то русским специалистам платили гораздо меньше, а простые русские рабочие получали гроши, на которые можно было жить лишь впроголодь. Вот несколько примеров денежных окладов архитекторов-иностранцев: Леблон получал 5000 руб. в год,⁷⁴ Трезини — 1000 руб., Фонтана — 600 руб.,⁷⁵ очень посредственный архитектор Геребель — 850 руб.⁷⁶ и т. д.

Выплачивались оклады и более крупные. В 1715 г., например, в Венеции были подрядены для работы в России 5 «механистов», которым обещали огромное денежное вознаграждение: Дорофей Алимари, давший согласие быть «первым мастером слюзного дела» получил оклад 1000 червонцев в год (из коих 600 ему было выдано вперед), Антоний Вестери получил оклад 380 червонцев (вперед дано 268), Антонин Алимари (сын Доро-

⁷² Eigentliche Beschreibung..., стр. 13—14.

⁷³ Очерки по истории СССР. Период феодализма. Россия первой четверти XVIII в. Преобразования Петра, стр. 123.

⁷⁴ П. Н. Петров, ук. соч., стр. 115.

⁷⁵ Доклады и приговоры..., т. II, кн. I, стр. 113.

⁷⁶ ЦГИАЛ, ф. 467, оп. 73/187, № 18, лл. 382—383.

фея) — 280 червонцев (вперед дано 232), Яков Распари — 200 червонцев (вперед дано 166), садовник француз Гдо — 250 червонцев (вперед дано 225).⁷⁷

Для сравнения следует указать, что крупнейший русский архитектор М. Г. Земцов начал свою карьеру с ученика, получая с 1711 по 1715 г. всего по 5 руб. в месяц, а с 1715 по 1721 г. — по 10 руб. в месяц. В 1721 г. он был произведен в «подмастерье архитектурного художества», после чего ему было назначено жалование 15 руб. в месяц,⁷⁸ хотя в это время он уже выполнял весьма ответственные работы и в 1722—1723 гг. «сделался фактическим руководителем строительства царских дворцов и парков».⁷⁹

Плата за труд русских рабочих — «мастеровых» и «работных людей» — была значительно меньше. В 1716 г., например, из числа мастеровых людей, «которые обретаются при доме его царского величества», столяры получали по 24 руб. в год, маляры — по 14 руб. 40 коп. — 18 руб. в год, медник — 19 руб. 40 коп. в год, токари, плотники, кузнецы и другие — всего по 10 руб. 80 коп. в год, «огородники» — 12 руб. в год и т. д. В то же время иностранные «огородники» получали гораздо большие оклады: Ян Розен — 500 руб. в год, Л. Гарнифелт — 248 руб., а «живописец» Ян Тоннаер — 641 руб.⁸⁰

Таким образом, русские мастеровые люди, работавшие при царском зимнем дворце, получали в среднем по 1 руб. в месяц. Это был обычный размер заработка рабочего на строительстве Петербурга. На такие деньги почти невозможно было прожить в новой столице (где все было так дорого) даже одинокому человеку, не говоря уже о семейных. Во избежание массовой смертности от недоедания царское правительство выдавало рабочим хлебные пайки. Размер пайка был: в месяц по полуосмине муки (около 29 кг) и по малому четверику крупы (около 5 кг),⁸¹ т. е. всего на месяц около 34 кг (немного больше, чем по 1 кг в день).

В наиболее худших условиях в смысле оплаты за труд находились работные люди, которые ежегодно выслались в Петербург в порядке отбывания трудовой повинности по строительству города. Они получали денежное жалование по 1 руб. в месяц, однако в этот же счет шло и «хлебное жалование» (хлебный паек). Как мы уже видели из текста указа от 31 декабря 1709 г., на руки работным людям полагалось лишь по 50 коп. в месяц. Если же учесть цены того времени (в 1712 г. четверть муки стоила 2 руб., а четверть крупы — 2 руб. 16 коп.,⁸² то выходит, что за вычетом стоимости хлебного пайка, у работных людей оставалось не более 40% всех денег, а хлебный паек, как мы видим, был не такой, чтобы избавить рабочего от недоедания. Пленные шведы находились в лучшем положении; они получали хлебный паек сверх денежного жалования, а денег им давалось 30 алтын в месяц (90 коп.),⁸³ т. е. примерно столько же, сколько и работным людям. Также хлебный паек, помимо жалования, получали и мастеровые люди. Размер пайка у всех был одинаковый.

Однако имелась категория мастеровых людей, которая получала хлеб-

⁷⁷ ЦГАДА, ф. 9, отд. II, кн. 24, лл. 373—374.

⁷⁸ ЦГИАЛ, ф. 467, оп. 73/187, кн. 19, лл. 99—101.

⁷⁹ Русская архитектура первой половины XVIII в., стр. 183.

⁸⁰ Высочайшие указы и повеления императора Петра I... Сборник РИО, т. XI, стр. 298—300.

⁸¹ В XVIII в. четверть равнялась 7 пудам 10 фунтам; осмина равнялась $\frac{1}{2}$ четверти или 4 четверикам; малый четверик равнялся $\frac{1}{3}$ обыкновенного четверика (см: Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, полтом 76, СПб., 1903, стр. 718, 736).

⁸² Доклады и приговоры..., т. II, кн. I, стр. 1.11.

⁸³ ЦГИАЛ, ф. 467, оп. 73/187, кн. 19, лл. 137—139.

ный паек большего размера. Это были переведенцы, т. е. мастеровые люди, в принудительном порядке переселенные в Петербург «на вечное житье». Они получали (согласно указу царя) хлебное жалованье из расчета: в год 5 четвертей муки (около 580 кг) и 4 четверика крупы (около 58 кг). Следовательно, в месяц переведенцы получали примерно по 52 кг (48 кг муки и 4 кг крупы), т. е. почти в 2 раза больше, чем другие категории рабочих.⁸⁴ Кроме того, переведенцам каменщикам и кирпичникам полагался еще надел земли: на семью по 6 десятин.⁸⁵

Переведенцы, таким образом, противопоставлялись другим мастеровым людям, получавшим обычный хлебный паек. Это хорошо видно на таком примере. В 1713 г. из числа людей, подведомственных Канцелярии городских дел, 2500 человек (переведенцы) получали повышенный хлебный паек (5 четвертей муки в год), а 1090 человек — обычный хлебный паек («муки по полуосмине и круп по малому четверику на месяц»). Кто же входил в число 1090? Наряду с солдатами «батальона городских дел», матросами, учениками, обучающимися архитектуре, здесь имелись и мастеровые люди: столяры, плотники, кузнецы, гончары, кожевенные мастера и т. д.⁸⁶ По-видимому, это были либо вольнонаемные рабочие, либо рабочие, завербованные из числа рекрутов.

Более хорошие условия по сравнению с другими мастеровыми людьми, в которые были поставлены переведенцы, объясняются тем, что вместе с мастеровыми-переведенцами в Петербург насильственно переселялись и их семьи. Правительству волей-неволей приходилось думать об этих семьях. Паек выдавался не на одного рабочего, а на всю семью. Поэтому размер пайка был больше обычного; переведенцы пользовались и другими льготами: для них строились дома,⁸⁷ им давались наделы земли под огороды. Что же касается денежного вознаграждения за труд, то переведенцы получали не больше, чем другие. Им полагалось 22 руб. в год, из которых 10 руб. шло на «хлебное жалованье», а 12 руб. (по 1 руб. в месяц) составили их денежный оклад.⁸⁸

Таким образом, и здесь мы видим заработок 1 руб. в месяц — обычная оплата строительного рабочего Петербурга. Эту плату получали, как мы уже знаем, и неквалифицированные рабочие и очень многие из тех, кто имел квалификацию: плотники, токари и др. Даже рабочие такой тяжелой и необходимой для строительства профессии, как кузнецы, получали не больше: им платили по 30 алтын (90 коп.) в месяц.⁸⁹ Немногие профессии оплачивались дороже. Мы уже видели, что на работах в Зимнем дворце больше других получали столяры (24 руб. в год) и маляры (14 руб. 40 коп. — 18 руб. в год). Интересно, что примерно такой же заработок был и у квалифицированных рабочих в промышленности: квалифицированный рабочий при домне или в кузнице получал 15—18 руб. в год.⁹⁰

В отдельных случаях оплата труда на строительстве Петербурга была значительно выше. Приведем несколько примеров. В 1720 г. резчики по

⁸⁴ Доклады и приговоры..., т. II, кн. I, стр. 111, 114. Крупа, назначенная царским указом, по-видимому, все же не выдавалась, потому что в последующих указах об ней ничего не говорится (см., например: Доклады и приговоры..., т. III, кн. I, стр. 32).

⁸⁵ Доклады и приговоры..., т. II, кн. I, стр. 377; ПСЗ, т. IV, № 2536.

⁸⁶ Доклады и приговоры..., т. III, кн. I, стр. 31—32.

⁸⁷ Указы и письма императора Петра I к московскому коменданту, а потом сибирскому губернатору кн. М. П. Гагарину. Сборник РИО, т. XI, стр. 149.

⁸⁸ Доклады и поговоры..., т. II, кн. I, стр. 111.

⁸⁹ ЦГИАЛ, ф. 467, оп. 484/1446, кн. 10, л. 366.

⁹⁰ Очерки по истории СССР. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII в. Преобразования Петра, стр. 116

камню Прокофьев, Устинов, Локалов и Андреев подали в Канцелярию городских дел прошение — уравнивать их в отношении денежного жалованья со штукатурами. Резчики получали в месяц всего лишь по 90 коп., а штукатуры — по 3 руб. Просьба резчиков была удовлетворена.⁹¹ Таким образом, имелись категории рабочих, получавших в 3 раза большее жалованье, чем другие.

Несколько больше платил рабочим и Александро-Невский монастырь. В 1713 г. плотники там получали по 17г руб. в месяц, каменщики первой статьи по 1 руб. 67 коп. В 1717 г. каменщикам и прочим рабочим платили от 2 руб. 50 коп. до 4 руб.⁹² Впрочем, следует иметь в виду, что едва ли монастырь выдавал своим рабочим хлебный паек, как это делало правительство. В 1724 г. царским указом было установлено следующее вознаграждение за труд неквалифицированного рабочего: «мужику с лошадей» платили в день в летнее время по 10 коп., зимой — по 6 коп., мужику без лошади летом платили по 5 коп., зимой — по 4 коп.⁹³ В наихудших условиях находились «каторжные невольники» (осужденные на каторгу): им полагалось на месяц лишь по 1 четверику круп (т. е. примерно по 0,5 кг в день).⁹⁴

Помимо повременной оплаты труда, существовала оплата сдельная или «поштучная». Так, например, каменщикам платили с тысячи штук уложенного кирпича или с кубической сажени кладки. В 1717 г. за кладку 1 куб. сажени «плитного камня» платилось 3 руб., за кладку тысячи штук кирпича — 50—70 коп., в зависимости от того, давался или нет каменщику подсобный рабочий.⁹⁵ В 1721 г. на постройке монастырского подворья на Васильевском острове каменщики получали 1 руб. 80 коп. с тысячи штук уложенного кирпича и по 3 руб. за 1 куб. сажень уложенного «плитного камня». Плата за труд не была постоянной и колебалась от разных причин.

До нас дошли сведения о существовании в петровское время норм или «уроков» на работы. Так, например, в 1718 г. потребовалось вырыть котлован под фундамент силами «каторжных невольников». Для установления размера урока было приказано в виде опыта сделать часть этой работы военнопленным или же вольнонаемным рабочим с тем, чтобы можно было требовать того же от «каторжных невольников».⁹⁷

Рабочий день на строительных работах продолжался столько времени, сколько можно было работать при дневном освещении, т. е. от восхода до заката солнца. Днем давалось время на обед. Продолжительность обеденного перерыва сильно сокращалась осенью и, особенно, зимой. Так, например, в 1708—1709 гг. на работах Адмиралтейства длительность обеденного перерыва была установлена для летнего времени 3 час, осенью и весной — 2 час, зимой — 1 час. За каждый прогульный день брался штраф в размере семидневного заработка, за каждый час прогула вычиталось однодневное жалованье. За взиманием штрафов наблюдали фискал с помощником, в пользу которых поступала четвертая часть штрафных денег.⁹⁸

⁹¹ ЦГИАЛ, ф. 467, оп. 483/1440, № 203, лл. 2, 4.

⁹² С. Г. Рункевич, ук. соч., стр. 160—161.

⁹³ ЦГИАЛ, ф. 1329, оп. 1, № 26, л. 20.

⁹⁴ ЦГАВМФ, ф. 176, № 16, ч. I, л. 131.

⁹⁵ ЦГИАЛ, ф. 467, оп. 484/1446, кн. 10, лл. 113, 114.

⁹⁶ Описание архива Александро-Невской лавры..., т. III, стр. 458.

⁹⁷ ЦГАВМФ, ф. 223, № 20, лл. 13—14.

⁹⁸ ЦГАВМФ, ф. 176, № 50, ч. II, л. 264. (См. также: Петербург петровского времени. ..., стр. 132—133).

В воскресные дни работать не полагалось, но это правило, видимо, часто нарушалось. В документах того времени можно найти такого рода расчеты: на 1 день рабочему положено 6 денег (3 коп.), а на месяц 30 алтын (90 коп.),⁹⁹ откуда видно, что рабочих дней в месяце было 30.

Условия труда на работах были невероятно тяжелые. Это сознавало даже правительство, рассматривая работу на строительстве Петербурга как средство наказания,¹⁰⁰ используя на этой работе труд людей, осужденных на каторгу. Современники иностранцы пишут об исключительно высокой смертности на работах по строительству Петербурга. Автор «Описания» Петербурга 1710—1711 гг. сообщает, что на строительстве Петербурга погибло свыше 100 тыс. человек.¹⁰¹

Датский посланник Юст Юль в 1710 г. делает пометку в своих «Записках», что при сооружении Петропавловской крепости «от работ, холода и голода погибло, как говорят, 60 000 человек».¹⁰² Французский консул де Лави писал в 1717 г. в своем донесении, что царь ежегодно теряет около двух третей людей, работающих на строительстве, «и виноваты в том лица, заведующие содержанием этих несчастных», страдающих от алчности начальников.¹⁰³ Нельзя не видеть, что цифры смертности рабочих, приводимые иностранцами, сильно преувеличены. Это отмечал еще П. Н. Петров в своей «Истории Санкт-Петербурга». Петров писал, что ему приходилось сверять списки работных людей, работавших на строительстве Петербурга, и из года в год повторялись фамилии одних и тех же людей.¹⁰⁴

Тем не менее отрицать большую смертность работных людей в Петербурге все же не приходится. Русские источники подтверждают этот факт. В 1716 г. А. Д. Меншиков после осмотра работ в окрестностях Петербурга писал А. В. Макарову: «В Петергофе и Стрельне в работниках больных zelo много и умирают беспрестанно, ис которых нынешним летом больше тысячи человек померло».¹⁰⁵ Именно потому и выдавалось работным людям хлебное жалованье, «чтоб з голоду не мерли», писал в 1703 г. А. Д. Меншиков У. А. Синявину.¹⁰⁶ В письме от 17 августа 1703 г. Г. И. Головкин сообщал Петру: «... как у солдат, так и у работных людей нынешней присылки болезнь одна: понос и цынга».¹⁰⁷ Таким образом, болезнь и смертность среди рабочих на строительстве Петербурга были обычным явлением, и если потери людьми выражались не десятками тысяч человек, как писали иностранцы, то по всей вероятности погибали тысячи.

Для уменьшения смертности рабочих правительство Петра пыталось как-то организовать их лечение. Сведения об организации лечебного дела в Петербурге очень скудны. Мастеровых людей Адмиралтейства в 1711 г. лечил лекарь Пуль.¹⁰⁸ За более позднее время имеются сведения о лечении адмиралтейских мастеровых в госпитале.¹⁰⁹

⁹⁹ ЦГИАЛ, ф. 467, оп. 484/1446, кн. 10, л. 365.

¹⁰⁰ Описание архива Александро-Невской лавры..., т. III, стр. 289.

¹⁰¹ Описание Санктпетербурга и Кроншлота... Русская старина, т. XXXVI, стр. 37.

¹⁰² Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом (1709—1711). Перев. Ю. Н. Щербачева. М., 1899, стр. 178.

¹⁰³ Письма де Лави французскому Министерству иностранных дел. Сборник РИО, т. XXXIV, стр. 223.

¹⁰⁴ П. Н. Петров, ук. соч., сто. 6.

¹⁰⁵ ЦГАДА, ф. 9, отд. II, оп. 9/3, кн. 28, л. 86.

¹⁰⁶ ЦГИАЛ, ф. 466, оп. 36/1629. № 477, л. 16.

¹⁰⁷ Письма и бумаги императора Петра Великого, т. II. СПб., 1889, стр. 625.

¹⁰⁸ ЦГАВМФ, ф. 176, № 62, л. 158.

¹⁰⁹ ЦГАВМФ, ф. 176, № 117, л. 144.

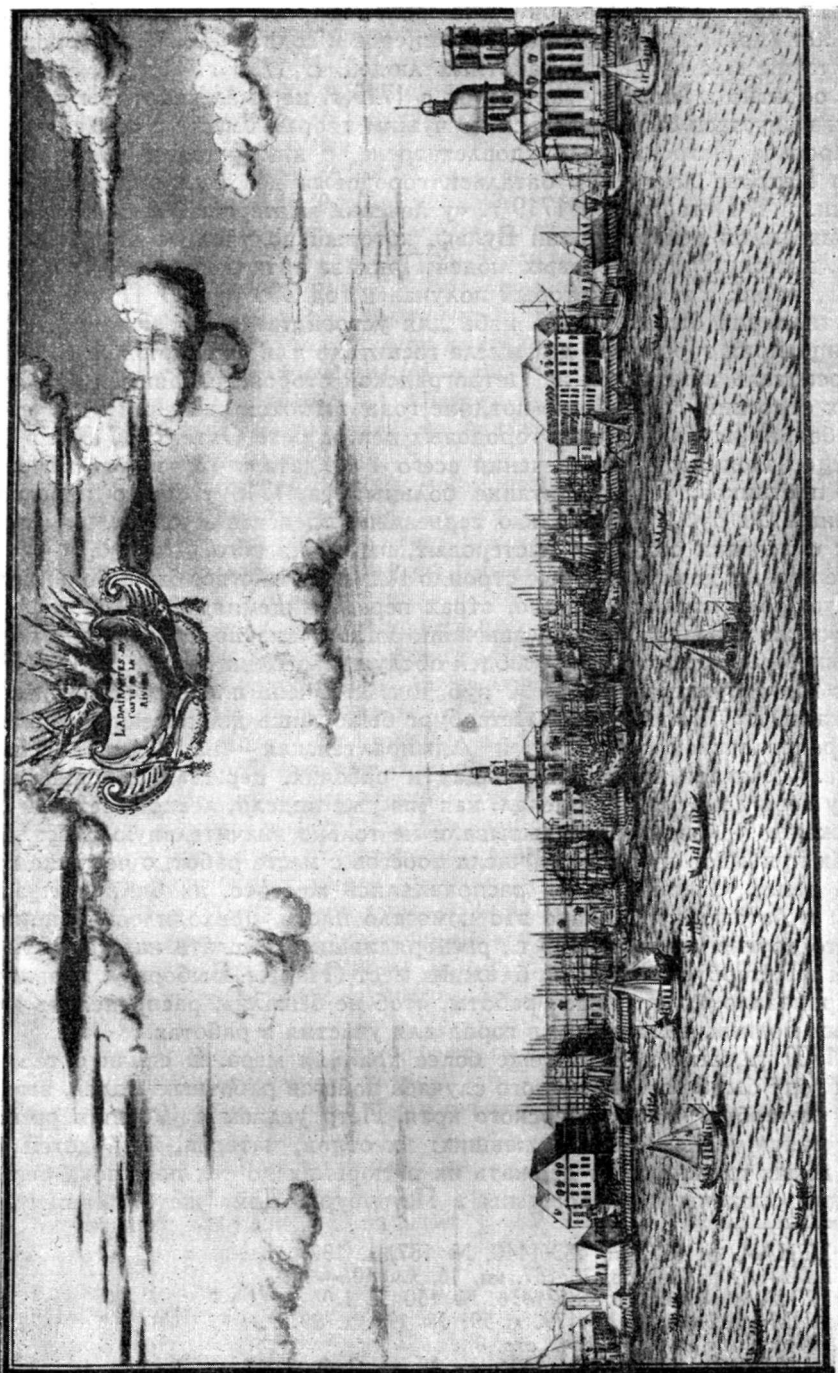

Рис. 11. Набережная левого берега Невы и Адмиралтейство. Рисунок Х. Марселюса. 1725 г. Отдел рукописной и редкой книги Библиотеки АН СССР.

Для лечения людей Канцелярии городских дел в 1710 г. был прислан из Москвы лекарь Федор Петров с учеником Андреем Татариновым. В течение 10 лет (до 1720 г.) они лечили офицеров и солдат батальона городских дел, а также мастеровых и работных людей. В 1720 г. Петров стал проситься обратно в Москву, так как он с 1715 г. не имел квартиры в Петербурге и вынужден был скитаться по чужим дворам вместе с семьей и аптекой. Просьба Петрова была удовлетворена, с ним уехал и Татаринов.¹¹⁰ Вместо Петрова лекарем в батальон городских дел был определен Яган Штарин.¹¹¹ В Петергофе в 1719 г. «у лечения мастеровых и работных людей» находился лекарь Иоанн Вульф, который получал за эту работу по 10 руб. в месяц.¹¹² Мастеровых людей Приказа артиллерии в 1715 г. лечил лекарь Дитрих Такман, который получал в год 200 руб. В 1716 г. Приказом артиллерии была куплена изба для устройства в ней больницы.¹¹³

Канцелярия городских дел имела госпиталь для своих людей. В 1713 г. этот госпиталь помещался на Петроградской стороне и занимал 11 казарменных строений.¹¹⁴ За более поздние годы имеются сведения о существовании больницы Канцелярии городских дел на реке Охте. В 1719 г. в этой больнице находилось на излечении всего 4 солдата и 12 человек каменщиков и плотников. На пропитание больных за 1718 г. было израсходовано лишь 50 руб.¹¹⁵ Насколько серьезным представлялся правительству вопрос о лечении солдат и мастеровых, видно из того, что уже в 1705 г. в числе первых домов, которые строило Адмиралтейство, была больница.¹¹⁶ Большую роль играл, очевидно, страх перед эпидемиями.

И все же сделано было чрезвычайно мало. Конечно, совершенно ненормальным было то, что тысячи людей обслуживал один лекарь, что на больницу в год отпускалось всего 50 руб. и т. д. Очень плохо обстояло дело и с аптеками. В 1727 г. на весь Петербург было лишь две аптеки: главная — в Петропавловской крепости и Адмиралтейская — на Адмиралтейской стороне.¹¹⁷ Лекари, лечившие солдат и рабочих, держали небольшие аптечки у себя дома, как это делал, как мы уже видели, лекарь Петров.

Тяжелые условия труда вызывали не только значительную смертность, но были причиной и большого числа побегов с места работ, о чем уже говорилось ранее. С пойманными расправлялись жестоко, их били «нещадно» кнутом и батогами,¹¹⁸ однако это помогало плохо, приходилось принимать какие-то другие меры. В 1719 г., распорядившись выслать на строительные работы в Петербург людей из ближних мест (Нарвы, Выборга), правительство приказало «для лучшей работы, чтоб не бежали», распределить их по военным полкам, вызванным в город для участия в работах.¹¹⁹

В 1707 г. была принята еще более крайняя мера. В связи с тем, что в этом году было особенно много случаев побегов работных людей, высланных в Петербург из Белозерского края, Петр указом от 9 июня распорядился взять членов семей бежавших: их отцов, матерей, жен, детей «или кто в домах их живут» и держать их в тюрьмах до тех пор, пока беглецы не будут сысканы и возвращены в Петербург. Дома же бежавших было

¹¹⁰ ЦГИАЛ, ф. 467, оп. 483/1440, № 187, л. 137.

¹¹¹ ЦГИАЛ, ф. 467, оп. 73/187, кн. 16, лл. 106—109.

¹¹² ЦГИАЛ, ф. 467, оп. 485/1436, № 150, л. 1.

¹¹³ АИМ, ф. 2, оп. 1, № 179, л. 59; № 198, л. 89.

¹¹⁴ П. Н. Петров, ук. соч., стр. 98.

¹¹⁵ ЦГИАЛ, ф. 467, оп. 485/1436, № 38, лл. 2, 3.

¹¹⁶ Материалы для истории русского флота, ч. III, стр. 556.

¹¹⁷ И. К. Кирилов, ук. соч., кн. I, стр. 20.

¹¹⁸ ЦГИАЛ, ф. 467, оп. 480/1423, картон 5491, № 4/40, л. 1.

¹¹⁹ ПСЗ, т. V, № 3342.

приказано запечатать «до его великого государя указу». ¹²⁰ Побег «каторжных невольников» правительство пыталось предотвратить нанесением «знаков» на их лица (у них вырывались ноздри). В 1724 г. Петру показалось, что у «каторжных невольников» «ноздри вынуты мало знатны», и он приказал «ноздри вынимать до кости», чтобы в случае побега этих людей можно было бы узнать сразу же. ¹²¹

Исключительно тяжелые условия работы были причиной побегов не только людей подневольного труда, но даже и наемных рабочих, с которыми обращались не менее жестоко; их били, нарушали условия договора. Так, например, в 1719 г. в Александро-Невском монастыре разбежалось более половины артели каменщиков, работавших у подрядчиков, вследствие того, что этих каменщиков заставляли выполнять работы, не предусмотренные договором. ¹²² В 1722 г. подрядчики выставили на работы по строительству церкви в Александро-Невском монастыре и каменного монастырского дома на Васильевском острове 211 рабочих. Однако вследствие «недоразумений при расчетах» почти сразу же началось повальное бегство: сначала бежало 58 человек, потом еще 78. ¹²³

Тяжелое положение рабочих и мастеровых людей на строительстве Петербурга усугублялось также тем, что денежное вознаграждение и хлебный паек выдавались им нерегулярно. На каждую выплату требовался специальный указ. Царские уполномоченные и подрядчики постоянно обсчитывали рабочих людей, а также стремились использовать их труд в своих личных интересах. Это использование труда мастеровых и рабочих людей начальством было настолько частым явлением, что с ним приходилось бороться путем специальных указов, устанавливавших строгие наказания за подобного рода факты. Не доверяя руководителям работ, правительство требовало от них подачи ежедневных рапортов, в которых указывалось число людей, вышедших на работу. ¹²⁴

Для квалифицированных мастеровых было тягостно то, что их труд расценивался не дороже, чем труд других рабочих и они также были бесправны. Впрочем мы имеем отдельные сведения о стремлении правительства освободить мастеровых людей от выполнения подсобных работ. Так, например, в 1723 г. Канцелярия от строений постановила дать в помощь каменщикам рабочих людей для подсобных работ, чтобы каменщики занимались только «своим каменным делом». ¹²⁵ В другом документе того времени имеется указание, что кузнецам выдавались рукавицы и передники. ¹²⁶

У нас почти нет сведений о бытовых условиях жизни рабочих на строительстве Петербурга, но можно с уверенностью предположить, что в строящемся городе жилищные условия были очень тяжелыми. И действительно, если для мастеровых людей, насильственно переселяемых в Петербург, правительство еще строило какие-то дома, очень плотно заселяемые, ¹²⁷ то этого не делалось для рабочих людей. Не случайно ни в одном из документов петровского времени нет никаких упоминаний о строительстве помещений (хотя бы и временных) для многих тысяч рабочих людей, еже-

¹²⁰ ЦГАЕМФ, ф. 176, № 11, лл. 149—150.

¹²¹ ПГИАА, ф. 1329, оп. 2, № 21, л. 1.

¹²² С. Г. Рункевич, ук. соч., стр. 159, 160.

¹²³ Там же, стр. 123—124.

¹²⁴ ЦГАВМФ, ф. 176, № 116, лл. 67—68.

¹²⁵ ПГИАА, ф. 467, оп. 73/187, кн. 33, л. 309.

¹²⁶ ПГИАА, ф. 467, оп. 73/187, кн. 49, л. 712.

¹²⁷ Как мы уже знаем, при расселении охтенских плотников две семьи помещались в одну избу.

годно прибывавших в Петербург в порядке выполнения трудовой повинности. Эти люди жили в землянках, шалашах и других временных постройках, наскоро устроенных самими рабочими для предохранения от непогоды.¹²⁸ Немудрено, что смертность среди работных людей была большая.

Подводя итог всему сказанному о рабочих на строительстве Петербурга, следует сделать вывод, что петровское правительство справилось с задачей обеспечения строительства рабочей силой, используя для этой цели все способы, которыми располагало абсолютистское государство. Оно справилось и с другой задачей — постепенного перехода от принудительных форм труда к использованию труда наемных рабочих. Впервые в истории России в одном месте и на столь длительное время сосредоточивались большие массы рабочих. Эти люди подвергались беспощадной эксплуатации, потому что правительство было заинтересовано лишь в скорости выполнения поставленных задач и в затрате возможно меньших средств. Нищенское вознаграждение за труд, совершенное бесправие и полная зависимость от администрации, тяжелые условия не только работы (от зари до зари), но и быта — все это делало положение рабочих на строительстве Петербурга совершенно невыносимым и не могло не вызвать их протеста.

Наиболее типичной формой этого протеста, как мы видим, был пассивный метод борьбы — побег с места работ. Это не значит, однако, что рабочие не прибегали к более активным методам борьбы. Грандиозные народные восстания того времени (восстания Булавина, Астраханское, Башкирское) являются ярким подтверждением этого. Есть все основания предполагать, что в этих восстаниях принимали участие и беглые из Петербурга. Не исключена возможность и открытых выступлений рабочих в самой новой столице. Это тем более вероятно, что подобные волнения рабочих в первой четверти XVIII в. имели место на ряде мануфактур.¹²⁹

¹²⁸ В первые годы строительства Петербурга домиками и шалашами работных людей была застроена значительная часть Городского острова (см.: Г. И. Тимченко-Рубан. Первые годы Петербурга..., стр. 163 и чертеж № 5).

¹²⁹ Очерки по истории СССР. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII в...., стр. 279—285.

Глава V

ПРОИЗВОДСТВО СТРОИТЕЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ

Успех грандиозных работ по строительству Петербурга очень сильно зависел от надлежащей организации производства строительных материалов. На только что отвоеванной у шведов и сравнительно слабо заселенной территории необходимо было в кратчайшие сроки наладить изготовление кирпича, черепицы, распиловку лесоматериалов, выжигание извести и т. д. Задача была нелегкая, тем более что такие виды строительных материалов, как черепица, изразцы, стекло были еще мало распространены в России. Поэтому надо удивляться тому, насколько быстро Петру удалось организовать производство строительных материалов в ближних и дальних окрестностях Петербурга. Видимо, помог опыт Приказа каменных дел.

Уже в сентябре 1703 г. (т. е. в год основания новой столицы) где-то в Петербурге или его окрестностях для нужд нового строительства Работала «пильная мельница» (лесопилка), как это видно из письма Меншикова, посланного из Петербурга в Шлиссельбург к Синявину. В этом письме Меншиков просит Синявина выбрать 6 лучших плотников и послать немедленно на пильную мельницу к Ивану Матвееву.¹ В 1705 г. в районе Ивановских порогов на Неве (т. е. против устья р. Тосны) существовали уже кирпичные заводы. В одном из документов этого времени говорится, что «шведские полки (речь идет, видимо, об отряде Майделя, — С. Л.) перешли через Неву и на порогах кирпичные заводы и что было строению пожгли».²

Из текста указа от 8 ноября 1710 г. мы видим, что в это время «кирпичные и иные всякие заводы» существовали «при Санктпетербурхе по рекам Неве, Ижоре и по Тосне и по другим речкам и по протчим местам».³ Таким образом, в 1710 г. имелся уже целый ряд кирпичных заводов, расположенных в окрестностях Петербурга. В этом году, согласно донесению Синявина (от 8 марта 1711 г.), на всех заводах было сделано подрядным способом 11 млн штук кирпича, цифра — огромная для того времени. Надо только удивляться, что всего через 7 лет после основания города количество кирпича, произведенного для нужд строительства, исчислялось уже в миллионах штук.

Для последующих лет правительство определило размер ежегодного производства кирпича в 10 млн штук.⁴ Однако дело упиралось в топливо, так как в первые же годы существования заводов кирпичные подрядчики

¹ ЦГИАЛ, ф. 466, оп. 36/1629, № 477, лл. 10, 11. Архитектор Иван Матвеев был одним из руководителей строительных работ в первые годы существования Петербурга.

² ЦГАВМФ, ф. 177, № 47, л. 100.

³ ЦГАДА, ф. 198. Письма царской фамилии, № 2, л. 117.

⁴ Доклады и приговоры..., т. I, стр. 5—6.

хищнически пожгли весь лес вблизи этих заводов и в дальнейшем пришлось подвозить топливо издалека, что представляло большие неудобства и обходилось дорого. В 1712 г. кирпичные подрядчики подали даже челобитную, чтобы их освободили от подряда 1713 г., так как они еще не выполнили подрядов 1711 и 1712 гг. вследствие непоставки «к обжиганию того кирпича дров от подрядчиков их».⁵ Таким образом, выражаясь современным языком, субподрядчики тормозили работу основных подрядчиков.

Неблагополучное положение с производством кирпича заставляло царское правительство искать в других губерниях России новых подрядчиков, которые бы взялись за кирпичное производство в Петербурге. Одновременно были установлены некоторые льготы заводам, изготавливавшим строительные материалы для нужд новой столицы. 8 ноября 1710 г. было запрещено «курьерам и иных всяких чинов проезжим людям» «у управителей тех заводов и работ и у подрядчиков и у протчих людей» брать по своим подорожным казенных или частных лошадей.⁶

Многие кирпичные заводы принадлежали Канцелярии городских дел. В справке, представленной в 1712 г. этой Канцелярией в Сенат, говорится о подведомственных ей кирпичных заводах, размещавшихся «вверх по Неве». На этих заводах числилось «вечного жителя кирпичников, черепичного дела и других мастеровых людей 145 семей, иноземцев кирпичного дела 3, у кирпичного и черепичного дела у топтанья глины 100 волов, у возки глины, дров и лесных припасов по 100 лошадей, посошан по 1000 человек и больше, кирпичных обжигальщиков, которые отправляют по подряду своему кирпич, 4 человека; у тех же обжигальщиков бывает у дела кирпича наемных работных людей по 400 человек, да у возки к делу того кирпича, глины, дров по 200 лошадей».⁷

Здесь мы имеем дело, по-видимому, с двумя способами производства кирпича: хозяйственным и подрядным. На казенных заводах работало 145 мастеровых людей, переселенных сюда из внутренних губерний России «на вечное житье». В помощь им для подсобной работы выделялось 1000 человек работных людей, отбывавших трудовую повинность («посошан»), на подвозке глины и дров использовались 100 лошадей, а на мятье глины — 100 волов; 3 «иноземца кирпичного дела», очевидно, были мастерами на государственном жалованье. Это был один способ производства (хозяйственный). С другой стороны, имелось 4 подрядчика («кирпичных обжигальщика»), у которых работало до 400 человек наемных работных людей, а на подвозке использовалось около 200 лошадей. Это был уже подрядный способ производства. Не исключена, впрочем, возможность, что подрядчики работали на казенных заводах. Оба способа так тесно переплетались, что разделить их часто очень трудно, так как иногда в подряд сдавалось не все производство, а лишь определенный цикл его.

Таким образом, только на кирпичных заводах Канцелярии городских дел, расположенных по Неве выше Петербурга, работало свыше 1500 человек, кроме того, та же Канцелярия имела в это время кирпичные заводы по реке Тосне и у Шлиссельбурга. На Тосне заводы были расположены по обеим сторонам реки. Там жило 95 семей «вечного жителя кирпичников и других мастеровых людей», в помощь им привлекалось до 700 человек «посошан». На работах использовались 100 лошадей. Кроме того, были подрядчики (8 «обжигальщиков»), у которых работало до 500 наемных рабочих. У подрядчиков было 250 лошадей.

⁵ Доклады и приговоры..., т. II, кн. II, стр. 461.

⁶ ЦГАБМФ, ф. 176, № 50, ч. II, л. 426.

⁷ Доклады и приговоры..., т. II, кн. I, стр. 375.

На заводах у Шлиссельбурга, как сообщается все в той же справке Канцелярии городских дел, «посошан бывает по 500 человек, у подрядчиков мастеровых и работников 100 человек, по 500 лошадей».⁸ Производство кирпича доставляло Канцелярии городских дел немало хлопот. «На дело кирпича» ей ежегодно отпускалось 22 000 руб., на которые требовалось заготавливать кирпич по цене 2 руб. за тысячу штук, между тем кирпич обходился дороже, так как с вырубкой лесов дорожали и дрова.⁹

По-видимому, Канцелярия городских дел систематически недовыполняла установленную для нее норму в 10—11 млн штук кирпича в год. Для поправления дела решено было все кирпичные заводы, подведомственные этой Канцелярии, сосредоточить в одних руках. 11 апреля 1719 г. по донесению князя Черкасского иноземец Тимофей Фонармус был назначен инспектором над кирпичными и черепичными заводами этой Канцелярии. В 1719 г. «за опозданием временем» (т. е. ввиду того, что прошло уже целых 4 месяца года) Фонармусу велено было изготовить лишь 7 млн штук кирпича и 1,5 млн штук черепицы, однако в дальнейшем (с 1720 г.) требовалось уже производить ежегодно черепицы 3 млн штук и кирпича 12 млн штук, в том числе:

На Госненских заводах	3 млн штук кирпича
На Шлиссельбургских заводах	500 000 штук кирпича
На Петергофских заводах	3 млн штук кирпича
На Ближних заводах	5 » » »

Таким образом, самыми мощными были «Ближние заводы», расположенные на Неве. Самому Фонармусу была назначена сдельная оплата по 6 алтын 4 деньги (т. е. по 20 коп.) с тысячи штук произведенного кирпича, за счет чего он должен был содержать и своих помощников.¹⁰

Трудно сказать, насколько улучшилось положение дела после назначения Фонармуса. Как видно из справки, составленной самим Фонармусом, со дня своего назначения инспектором до 31 октября 1720 г. (т. е. более чем за полтора года) произведено 16 571 600 штук кирпича (из коего более половины еще не было обожжено) и 416 000 штук черепицы.¹¹ Таким образом, если по кирпичу Фонармус приблизился к установленной для него цифре, то по черепице дело обстояло плачевно.

Производством кирпича занималась не одна только Канцелярия городских дел. Этому вопросу приходилось уделять большое внимание и другим учреждениям, выполнявшим крупные строительные работы: Адмиралтейству, Александро-Невскому монастырю и др. Первоначально число кирпича, которое изготовлялось Адмиралтейством, было незначительно: в 1705 г. — 75 780 штук, в 1706 г. — 58 700, в 1707 г. — 54 000.¹² В дальнейшем производство сильно увеличилось. В 1715 г. Адмиралтейству были переданы «кирпичные заводы вверх по Неве у Черной речки (т. е. около Александро-Невского монастыря, — С. Л.), которые строил Федор Соловьев».¹³ Кроме того, Адмиралтейство имело кирпичный и черепичный завод в Стрельне, который в документах того времени часто называется «Новым». Этот завод возглавлял князь Юрий Щербатов,¹⁴ дела на заводе

⁸ Доклады и приговоры. . . , т. II, кн. I, стр. 375.

⁹ ПСЗ. т. V, № 2798; Доклады и приговоры. . . , т. II, кн. I, стр. 111.

¹⁰ ЦГИАЛ, ф. 467, оп. 73/187, кн. 18, лл. 184—191.

¹¹ Там же.

¹² П. Н. Столпянский. Жизнь и быт петербургской фабрики. . . , стр. 15.

¹³ Там же.

¹⁴ Петербург петровского времени. . . , стр. 71.

долго не налаживались. В 1713 г. Щербатов писал Ф. М. Апраксину: «Доношу милости твоей: к нам на заводы по нижеозначенное число присланы из Адмиралтейства работные люди 530 человек, а люди, государь, зело худы и бегут. И в том числе присланы и названы кирпичниками Архангелогородецкой и Воронежской губерний 82 человека, а прямых кирпичников, вологодских каменщиков прислано 10 человек, они и кирпич делают и печи кладут; да воронежских 5 человек. А прочие, которые названы кирпичниками, никоторой в руки взять не умеет, всех (их) учат. Я было велел принудить, чтоб делали по 300 кирпичей на день, и неумеющих кирпичников побежало 19 человек, и я, государь, приказал учить пошосен (т. е. принудительно мобилизованных «по сохам» крестьян) и пошосен побежало по се число 80 человек.

«А на заводах у нас сделано черепицы кривой 90 000, да прямой нового манеру 10000... и всего зделано черепичных 3 печи и над ними сарай, да в старых сараях зделано кирпичных 3 ж печи, итого черепичных и кирпичных 6 печей, а вновь делают, только, государь, медленно. Каторжных каменщиков прислано из Адмиралтейства 7 человек, и ис того числа бежал один человек, да 3 человека свободных каменщиков, и делают зело медленно, а время уже проходит... а кирпичю, государь, зделано 220 000 и ис того числа делают обжигательные печи».¹⁵

Таким образом, производительность стрельнинского завода была в 1713 г. еще невелика, и это объяснялось главным образом некалцифицированностью рабочих. Первые кирпичные заводы Александро-Невского монастыря были заложены в 1713 г. Сначала кирпич выделывался хозяйственным способом (т. е. монастырь выделывал кирпич на своих заводах и своими людьми). Кирпичники — работные люди были присланы в монастырь из Боровичей и Старорусских монастырских вотчин. Вскоре, однако, хозяйственный способ был признан негодным и кирпичные заводы стали сдаваться в подряд. В 1716 г. подрядчик Василий Мартынов изготовил на монастырских заводах 1 млн штук кирпича. Такое же количество кирпича изготовлял ежегодно в четырех обжигательных печах в 1717—1720 гг. новый подрядчик Тимофей Смирнов. Средняя выработка на человека составляла у него 100—150 штук кирпича. На кирпичных заводах монастыря изготовлялись также и изразцы.¹⁶

Выделка кирпича на монастырских заводах так хорошо наладилась, что сам петербургский губернатор А. Д. Меншиков прибегал к займам у монастыря больших партий кирпича для нужд своего строительства.¹⁷

«В мае 1725 года», пишет в своей книге С. Г. Рункевич, монастырские «кирпичные мастерские заводы имели следующий вид: изба-мастерская для изготовления гончарами изразцов, изба, где жили кирпичные мастера. . . , изба для рабочих с каморкой, при избе сени с двумя горнами для обжигания изразцов, баня, амбар, черепичная печь с нижними и верхними сводами, в ней было насажено 12 200 штук черепицы, 5 печей кирпичных с нижними сводами, над печами шатры, крытые дранью и тесом, черепичный сарай», 8 кирпичных сараев. «На заводах было 15 станков, около 800 000 готового кирпича и свыше 3000 изразцов».¹⁸ Кроме монастырских заводов, существовали еще кирпичные заводы на Выборгской стороне, принадлежащие Новгородскому архиерейскому дому. Ему же принадлежали

¹⁵ Петербург петровского времени..., стр. 71.

¹⁶ С. Г. Рункевич, ук. соч., стр. 141—143.

¹⁷ Описание архива Александро-Невской лавры..., т. II, стр. 492—493.

¹⁸ С. Г. Рункевич, ук. соч., стр. 144.

и кирпичные заводы, расположенные южнее реки Охты. Изготовление черепицы на монастырских заводах производилось под наблюдением специального мастера.¹⁹

В 1718—1720 гг. эти заводы изготовили свыше 100000 штук черепицы, однако около 15% ее было плохого качества.²⁰

Несколько слов о частных кирпичных заводах. Кирпичных подрядчиков мы видели уже в первые годы существования Петербурга. Некоторые из них, как это было в Александро-Невском монастыре, брали в подряд казенные заводы, другие имели заводы собственные. Правительство Петра всеми мерами стимулировало создание частных кирпичных заводов, но долгое время это удавалось плохо. Подрядчикам раздавались земли под строительство заводов по Неве и другим рекам. Однако многие из получивших землю не спешили выделывать кирпич, а использовали свои участки для сенных покосов и лесных угодий. Правительственный указ 1721 г. угрожал, что розданные земли будут отобраны, если хозяева участков не начнут выделывать кирпич.²¹ Через три года, в 1724 г., всем кирпичным «промышленникам» было приказано, чтобы каждый делал на своем заводе по 1 млн штук кирпича в год, «а что больше, то лучше». Не выполнившим этот указ угрожал штраф в размере стоимости полмиллиона штук кирпича.²²

В настоящее время трудно восстановить число этих «промышленников» и то количество кирпича, которое они производили ежегодно. Несомненно только, что ежегодная продукция заводов многих из таких частных предпринимателей исчислялась сотнями тысяч кирпича. В 1719 г. Адмиралтейством был заключен договор с полковником И. Е. Лутковским, который обязался в течение этого года поставить со своих заводов (из 10 печей) своими людьми и на своих судах 1 млн штук кирпича.²³

В 1714 г. управляющий адмиралтейских «новых кирпичных заводов» в Стрельне князь Юрий Щербатов писал Ф. М. Апраксину, что прибыли подрядчики, взявшиеся изготовить 4 млн штук кирпича, а с ними 300 человек работных людей.²⁴ Интересные цифры об изготовлении кирпича подрядчиками приводит в своей диссертации Л. Р. Куракин.²⁵ В 1716 г. подрядчики Кирилов, Афиногенов и Григорьев изготовили и поставили 733 000 штук кирпича; в 1718—1719 гг. Афиногенов поставил 1 452 800 штук кирпича, в 1718 г. Никитин — 332 340 штук, в 1718 г. Тихонов — 515 000, в 1718 г. Михайлов — 484 000, в 1719 г. Щербаков — 1 130 000, в 1718—1719 гг. Полискалов — 1 688 880 штук кирпича.

Таким образом, продукция заводов одних только перечисленных подрядчиков составляла в год более 3 млн штук кирпича. Приведем еще несколько примеров частных подрядов. В 1726 г. Канцелярия от строений поручила поручику Обернибесову заключить контракт с кирпичным заводчиком переведенцем Андреем Григорьевым на производство на Петергофских заводах 1 млн штук кирпича для городских построек в Петербурге. Характерная деталь: кирпич должен был изготовляться по образцам, которые давались подрядчику Канцелярией от строений «за печатями» архитектора Трезини. В договоре указывалось, сколько требовалось сделать кир-

¹⁹ Там же, стр. 143—144.

²⁰ Описание архива Александро-Невской лавры..., т. III, стр. 455—456.

²¹ ЦГИАЛ, ф. 467, оп. 20^/643, № 1, л. 27.

²² ПСЗ, т. VII, № 4405.

²³ ЦГАВМФ, ф. 1234, № 36, лл. 61—62.

²⁴ ЦГАВМФ, ф. 233, № 73, л. 246.

²⁵ Л. Р. Куракин, ук. дисс, стр. 104.

пича каждого сорта.²⁶ Таким образом, здесь была налицо известная стандартизация строительных материалов. В 1718 г. та же Канцелярия сдала подряд на поставку черепицы черепичным заводчикам из числа переведенцев. Цена была установлена 3 руб. 75 коп. за 1000 штук черепицы. В счет этого подряда было поставлено 445 700 штук черепицы.²⁷

Все приведенные нами сведения о кирпичных и черепичных заводах, обслуживавших в петровское время стройки Петербурга, дают лишь самую общую картину географического размещения этих заводов и очень приблизительное представление о их производительности. Кирпичные заводы, как мы видели, находились на сравнительно небольшом расстоянии от Петербурга, в местах, где была глина, топливо и имелась хорошая связь с городом по воде (поэтому заводы, как правило, устраивались на берегах рек или моря). Ближе к Петербургу находились заводы, расположенные по Неве, Черной речке, на Выборгской стороне (видимо, на Охте), несколько дальше — заводы на реке Тосне, в Петергофе и Стрельне. Имеются сведения о кирпичных заводах, находившихся в Ораниенбауме и на острове Котлине.²⁸

Судя по данным П. Н. Петрова, Петербург получал кирпич и из более отдаленных мест: из Ладоги и Новгорода.²⁹ Часто в одном месте (т. е. по соседству) располагались кирпичные заводы, принадлежавшие разным ведомствам. Черепичных заводов было значительно меньше, и они размещались вместе с кирпичными, как мы это уже видели на примере черепичных заводов на Неве, Черной речке и в Стрельне. С кирпичным же производством совмещалось и изготовление изразцов.

Об общей производительности всех кирпичных заводов на основании имеющихся данных мы можем составить себе лишь приблизительное представление. Мы видели уже, что заводы Канцелярии городских дел давали до 10 млн штук кирпича в год. Кроме того, кирпич производили: адмиралтейские заводы (сведений о производительности нет), Александро-Невский монастырь (около 1 млн штук кирпича в год), частные подрядчики (несколько миллионов штук кирпича в год), а также кирпич доставлялся и из более отдаленных мест. Таким образом, общее количество кирпича, произведенное в год, по-видимому, намного превышало цифру 10 млн и, вероятно, составляло около 15 млн штук кирпича.

Цифра эта весьма значительна для того времени. Однако не следует забывать, что в XVIII в. кирпич расходовался гораздо менее экономично, чем в настоящее время, так как, не умея еще производить необходимых расчетов, архитекторы допускали при кладке излишние запасы прочности. Вследствие этого из всего произведенного для Петербурга кирпича можно было построить не такое уж большое число домов. Л. Р. Куракин в своей диссертации приводит данные о количестве строительных материалов, использованных при строительстве дома Нарышкина на Васильевском острове, приобретенном в 1726 г. для Главного магистрата. На этот дом было употреблено при его постройке 438 200 штук кирпича и 2512 бочек извести.³⁰

Таким образом, из всего кирпича, производившегося в течение года для Петербурга, можно было сделать лишь 30 каменных домов. Однако если

²⁶ ЦГИАЛ, ф. 467, оп. 73/187, кн. 56, л. 161—162.

²⁷ ЦГИАЛ, ф. 467, оп. 484/1446, кн. 10, л. 115.

²⁸ ПСЗ, т. V, № 3032.

²⁹ П. Н. Петров, ук. соч., стр. 176.

³⁰ Л. Р. Куракин, ук. дисс., стр. 106—108. Куракин дает ссылку на архивные фонды ЦГАДА.

учесть, что кирпич в больших количествах употреблялся и на другие нужды (на постройку стен Петропавловской крепости, на печные работы и т. д.), приходится сделать вывод, что число каменных домов, построенных в Петербурге за каждый год, было еще меньше. Несмотря на все принятые правительством меры по производству кирпича, его все же было недостаточно. Это видно из текста указа от 20 мая 1724 г., в котором нехватка кирпича и извести признавалась уважительной причиной для невыполнения строжайших царских указов по застройке Васильевского острова.³¹ Таким образом, проблема производства кирпича при Петре полностью так и не была разрешена.

Иностранцы Вебер и де Лави пишут о плохом качестве русского кирпича и черепицы.³² Возможно, что в отдельных случаях это и имело место (из-за неопытности мастеров кирпичного дела), однако мы имеем и противоположные данные: каменные постройки петровского времени хорошо стоят до настоящего времени (колокольня Петропавловского собора и др.).

Черепицы для строительства Петербурга производилось, как мы уже видели, сравнительно немного. Поэтому она шла лишь для покрытия общественных зданий и домов богатых людей. Менее состоятельные крыли свои дома деревянным гонтом, весьма простым в изготовлении. Однако для массового строительства гонта тоже не хватало. В 1721 г. получился настоящий кризис в строительстве: построенные дома нечем было крыть. В это время в пределах города гонт изготовлялся только силами адмиралтейских людей (гонтовый завод на Охте) и на этом деле был занят лишь 51 человек.

Канцелярия городских дел имела свой гонтовый завод, расположенный далеко от города на р. Назье, однако там работало только 20 человек, которые не обеспечивали даже строительства, ведущегося этой Канцелярией. Жителям Петербурга негде было купить гонт для покрытия кровель своих домов. Вследствие этого правительство приказало помещикам, имевшим земли в окрестностях Петербурга, изготовлять гонт силами своих крестьян и привозить его на продажу в Петербург.³³ Как уже сообщалось в IV главе, заготовкой гонта для продажи петербургскому населению занимались охтенские плотники.

Кирпичная кладка производилась на извести. Извести для Петербурга требовалось огромное количество. Канцелярия городских дел заготовила в 1720 г. 48 511 бочек извести (каждая по 20 пудов или 320 кг), в 1721 г. — 25 836 бочек, на 1722 г. намечено было изготовить еще 30 000 бочек. Известь заготавливалась на реках Сяси, Тосне и Пудости подрядным способом.³⁴ П. Н. Петров сообщает, что на реке Сяси известь выжигал со своими людьми подрядчик Иван Кушелев. Он имел 30 печей на 500 бочек каждая, и за каждую печь Канцелярия городских дел платила ему 195 руб. Таким образом, все 15 000 бочек обходились (без стоимости доставки на место работ) в 5850 руб., т. е. каждая бочка по 39 коп., а пуд извести около 2 коп.³⁵

³¹ ПСЗ, т. VII, № 4505.

³² Записки Вебера. Русский архив, год десятый, 1872, стр. 1417; Донесения французского консула в Петербурге Лави и полномочного министра при русском дворе Кампредона с 1719 по 1722 г. Сборник РИО, т. XL, СПб, 1884, стр. 437.

³³ ПСЗ, т. VI, № 3858; ЦГИАЛ, ф. 467, оп. 73/187, кн. 17, № 85, л. 104; В. Г. Гейман. Мануфактурная промышленность Петербурга петровского времени. Сборник «Пето Великий», М—Л, 1947, стр. 251.

³⁴ ЦГИАЛ, ф. 467, оп. 73/187, кн. 21, ч. 1, лл. 227—230.

³⁵ П. Н. Петров, ук. соч., стр. 176.

С доставкой в Петербург известь стоила дороже: до 50 коп. за бочку. Денежные средства, ежегодно отпускавшиеся Канцелярии городских дел на известь, составляли 20 000 руб.,³⁶ на эти деньги можно было заготовить около 40000 бочек извести. Судя по приведенным уже данным Л. Р. Куракина (см. стр. 104), этой извести было достаточно для постройки 15—16 больших каменных домов.

Александро-Невский монастырь заготавливал известь на реках Тосне, Сяси, Шелони (в погосте Свинорте) и Мете. На р. Тосне было 5 печей на 500 пудов (25 бочек) каждая, на Сяси — 2 (а потом 4 печи) также каждая на 500 пудов (25 бочек). Известь заготавливалась подрядным способом. В Свинорте известь изготовляли местные обыватели («свинорецкие обжигальщики») и продавали ее судовщикам, которые доставляли известь на место работ (по цене 6 алтын с бочки). Во второй половине 1720 г. монастырем было принято 1513 бочек сясской извести и 2332 бочки свинорецкой.³⁷

Помимо извести, для строительства Петербурга требовался также и цемент. Царское правительство было сильно озабочено розыском в России месторождения сырья для изготовления цемента. Образцы «камня, из которого делается цемент», были посланы во все губернии, откуда в 1719 и 1720 гг. стали поступать в Петербург образцы местных пород для определения возможности делать из них цемент.³⁸ Цементные заводы были устроены на реке Пудости (притоке Ижоры) и в Красном селе. Как видно из книги И. Кирилова, в 1724—1727 гг. эти заводы уже работали.³⁹ Цемент ввозился также из-за границы.⁴⁰

В 1728 г. вдова генерал-лейтенанта Брюса (по-видимому, коменданта Петербурга Р. В. Брюса) Сарра Ивановна совместно со своим компанейцем Юрием Марич просила разрешения на выдачу ей привилегии на изготовление цемента из «камня», приисканного в Копорском уезде. Компанейцы обязались при условии предоставления им монополии поставлять цемент в Петербург зимой по цене 30 коп. за пуд, а летом по 35 коп. Таким образом, говорилось в прошении, не нужно будет выписывать для «палатного строения» и «канального строения» цемент по дорогой цене из-за моря.⁴¹ Из приведенного документа видно, что с цементом дело обстояло очень неблагополучно даже в 1728 г. Он ценился по крайней мере в 15 раз дороже извести и по-прежнему ввозился из-за границы.

Редким строительным материалом было стекло. Оно долгое время ввозилось из-за границы, так как в России это производство было плохо налажено, хотя и существовало с XVII в. Основное население Петербурга употребляло для своих домов слюду, бычий пузырь и даже ветошь. Слюдяные окна делались и в домах знати. В 1713 г. в Петербург было выслано вместе с другими строительными материалами (петлями, скобами, задвижками и т. д.) 40 пудов слюды.⁴² Через два года, в 1715 г., царем было дано задание закупить за границей и отправить в Петербург 150 ящиков «оконничных стекол»⁴³ Ряд стекольных заводов, как известно, возник при

³⁶ ПСЗ, т. V, № 2798.

³⁷ С. Г. Рункевич, ук. соч., стр. 140, 141.

³⁸ ЦГИАЛ, ф. 1329, оп. 2, № 15, лл. 98-105, 110, 111.

³⁹ И. К. Кирилов, ук. соч., кн. I, стр. 30.

⁴⁰ Письма императора Петра I к комиссару Осипу Алексеевичу Соловьеву. Сборник РИО, т. XI, стр. 70—71.

⁴¹ ЦГИАЛ, ф. 467, оп. 83/173, № 61, л. 295.

⁴² Доклады и приговоры..., т. III, кн. I, стр. 82.

⁴³ Письма императора Петра I к комиссару Осипу Алексеевичу Соловьеву. Сборник РИО, т. XI, стр. 66—67.

Петре, но они еще не могли обеспечить всех потребностей страны. В Петербургской губернии стекольные заводы были только в Ямбургском уезде (там их было 2).⁴⁴ По-видимому, это и были Ямбургские заводы А. Д. Меншикова, которые упоминаются в архивных документах.⁴⁵

Одним из важнейших строительных материалов был лес. Леса требовалось огромное количество. Он употреблялся на строительство домов, мостов, набережных, на столярные изделия и т. д. Первоначально лес заготавливался по соседству с Петербургом, особенно по берегам рек. Очень скоро Петр обратил внимание на хищническое уничтожение лесов в окрестностях Петербурга. Ценные лесные породы, годные на корабельное строительство и другие ответственные сооружения, часто шли на дрова или употреблялись для второстепенных работ.

Правительство вынуждено было принять меры к охране лесов. В 1714 г. была запрещена рубка леса («кроме великого государя самых нужнейших дел») на всем протяжении от устья реки Славянки до взморья.⁴⁶ В следующем 1715 г. было запрещено во всей Ингерманландии вырубать деревья наиболее ценных пород: дуб, клен, ясень, вяз, липу. Все эти деревья было приказано взять на особый учет.⁴⁷ Указами 1719 г. были уточнены границы зоны запрещения рубки леса: совершенно запрещалось рубить лес по обеим сторонам Невы ниже реки Славянки. Выше же устья Славянки рубка разрешалась лишь на расстоянии 1000 сажен от берега Невы. Адмиралтейству разрешалось вырубать лес по реке Тосне.⁴⁸

Все эти меры содействовали сохранности лесов, но они вызвали в Петербурге сильную дороговизну лесоматериалов и дров, тем более что участки, где разрешалась рубка, были уже розданы в частное владение. Эту дороговизну отмечает и Вебер. В своем «Описании» Петербурга он сообщает, что дрова в город привозятся издалека, «так что тот, кто имеет далеко разбросанные дома и не смог своевременно подвезти дрова из Финляндии, вынужден расходовать на отопление 2 или 3 талера за 24 часа»,⁴⁹ — сумма огромная по ценам того времени.

Чтобы смягчить дороговизну, правительство разрешило всем жителям рубить лес в местах, где эта рубка дозволялась указами, независимо от того, кому принадлежали эти земельные участки. Однако владельцы участков встали на защиту своих прав, запрещая вырубать у себя лес, и правительство, будучи бессильно провести свой указ, идущий вразрез с правом частной собственности, не нашло ничего лучшего, как рекомендовать заготовщикам леса собираться партиями человек по 20, чтобы быть в состоянии самим защитить себя от владельцев земельных участков.⁵⁰

Вследствие невозможности заготавливать лес для строительных работ поблизости от Петербурга, его приходилось подвозить издалека: от Ладожского озера, с берегов малых рек, впадающих в Неву. Адмиралтейство,

⁴⁴ И. К. Кириллов, ук. соч., кн. I, сто. 30.

⁴⁵ ЦГАДА, ф. 198. Письма к Меншикову, «Д», № 6, л. 100. У Е. И. Заозерской (Мануфактура при Петре I, 1947, стр. 175) упоминается только один стекольный завод в деревне Жабино Ямбургского уезда (основан в 1716 г., в 1717 г. передан в частные руки).

⁴⁶ ЦГАВМФ, ф. 176, № 97, л. 66; ПСЗ, т. V, № 2757.

⁴⁷ ПСЗ, т. V, № 2895. Ингерманландия, или Ингрия, или Ижерская земля, — территория по берегам Невы и побережью Финского залива, входившая ранее в состав Вотской пятины Новгородской земли.

⁴⁸ ПСЗ, т. V, №№ 3329, 3467.

⁴⁹ [Weber] Das veranderte Russland..., стр. 458.

⁵⁰ ПСЗ, т. V, №№ 3467, 3469; т. VI, № 3570.

как уже отмечалось, заготовляло лес по берегам реки Тосны. Дуб доставлялся из Казанской и Нижегородской губерний.⁵¹

Невиданные еще в России масштабы работ по строительству Петербурга со всей остротой поставили вопрос о массовой заготовке пиломатериалов. Как уже сообщалось в III главе, в допетровское время доски на Руси изготовлялись с помощью топора. Такой способ был весьма непроемким и давал очень много отходов. Лесопильные заводы в России насчитывались тогда еще единицами.

По указанию Петра в первые же годы строительства Петербурга в самом городе и его окрестностях была налажена механическая распиловка леса на доски с помощью лесопильных рам. Рамы приводились в движение силой воды или ветра и назывались поэтому «водяными» или «ветряными пильными мельницами». Одна из таких «пильных мельниц», находившаяся в ведении архитектора И. Матвеева, существовала, как мы знаем, уже в 1703 г.

В апреле 1705 г. Петр приказал вице-адмиралу Крюйсу построить к сентябрю в черте города лесопилку, чтобы она находилась в безопасности от возможного нападения шведов.⁵² Из письма Синявина А. Д. Меншикову от 14 мая 1706 г. видно, что лесопилка в это время уже работала и строилась вторая.⁵³ В конце этого года на стрелке Васильевского острова работали две «пильных мельницы»,⁵⁴ а в 1710—1711 гг. — три. Все они приводились в движение ветром, как это видно из «Описания» Петербурга 1710—1711 гг., где говорится: «На стрелке Васильевского острова, против крепости, сверх нескольких маленьких домов, — три прекрасные новопостроенные голландские ветряные мельницы преимущественно для пилки бревен и досок».⁵⁵ С Васильевского острова эти мельницы, принадлежавшие Адмиралтейству, были перенесены в 1716 г. к устью Мойки.⁵⁶

По соседству с адмиралтейскими лесопилками находились и другие. А. И. Богданов в своем «Описании» говорит о пильных мельницах числом «около десяти», которые «с первых лет построены были на Васильевском острове на том месте, где ныне стоит императорская Академия наук» (т. е. здание Кунсткамеры), и «все по берегу стояли». Некоторые из них принадлежали казне, другие князю Меншикову. В 1718 г., когда потребовалось строить здание Кунсткамеры, мельницы были перенесены: казенные на Охту, а мельницы князя Меншикова на Крестовский остров и на р. Славянку.⁵⁷ О переносе пильных мельниц с Васильевского острова говорит и автор «Описания» Петербурга 1716—1717 гг.⁵⁸

⁵¹ С. Г. Рункевич, ук. соч., стр. 136, 137; В. Г. Гейман. Мануфактурная промышленность Петербурга петровского времени. Сборник «Петр Великий», стр. 250.

⁵² А. Н. Репников, ук. дисс., стр. 14.

⁵³ ДООИ, ф. 83, картон 5, № 258.

⁵⁴ Tęszuf polskie muzy... М., 1706, 9 нумерованных листов. Сборник польских стихов, воспевающих Петра I и А. Д. Меншикова в связи с победой над шведами под Калишем. На заглавном листе этой книги (помеченном датой 24 ноября 1706 г.) изображен план Петербурга (см. рис. 12). На стрелке Васильевского острова показаны 2 пильных мельницы. В отношении изображения застройки Городского острова этот план отличается от плана, составленного в сентябре 1706 г. (рис. 3), что объясняется тем, что ни тот, ни другой планы не были результатами точной съемки и планировка Петербурга показана на них в значительной степени условно.

⁵⁵ Описание Санктпетербурга и Кроншлота... Русская старина, т. XXXVI, стр. 47—48.

⁵⁶ А. Н. Репников, ук. дисс., стр. 14.

⁵⁷ А. И. Богданов, ук. соч., стр. 134.

⁵⁸ Eigentliche Beschreibung..., стр. 44. Ф. Туманский сообщает, что на месте Кунсткамеры и дворца Прасковьи Федоровны (ныне здание Зоологического института АН СССР) было при Петре до 15 пильных мельниц (Ф. Туманский. Российский магазин, ч. I. СПб, 1792, стр. 144).

На реке Ижоре работала «водяная пыльная мельница», принадлежавшая Адмиралтейству и учрежденная в 1710 г.⁵⁹ По-видимому, это была очень мощная по тому времени лесопилка. В архивных документах мы по-

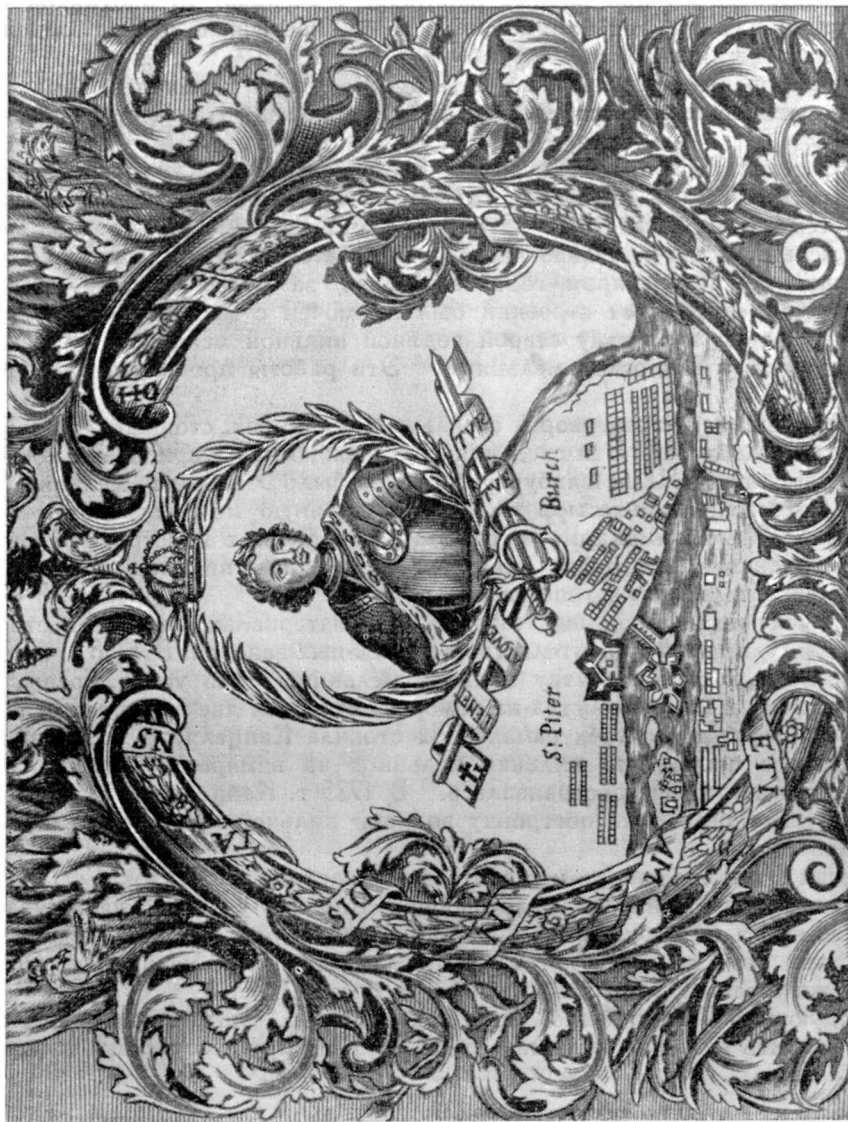

Рис. 12. Часть титульного листа боошооы «Трумпъ польскіеу музу...». Ноябрь 1706 г. На титульном листе изображен план Петербурга.

стоянно встречаем упоминание об отпуске пиломатериалов с этой мельницы не только для нужд Адмиралтейства, но и другим ведомствам; остальные «пыльные мельницы» упоминаются гораздо реже. Ижорскую пыльную

⁵⁹ Петербург петровского времени..., стр. 54. Е. И. Заозерская в своей книге «Мануфактура при Петре I» неправильно датирует основание этой мельницы 1722 г. (стр. 182). Ижорская пыльная мельница постоянно встречается в архивных документах значительно более ранних лет, чем 1722 г.

мельницу выделяет из всех других и Кирилов в своей книге «Цветущее состояние Всероссийского государства».

Как видно из книги Кирилова,⁶⁰ на этой мельнице работали 135 человек: мастер мельничного и машинного дела, толмач, 50 работников, 3 кузнеца, 10 «астраханцев при разных работах», 4 ученика, 36 плотников и 30 пильщиков. Таким образом, число рабочих превышало сотню людей. Это был настоящий завод.

Кроме Ижорской, существовала еще одна водяная пильная мельница. Она была расположена на реке Назье и принадлежала Канцелярии городских дел.

В 1719 г. встал вопрос о передаче этой мельницы Адмиралтейству, так как высказывалось опасение, что Ижорская мельница не обеспечит потребностей Адмиралтейства.⁶¹ Этой передаче, видимо, не произошло, так как мельница на р. Назье снова упоминается в делах Канцелярии от строений (б. Канцелярия городских дел) за более поздние годы. В 1725 г. Канцелярией от строений был заключен с мастером Гершбергером контракт на переделку старой водяной пильной мельницы на реке Назье по образцу Ижорской мельницы.⁶² Эти работы продолжались еще в 1727 г.⁶³

Вебер в своих записках говорит о пильных мельницах, стоявших у Невы против Шлиссельбурга.⁶⁴ Эти сведения подтверждаются Кириловым, который сообщает, что в Шлиссельбургском уезде было 5 пильных мельниц.⁶⁵ Александро-Невский монастырь имел свою пильную мельницу на речке Черной. В 1718 г. архимандрит Феодосии договорился с иностранцем Виллимом Антоновым о постройке для монастыря новой пильной ветряной мельницы «о трех рамах» по шести пил каждая.⁶⁶

Испытывая постоянно недостаток в пиломатериалах, правительство всячески стимулировало строительство лесопильных заводов. В 1718 г. принимаются меры к строительству пильной мельницы близ устья Тосны.⁶⁷ В 1721 г. «ниже адмиралтейства на взморье» строятся две ветряные мельницы, «которые будут о трех рамах». Их строила Канцелярия городских дел.⁶⁸ Кирилов пишет, что пильная мельница на взморье в момент составления его книги еще достраивалась.⁶⁹ В 1725 г. Канцелярия от строений заключила договор на постройку водяной пильной мельницы в Ораниенбауме.⁷⁰

Всячески стимулировалось и строительство частных лесопилок. В 1721 г. был издан специальный указ, разрешавший отводить участки «на государевых землях» в петербургской провинции под строительство пильных мельниц, при этом давалась льгота: «...с покупки на те мельницы лесов и с продажи с тех мельниц тесу пошлин не брать».⁷¹

В следующем 1722 г. было разрешено жителю Оштанского погоста Тишину строить пильную мельницу на р. Свири; ему была выдана займо-

⁶⁰ И. К. Кирилов, ук. соч., кн. I, стр. 23.

⁶¹ ЦГАВМФ, ф. 233, № 20, л. 20; Доклады и приговоры..., т. II, кн. I, стр. 375.

⁶² ЦГИАЛ, ф. 467, оп. 73/187, кн. 49, лл. 868—869.

⁶³ И. К. Кирилов, ук. соч., кн. I, стр. 30.

⁶⁴ Записки Вебера. Русский архив, год десятый, 1872, стр. 1416.

⁶⁵ И. К. Кирилов, ук. соч., кн. I, стр. 29.

⁶⁶ С. Г. Рункевич, ук. соч., стр. 137.

⁶⁷ ЦГАВМФ, ф. 1233, № 175, л. 23; ф. 223, № 20, л. 16.

⁶⁸ ЦГИАЛ, ф. 467, оп. 73/187, кн. 18, лл. 752—756, 606—607.

⁶⁹ И. К. Кирилов, ук. соч., кн. I, стр. 30.

⁷⁰ ЦГИАЛ, ф. 467, оп. 73/187, кн. 49, лл. 868—869.

⁷¹ ЦГИАЛ, ф. 467, оп. 73/187, кн. 18, л. 512.

образно 1000 руб.⁷² Мельница Тишина на р. Свири выше порогов упоминается в списке лесопильных предприятий петровского времени, который приводит Е. И. Заозерская. Тишину же, по сведениям Е. И. Заозерской, принадлежала и пильная мельница на р. Сегоже, ниже порогов.⁷³ Кроме того, Заозерская приводит данные еще о 12 частных пильных мельницах в сравнительно небольшом расстоянии от Петербурга: две в Петербургском уезде на р. Мье (Мойка), две близ Шлиссельбурга, одна на реке Лаве, одна на р. Сяси, одна на Неве, одна на Черной речке, одна на Охте, одна близ Нарвы, две в Шлиссельбургском уезде (из них одна принадлежала Александро-Невскому монастырю).⁷⁴

Интересно, что о казенных пильных мельницах в районе Петербурга Е. И. Заозерская ничего не говорит, обходя молчанием пильные мельницы Канцелярии городских дел, а также адмиралтейские (кроме Ижорской). Кирилов лишь глухо упоминает о трех пильных мельницах в Петербургском уезде.⁷⁵ Между тем, факт существования казенных пильных мельниц в Петербурге и его окрестностях не вызывает сомнения, и то, что они не упоминаются у Кирилова, объясняется, по-видимому, лишь тем, что небольшие ветряные пильные мельницы не считались самостоятельными предприятиями.

В. Г. Гейман считает, что общее число пильных мельниц в петровском Петербурге было не менее двух десятков,⁷⁶ что, по-видимому, соответствует истине. Если же учесть все пильные мельницы, работавшие для Петербурга, но не находившиеся в непосредственной близости от него (т. е. мельницы на р. Назье, Свири и т. д.), то число их будет значительно больше. Все эти мельницы, несмотря на то, что число их было довольно велико, не могли все же полностью обеспечить потребности строительства Петербурга и морского флота. В 1719 г. недостаток пиломатериалов был настолько острым, что правительство разрешило Адмиралтейству разбирать на доски палаты и лавки в избах населения.⁷⁷

Большое значение для строительства имела заготовка угля. Уголь употреблялся на кузнечные и другие работы. Угольные заводы находились в разных местах, там, где по соседству был лес. Адмиралтейские угольные заводы находились, например, на реке Ижоре;⁷⁸ Александро-Невский монастырь в 1718 г. выжигал уголь близ речки Жерновки (в 25 верстах от монастыря),⁷⁹ Канцелярия городских дел заготавливала уголь на реке Назье.⁸⁰

Одним из важных видов строительных материалов был камень, который шел на стройки Петербурга в большом количестве. Камень употреблялся на кладку фундаментов (бутовая плита); ценные породы шли на отделочные работы, на изготовление архитектурных деталей. Бутовую плиту ломали на р. Тосне.⁸¹ Каменная ломка производилась также на Путиловских высотах (южнее Ладожского озера у впадения р. Назьи), где добывался известняк и мрамор, шедший на отделочные работы, и на речке Пу-

⁷² ЦГАВМФ, ф. 223, № 26, л. 18.

⁷³ Р. Сегожа вытекает из Сегозера (Карельская АССР).

⁷⁴ Е. И. Заозерская. Мануфактура при Петре I, стр. 183—184.

⁷⁵ И. К. Кирилов, ук. соч., кн. I, стр. 23.

⁷⁶ В. Г. Гейман. Мануфактурная промышленность Петербурга петровского времени. Сборник «Петр Великий», стр. 282.

⁷⁷ ЦГАВМФ, ф. 1234, № 35, л. 65.

⁷⁸ ЦГАВМФ, ф. 1234, № 10, лл. 37, 162.

⁷⁹ С. Г. Рункевич, ук. соч., стр. 138.

⁸⁰ ЦГАДА, ф. 9, отд. II, оп. 9/3, кн. 20, лл. 65—66.

⁸¹ Доклады и приговоры..., т. II, кн. I, стр. 375.

дости (приток Ижоры),⁸² где, помимо известняка, годного для выжигания извести, имеются залежи так называемого «пудостского камня» или известкового туфа, идущего на отделку зданий.⁸³

Наиболее ценные породы камня привозились часто издалека. Так, например, Александро-Невский монастырь заготавливал камень в Старицких каменоломнях (при городе Старице на Волге). Заготовка производилась хозяйственным способом. Посланные на место рабочие резали камень по архитектурным моделям. Вывозка сдавалась в подряд. Транспортировка тяжелых архитектурных деталей, вырезанных из камня, представляла большие трудности и обходилась дорого.⁸⁴ Ввиду того, что в Петербург пропускались только суда «нового манера», часто приходилось для перевозки камня строить специальные баржи. Доставка бутовой плиты с р. Тосны обходилась дешевле. В 1719—1720 гг. доставка 1 куб. сажени бутовой плиты с р. Тосны в Петербург стоила 3 руб.⁸⁵

При Петре было налажено изготовление и роспись изразцов. В 1720 г. на «Новых кирпичных заводах» Канцелярии городских дел работало 4 «живописца»: Иван Жеребцов, Федор Григорьев, Иван Степанов, Алексей Ливонский. Эти «живописцы», как говорится в архивных документах, находились «у письма образцов» (т. е. расписывали изразцы) с 1715 г. Оплата была сдельная: по 2—4 деньги (по 1—2 коп.) за штуку. За 4 месяца 1720 г. живописцами было раскрашено 1374 штуки, за что им причиталось к оплате 16 руб. 16 алтын (16 руб. 48 коп.),⁸⁶ т. е. они зарабатывали примерно по 1 руб. в месяц. Таким образом, труд русского художника ценился не дороже, чем труд неквалифицированного рабочего.

Правительством были приняты меры к нахождению в России сырья для изготовления красок. Указом 28 января 1716 г. предписывалось высылать в губернии образцы красок с тем, чтобы жители могли разыскать сырье на местах. Нашедшим полагалось вознаграждение.⁸⁷ В книге И. К. Кирилова сообщается, что в Покровском уезде Петербургской губернии работала фабрика «красочной прозелени, вохры червленной».⁸⁸

Подводя итог всему сказанному о производстве строительных материалов, следует отметить, прежде всего, большую энергию, проявленную правительством Петра в этом важном деле, ясное понимание поставленной задачи и широкий размах проводимых мероприятий. В кратчайшие сроки производство всех важнейших строительных материалов, необходимых для Петербурга, было налажено, и если Петру не удалось удовлетворить полностью все потребности грандиозной стройки, то тем не менее он сумел организовать массовое изготовление строительных материалов, что было чрезвычайно важно для выполнения всей задачи.

Успех в деле производства строительных материалов для Петербурга объяснялся между прочим и тем, что к участию в этих работах привлекалось огромное количество людей. В 1709 г. на строительстве Петербурга работало 10 734 человека: в I смене (с 1 апреля по 1 июля) — 7448 человек, во II смене (с 1 июля до 1 октября) — 3286 человек.

⁸² И. К. Кирилов, ук. соч., кн. I, стр. 30.

⁸³ П. Семенов. Географическо-статистический словарь Российской империи, т. IV. СПб., 1873, стр. 245—246.

⁸⁴ С. Г. Рункевич, ук. соч., стр. 139.

⁸⁵ ЦГИАЛ, ф. 467, оп. 484/1446, кн. 10, лл. 371—373, 407—411.

⁸⁶ ЦГИАЛ, ф. 467, оп. 484/1446, кн. 10, лл. 673—676.

⁸⁷ ПСЗ, т. V, № 2989.

⁸⁸ И. К. Кирилов, ук. соч., кн. I, стр. 29.

За вычетом кашеваров и больных, работающих было лишь 9306 человек. Из них было занято 7623 человека: на перевозке материалов на судах (всего было 205 судов, на каждом по 20 человек) — 4100 человек, на заводах (в четырех местах) «у дела сараев кирпича» — 1100 человек, на заготовке и погрузке камня на суда — 700, «у готовления лесных припасов в городе и на строение кирпичных сараев и для обжигания кирпича дров» — 1100, на ломке камня — 623 человека.⁸⁹

Таким образом, на работах, связанных с производством и транспортировкой строительных материалов, было занято 7623 человека, или 81 % от общего числа работных людей Канцелярии городских дел. Не менее любопытны и данные, относящиеся, по-видимому, к 1714 г. Приведем выдержки из архивного дела, в котором дается распределение людей Канцелярии городских дел по работам:⁹⁰ «... на судах ходят для кирпича, камня буду и дров к заводам — 3472 (человека, — С. Л.); ниже Славянки у кирпичного заводу у делу печи и черепичного дела — 180, у кирпичных сараев на реке Тосне для заготовления глины к галанскому кирпичу и у дела печей — 60, у готовления лесных припасов к городскому строению и к иным делам и дров для обжигания кирпича — 971, при Шлительбурхе у обжигания кирпича и у переноски сараев и у каменного дела — 190, на каменной ломке — 1403... на Ижоре у пильной мельницы — 160... на Васильевском острове у дела пильной мельницы и других работ — 140».

Из приведенных данных видно, что на производстве строительных материалов и постройке заводов, изготовляющих эти материалы, было занято 3204 человека, на транспортировке строительных материалов — 3472 человека, а всего — 6676 человек из общего числа 9675 человек⁹¹ работных людей и арестантов, находившихся на строительстве Петербурга в распоряжении Канцелярии городских дел (т. е. 69% общего числа). Конечно, нельзя считать, что приведенные цифры (как и вся «статистика» XVIII в.) точны, все же на основании этих данных можно сделать вывод, что в 1709 и 1714 гг. большая часть неквалифицированных рабочих использовалась на производстве и транспортировке строительных материалов. В дальнейшем положение изменилось, так как с 1715—1717 гг. развернулись работы, требовавшие затраты массового труда: укрепление набережных (битье свай и т. д.), рытье каналов и др.

На производстве строительных материалов было занято также и большое число мастеровых людей. Как мы уже знаем, согласно указу 1710 г., в распоряжение Канцелярии назначалось 2500 человек мастеровых людей, переселяемых в Петербург «на вечное житье». Через два года, в 1712 г., мы видим в местах заготовки строительных материалов (производство кирпича, каменная ломка и т. д.) более 2000 семей этих переселенцев, поселенных Канцелярией городских дел вблизи своих заводов и каменноломен.⁹² Таким образом, большую часть своих мастеровых людей Канцелярия городских дел поставила на производство строительных материалов.

⁸⁹ ЦГАДА, ф. 9, отд. II, оп. 9/3, кн. 10, лл. 749—751.

⁹⁰ ЦГАДА, ф. 9, отд. II, оп. 9/3, кн. 20, лл. 65—66.

⁹¹ Вместе с большими и кашеварами было 11 338 человек

⁹² Доклады и приговоры..., т. II, кн. I, стр. 375—376.

Глава VI

ГОРОДСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Одновременно с застройкой Петербурга проводились мероприятия по городскому хозяйству. Новую столицу Петр стремился сделать образцовым благоустроенным городом, и мысль о прямых, как стрела, замощенных камнем улицах, о каналах, прорезывающих город в разных направлениях, с перекинутыми через них подъемными мостами и укрепленными деревянными набережными берегами, об уличном освещении, бульварах, парках с фонтанами и т. д. возникла у него, по-видимому, довольно рано. Благоустройство Петербурга, хорошо налаженное его городское хозяйство, так же как и регламентация застройки столицы, должны были сыграть свою роль в борьбе против рутинности и косности старого быта.

Одним из первых мероприятий в области городского хозяйства, проводившихся в Петербурге, было замощение улиц. Обилие осадков и свойство грунта делали замощение улиц новой столицы делом совершенно неотложным. «Когда один только день идет дождик, — говорится в «Описании» Петербурга 1710—1711 г., — то уже нигде нет прохода и на всяком шагу вязнешь в грязи».¹ Естественно, что вопрос о замощении улиц возник уже в самые первые годы существования города. Мощение улиц было известно в России с давних времен, однако вследствие обилия леса на Руси было принято устраивать не каменные, а деревянные мостовые.² В древнем Новгороде улицы мостились уже в XI в., когда в городах Западной Европы замощение улиц почти не практиковалось. Новгородские мостовые устраивались из жердей или толстых сосновых плах, уложенных на лаги. Верхняя поверхность жердей для удобства езды стесывалась.³ Деревянные мостовые делались в более позднее время и в других городах России. В Москве на замощение улиц взимался специальный денежный сбор с жителей столицы.⁴

Деревянные мостовые были недолговечны, они быстро гнивали. При Петре было положено начало замощению улиц камнем. Указом 25 мая 1705 г. предписывалось делать в Москве на больших улицах каменные мостовые, причем для обеспечения надлежащего количества камня на население устанавливался специальный натуральный налог камнем. Кроме того, все приезжающие в Москву возы обязаны были привозить с собой

¹ Описание Санктпетербурга и Кроншлота... Русская старина, т. XXXVI, стр. 54.

² Отсюда и слово «мостовая» (мост деревянный).

³ История культуры древней Руси. Домонгольский период, т. I. Материальная культура М.—Л., 1951, стр. 194, 196.

⁴ ПСЗ, т. IV, № 1789.

по 3 камня.⁵ Несмотря на принятые меры, замощение шло туго, поэтому на небольших улицах разрешалось устраивать деревянные настилы.⁶

В Петербурге замощение улиц камнем началось уже в 1710 г. «В прошлом 1710 г., — сообщается в «Описании» Петербурга 1710—1711 гг., — по распоряжению его царского величества, начали мостить камнем улицы на Финляндской стороне, под руководством немецких мостовщиков, но чтобы везде настлать такую мостовую, потребуется немало времени, да и много камня, которого здесь не в изобилии».⁷

В Петербурге, как и в Москве, обязанность сбора камня для замощения улиц была возложена на население. Из архивного дела 1710 г. видно, что каждый житель Петербурга обязан был доставить 100 камней. По этой разверстке полагалось собрать: «...з гварнизона всех чинов жителей» 316500 камней, «из Адмиралтейского острову всякого чину жителей» 509900 камней, а всего 826 400 камней. Фактически же было собрано: «из гварнизона» 174 500 камней, с жителей Адмиралтейского острова 40 300, а всего «в приеме с обоих островов» — 214 800 камней.⁸ Под словом «гварнизон» в тексте документа подразумевался Городской остров.

Повинность по сбору камней, возложенная на жителей Петербурга, не могла обеспечить надлежащего количества материала, необходимого для замощения улиц. Ближайшие окрестности города были бедны камнем, и жители при всем желании не могли собрать много камней. Вследствие этого 24 октября 1714 г. был издан известный указ о привозе камня в новую столицу, очень напоминавший своим содержанием уже знакомый нам указ 1705 г. о привозе камня в Москву. В Петербург камень должен был привозиться не только на всех прибывающих возах, но и на всех приходящих в город судах. На каждом возу требовалось привозить по 3 камня (весом не менее 5 фунтов), на каждом судне по 10—30 камней (в зависимости от величины судна) весом не менее 10 фунтов. С ослушников царского указа брался штраф: за каждый недоставленный камень по 1 гривне.⁹

Указ о привозе камня в Петербург несомненно дал какие-то результаты, потому что он действовал более 60 лет и был отменен лишь в 1776 г.¹⁰ Тем не менее камня все же не хватало и подрядчикам, бравшимся за замощение улиц, приходилось привозить его издалека на своих судах. Кубическая сажень булыжного камня, привезенного в Петербург, стоила около 5 руб.¹¹ — сумма значительная по ценам того времени (вспомним, например, что рабочий зарабатывал в то время всего 1 руб. в месяц).

Обязанность по замощению улиц была возложена на самих жителей Петербурга. Работы по-настоящему были развернуты лишь с 1714 г. В сентябре этого года было приказано каждому жителю «против своего дому подле строения и заборов зделать к осени нынешнего года каменные мосты из дикого камня шириною в два аршина, а в длину во весь двор», т. е. предлагалось каждому домовладельцу замостить улицу против своего дома на ширину 2 аршина (около 1.5 м), а в длину — на всю ширину своего дворового участка. Замощение требовалось делать по образцу уже

⁵ ПСЗ, т. IV, № 2052.

⁶ ПСЗ, т. IV, № 2109; т. VI, № 4017.

⁷ Описание Санктпетербурга и Кроншлота... Русская старина, т. XXXVI, стр. 54. Под Финляндской стороной автор подразумевает Петроградскую сторону.

⁸ ПГАВМФ, ф. 1233, № 1, л. 274.

⁹ ПСЗ, т. V, № 2852.

¹⁰ ПСЗ, т. XX, № 14476.

¹¹ ЦГИАЛ, ф. 467, оп. 73/187, кн. 22, ч. II, л. 466; АИМ, ф. 2, оп. 1, № 198. л. 64.

существовавшей в то время мостовой на Троицкой площади.¹² Каменные мостовые должны были заменить собой временно устроенные по указу 3 апреля 1714 г. деревянные тротуары шириной в 1 аршин, уложенные вдоль домов. Всеми работами руководили мастера из Канцелярии городских дел.

Интересная деталь, вызывающая у нас некоторое недоумение: мостилась не середина улицы, а полоса вдоль домов шириной в 2 аршина. Середина улицы оставалась незамощенной, причем указами требовалось даже ограждать мостовую с этой стороны с помощью продольно положенных и закрепленных сваями бревен или большими камнями, «дабы вышеявленных мостов лошадьми и колесами не повредило».¹³ Таким образом, выходит, что движение конного транспорта по мостовой запрещалось; создается впечатление, что замощенная часть предназначалась лишь для пешеходов. Однако едва ли это было так. Для тротуаров ширина мощения была слишком велика. К тому же эта ширина последующими указами была еще более увеличена: в 1715 г. на 1 аршин,¹⁴ а в 1717 г. еще на 2 локтя.¹⁵ По-видимому, по мостовой не только ходили пешеходы, но и передвигались экипажи, а по середине улицы, пока она еще не была замощена на всю свою ширину, шло грузовое движение.

За выполнением жителями повинности по замощению улиц следила полиция. Она наблюдала и за качеством работ. Полицейские офицеры обязаны были следить, чтобы жители «мостили во всем против обрасцов, чтоб впредь не перемащивать было», и своевременно ремонтировали уже устроенную мостовую, «и камень, которое из своего места выломится, поправляли».¹⁶ Таким образом, недостаточно было вымостить улицу, нужно было и поддерживать эту мостовую в хорошем состоянии.

Ослушники царских указов брались «за караул», т. е. арестовывались. При этом полиция не стеснялась арестовывать и тех мастеровых, которые были заняты на выполнении весьма срочных и нужных для государства работ. В 1718 г. вице-адмирал Крюйс жаловался генерал-полициеймейстеру, что полиция держит под арестом «за неисправностью мостов» работников адмиралтейства, вследствие чего «есть в адмиралтейской работе немалая остановка».¹⁷ «Кузнешного дела мастер» Кондрат Билев в том же году подал жалобу в Адмиралтейство о том, что полиция, заставляя адмиралтейского плотника, занятого на изготовлении меха в новой кузнице, мостить улицу против своего двора, постоянно держит этого плотника под арестом и тем срывает окончание срочных работ по новой каменной кузнице, которая делалась по указу царя. Билев жаловался также на то, что полиция, требуя от адмиралтейских кузнецов замощения улиц перед их домами, прибегала к таким мерам воздействия, как арест жен и детей этих людей. Кузнецы просят отпустить их «ехать по каменья», писал Билев, а я их отпустить не могу «без повелительного указа из конторы Адмиралтейской».¹⁸ Таким образом, мастеровые люди Петербурга часто оказывались

¹² Видимо, мостовая на Троицкой площади очень скоро была испорчена. В 1721 г. Берхгольц пишет в своем «Дневнике», что Троицкая площадь «вся была устлана досками, положенными на бревна, потому что место там очень болотисто и не вымощено» (Дневник камер-юнкера Берхгольца... ч. I, стр. 166).

¹³ ЦГАВМФ, ф. 176, № 97, л. 243; Описание архива Александро-Невской лавры... ч. I, СПб., 1903, стр. 155—156.

¹⁴ ЦГАВМФ, ф. 176, № 108, лл. 407—408.

¹⁵ *Eigentliche Beschreibung...*, стр. 33.

¹⁶ Высочайшие указы и повеления императора Петра I... Сборник РИО, т. XI, стр. 425—426; ПСЗ, т. V, № 3226.

¹⁷ ЦГАВМФ, ф. 1234, № 10, л. 187.

¹⁸ ЦГАВМФ, ф. 1234, № 33, л. 71а.

в совершенно безвыходном положении: полиция заставляла их мостить улицы, а выполнять царский указ они не могли, потому что то ведомство, в распоряжении которого они находились, не отпускало их с работы.

Одновременно с замощением устраивались и водоотводные каналы. Заболоченность территории, на которой строился Петербург, делала водоотвод особенно необходимым. Уже в указе 1714 г. предписывалось жителям города при устройстве мостовых в сырых местах копать рвы и отводить по ним воду, «куда пристойно»,¹⁹ т. е. куда представится более желательным по условиям местности. Скоро, однако, стало очевидным, что устройство водоотвода дело серьезное, которое никак нельзя поручить произволу жителей. Поэтому в дальнейшем направление водоотводных канав размечалось уже архитектором. Во избежание размывов практиковалось укрепление откосов канав досками.²⁰

В целях отвода воды с улиц правительство предписало, кроме открытых канав, устраивать также «маленькие подземные каналы, чтоб вода бежала и улицы б сухи были».²¹ Из текста указа не совсем ясно, что это были за «подземные каналы». По-видимому, это были уложенные под землей деревянные трубы, которые отводили воду от улиц в реки и каналы. Не исключена возможность, что подземные трубы укладывались и вдоль улиц, как это делалось в более позднее время, и, таким образом, они являлись зародышем канализации. В инструкции 1718 г. Петр I вменил в обязанность полиции наблюдение за тем, чтобы «стоки с улиц к реке и протокам были твердо укреплены, дабы весною и в дожди землю не заносило и чтоб вода нигде не останавливалась, но всегда б свою стечь имела всюду без остановки».²²

Царские указы настоятельно требовали скорого замощения улиц, но дело шло не так-то быстро. Приходилось прибегать к новым угрозам, строго наказывать ослушников указов. Чтобы скорее замостить все улицы, правительство практиковало также способ замощения их за счет казны с последующей раскладкой расходов на жителей. Участки улиц и площадей против казенных зданий государство мостило за свой счет. Принятые меры все же не давали желаемых результатов. И хотя, по сведениям Вебера, в 1716 г. улицы «во всем обширном Петербурге» были уже вымощены,²³ едва ли дело обстояло так хорошо. По крайней мере автор «Описания» Петербурга 1716—1717 гг. сообщает совсем другое. Он пишет, что очень трудно выполнить царские указы о замощении улиц, так как в окрестностях города мало камня, «разве что будет вымощена только важнейшая часть города на Адмиралтейской стороне».²⁴

Таким образом, в 1716—1717 гг. улицы Петербурга были вымощены еще далеко не все. Через 3 года положение могло сильно измениться и, когда Вебер в «Описании» Петербурга 1720 г. категорически заявляет, что «слободы или пригороды (Петербург, — С. Л.) теперь сплошь замощены камнем, сверх того проложена широкая каменная дорога на целую четверть мили за городом, где до этого почти никто не мог проехать вследствие глубоких болот»,²⁵ он, может быть, был не так уж далек от истины.

¹⁹ ЦГАВМФ, ф. 176, № 97, л. 243.

²⁰ ЦГИАЛ, ф. 1329, оп. 2, № 16, л. 26.

²¹ ПСЗ, т. V, № 2955.

²² ПСЗ, т. V, № 3203.

²³ Записки Вебера. Русский архив, год десятый, 1872, стр. 1417.

²⁴ *Eigentliche Beschreibung...*, стр. 33.

²⁵ [W e b e r] *Das veränderte Russland...*, стр. 457.

Стремление правительства улучшить планировку Петербурга влекло за собой необходимость прокладки новых улиц, спрямления уже существующих, что было связано для жителей с дополнительными расходами по замощению. Часто выполненная уже работа пропадала зря, так как выяснялось, что по новому плану здесь не намечалось улицы, зато приходилось мостить в другом месте. Подобные случаи вызывали сильное недовольство населения. В связи с этим правительство вынуждено было 28 июня 1721 г. издать специальный указ о том, что в случае, если жителями уже «намощены были каменные мосты из собственного их кошту, но ныне, ежели где надлежит по новопоказанным улицам и линиям поднять выше и перестроить», то жители освобождаются от этой повинности, ограничиваясь лишь заготовкой необходимого материала (камня и песка), а сами работы по перемощению будут производиться военнопленными или «каторжными невольниками» на средства, собранные с хозяев домов, находящихся внутри кварталов, потому что жители этих домов не производили еще расходов по замощению улиц.²⁶

Несколько слов о Невском проспекте. Невский проспект, или дорога от Адмиралтейства к Александро-Невскому монастырю, по данным А. И. Богданова, был проложен в 1713 г.²⁷ П. Н. Столпянский дает еще более позднюю дату: 1715 год.²⁸ Однако несомненно, что работы по прокладке Невского начались раньше. Первоначально была прорублена просека, шедшая от Адмиралтейства к старой Новгородской дороге (проходившей примерно по направлению нынешнего Литовского проспекта), т. е. от Адмиралтейства до нынешней площади Восстания. Несколько позднее был проложен второй участок проспекта: от Александро-Невского монастыря до нынешней площади Восстания. Работы по устройству этого второго участка производились людьми Александро-Невского монастыря уже в 1712 г.: прокапывались канавы, вязались и укладывались фашины с последующей засыпкой их песком. Эти работы продолжались и в последующие годы: возился песок, ушிரялись канавы, прокладывались трубы, отводящие воду из канав, и т. д.²⁹

В петровское время Невский проспект (получивший свое название значительно позже) обычно рассматривался не как городская улица, а как дорога, проходящая по существу уже за городом. Оба участка этой дороги имели несколько различное назначение. Если та часть Невского, которую сейчас иногда неправильно называют Староневским проспектом (от площади Восстания до площади Александра Невского), служила только дорогой к новому монастырю, то другой его участок (от площади Восстания до Адмиралтейства) имел гораздо большее значение. Это была дорога, по которой въезжали в город. Поэтому Петр позаботился, чтобы она имела парадный вид. Руками пленных шведов Невский был замощен и озеленен.

В 1721 г., когда Берхгольц приехал в Петербург, Невский проспект произвел на него сильное впечатление. В своем «Дневнике» Берхгольц пишет, что, подъезжая к городу, он въехал «в длинную и широкую аллею, вымощенную камнем и по справедливости названную проспектом, потому что конца ее почти не видно. Она проложена только за несколько лет и исключительно руками пленных шведов. Несмотря на то, что деревья, посажен-

²⁶ Высочайшие указы и повеления императора Петра I... Сборник РИО, т. XI, стр. 425—426. (См. также: ЦГИАЛ, ф. 1329, оп. 2, № 19, л. 76).

²⁷ А. И. Богданов, ук. соч., стр. 181; эту же дату дает П. Н. Петров (П. Н. Петров, ук. соч., стр. 84).

²⁸ П. Н. Столпянский. Петербург, стр. 164.

²⁹ С. Г. Рункевич, ук. соч., стр. 35, 37, 38, 111, 115.

ные по обеим ее сторонам в три или четыре ряда, еще не велики, она необыкновенно красива по своему огромному протяжению и чистоте, в которой ее содержат (пленные шведы должны каждую субботу чистить ее) и делает чудесный вид, какого я нигде не встречал».³⁰

В 1718 г. была установлена плата за проезд по Невскому проспекту на том его участке, который теперь называется Староневским проспектом. Введение платы аргументировалось тем, что новая дорога проложена по непроходимому болоту силами Александро-Невского монастыря. От большого же количества проезжающих дорога портится. Плата за проезд была очень большая по ценам того времени: с верховых по 3 коп., с телеги 5 коп., с кареты 10—30 коп. и т. д. Не желающим платить предлагалось ездить в объезд по старой дороге (по берегу реки).³¹ Таким образом, «новопроложенная дорога» рассматривалась как частная собственность монастыря.

Замошение улиц изменило облик Петербурга, «придало городу, — по словам Вебера, — совершенно другой вид».³² Не меньшее значение для городского благоустройства имело уличное освещение. В допетровское время улицы русских городов в ночное время совсем не освещались. Те, кому приходилось идти ночью, брали с собой фонари. Обычно же с наступлением темноты жизнь в городе совершенно замирала. Примерно так же обстояло дело и в городах Западной Европы. Уличное освещение там начали вводить с XVII в., а в ряде случаев и с XVIII в. Так, например, в Берлине начали освещать улицы с 1682 г., в Вене — с 1687 г., в Дрездене — с 1705 г., в Бирмингеме — с 1733 г., в Страсбурге — с 1779 г. и т. д.³³ Первые в России 8 фонарей уличного освещения были установлены в 1698 г. в Москве, в Преображенском, у здания царского дворца. Однако дальше этого дело не пошло.³⁴

Проведя крупные мероприятия по благоустройству своей новой столицы, Петр I не мог не заняться вопросом уличного освещения, тем более что практика установки осветительных фонарей у домов в дни праздников существовала в Петербурге чуть не с первых лет жизни города. В описаниях современников неоднократно говорится, что в предпраздничные дни городские здания освещались фонарями. Так, например, датский посланник Юст Юль пишет, что 19 октября 1710 г., по случаю побед над шведами в городе была устроена иллюминация. Большим числом фонарей освещался тогда еще деревянный Петропавловский собор и флагшток, на котором развевалось знамя. Многие дома «были увешаны снаружи сотнями фонарей».³⁵

Автор «Описания» Петербурга 1720 г. сообщает: «Здесь такой обычай, что во время царских праздников — именин, свадьбы и т. п. — все обязаны во всех дворцах и домах зажечь свечи, а перед дворцами — фонари, должно быть везде светло».³⁶

Устройство постоянного уличного освещения в Петербурге было поручено Петром генерал-полицеймейстеру А. М. Дивиеру. В 1720 г. по чертежу машинного дела мастера Петлинга был изготовлен первый образцовый уличный фонарь, который и был установлен у Зимнего дворца. Стекла для этого фонаря были сделаны на Ямбургских заводах Меншикова и

³⁰ Дневник камер-юнкера Берхгольца..., ч. I, стр. 45—46.

³¹ ПСЗ, т. V, № 3230.

³² Записки Вебера. Русский архив, год десятый, 1872, стр. 1417.

³³ П. Н. Петров, ук. соч., стр. 123.

³⁴ П. В. Сытин, ук. соч., вып. I, стр. 185, 209.

³⁵ Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом, стр. 250.

³⁶ Петербург в 1720 году... Русская старина, т. XXV, стр. 290.

обошлись очень дорого по ценам того времени: 11 руб. 92 коп. По сделанному образцу Петр приказал изготовить 595 фонарей, чтобы осветить улицы новой столицы.³⁷ 18 марта 1721 г. Дивьер обратился в Сенат с просьбой об отпуске денежных средств. В донесении Дивьера приводился расчет необходимых затрат:³⁸

Стоимость 595 фонарей со столбами	—15898 руб. 40 коп.
Стоимость содержания освещения в 1/3 года (при условии горения 5 час. в сутки):	
конопляное масло 1511 пудов по 1 руб. 50 коп.	—2286 руб.
фитиль бумажный 213 пудов по 10 руб.	—2130 »
содержание фонарщиков из солдат (64 человека).	—1142 »

Таким образом, Дивьер предполагал освещать улицы Петербурга с помощью постоянной команды фонарщиков в 64 человека, снабженной необходимыми примитивным инвентарем (лестницы, малые ручные фонари, щипцы, ножи, кувшины, губки, мерки). Освещение производилось конопляным маслом. По донесению Дивьера Сенат нашел возможным выплатить единовременно лишь 5000 руб.³⁹ Вопрос об остальной сумме разрешался еще 2 года. Тем временем фонари уличного освещения все же изготовлялись, так что, когда в 1723 г. были, наконец, изысканы средства на уличное освещение, значительная часть фонарей была уже установлена.⁴⁰

Несмотря на то, что освещение конопляным маслом давало тусклый свет, а фонари ставились далеко друг от друга (большие фонари на расстоянии 50 сажен, малые на расстоянии 16—18 сажен),⁴¹ вследствие чего улицы освещались недостаточно, все же устройство постоянного уличного освещения было большим событием не только для новой столицы, но и для всей России, потому что Петербург был первым русским городом, в котором было устроено регулярное уличное освещение.

Для благоустройства Петербурга важнейшее значение имели также мероприятия по озеленению улиц. Мы уже знаем, что при Петре был озеленен Невский проспект, вдоль которого было посажено 4 ряда молодых деревьев. Подобная же посадка производилась и на других улицах. Каждый домовладелец обязан был посадить деревья перед своим домом, или это делала за его счет полиция.⁴² Распоряжением правительства от 17 августа 1721 г. предписывалось жителям столицы, «которым по указу надлежит садить клен по улицам, и из тех уже иные и посадили, тем, конечно, в сем месяце огородить те клены для збережения от проезжих и для охранения от скота ящиками таким образом, как зделано на Адмиралтейском острове против новопостроенного каменного мытного двора».⁴³

Таким образом, озеленение улиц и защита зеленых насаждений от порчи скотом была возложена на жителей Петербурга. Сберегать же деревья от скота было в то время делом не легким, потому что никакие грозные указы, запрещавшие выпускать на улицу скотину без пастухов, не помогали.⁴⁴ За казенный счет озеленение производилось лишь в тех местах

³⁷ ПГАДА, ф. 198. Письма к Меншикову, «Д», № 6, л. 100.

³⁸ ПСЗ, т. VI, № 3777.

³⁹ ПСЗ, т. VI, № 3777.

⁴⁰ ПСЗ, т. VII, № 4391.

⁴¹ П. Н. Петров, ук. соч., стр. 184—187.

⁴² Записки Вебера. Русский архив, год десятый, 1872, стр. 1417; Дипломатические документы, относящиеся к истории России в XVIII столетии. Relationen ties Freiherrn Gustav von Mardefeld. Сборник РИО, т. XV, стр. 185.

⁴³ ЦГИАЛ, ф. 1329, оп. 2, № 19, лл. 91, 92. (См. также: Высочайшие указы в повеления императора Петра I... Сборник РИО, т. XI, стр. 427—428).

⁴⁴ ПСЗ, т. V, № 3386; т. VI, № 3589.

города, где не было никаких оснований для того, чтобы возложить эту работу на жителей: на улицах против казенных зданий, по дорогам, еще не застроенным домами (например, по Невскому проспекту), и т. д. В 1719 г. Канцелярией городских дел производилась посадка 286 ольховых деревьев вдоль нового канала у Почтового двора.⁴⁵

Самые строгие меры принимались для охраны уже существующих зеленых насаждений. Под угрозой жестокого наказания запрещалось вырубать деревья в городе и его окрестностях. «Около города нельзя и розги срезать», — пишет автор «Описания» Петербурга 1720 г.⁴⁶ А. И. Богданов в своем «Описании» приводит случай с порубкой березовой роши. Эта рошица находилась на месте нынешнего Гостиного двора. Острая потребность в топливе заставила жителей Петербурга начать рубить деревья на дрова. Узнав об этом, разгневанный Петр приказал разыскать виновных и повесить каждого десятого из них. В последний момент смертная казнь была отменена и виновные наказаны кнутом, морскими кошками и шпицрутенами. Сам воевода Иван Феофилачев, допустивший порубку роши, был бит кнутом и сослан на 10 лет с конфискацией его поместий.⁴⁷

Приведенный случай показывает, насколько суровы были наказания за самовольную порубку деревьев. Между тем часто в связи с прокладкой новых улиц или постройкой домов деревья все же приходилось рубить. В этом случае предписывалось обращаться в Канцелярию лесного правления, так как не только порубка, но и самовольная пересадка деревьев запрещалась. «Комиссар лесных дел» мог разрешить рубить лишь кривые деревья, остальные шли на пересадку в те части города, где не было зелени.⁴⁸ В 1721 г. Монастырский комиссар Карпов при осмотре участка на Васильевском острове, на котором строилось монастырское подворье, обнаружил 22 березки, сухую ель и 2 осины, мешавшие строительству. Перенести эти деревья в другое место без царского указа Карпов не мог, поэтому он обратился в Канцелярию лесного правления, из которой последовало распоряжение дворянину А. Б. Елагину выкопать лучшие деревья «со всякою бережью» вместе с землею и пересадить их в другое место: во двор или в огород, подпереть подпорками и следить, чтобы не засохли. Кривые и сухие деревья разрешалось употребить на дрова и фашины.⁴⁹

Очень большое внимание Петр уделял устройству в Петербурге садов и парков. Самым замечательным из них был всем хорошо известный Летний сад. Работы по устройству Летнего сада начались в первые же годы строительства Петербурга. Уже весной 1704 г. по просьбе царя были высланы из Москвы для Летнего сада различные цветы и травы.⁵⁰ С 1706 г. начались работы по устройству фонтанов. Издалека привозились многолетние деревья. На территории сада разбивались аллеи, устанавливалась скульптура.⁵¹

В 1721 г. Летний сад уже поражал путешественников своим великолепием. Берхгольц дал подробное описание этого сада с его широкими прямыми аллеями, перебиваемыми площадками и украшенными прекрасными скульптурами, фонтанами, тенистыми деревьями. В саду находился птичник и зверинец, в пруду плавали редкие породы гусей и уток. Со стороны

⁴⁵ ЦГИАЛ, ф. 467, оп. 485/1436, № 149, л. 1.

⁴⁶ Петербург в 1720 году... Русская старина, т. XXV, стр. 270.

⁴⁷ А. И. Богданов, ук. соч., стр. 203—204; ПСЗ, т. VI, № 3509.

⁴⁸ ЦГИАЛ, ф. 1329, он. 2, № 16, л. 17.

⁴⁹ Описание архива Александрово-Невской лавры..., т. III, стр. 458.

⁵⁰ Письма и бумаги императора Петра Великого, т. III, стр. 42, 93, 606.

⁵¹ Т. Б. Дубяго. Летний сад. М.—Л., 1951, стр. 12, 14.

Невы стояли три длинных крытых галереи, служившие для празднеств, с противоположной стороны, у маленького поперечного канала, находилась оранжерея, а на берегу Фонтанки — прекрасный еще не совсем законченный грот. «Одним словом, — пишет Берхгольц, — там есть все, чего только можно желать для увеселительного сада».⁵²

Оранжерея находилась примерно в середине нынешнего Летнего сада, далее за поперечным каналом вплоть до Мойки тянулся так называемый «второй сад», засаженный сплошными рядами фруктовых деревьев.⁵³ За Мойкой на территории, занимаемой сейчас Инженерным замком и Михайловским садом, был еще «третий сад», принадлежавший также царской фамилии. Марсово поле представляло в то время большой луг, на котором в дни празднеств выстраивалась гвардия. Таким образом, огромный участок, занятый всеми тремя садами и Марсовым полем, был при Петре сплошным зеленым массивом. Царские сады имелись и в других местах города, достаточно упомянуть Итальянский сад царицы (между Фонтанкой и Литейным проспектом), Екатерингофский сад и т. д.

Сады устраивались и при дворцах знати. Самым роскошным из них был сад Меншикова, расположенный у его дворца на Васильевском острове. В этом саду произрастали даже дыни.⁵⁴ Александро-Невский монастырь также проводил работы по озеленению. Березы, рябины, ольхи сажались на территории монастыря «в удобных местах для украшения». В 1722—1724 гг. проводились работы по устройству монастырского сада. В 1724 г. по обе стороны «прешпективной» дороги от монастыря к Петербургу было посажено 500 березок. Монастырское начальство распорядилось также, чтобы деревья были посажены в слободах перед всеми домами.⁵⁵

В Петербурге петровского времени было много садов, но все это были сады либо царские, либо частные. Общественных парков не было совсем. В Летнем саду Петр любил устраивать празднества, но в них принимала участие обычно лишь знать. В остальные дни в сад пускали только по воскресеньям, но и то далеко не всех.⁵⁶ Таким образом, подавляющее большинство населения Петербурга не пользовалось садами.

Следует сказать подробнее о фонтанах Летнего сада, потому что строительство крупнейших технических сооружений для обеспечения этих фонтанов водой, поступающей самотеком (специально прорытые каналы, плотины, водопровод и т. д.), является ярким примером таких мероприятий петровского правительства, когда в угоду осуществлению надуманной цели расходовались огромные суммы из государственного бюджета. Фонтаны были одной из любимых затей Петра, на устройство которых обычно бережливый в своих расходах царь не жалел ни средств, ни затраты людского труда.

Как уже говорилось, Петр начал заниматься фонтанами в первые же годы работ по устройству Летнего сада, когда Петербурга в сущности еще не существовало. Уже 2 декабря 1705 г. в письме к архитектору Ивану Матвееву он поручил ему сделать «колесо великое» для подъема воды в фонтаны.⁵⁷ В следующем 1706 г. адмиралтейский советник А. В. Кикин запросил у царя людей «к фонтанному делу», в том числе 16 человек,

⁵² Дневник камер-юнкера Берхгольца..., ч. I, стр. 89—92.

⁵³ Ж. Мадзулевич, ук. соч., стр. 27.

⁵⁴ *Eigentliche Beschreibung...*, стр. 62.

⁵⁵ С. Г. Рункевич, ук. соч., стр. 116, 124, 125, 132—134.

⁵⁶ Дневник камер-юнкера Берхгольца..., ч. I, стр. 92.

⁵⁷ Письма и бумаги..., т. III, стр. 528.

«которые умеют трубы лить».⁵⁸ В 1710 г., по свидетельству современника, фонтан в Летнем саду уже работал.⁵⁹ Вода в него подавалась из соседнего водяного протока (видимо, из Фонтанки) с помощью водовзводного колеса, приводившегося в движение, по всей вероятности, лошадиной силой. По крайней мере в более позднее время для подъема воды использовалась лошадиная тяга. Впрочем, были попытки использовать и силу ветра.⁶⁰

Бесперебойное снабжение фонтанов водой требовало устройства водовзводной башни. В 1719 г. по приказу царя начали строить мазанковую башню, «в которой будут машиною лошадьми подымать воду по чертежу архитектора Трезина».⁶¹ Башня эта была построена за Фонтанкой напротив Летнего сада. Подъем воды в фонтане с помощью лошадиной тяги представлял большие неудобства. В 1722 г. «фонтанное колесо» крутили 6 лошадей. В праздничные дни продолжительность работы фонтанов увеличивалась и приходилось выставлять вторую смену лошадей.⁶² Петру очень хотелось заставить фонтаны Летнего сада работать силою естественного напора воды. На разрешение этой задачи он потратил немалое число лет, но добиться хороших результатов так и не смог.

Первоначально предполагалось получить необходимый напор воды путем устройства запруды на реке Фонтанке, как это видно из известного уже нам письма Петра к архитектору Ивану Матвееву от 2 декабря 1705 г. В этом письме царь поручал Матвееву, помимо изготовления «колеса великого», сделать также еще два колеса «с пальцами» и несколько шестерен. «Сие надобно, — писал Петр, — для взведения воды к фонтанам и чтоб весною перебить тое речку, которая идет мимо моего двора».⁶³ Этот проект, разумеется, потерпел неудачу, так как создать подпор воды в Фонтанке с ее слабым течением было невозможно.

Вскоре возникла другая идея — подвести в Летний сад воду из мест, расположенных на более высокой отметке, чем Петербург, и заставить фонтаны работать самотеком. За эту идею Петр особенно держался. Было создано несколько проектов, которые проводились в жизнь в разное время, но ни один из них, как мы увидим далее, не разрешил по-настоящему поставленной задачи.

Сначала намечалось вести водопровод от Черной речки, протекавшей у Александро-Невского монастыря. В 1716 г. были предприняты практические шаги «к строению трубы, которую велено весть от Александрова монастыря до Летнего государева двора».⁶⁴ Как видно из «ведения» о ходе работ в 1716 г. (составленного для Петра I), с 25 мая по 15 сентября был «выкопан канал — длина 94 сажени, ширина в вершине того канала 4 сажени, глубина 7 аршин; внизу канал — ширина 2 сажени, глубина сажень... и по обе стороны канала побито 1250 свай, фонтанные трубы просверлено 530 бревен от Невы вверх по Черной речки две версты 104 сажени. К фонтанной работе на берег вытаскано 3250 бревен».⁶⁵ Таким

⁵⁸ Письма и указы Петра I к адмиралтейств-советнику Александру Васильевичу Кикину. Сборник РИО, т. XI, стр. 5—6.

⁵⁹ Описание Санктпетербурга и Кроншлота... Русская старина, т. XXXVI, стр. 44.

⁶⁰ А. И. Богданов в своем «Описании» сообщает, что на Васильевском острове стояла «модельная мельница для взводу воды в фонтаны» (А. И. Богданов, ук. соч., стр. 134).

⁶¹ ЦГИАЛ, ф. 467, оп. 560/1579, картон 5758, № 5, л. 1.

⁶² ПГИАЛ, ф. 467, оп. 73/187, кн. 22, ч. I, л. 368.

⁶³ Письма и бумаги..., т. III, стр. 528. (См. также: Т. Б. Дубяго, ук. соч., стр. 12, 14).

⁶⁴ ПГАВМФ, ф. 176, № 123, ч. I, л. 3.

⁶⁵ ЦГАДА, ф. 9, отд. II, оп. 9/3, кн. 28. л. 56.

образом, водопровод, который должен был питать фонтаны Летнего сада, представлял собой трубу, составленную из бревен с высверленной сердцевинной. Начинаясь он, по-видимому, от специально прорытого канала. Работы в 1716 г. были развернуты полным ходом, однако скоро все было оставлено, так как появился новый проект.

Находясь за границей, Петр познакомился с первой паровой машиной (Ньюкомена) и решил использовать ее для подъема воды в фонтанах. В одном из своих писем из-за границы он пишет: «О Летнем доме уже писано с Танеевым, воду взводить лошадьми или ветром неудобно, но лучше б из речки от монастыря, как я приказал; а ежели много работы будет, лучше оставить, понеже я сыскал машины и пришлю, что огнем воду гонит, которые всех прочих лучше и неубыточны». ⁶⁶ Летом 1718 г. один экземпляр такой машины привез в Россию законтрактованный в Лондоне на один год «для действия машины поднятия огнем вод вверх» мастер Жан Питли (или Петлинг). Из этой затеи ничего не получилось, и уже в 1720 г. Питли стал проситься обратно. Однако мы видим его в Петербурге еще в 1727 г. ⁶⁷ Это был тот самый Иван Петлинг, по чертежу которого был изготовлен первый фонарь уличного освещения в Петербурге.

Несостоятельность проекта подачи воды в фонтаны с помощью паровой машины обнаружилась очень скоро, потому что уже в 1718 г. (т. е. в год прибытия в Петербург паровой машины) Петр начал строительство Лиговского канала. Этот канал, проведенный в 1718—1721 гг. из реки Лиги, берущей свое начало из Дудергофского озера, подавал воду в бассейн, находившийся в конце нынешней улицы Некрасова (отсюда старое название улицы: Бассейная). ⁶⁸ От бассейна начинался уже водопровод, по которому вода подавалась к фонтанам Летнего сада. При пересечении с рекой Фонтанкой были устроены 3 водовзводные башни. Работы по устройству водопровода затянулись, и он начал действовать лишь в 1725 г. (уже после смерти Петра). ⁶⁹

Мысль о питании фонтанов из Лиговского канала нельзя назвать удачной. По проекту предполагалось использовать разницу в высотных отметках между окрестностями Петербурга и самим городом. Уровень подпертого плотинами Дудергофского озера оказался на 35 сажен выше уровня Невы. За городом на протяжении $13\frac{1}{2}$ верст канал проходил в насыпи. К сожалению, не была принята во внимание дальность расстояния: длина Лиговского канала составляла 21 версту. Это расстояние в значительной степени сводило напор на нет. Лиговский канал, построенный по проекту Г. Г. Скорнякова-Писарева, был очень крупным инженерным сооружением своего времени. ⁷⁰ Однако водопровод не оправдал возлагавшихся на него надежд. Фонтаны Летнего сада действовали плохо, и по всей вероятности дело не обходилось без применения добавочной подъемной силы. После наводнения 1777 г. правительство Екатерины II, никогда не жалевшее денег на дворцовое строительство, все же не нашло нужным восстанавливать Лиговский водопровод ⁷¹ (по-видимому, по причине его малой эффективности).

⁶⁶ Ж Мацулевич, ук. соч., стр. 26.

⁶⁷ ЦГИАЛ, ф. 467, оп. 73/187, кн. 58, л. 6; оп. 269/643, № 1, лл. 51—54.

⁶⁸ Известия С.-Петербургской городской думы, т. 95, № 31, СПб., 1889, стр. 419—420. В пределах города канал проходил по направлению нынешнего Лиговского проспекта. В 1891 г. канал взят в трубу, которая проходит под проспектом.

⁶⁹ Т. Б. Дубяго, ук. соч., стр. 67—71. На одном из рисунков Махаева (1753 г.) можно видеть лиговский водопровод в месте его пересечения с р. Фонтанкой (рис. 13).

⁷⁰ Известия С.-Петербургской городской думы, т. 95, № 31, стр. 419—420.

⁷¹ Т. Б. Дубяго, ук. соч., стр. 72.

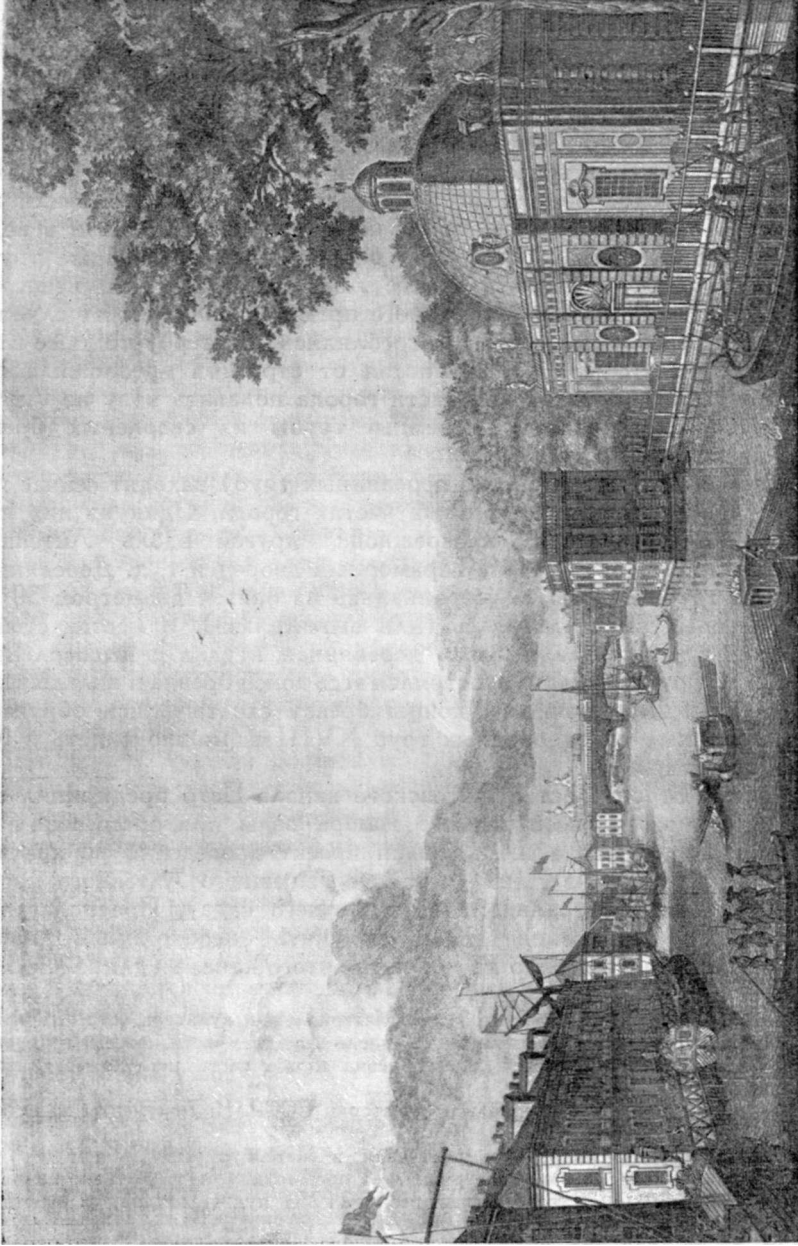

Рис. 13. Фонтанка у Летнего сада. Гравюра Г. А. Качалова по рисунку М. И. Махаева. Середина XVIII в.
На заднем плане изображен водоводный мост через реку Фонтанку.

Таким образом, вся затея Петра, стоившая огромных денежных средств, дала более чем скромные результаты. Тем не менее сам по себе Лиговский водопровод, проложенный на такое большое расстояние (свыше 1,5 км), представлял собой интересное для своего времени сооружение. При устройстве его был использован имевшийся в стране опыт прокладки водопроводов. Уже в XI в. в древнем Новгороде существовал деревянный водопровод, устроенный из толстых сосновых досок с выдолбленной сердцевинной.⁷² Позднее, в XVII в., по сведению «Пискаревского летописца», водопровод был проложен в Москве (из Москвы-реки «на государев двор на Конюшенной на большой»)⁷³. В это время уже умели делать свинцовые трубы.

В нашем распоряжении в настоящее время нет данных о том, из каких труб был устроен водопровод к Летнему саду — из деревянных или металлических. По всей вероятности трубы были деревянные, как и в водопроводе, который был начат от Черной речки; металлические же трубы прокладывались лишь в пределах самого Летнего сада (т. е. непосредственно к фонтанам).⁷⁴ В пользу подобного предположения может служить такой довод, что деревянные трубы употреблялись в Петербурге даже в послепетровское время. В 1739 г. Комиссия от строения предложила при устройстве фонтанов в Московской части города подавать воду из Лиговского канала «через деревянные подземные трубы из сверленных бревен шириною в диаметре в 6 дюймов».⁷⁵

Остатки таких водопроводов (из деревянных труб) находят сейчас при производстве земляных работ в разных частях города. Один из них проходил вдоль Университетской набережной,⁷⁶ другой вдоль Литейного проспекта,⁷⁷ третий подавал воду в Мраморный дворец и т. д. Деревянные водопроводные трубы XVIII в. устраивались из бревен диаметром 30 см, сердцевина которых высверливалась (или выжигалась). В местах стыков в оба соседние бревна вкладывалась деревянная втулка с высверленной сердцевинной. В других случаях заострялся весь конец бревна и вкладывался в соседнее звено. Для прочности концы бревен схватывались обручами. Образцы деревянных водопроводных труб XVIII в. можно видеть в Музее истории Ленинграда.

Уже во время строительства Лиговского канала Петр предпринял еще одну попытку получения необходимого напора воды для обеспечения работы фонтанов Летнего сада. Был создан проект проведения по кратчайшему расстоянию канала из Невы (в районе нынешнего Литейного моста) в Фонтанку (против центральной части Летнего сада). Предполагалось сокращением пути движения воды получить необходимый напор. В 1719 г. был заключен договор на прорытие этого канала (длиной 330 са-

⁷² История культуры древней Руси, т. I. Материальная культура, стр. 196. При устройстве водопровода бревна распиливались вдоль на две части, затем сердцевина обеих частей выдалбливалась по всей длине бревна и обе части наглухо соединялись по линии распила.

⁷³ Пискаревский летописец. Материалы для истории СССР. II. Документы по истории XV—XVIII вв. М., 1955, стр. 105.

⁷⁴ Металлические фонтанные трубы поступали в Петербург из Сибири и Тулы. Трубы различались по сортам: «первой руки», «второй руки» и т. д. Так, например, в апреле 1720 г. прибыло 1179 труб общим весом 21 291 пуд (ЦГАДА, ф. 9, отд. II, кн. 50, лл. 6, 7).

⁷⁵ ПСЗ, т. X, № 7875, стр. 861.

⁷⁶ Во время производства работ по прокладке газового дукера через Неву у моста лейтенанта Шмидта, против 3-й линии Васильевского острова, 12 марта 1950 г. был обнаружен на глубине 2,5 м деревянный водопровод, проложенный вдоль набережной Невы.

⁷⁷ Обнаружен во время работ по реконструкции Невского проспекта (в 1951 г.).

жен, шириной 5 сажен, глубиной 6 футов) с подрядчиками Германом фон Болесом и Дериком фон Эрштом.⁷⁸ Проект был технически не обоснован, и работа пропала впустую, так же как и затраченные средства (10 000 руб.)

Об этом канале А. И. Богданов сообщает в своем «Описании» Петербурга, что он «в такой надежде делан был, что думали по тому склонению места вода из того канала может чрез речку Фонтанку вверх подняться и во все фонтаны действовать, но предприятие сие осталось без успеха».⁷⁹ Память о неудачном канале сохранилась в направлении нынешнего Косого переулка Ленинграда. Таким образом, для устройства фонтанов в Летнем саду затрачивались огромные средства, которые пропадали даром из-за технической необоснованности проектов.

Интересно, что в петровское время предполагалось строительство еще одного водопровода (кроме того, который шел к Летнему саду). Как видно из сохранившегося проекта, этот водопровод (назначение которого не совсем ясно) должен был идти от бассейна Лиговского канала вдоль Невского проспекта и, обогнув Адмиралтейство, подавать воду в бассейн, намечавшийся на месте нынешней площади Декабристов.⁸⁰

Устройство фонтанов в Летнем саду послужило, как мы видели, причиной прорытия нескольких каналов, в которых город мало нуждался. Однако это было все же исключением. Каналы для осушения территории были Петербургу так же необходимы, как мостовые, набережные, мосты и т. д. Сейчас трудно себе представить, что в начале XVIII в. большая часть местности, на которой расположен город, была заболочена. Об этом очень красочно говорится в «Описании» Петербурга 1716—1717 гг. По словам автора, вся территория здесь «состоит из сплошных болот, вследствие чего весь город сверху, начиная с того места, где река разделяется на две части, вплоть до моря вниз по течению реки, подвержен опасности затопления».⁸¹ Более или менее сухих мест имелось сравнительно немного. Достаточно сказать, что заболочена была даже территория между Невским проспектом и Таврическим садом, которая расположена, как известно, довольно высоко над уровнем моря.

Прорытием каналов достигалось как понижение грунтовых вод, так и подсыпка местности за счет вынутой из каналов земли. Впрочем, осушение территории было хоть и основной, но не единственной целью проведения каналов. Играли роль также военные соображения,⁸² соображения противопожарной безопасности и стремление создать удобные водные коммуникации. По-видимому, первым петербургским каналом был канал, прорытый в Петропавловской крепости (сейчас он не существует), имевший целью создать необходимый запас воды для защитников в случае нападения врага. Канал соорудился одновременно со строительством самой крепости. О нем говорит автор «Описания» Петербурга 1710—1711 гг.: «Проведенный из Невы канал проходит посреди крепости, так что в ней никогда не может быть недостатка в воде».⁸³

⁷⁸ ЦГИАЛ, ф. 467, оп. 488/1440, № 58, л. 1.

⁷⁹ А. И. Богданов, ук. соч., стр. 225.

⁸⁰ Музей истории Ленинграда. Атлас Майера, I, ч. I, Описание, стр. 58—59; атлас I, ч. I, разряд 2, лист VII. На проекте бассейн Лиговского канала показан не на том месте, где он существовал в действительности, а в районе Невского проспекта. Таким образом, проект водопровода вдоль Невского проспекта был создан до окончательного определения трассы Лиговского канала.

⁸¹ *Eigentliche Beschreibung...*, стр. 55.

⁸² Из военных соображений был прорыт, например, канал внутри Петропавловской крепости (снабжал гарнизон водой), а также канал вокруг Адмиралтейства

⁸³ Описание Санктпетербурга и Кроншлота... Русская старина, т. XXXVI, стр. 37.

Вслед за тем работы по осушению потребовалось произвести вблизи новой царской летней резиденции. Здесь было прорыто несколько каналов: Мойка соединена с Фонтанкой в районе нынешнего Марсова поля, Лебяжий и Красный каналы, проведенные из Невы в Мойку, сделали островами территории Летнего сада и Марсова поля. Произведенные работы сильно содействовали осушению окружающей местности. А. И. Богданов датирует прорытие всех этих каналов 1711 г.⁸⁵ С этим нельзя согласиться. Как видно из текста распоряжения Петра I от 24 января 1715 г., Лебяжий канал к началу этого года еще не был готов. В этом распоряжении Петр, давая указания о работах предстоящего лета (1715 г.), приказал «канал, который у огорода по западную сторону,⁸⁶ углубить и протянуть оный до маленькой речки,⁸⁷ а землю употребить к новопобитым сваям в малой речке». Работы по прорытию Лебяжьего канала продолжались и в 1716 г.⁸⁹

Правильной датой окончания Лебяжьего канала следует считать 1716 год, что соответствует «Описанию» Петербурга 1716—1717 гг.⁹⁰ Из приведенной выше выдержки из письма Петра видно, что к январю 1715 г. Мойка уже была соединена с Фонтанкой, и для укрепления ее берегов забиты сваи. Что же касается Красного канала, то он был закончен позднее. Распоряжение о начале работ по прорытию этого канала было дано лишь в 1715 г.,⁹¹ а вода в него пущена (по сведениям П. Н. Петрова) значительно позже — 21 октября 1719 г.⁹²

Таким образом, расхождение между датами окончания Красного канала, приводимые А. И. Богдановым и П. Н. Петровым, составляет целых 8 лет. В данном случае, несомненно, следует больше верить Петрову, сведения которого подтверждаются другими источниками. Приведенные факты показывают, насколько осторожно следует пользоваться данными, полученными даже от такого добросовестного автора, как Богданов.

Одновременно с Красным и Лебяжьим проводились и другие каналы. В 1715 г. было приказано поставить 1000 рабочих людей на прорытие канала вокруг Адмиралтейства.⁹³ Работа закончилась лишь в следующем, 1716 г.⁹⁴ Петр распорядился укрепить берега нового канала забивкой «паженных» (шпунтовых) свай.⁹⁵ Возможно, что в это же время был вырыт канал и внутри Адмиралтейства, который в 1718 г. было приказано несколько расширить.⁹⁶

В эти же годы шла работа и западнее Адмиралтейства. Подрядчиком Семеном Крюковым был прорыт канал из Невы в Мойку (получивший название Крюкова), законченный в основном в 1719 г.⁹⁷ Другой канал, проходивший по направлению нынешнего Бульвара Профсоюзов, соединил

⁸⁴ Красный канал проходил по западной границе Марсова поля. Впоследствии канал был засыпан.

⁸⁵ А. И. Богданов, ук. соч., стр. 224.

⁸⁶ Лебяжий канал.

⁸⁷ Т. е. до Мойки.

⁸⁸ Ж. Мацулевич, ук. соч., стр. 26.

⁸⁹ ЦГАДА, ф. 9, отд. II, кн. 50, лл. 329—330.

⁹⁰ Eigentliche Beschreibung..., стр. 24.

⁹¹ Журнал или подневная записка блаженные вечнодостойные памяти государя императора Петра Великого..., ч. II, СПб., 1772, стр. 1.

⁹² П. Н. Петров, ук. соч., стр. 202.

⁹³ ЦГАВМФ, ф. 233, № 100, л. 49.

⁹⁴ Eigentliche Beschreibung..., стр. 29.

⁹⁵ ЦГАВМФ, ф. 233, № 20, л. 2.

⁹⁶ ЦГАВМФ, ф. 233, № 175, лл. 13, 37.

⁹⁷ ЦГИАЛ, ф. 1329, оп. 2, № 15, л. 88.

Крюков канал с каналом вокруг Адмиралтейства. Берега обоих новых каналов приказано было укрепить забивкой свай, за которые закладывались щиты из досок. На каждую сажень полагалось забить 3 сваи. Стоимость всех работ по прорытию и укреплению берегов канала, проходившего по направлению нынешнего Бульвара Профсоюзов (длиной в 420 сажен, шириной 7 сажен и глубиной 7 футов), была определена в 16 548 руб. Подрядчики Герман фон Более и фон Эршт обязались закончить все работы в 1720 г.⁹⁸

Построенный на Неве недалеко от устья Мойки Галерный двор (верфь, на которой делались галеры) был со всех сторон окружен каналами. Один из этих каналов, Ново-Адмиралтейский, сохранился до наших дней. Точно так же в другом конце города была окружена каналами (проходившими по направлению нынешних улиц Пестеля, Гагаринской, Рыночной) так называемая Партикулярная верфь на реке Фонтанке, строившая суда для частных людей.⁹⁹ На соседнем заболоченном участке у Симеоновской церкви (в районе нынешней ул. Белинского) для осушения территории были прорыты рвы, отводившие воду в Фонтанку.¹⁰⁰

Этим далеко не исчерпывается перечень Петербургских каналов, проведенных при Петре. В 1718 г. был сдан подряд Василию Озерову на постройку двух каналов: одного — из Невы в Мойку у Зимнего дворца (нынешняя Зимняя канавка), другого — с гаванью около Почтового двора, находившегося на месте здания нынешнего Мраморного дворца. Всю работу Озеров закончил в 1721 г. Берега обоих каналов были укреплены забивкой свай, за которые закладывались доски.¹⁰¹

На территории Александро-Невского монастыря с целью осушения местности знакомым уже нам подрядчиком Василием Озеровым был прорыт канал из Черной речки в Неву длиной в 255 сажен. По-видимому, трасса канала совпадала с направлением реки Монастырки. Земляные работы, начатые в 1720 г., были в основном закончены в 1721 г. Однако укрепление берегов (с помощью досок, заложенных за сваи) затянулось и выполнялось недобросовестно. Из-за плохого качества деревянных набережных Озеров не получил за проделанную работу всей условленной суммы.¹⁰²

Остается сказать несколько слов о каналах на Васильевском острове. Мы уже знаем, что по утвержденному Петром I проекту предполагалось прорезать территорию этого острова целой сетью каналов, проходящих по направлениям его нынешних проспектов и линий. Создалась легенда, что в то время, когда Петр находился в 1717 г. за границей, Меншиков распорядился вырыть каналы меньшей ширины и глубины, чем было намечено, и застроить набережные домами. По возвращении из-за границы Петр I увидел, что все дело испорчено и поправить его было уже поздно. Эту легенду, которая идет от Я. Штелина, автора «Подлинных анекдотов о Петре Великом»,¹⁰³ мы видим у Петрова,¹⁰⁴ и у многих позднейших историков Петербурга.

⁹⁸ ЦГИАЛ, ф. 1329, оп. 2, № 15, л. 82.

⁹⁹ П. Н. Столпянский. Петербург, стр. 320—321 и рис. 16.

¹⁰⁰ ЦГИАЛ, ф. 467, оп. 488/1440, № 59, л. 1; ПСЗ, т. VII, № 5014.

¹⁰¹ ЦГИАЛ, ф. 467, оп. 73/187, кн. 34, л. 811—814; кн. 19, лл. 87—89; кн. 17, л. 388; № 61, л. 47; ЦГАДА, ф. 9, отд. II, кн. 50, л. 329—330.

¹⁰² Описание архива Александро-Невской лавры..., т. III, стр. 405—411; С. Г. Рункевич, ук. соч., стр. 116, 117, 120.

¹⁰³ Я. Штелин. Подлинные анекдоты о Петре Великом, ч. I. Изд. 3-е, исправленное, М., 1830, стр. 180—184.

¹⁰⁴ П. Н. Петров, ук. соч., стр. 142.

Между тем уже П. Н. Столпянский правильно обратил внимание на текст указа 1723 г.,¹⁰⁵ в котором предлагалось «на Васильевском острове, где надлежит по чертежу быть каналам, и на тех местах до строения тех каналов для воды выкопать пруды».¹⁰⁶ Таким образом, в 1723 г. каналов еще не было. В это время на Васильевском острове существовали лишь канавы для стока воды.¹⁰⁷ И не случайно в своем «Описании» Петербурга А. И. Богданов сообщает, что на Васильевском острове были прорыты лишь некоторые из намеченных каналов, причем это было сделано в 1727—1730 гг., т. е. после смерти Петра.

Нам кажется, что сведения, приведенные Богдановым, правильны. Ни в одном из «Описаний» Петербурга современниками Петра ничего не говорится о существовании каналов на Васильевском острове. Об этом не сообщается и в архивных документах того времени. В сентябре 1721 г. Трезини только еще собирался приступить к разбивке на местности направления улиц и каналов на Васильевском острове.¹⁰⁸ В 1724 г. в указе от 11 февраля определялась ширина этих улиц и каналов,¹⁰⁹ но к работам, по-видимому, опять не приступили. Лишь в 1727 г., как сообщает Богданов, были прорыты 3 канала: между 4-й и 5-й линиями, между 8-й и 9-й линиями, по Кадетской (теперь Съездовской) линии, а в 1730 г. был проведен канал перед зданием 12 Коллегий (т. е. по нынешней Менделеевской линии).¹¹⁰

Таким образом, Петр так и не приступил к работам по проведению каналов на Васильевском острове. Запроектированная густая сеть каналов, имевшая целью сделать из Петербурга что-то вроде Венеции, не вызывалась практической необходимостью. Выполнение проекта из года в год откладывалось до более удобного времени, и в результате проект так и не был осуществлен.

Резюмируя все сказанное о петербургских каналах, следует отметить прежде всего огромный размах произведенных работ. За короткое время, между 1715 и 1722 гг., были прорыты каналы, общая длина которых исчислялась многими верстами. Проведение каналов содействовало осушению территории, на которой строился город, и дало возможность вести работы на заболоченных прежде участках. Были созданы удобные водные коммуникации, позволявшие подвозить строительные материалы во внутренние части города по кратчайшему пути. Так, например, Мойка в нескольких местах была соединена с Невой (Крюков канал, Зимняя канавка), а у Марсова поля — с Фонтанкой, Крюков канал соединен с Адмиралтейским, и т. д. Были сделаны удобные гавани для судов у Почтового двора, Зимнего дворца и др. Каналы вокруг Адмиралтейства, Галерного двора и Партикулярной верфи создали водное окружение вокруг огнеопасных и важных в военном отношении объектов.

Большая работа была проделана по укреплению берегов каналов. Укрепление, как мы уже видели, производилось путем забивки свай, за ко-

¹⁰⁵ П. Н. Столпянский. Петербург, стр. 114. До Столпянского П. П. Пекарский в своей работе «Петербургская старина» также выразил сомнение в правдоподобности легенды о каналах на Васильевском острове, изложенной Штелиным в его «Анекдотах» (см.: Современник, т. LXXXII, 1860, стр. 178).

¹⁰⁶ ПСЗ, т. VII, № 4275; более ранний указ о том же от 21 июня 1723 г. (ЦГИАЛ, ф. 1329, оп. 2, № 20, л. 31).

¹⁰⁷ ЦГАДА, ф. 198. Письма к Меншикову, «Д», № 6, лл. 149—150.

¹⁰⁸ ЦГИАЛ, ф. 467, оп. 73/187, кн. 16, л. 36.

¹⁰⁹ ПСЗ, т. VII, № 4469.

¹¹⁰ А. И. Богданов, ук. соч., стр. 225—226. Обо всех этих каналах на Васильевском острове Богданов пишет, что они были лишь «зачаты», т. е. остались незаконченными.

торые закладывались щиты. Поверх свай укладывались брусья, а на них устанавливались деревянные перила. Такие набережные, пока они были в исправности, выглядели очень опрятно. Деревянные набережные устраивались не только по берегам каналов, но также и по берегам рек, протекавших через Петербург. Уже в 1704 г., т. е. через год после основания города, Петр дал указание укреплять берег Невы против Адмиралтейства забивкой «пажонных» (т. е. шпунтовых) свай.¹¹¹ В дальнейшем работа развернулась и на других участках Невы, а также и на Мойке.

Тяжелая обязанность устройства набережных была возложена Петром на самих жителей Петербурга. Указом 3 марта 1715 г. вменялось в обязанность «санктпетербургским обывателям, которые по берегу Большой и Малой Невы и по другим протокам имеют дворы, приготовить нынешнего 1715 году к сентябрю месяцу, каждому против своего двора, паженные сваи для обивки берегов мерою трехсаженные, числом сколько против каждого двора оных бы стать могло... и чтоб всеконечно в будущее лето по вышепомянутому здешние обыватели исполнили под опасением жестокого истребления».¹¹²

Таким образом, каждый хозяин дома должен был строить набережную против своего двора. Работы требовалось начать в 1715 и закончить в 1716 г. Однако строительство затянулось. Наиболее успешно шло укрепление левого берега Невы. В 1717 г. по всему этому берегу от Почтового до Галерного двора были уже забиты тысячи шпунтовых свай, однако земля за сваи еще не насыпалась.¹¹³ К 1720 г. и эта работа была закончена, как видно из текста «Описания» Петербурга 1720 г.

На Мойке устройство набережных, начатое, как мы видели, еще в 1715 г., продолжалось и в 1721 г.¹¹⁵ Правительство вынуждено было в 1717 г. взять на себя строительство набережных против домов несостоятельных жителей, а также против незастроенных участков по берегу Мойки. Однако эти расходы предполагалось разложить на жителей, имевших дома внутри Адмиралтейского острова и не принимавших участия в укреплении берегов рек.¹¹⁶ Лишь на участках, принадлежавших царской фамилии или ведомствам, набережные устраивались за казенный счет.

В ряде случаев при строительстве набережных изменялось очертание берегов рек. В 1715 г. Петр дал указание, как забивать сваи на Мойке в тех случаях, когда река изменяла свою ширину: «... взять ширину той реки среднюю между широкостию и узкостию и так оную сваями обивать».¹¹⁷ При устройстве набережной левого берега Невы (на участке нынешней Дворцовой набережной) линия берега была сильно передвинута в сторону реки, так что дома, прежде стоявшие у реки (в том числе и первый Зимний дворец), оказались далеко от берега.¹¹⁸

Помимо деревянных набережных, при Петре был сделан опыт строительства набережных из камня. В 1720 г. производились работы по кладке фундамента под каменную стенку в канале у Зимнего дворца.¹¹⁹ Назначен-

¹¹¹ Письма и бумаги..., т. III, стр. 434.

¹¹² ЦГАВМФ, ф. 176, № 108, лл. 407—408.

¹¹³ Eigentliche Beschreibung..., стр. 31, 32.

¹¹⁴ [Weber] Das veränderte Russland..., стр. 457.

¹¹⁵ ЦГИАЛ, ф. 467, оп. 73/187, кн. 18, лл. 704—711.

¹¹⁶ ЦГАВМФ, ф. 234, № 31, л. 235.

¹¹⁷ ПСЗ, т. V, № 2909.

¹¹⁸ А. И. Богданов, ук. соч., стр. 58.

¹¹⁹ ЦГИАЛ, ф. 467, оп. 484/1446, картон 5505, № 76, лл. 1—10.

ние этой стенки не совсем ясно. По-видимому, она была устроена в месте причала судов в гавани у Зимнего дворца, аналогично тому, как это было сделано примерно в то же время около дворца в Летнем саду. В «Описании» Петербурга 1720 г. говорится: «Со стороны реки около сада¹²⁰ подведена каменная стена; к реке ведут галереи (ganki), где можно сесть на ботик, галеру, яхту или буэр, чтобы ехать на море или гулять по каналам и большой и широкой реке».¹²¹ Для кладки каменных стенок, находившихся в значительной степени под водой, приходилось употреблять цемент, а не известь.

В настоящее время трудно установить, берега каких рек и каналов в петровском Петербурге не были укреплены. В пределах городской застройки таких участков было, по-видимому, немного. На рисунках и гравюрах того времени изображены укрепленные набережные Петроградской стороны и Васильевского острова.¹²² Как видно из текста указа от 21 февраля 1727 г., деревянная набережная была устроена по берегам Фонтанки, т. е. за пределами тогдашней городской черты.¹²³ Мы уже знаем, что укрепление берегов каналов производилось и на территории Александро-Невского монастыря.

К сожалению, из-за спешности в работе и неопытности исполнителей деревянные набережные оказались недолговечными. Как только немного ослабел правительственный надзор, они быстро пришли в упадок. Уже в феврале 1727 г. правительство вынуждено было констатировать, что положение с набережными является почти катастрофическим. В доношении полиции о набережных говорится: «... при Фонтанной и Мье речках и при каналах сваи, доски, брусья и щиты попортило, и многие погнили, и землю водою вымывает, и от того каналы заносит, и в тех местах, також и по берегу Невы реки, при обывательских домах берега и мосты весьма попортились, ибо оные берега от тех обывателей не так твердо были сваи набиты и фашинами и землю утверждены, как надлежит».¹²⁴ В 1728 г. полиция отмечала не менее неблагоприятное положение с набережной канала у Почтового двора, где брусья на сваях сгнили и обвалились, а перила не держатся.¹²⁵ Таким образом, за каких-нибудь 6—7 лет со времени постройки эта набережная уже пришла в ветхость.

Почти с первых лет существования Петербурга правительству приходилось уделять большое внимание строительству мостов. Это было естественно, потому что территория строящегося города пересекалась в разных направлениях реками и каналами. В делах Адмиралтейской канцелярии уже в 1707 г. упоминается мост, находившийся по соседству со стоянкой флота на Неве.¹²⁶ По-видимому, это был мост, соединявший Петропавловскую крепость с Городским островом. Об этом мосте в «Описании» Петербурга 1710—1711 гг. говорится: «От крепости ведет к Финляндской стороне¹²⁷ прекрасный в двух местах подъемный деревянный мост, имеющий около 300 шагов длины».¹²⁸ Есть все основания предполагать, что это был

¹²⁰ Летнего.

¹²¹ Петербург в 1720 году... Русская старина, т. XXV, стр. 267.

¹²² См., например, панораму Зубова (Гос. публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина), рисунки Марселиуса (Рукоп. отд. Библиотеки АН СССР) и др.

¹²³ ПСЗ, т. VII, № 5014.

¹²⁴ ПСЗ, т. VII, № 5014.

¹²⁵ ЦГИАЛ, ф. 467, оп. 73/187, № 61, л. 47.

¹²⁶ ЦГАВМФ, ф. 176, № 16, л. 231.

¹²⁷ Т. е. к Городскому острову.

¹²⁸ Описание Санктпетербурга и Кроншлота... Русская старина, т. XXXVI, стр. 39.

первый мост в Петербурге,¹²⁹ так как строительство города началось с постройки на небольшом Заячьем островке крепости, и, разумеется, очень скоро появилась необходимость соединить мостом этот остров с городом, возникшим на соседнем большом острове. Мост у Петропавловской крепости показан на гравюре, изображающей торжественный ввод в Петербург взятых в плен шведских кораблей (сентябрь 1714 г.) (рис. 14).

В своей обстоятельной статье «Краткие исторические данные о развитии мостового дела в России» Л. Ф. Николаи правильно утверждает, что первым мостом в Петербурге был мост через реку Ждановку, который соединял Петропавловскую крепость с Петербургской стороной и назывался Петровским.¹³⁰ Заячий остров (на котором стоит крепость) отделяет от Петербургской стороны не река Ждановка, а Кронверкский пролив. Л. Ф. Николаи был введен в заблуждение статьей А. Штукенберга «Санктпетербург в строительном отношении»,¹³¹ в которой есть неточности, так как она в своей исторической части основывается на таких несолидных источниках, как «Описание Санктпетербурга» И. Пушкарева.¹³²

Вслед за первым мостом в разных частях Петербурга были построены и другие. Для обеспечения свободного проезда по рекам и каналам мосты делались подъемными, при этом они были настолько узки, что по ним мог проехать лишь один экипаж, запряженный парой лошадей.¹³³ Узость мостов вызывалась, по-видимому, соображением экономии строительных материалов. В 1715 г. на вопрос, делать ли новый мост такой ширины, чтобы могли разъехаться две телеги, Петр дал ответ: «...подъемной мост обыкновенной надлежит быть, а не так широкой».¹³⁴

По причине ли узости этих мостов или потому, что первоначально они были сделаны лишь на скорую руку, некоторые из них были перестроены уже при Петре. Так, уже в 1719 г. пришлось приступить к перестройке по чертежу Трезини подъемного моста у Петропавловской крепости.¹³⁵ В этом же году было приказано начать строить подъемный мост через Фонтанку, а также три новых моста через каналы, которые прорывались в это время у Почтового двора и Зимнего дворца.¹³⁶

Впрочем, указы претворялись в жизнь не так уж скоро. Несмотря на неоднократные публикации в Петербурге, подрядчиков, желающих взяться за строительство мостов, не находилось. Вследствие этого работы пришлось вести хозяйственным способом: мост через Фонтанку строили арстанты под руководством мастера фон Болеса, а мосты через канал у Почтового двора — пленные шведы. Эти работы продолжались еще в 1721 г.¹³⁷ В 1720 г. силами солдат начали строить подъемные мосты через канал, проведенный вокруг Адмиралтейства.¹³⁸ Таким образом, 1720—1721 годы были в Петербурге годами интенсивного строительства подъемных мостов. Даже далеко за городом, на территории Александро-Невского монастыря,

¹²⁹ Это соответствует и данным А. И. Богданова (А. И. Богданов, ук. соч., стр. 238).

¹³⁰ Сборник Института инженеров путей сообщения..., вып. XLVIII, СПб., 1898. стр. 17.

¹³¹ Журнал Главного управления путей сообщения и публичных зданий, т. 37. Неофициальный отдел, 1862, стр. 282—370. (О первом мосте см. на стр. 305).

¹³² И. Пушкарев, ук. соч., ч. I. (О первом мосте в Петербурге см. на стр. 95—96).

¹³³ Н. Головин. Петербург в петровское время, стр. 21.

¹³⁴ ПСЗ, т. V, № 2909.

¹³⁵ ЦГИАЛ, ф. 467, оп. 480/1423, № 180, л. 1.

¹³⁶ ЦГИАЛ, ф. 467, оп. 483/1440, № 180, лл. 1, 2.

¹³⁷ ЦГИАЛ, ф. 467, оп. 73/187, кн. 18, лл. 445, 770.

¹³⁸ ЦГАВМФ, ф. 1234, № 37, лл. 128—130, 165—166.

примерно в это же время был построен через речку Черную (недалеко от ее устья) новый подъемный мост вместо ранее существовавшего (с 1712 г.) наплавного.¹³⁹

Все эти мосты были деревянные, подъемная часть их приводилась в движение с помощью цепей. Такими они показаны на гравюрах и рисунках, изображающих Петербург первой половины XVIII в. (рис. 15). Какой-либо попытки строить в Петербурге каменные мосты при Петре не делалось, хотя в Москве уже существовал в то время Большой каменный мост через Москву-реку, построенный еще в 1693 г.¹⁴⁰ Деревянные мосты, несомненно, можно было сделать скорее, чем каменные, и стоили они гораздо дешевле; поэтому число деревянных мостов в Петербурге быстро возрастало.

Из записи в «Дневнике» Берхгольца, относящейся к 7 августа 1721 г., видно, что в это время уже было обеспечено беспрепятственное движение почти через все реки и каналы (кроме Невы). Берхголец пишет, что город «по правую сторону реки, там, где Адмиралтейство, прорезан многими каналами, через которые наведены мосты (исключая, впрочем, канал, протекающий возле царского Летнего дворца)»,¹⁴¹ т. е. исключая Фонтанку (через которую около Летнего дворца не было еще моста). По данным Майера, на одном лишь Адмиралтейском острове в 1723 г. имелось 17 подъемных мостов,¹⁴² а всего их было, конечно, больше.

Однако через Неву при Петре не было построено ни одного моста. Повидимому, он сам являлся противником такой идеи, так как разрешить конструктивно задачу постройки большого постоянного моста в то время было невозможно, а всякий наплавной мост, несомненно, затруднял бы судоходство. Впрочем, наплавной мост через Неву все же наводился в первые годы строительства Петербурга. Он находился близ устья реки Охты и, по-видимому, обеспечивал коммуникации русских войск, действовавших на Карельском перешейке. Имеются сведения, что этот мост существовал еще в 1707 г.¹⁴³ Точной даты, когда перестали наводить наплавной мост через Неву, у нас нет.

В «Описании» Петербурга 1716—1717 гг. говорится, что один русский инженер предложил построить через Неву постоянный каменный одноарочный мост и сделал соответствующую модель, которую он и представил Петру. Царь, хорошо разбиравшийся в технических вопросах, сразу же увидел, что построить такой мост невозможно.¹⁴⁴ Несмотря на всю утопичность проекта, он все же характеризует смелость русской технической мысли, пытающейся оригинально разрешить чрезвычайно сложную задачу. Было бы интересно установить, нет ли какой-то связи между этим проектом и известным проектом деревянного одноарочного моста через Неву, составленным И. П. Кулибиным.

Вследствие отсутствия мостов, перевоз через Неву осуществлялся исключительно на лодках и мелких судах. Правительство извлекало из этого доход, перевоз сдавался на откуп. В 1710 г., по свидетельству датского дипломата, петербургские перевозки находились на откупе у одного проживавшего в городе князя, который платил за них казне в год 400 руб.¹⁴⁵

¹³⁹ С. Г. Рункевич, ук. соч., стр. 35, 61, 115.

¹⁴⁰ П. В. Сытин, ук. соч., вып. I, стр. 165.

¹⁴¹ Дневник камер-юнкера Берхгольца..., ч. I, стр. 141.

¹⁴² Атлас Майера, I, Описание, ч. I, стр. 59.

¹⁴³ Г. И. Тимченко - Рубан, ук. соч., стр. 172—173.

¹⁴⁴ Eigentliche Beschreibung..., стр. 53—54.

¹⁴⁵ Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом, стр. 230.

Перевоз сдавался на откуп и в последующие годы. Откупщики перевозили не только людей, но и продукты (как говорится в документах того времени, они «имели хлебный перевоз»). На каждое свое судно откупщики нанимали по два перевозчика, которые получали за сезон по 7 руб. и сверх того «кормовые деньги» по 6 коп. в день. За перевоз через реку взималась плата в размере 1 денга (1/2 копейки).¹⁴⁶ Доходы с перевозного откупа поступали в петербургскую Ратушу.

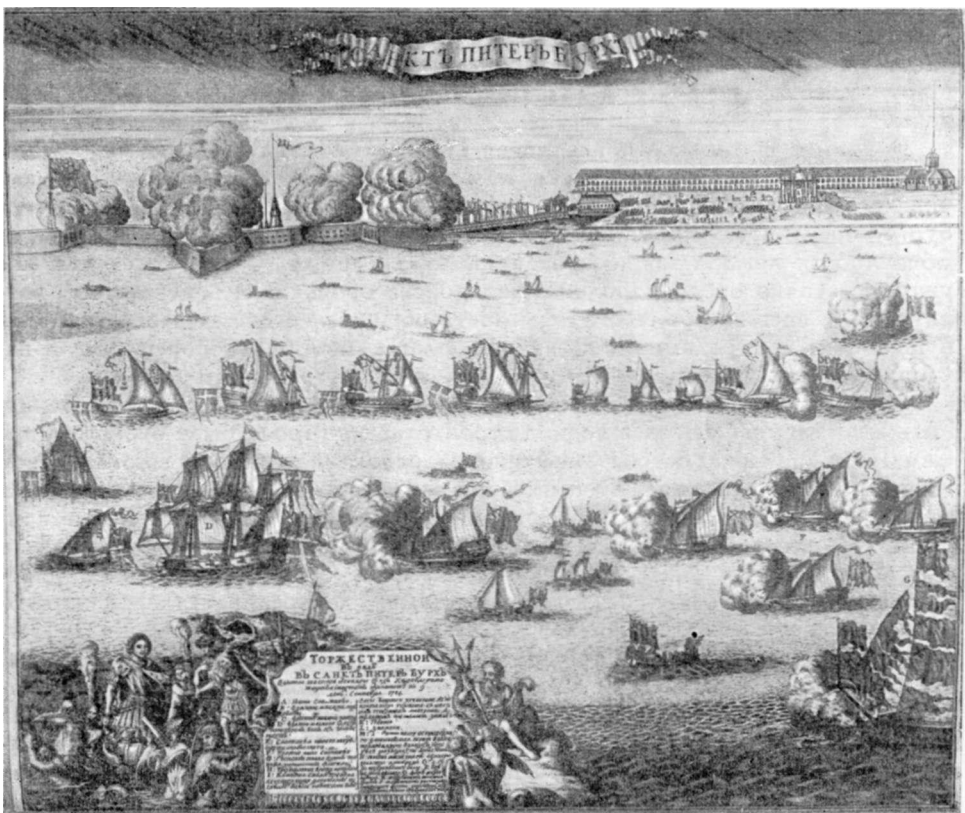

Рис. 14. Торжественный ввoд в Петербург взятых в плен шведских кораблей (сентябрь 1714 г.). Гравюра Г. де Вита по рисунку П. Пикарта. На заднем плане изображены мост через Кронверкский пролив и Гостиный двор.

В 1713 г. царским указом начальником над всеми перевозами был назначен фискал И. Потемкин, который получил приказание получить из Канцелярии городских дел 30 мелешкоутов, а от вице-губернатора Я. Н. Римского-Корсакова гребцов и организовать перевоз через Неву только на мелешкоутах.¹⁴⁷ Потемкин получил лишь 22 мелешкоута (вместо 30), и, по-видимому, из-за недостатка у него судов Ратуша продолжала давать перевоз на откуп еще 2 года.¹⁴⁸ Возможно, что перевозки Потемкина и Ратуши существовали параллельно.

¹⁴⁶ ЦГАВМФ, ф. 176, № 108, лл. 190—191.

¹⁴⁷ Мелешкоут — мелкосидящее речное судно.

¹⁴⁸ ЦГАВМФ, ф. 176, № 87, лл. 141, 179, 180.

Лишь в 1715 г. петербургский перевоз был окончательно изъят из ведения Ратуши и передан Потемкину, которому поручалось перевозить людей и продукты своими средствами, не прибегая к сдаче на откуп.¹⁴⁹ Потемкину были даны также буеры и верейки,¹⁵⁰ на которых перевозились через реку за плату по 1 коп. с человека «знатные люди». Бесплатно через реку могли переезжать только солдаты и работные люди, имевшие на руках соответствующие документы. В 1723 г. были назначены новые цены за перевоз: с одиночек стали брать по 1 гривне, при переезде группы людей (не менее трех человек) — по грошу с человека или 15 грошей в час.¹⁵¹ Потемкин снаскал себе расположение Петра и был назначен начальником вновь учрежденной в 1718 г. Партикулярной верфи. В ведение Конторы Партикулярной верфи, подчинявшейся Адмиралтейству, перешли и перевозки.

В зимнее время переправа через Неву осуществлялась по льду. Специальная команда, вооруженная лопатами, ломами и веревками, обеспечивала безопасность зимних переправ. Она не разрешала жителям Петербурга переходить на другую сторону во время ледостава и ледохода, на ее обязанности лежала также прокладка дороги по льду, после того как лед уже достаточно окреп. Проложенная дорога обозначалась деревьями, воткнутыми в снег по обе ее стороны. Петр обычно переезжал первым. Тремя пушечными выстрелами и поднятием флага Петербург оповещался о начале ледохода.¹⁵²

Следует сказать несколько слов о городских водных путях сообщения. Роль водного транспорта в период строительства города была очень велика. Сам Петр обращал особое внимание на развитие в городе водных путей сообщения. Он требовал, чтобы те, кто жил по набережным, делали перед своими домами пристани для причаливания судов. Для устройства пристани в грунт у берега забивались сваи, за которые плотно закладывались и укреплялись гвоздями и кольями фашины. Сверху устраивался деревянный помост.¹⁵³ На Васильевском острове, где предполагался центр города, положено было устраивать небольшие гавани. Указ 23 июня 1719 г. обязывал всех жителей, имевших дома на набережных этого острова, делать перед своими домами гавани (одну на два дома) по образцу той гавани, которая была устроена на Адмиралтейской стороне против дома корабельного мастера Федосия Склаева.¹⁵⁴ Богато, декоративно оформленная деревянная пристань с гаванью, устроенная против дворца Меншикова на Васильевском острове, изображена на гравюре А. Зубова 1716 г.

Требование устройства пристаней против домов на набережных не оставалось пустым звуком. Пристани действительно были сделаны. Однако большое наводнение 5 ноября 1721 г. разрушило их почти полностью. Вследствие этого указом от 16 декабря 1721 г. правительство потребовало переделать пристани на Неве (значительно подняв их уровень) на всем протяжении от Почтового до Галерного двора. За образец была принята пристань, устроенная против дома вице-адмирала К. Крюйса. По распо-

¹⁴⁹ В случае недостатка судов Потемкину было разрешено «хлебный перевоз» сдавать на откуп, но «впредь заводить свои суда» (ЦГАВМФ, ф. 176, № 108, лл. 190—191).

¹⁵⁰ Верейка — лодка; буер — легкая лодка с парусом.

¹⁵¹ ЦГАВМФ, ф. 174, № 34, л. 20.

¹⁵² Дневник жамер-юнкера Берхгольца..., ч. I, стр. 236—237; ч. III, стр. 57, 253—254.

¹⁵³ Высочайшие указы и повеления императора Петра I... Сборник РИО, т. XI, стр. 438—439; ПСЗ, т. VI, № 3799.

¹⁵⁴ ПСЗ, т. V, № 3396.

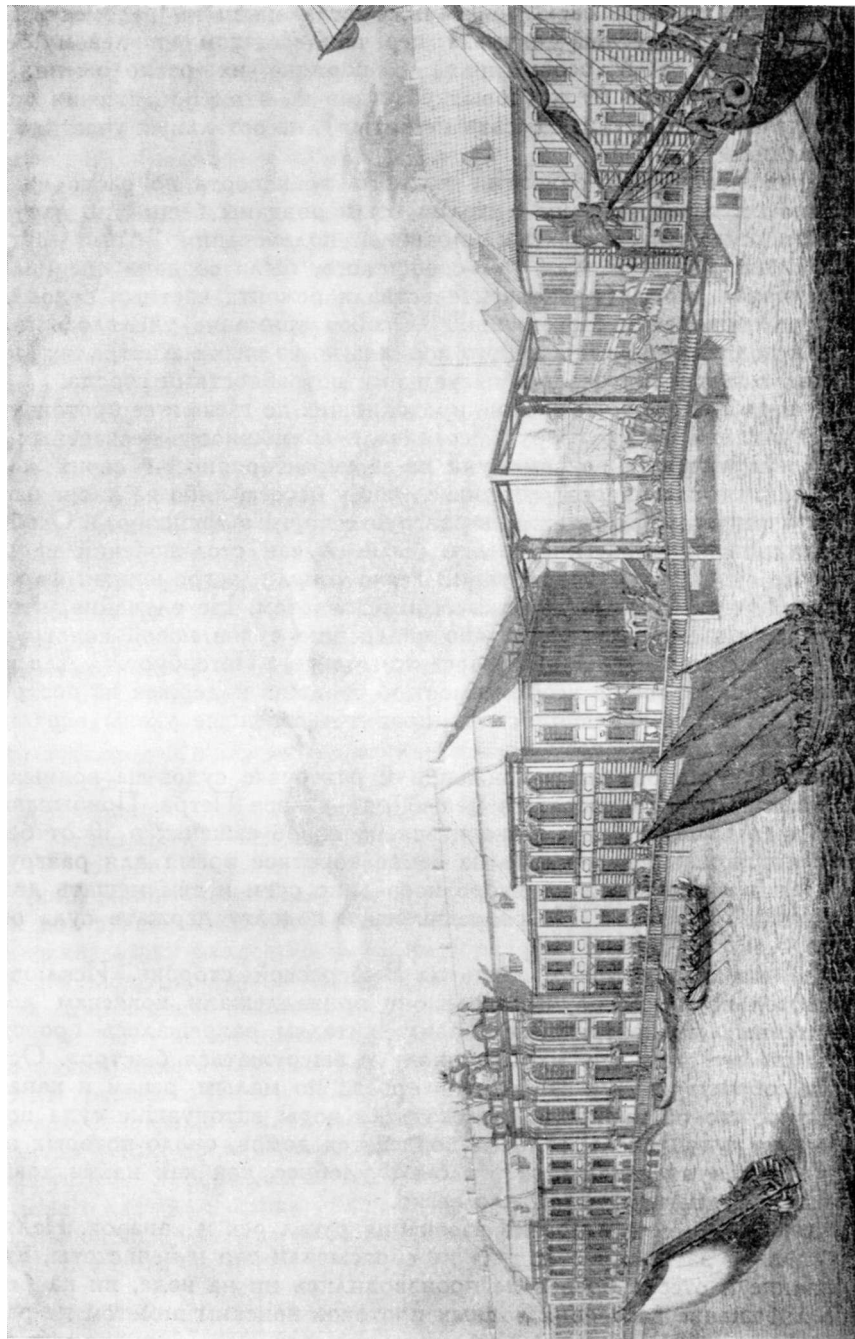

Рис. 15. Зимний дворец и подъемный мост через Зимнюю канавку. Гравюра Е. Виноградова по рисунку М. И. Махаева. Середина XVIII в.

ряжению полиции, архитектор сделал замеры, чтобы определить, кому насколько нужно поднять свою пристань. Составленная им ведомость представляет собой интересный документ: перечень всех домов по левому берегу Невы (начиная от Марсова поля) в порядке их расположения. Из перечня видно, что из 69 дворовых участков на этом протяжении только на 7 не было еще пристаней («сваи не биты»), на остальных участках пристани имелись.¹⁵⁵

В целях поощрения развития водного транспорта по распоряжению Петра многим петербургским жителям были розданы бесплатно парусные и гребные суда и установлены правила пользования этими судами. В 1718 г. на Фонтанке, как уже сообщалось, была создана специальная Партикулярная верфь (для строительства и ремонта частных судов), находившаяся в ведении Потемкина.¹⁵⁶ Особое внимание уделялось правомочием поддержанию известного порядка на водных магистралях Петербурга, так как это диктовалось насущными потребностями города.

Вереницы судов, барж, плотов, проходивших по Неве и ее протокам, задерживали движение друг друга, создавали возможность несчастных случаев. Прибывающие с грузом суда из-за нерасторопности своих хозяев часто подолгу стояли неразгруженные либо у берега, либо на якорю на середине реки, мешая передвижению и разгрузке другого транспорта. Особенно стесняли движение плоты. Нередки были случаи столкновений на воде. Неудобные суда старой конструкции легко тонули, загромождая фарватер реки и причиняя большие убытки своим хозяевам. Не случайно, что так много петровских указов посвящено внедрению судов новой конструкции и что старого типа судам запрещалось приходить в Петербург.¹⁵⁷ Для купечества это связывалось с необходимостью больших издержек на постройку новых судов, но, в конечном счете, правительственные указы ограждали именно купеческие интересы.

Установлению порядка в движении и разгрузке судов на водных магистралях Петербурга посвящен целый ряд указов Петра. Прибывающие в город суда должны были становиться на якорь саженьях в 10 от берега и подтягиваться к берегу лишь на самое короткое время для разгрузки. Запрещалось становиться на якорь посередине реки и тем мешать движению другого транспорта. Не разрешалось и подолгу держать суда около берега.

Плоты могли приставать лишь на Выборгской стороне. Исключение делалось только в том случае, если они принадлежали хозяевам домов, расположенных на набережных. Таким жителям разрешалось проводить плоты к своему дому «по малому числу и выгружаться быстро». Особое внимание обращалось на свободный проезд по малым рекам и каналам. Любопытно, что обязанность извлекать из воды затонувшие суда возлагалась не на судовладельцев, а на хозяев тех домов, около которых затонули суда. Для правительства это было удобнее, так как найти хозяина затонувшего судна не всегда было легко.

Принимались меры и против засорения русел рек и каналов. Полиция строго следила за тем, чтобы туда не сбрасывали сор и нечистоты, чтобы ошкуривание и отёска бревен не производились ни на воде, ни на берегу рек. Во избежание засорения водных протоков конским пометом не разрешалась даже езда на лошадях по берегам рек и каналов (трудно поверить, чтобы это требование выполнялось). Категорически воспрещалась свалка

¹⁵⁵ ЦГИАЛ, ф. 1329, оп. 2, № 19, лл. 145—146.

¹⁵⁶ ПСЗ, т. V, № 3193; А. И. Богданов, ук. соч., стр. 237.

¹⁵⁷ ПСЗ, т. V, №№ 3139, 3191, 3238, 3387; т. VI, №№ 3865, 3866 и др.

материалов на пристанях. За нарушение всех этих правил взыскивались штрафы. Если получалась задержка в движении судов из-за загромождения рек и каналов материалами, то взыскивался штраф: в первом случае в размере $\frac{1}{3}$ материала, во втором случае $\frac{2}{3}$ материала, а в третьем случае конфисковался весь материал.¹⁵⁸

Правительство требовало поддержания чистоты не только на водных путях, но и на городских улицах. Очистка улиц возлагалась на самих жителей города. Все домохозяева обязаны были следить, чтобы на улицах против их домов соблюдалась чистота. Царский указ требовал, чтобы жители Петербурга по утрам, поднявшись рано, «покамест люди по улице не будут ходить, или ввечеру, когда люди не будут ездить и ходить, с мостов всякий сор сметали». Сор полагалось вывозить в «указные места», т. е. в места, предназначенные для свалки. За выполнением этих правил следил «надзиратель той улицы офицер или урядник». Нарушители подвергались штрафу в размере 2 деньги за каждую сажень ширины своего дворового участка.¹⁵⁹

Однако добиться выполнения правительственных указов было трудно. Сор не вывозился в «указные места», а сваливался поблизости. Продолжалось засорение рек и каналов. Вследствие этого полиция предложила организовать специальную команду фурманов (возчиков), которые бы вывозили сор с улиц на места свалок. Это предложение было в 1723 г. принято, расход на содержание команды отнесен за счет особого налога с жителей.¹⁶⁰

Особенно большое внимание правительству приходилось обращать, как мы увидим далее, на благоустройство торговых мест. Торговые заведения и рынки появились в Петербурге в первые же годы существования города. Уже в 1707 г. в Петербурге имелись различные лавки, шалаша, в которых шла торговля хлебом и калачами, а также харчевни, цирюльни и т. д.¹⁶¹ «Торговых людей и харчевников» насчитывалось в городе в октябре 1706 г. 102 человека.¹⁶²

На нынешней площади Революции с первых лет существования Петербурга помещался Гостиный двор, сгоревший до тла во время пожара 1710 г.¹⁶³ Вместо него немного дальше от реки был построен новый Гостиный двор, значительно более благоустроенный — мазанковое здание высотой в два этажа, крытое черепицей и имевшее большой внутренний двор. Купеческие лавки размещались таким образом, что одни из них были обращены на площадь, другие на внутренний двор. Крытая наружная галерея давала возможность покупателям переходить из одной лавки в другую без опасности быть замоченными дождем. Здание Гостиного двора принадлежало казне, купцы платили деньги за аренду лавок.¹⁶⁴ Это здание показано на гравюрах 1714 и 1720 гг., изображающих торжественный ввод в Петербург взятых в плен шведских кораблей (рис. 14 и 16).

Автор «Описания» Петербурга 1716—1717 гг. сообщает еще о двух местах торговли на Городском острове (Петроградская сторона). В районе нынешнего Сытного рынка рядом с Татарской слободой находился Татарский рынок старьем. Здесь можно было достать по дешевым ценам всевозможные товары: различную одежду, седла, железо, веревку и т. д.

¹⁵⁸ ПСЗ, т. V, № 3203; т. VI, №№ 3799, 3800, 3823.

¹⁵⁹ ПСЗ, т. V, № 3226.

¹⁶⁰ ПСЗ, т. VII, № 4391.

¹⁶¹ ЦГАВМФ, ф. 176, № 16, л. 231.

¹⁶² ЦГАДА, ф. 9, отд. II, оп. 9/3, кн. 5, лл. 136—137.

¹⁶³ Описание Санктпетербурга и Кроншлота... Русская старина, т. XXXVI, стр. 41—42.

¹⁶⁴ Eigentliche Beschreibung..., стр. 37—38.

Торговля велась в двух рядах лавок, а также прямо на улице. На этой «толкучке» XVIII в. было всегда большое скопление народа. На месте нынешней Мытнинской набережной (на Петроградской стороне) находился так называемый Мытный двор — большое четырехугольное деревянное крытое дранкой здание, где можно было купить все, «что употребляется для домашнего хозяйства: горох, чечевицу, фасоль, крупу, муку, сало, деревянную посуду, горшки и тому подобные необходимые вещи». По соседству помещалась бойня.¹⁶⁵

Рис. 16. Торжественный ввод в Петербург взятых в плен шведских кораблей. Сентябрь 1720 г. Гравюра А. Ф. Зубова. 1721 г. На заднем плане изображены мост через Кронверкский пролив и Гостиный двор.

На Адмиралтейском острове было несколько рынков. Один из них — «Шневенский» — находился в конце нынешней Красной улицы, другой — «Морской» — в начале Невского проспекта (рис. 17).¹⁶⁶ Стихийно возникла торговля и вдоль больших дорог. Как видно из текста указа от 15 ноября 1718 г., очень бойкая торговля шла на Адмиралтейском острове «на мосту на перспективной дороге, которая к Ямской слободе». Здесь торговали в шалашах и вразнос («носячим товаром»), возы с сеном и

¹⁶⁵ Eigentliche Beschreibung..., стр. 39—41.

¹⁶⁶ Высочайшие указы и повеления императора Петра I... Сборник РИО, т. XI, стр. 405—406; П. Н. Петров, ук. соч., стр. 236.

дровами останавливались для продажи прямо на улице. Из-за большого скопления народа задерживалось движение и возникали «великие драки». Специальный правительственный указ потребовал прекращения торговли на дороге и переноса ее на другое место — «у Петровского кружала»¹⁶⁷ (т. е. ближе к нынешней Дворцовой площади). Правительство запрещало также торговать на улицах и в прочих «неуказных местах».¹⁶⁸

Для упорядочения торговли на Адмиралтейском острове был построен в Морской слободе Мытный двор. В указе от 21 июня 1720 г. сообщалось, что когда в этом году новый Мытный двор «совсем отделается», то всякая торговля в других местах будет запрещена. Поэтому торговцам предлагалось принять участие в торгах за аренду лавок.¹⁶⁹ В 1724 г. действительно был закрыт рынок на лугу Адмиралтейского острова, откуда торговля была перенесена в Мытный двор.¹⁷⁰

Санитарное состояние рынков оставляло желать много лучшего. Мяслики били скотину тут же в местах торговли и сваливали внутренности животных поблизости от рынка. Из-за зловония («мерзостного духа») было невозможно проехать по Мойке, на берегу которой находились мясные ряды. Правительство вынуждено было запретить мясникам бить скотину в мясных рядах, отводя для убоя скота специальное место у устья Мойки.¹⁷¹ Так возникла вторая бойня в Петербурге (первая, как уже сообщалось, находилась на Петроградской стороне). В целях обеспечения большей чистоты при продаже съестных припасов правительство требовало, чтобы торговцы вели торговлю «в белых мундирах», причем мундиры должны были делаться по определенному образцу, «как в мясном и в рыбных рядах у торговых людей».¹⁷² Едва ли это предписание много улучшило санитарное состояние тогдашних рынков.

Обращено было внимание и на внешний вид торговых палаток. Правительство требовало, чтобы торговцы «для лучшего вида» обтягивали свои палатки не рогожами, а холстом. Это указание выполнялось формально. Не желая входить в расходы по покупке холста, торговцы делали свои палатки из «многих сшитых треиц и заплат скаредных, завошалых, что человеческого зрению мерзко».¹⁷³ По приказу царя в 1722 г. была сделана образцовая, выкрашенная краской, полотняная палатка и поставлена на Адмиралтейском острове близ Петровского кружала. Всем торговцам предлагалось сделать свои палатки по этому образцу и торговать в них «в мундирах». Невыполнившим указ грозил штраф и арест.¹⁷⁴

Правительству Петра приходилось принимать меры против дороговизны съестных припасов. Дороговизна ощущалась в Петербурге особенно сильно именно в петровское время. Редкое, сильно разоренное войной и испытывавшее бедствие эпидемии чумы население отвоеванного у шведов края не могло обеспечить Петербург продуктами питания. Продовольствие и другие предметы первой необходимости подвозились в Петербург издалека, за сотни верст. О величине подвоза может дать представление табл. 12, со-

¹⁶⁷ ПСЗ, т. V, № 3236.

¹⁶⁸ ЦГИАЛ, ф. 1329, оп. 2, № 18, л. 115.

¹⁶⁹ Высочайшие указы и повеления императора Петра I... Сборник РИО, т. XI, стр. 405—406.

¹⁷⁰ ЦГИАЛ, ф. 1329, оп. 2, № 21, л. 27.

¹⁷¹ ПСЗ, т. V, № 3422; ЦГИАЛ, ф. 1329, оп. 2, № 19, л. 102.

¹⁷² ПСЗ, т. V, № 3236.

¹⁷³ Высочайшие указы и повеления императора Петра I... Сборник РИО, т. XI, стр. 458—459.

¹⁷⁴ ЦГИАЛ, ф. 1329, оп. 2, № 20, л. 3.

Таблица 12

Число возов, прибывших в Петербург в 1723 г.

	С 7 по 20 января	С 20 по 26 января	С 26 янва- ря по 2 февраля	Со 2 по 9 февраля	Итого
К дому царицы	173	183	45	54	455
К дому царицы Прасковьи Федоровны	—	236	—	—	236
К домам «разных чинов людей с при- пасы шляхства»	2067	904	1022	846	4839
«Купецких людей с товары»	1763	2276	304	825	5168
Всего	4003	3599	1371	1725	10698

ставленная на основании еженедельного полицейского учета всех прибывающих в Петербург возов.¹⁷⁵

Таким образом, за 34 дня (с 7 января по 9 февраля) в Петербург прибыло 10 698 возов, т. е. в среднем ежедневно прибывало 315 возов. В марте привоз был меньше.

Подвоз производился по скверным дорогам и по не совсем еще налаженному водным путям (Ладожский канал еще строился). Не удивительно, что петербургское население все время находилось под угрозой голода, что цены на продукты, дрова и самые необходимые предметы потребления были несоразмерно дороги. Датский посланник Юст Юль пишет в своих записках, что в 1710 г. «в Петербурге все было дорого, а съестных припасов (порою) и вовсе нельзя было достать». И далее: «Большого труда и издержек стоило мне добывать необходимое на каждый день продовольствие».¹⁷⁶ В 1716 г., по словам Вебера, в Петербурге жизнь была в 3 раза дороже, чем в Москве.¹⁷⁷

Дороговизна в Петербурге, создававшая возможность крупных народных волнений, заставляла правительство прибегать к политике установления твердых цен на все товары.¹⁷⁸ Однако эта мера не давала должных результатов, несмотря на неоднократные правительственные распоряжения. Указ 14 января 1725 г. еще раз напоминает о необходимости продажи съестных припасов в городах по умеренным ценам. Во избежание обмана населения устанавливались нормы припека для разных сортов хлебных изделий (например, из пуда ржаной муки должно получиться 1½ пуда хлеба и т. п.). Исходя из цены муки, величины припека и средней прибыли торговца (на 1 пуд хлеба — 1 алтын, на пуд саяк — 2 алтына и т. д.), Главный магистрат вместе с полицией должен был устанавливать цены на все продукты. Полиции поручалось следить, чтобы цены не завывались. Устанавливался такой порядок: до полудня торговать по твердым ценам (чтобы «обывателям можно тою покупкою, без повышения от покупщиков цен, удовольствоваться»), а после полудня по вольным.¹⁷⁹ Этот порядок соблюдался в Петербурге даже в XIX в.

¹⁷⁵ ЦГАДА, ф. 198. Письма к Меншикову, «Д», № 6, лл. 216, 229, 233, 234, 237, 245.

¹⁷⁶ Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом, стр. 204.

¹⁷⁷ Записки Вебера. Русский архив, год десятый, 1872, стр. 1384—1385.

¹⁷⁸ Петербург в 1720 году... Русская старина, т. XXV, стр. 269.

¹⁷⁹ ПСЗ, т. VII, № 4634.

Полиция наблюдала также за качеством продаваемых продуктов, правильностью весов и мер. Все торговцы обязаны были пользоваться лишь «орлёными», т. е. проверенными мерами и весами. Категорически запрещалась продажа нездорового скота и недоброкачественного мяса.¹⁸⁰ Во время падежа скота в 1713 г. по приказанию Петра была на время запрещена торговля мясом. Павшую скотину приказывалось вывозить «в дальние места» и зарывать в землю, причем строго воспрещалось снимать с павших животных шкуры. Подобного рода указы объявлялись через лейб-медика царя доктора Арескина.¹⁸¹ После страшной эпидемии чумы 1709—1710 гг. правительство постоянно было начеку в отношении возможности возникновения каких-либо эпидемий.

В связи с санитарными мероприятиями необходимо сказать несколько слов о петербургских банях. Бани на Руси устраивались чуть ли не при каждом городском и деревенском доме. Учитывая пристрастие нашего народа к баням, Петр I пытался извлечь из этого доход для казны. Каждая баня была обложена специальным денежным сбором.¹⁸² Одновременно, в целях извлечения доходов, правительство поощряло устройство торговых бань. Таких бань в Москве имелось большое количество уже в XVII в.¹⁸³

В Петербурге торговые бани появились в первые же годы существования города. Так, например, в 1707 г. по соседству с петербургской гаванью находились солдатская и торговые бани.¹⁸⁴ Из архивных дел видно, что в том же году были объявлены торги на сдачу в оброк бани, построенной на Адмиралтейском дворе. Посадский человек Лабзин предложил выплачивать за эту баню оброк в размере 41 руб. 25 коп. в год. По справке же оказалось, что за 8 месяцев (с октября 1705 по июнь 1706 г.) баня дала дохода 70 руб. 72 коп.¹⁸⁵ Торговые бани были и в других районах города. Вебер сообщает, что «за финской слободой в лесу у небольшой речки», выстроено 30 с лишним бань. Желающие мыться платят по 1 коп. и раздеваются прямо на улице.¹⁸⁶ Таким образом, тогдашние бани не имели предбанников. Берхгольц пишет, что в Петербурге почти на каждом дворе имелась своя баня и русские мылись в ней по 1—2 раза в неделю,¹⁸⁷ что было совершенно необычно для иностранцев.

Право строить свои бани имели только состоятельные люди, так как указом 2 марта 1720 г. «подлому народу» было запрещено строить бани.¹⁸⁸ По-видимому, это запрещение было вызвано тем, что частные бани подрывали доходы государственных торговых бань. Вместе с тем в городе с преимущественно деревянной застройкой они были источником постоянных пожаров.

Пожары и наводнения были теми видами стихийных бедствий, от которых петербургское население страдало особенно сильно. За 22 года — с 1703 по 1725 г. — в Петербурге было 11 больших наводнений.¹⁸⁹ Первое из них произошло 19 августа 1703 г., т. е. всего через 3 месяца послеосно-

¹⁸⁰ Доклады и приговоры..., т. III, кн. II, стр. 771—772; ПСЗ, т. V, № 3210.

¹⁸¹ ЦГАВМФ, ф. 176, № 87, лл. 248—249, 276—277.

¹⁸² ПСЗ, т. IV, №№ 2011, 2058.

¹⁸³ История Москвы, т. I, стр. 515.

¹⁸⁴ ЦГАВМФ, ф. 176, № 16, ч. I, л. 231.

¹⁸⁵ ЦГАВМФ, ф. 176, № 16, ч. I, лл. 59—61.

¹⁸⁶ Записки Вебера. Русский архив, год десятый, 1872, стр. 1091—1092.

¹⁸⁷ Дневник камер-юнкера Берхгольца..., ч. I, стр. 248.

¹⁸⁸ ПСЗ, т. VI, № 3535. «Подлые люди» — термин, применявшийся к людям податных сословий в России XVIII в.

¹⁸⁹ Наводнения были в 1703, 1705, 1706, 1707, 1710, 1715, 1716, 1721, 1723. (2 раза), 1724 гг.

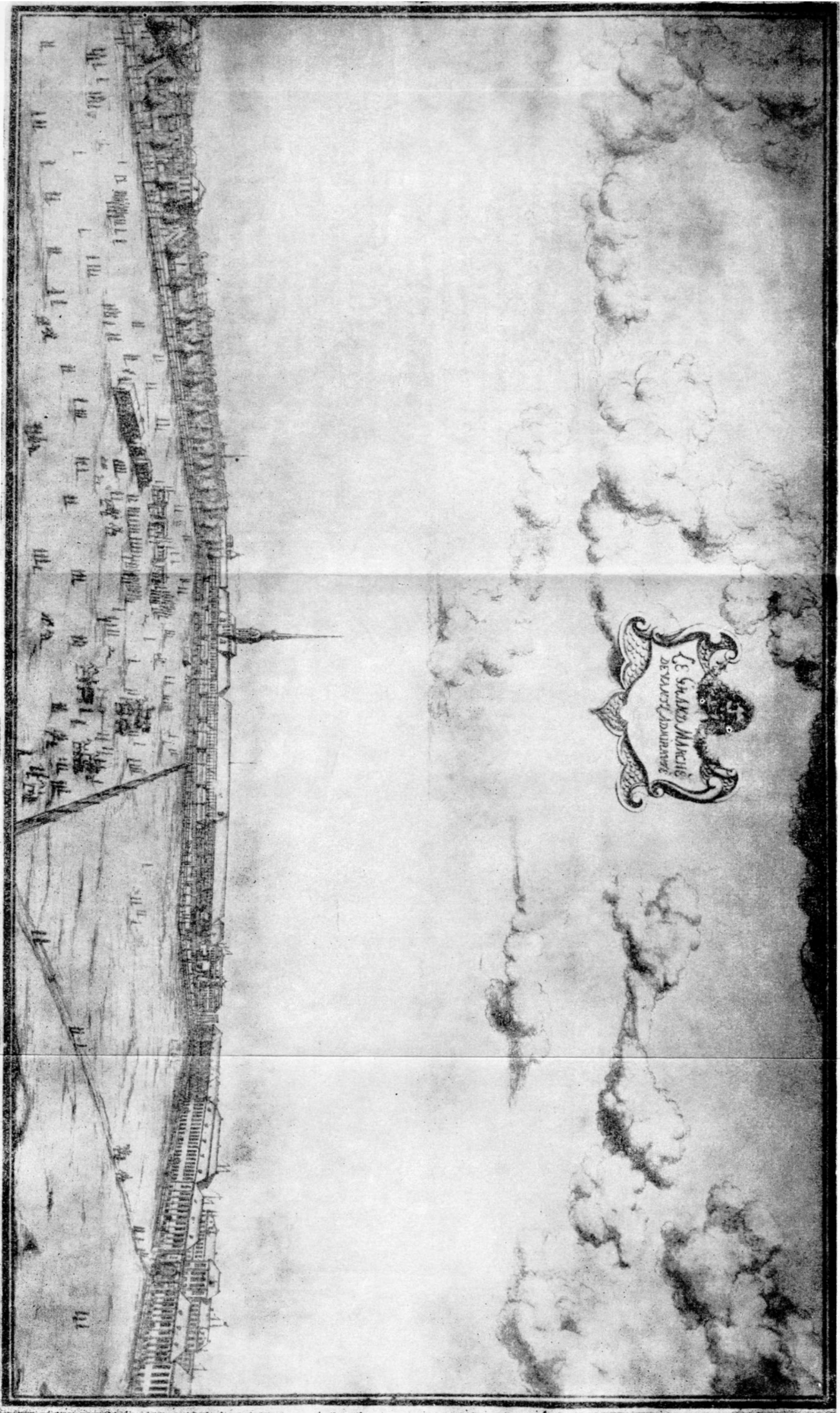

Рис. 17. Морской рынок у Адмиралтейства. Рисунок Х. Марселюса. 1725 г. Отдел рукописной и редкой книги Библиотеки АН СССР.

вания города. Поднявшаяся вода затопила лагерь русских войск, превратив его в непроходимое болото, и причинила большие убытки.¹⁹⁰

Любопытные сведения о петербургских наводнениях мы можем найти в описаниях современников. 11 сентября 1706 г. Петр написал А. Д. Меншикову о наводнении 9 сентября этого года: «... третьяго дня ветром вестсуд-вестом такую воду нагнала, какой, сказывают, не бывало. У меня в хоромах была сверх полу 21 дюйм; а по городу и на другой стороне по улице свободно ездили в лотках, однако ж недолго держалось: менши 3 часов. И зело было утешно смотреть, что люди по кровлям и по деревьям, будто во время потопа сидели, не точию мужики, но и бабы».¹⁹¹

О наводнении 21 декабря 1710 г. датский посланник Юст Юль сообщает в своих записках, что вода залила все погреба, «строевой лес и лодки подмывало (вплотную) к домам (и) носило по улицам, так что всякие (сообщения) прекратились».¹⁹² Вебер сообщает, что во время наводнения 5 ноября 1715 г., очевидцем которого он был, вода поднималась на 7 футов 4 дюйма выше ординара (2 м 24 см), снесла все мосты и деревянные набережные Невы.¹⁹³

Сильнейшее наводнение произошло 5 ноября 1721 г. Очень картинное его описание дает в своем «Дневнике» Берхгольц: «Невозможно описать, какое страшное зрелище представляло множество оторванных судов, частью пустых, частью наполненных людьми, они неслись по воде, гонимые бурей, навстречу почти минуемой гибели». Вода залила город. «На улицах, — пишет далее Берхгольц, — почти везде можно было ездить на лодках. Ветер был так силен, что срывал черепицы с крыш».¹⁹⁴

Об этом же наводнении пишет в своем донесении французский консул Лави: «В воскресенье 5/16 числа тек. мес. была у нас буря, продолжавшаяся с утра до трех часов пополудни с такой страшной силой, что продолись она еще часа два, весь город был бы окончательно разрушен. Бед она наделала неисчислимых: нет ни одного дома, который не пострадал бы более или менее». Несколькими строками ниже Лави добавляет: «Невозможно определить с точностью, как велики убытки, но несомненно, что они превышают цифру двух и даже трех миллионов рублей».¹⁹⁵

После этого наводнения, как мы уже знаем, пришлось переделать пристани в Петербурге. Архитектору Гербелю было поручено осмотреть дома в Переведенской слободе Адмиралтейской стороны и замерить высший уровень подъема воды. На будущее же время ему предлагалось следить, чтобы жители строили полы домов выше самого верхнего уровня воды, наблюдавшегося при наводнении.¹⁹⁶ Архитектор Трезини поднял вопрос о необходимости устраивать полы домов на Васильевском острове на 3 фута выше, чем намечалось до того времени.¹⁹⁷

Петр хорошо знал о наводнениях с первых же месяцев существования Петербурга. Тем не менее он со всей своей энергией продолжал строительство новой столицы на местности, подвергавшейся затоплению. По-видимому, он рассчитывал со временем оградить Петербург от опасности на-

¹⁹⁰ П. П. Каратыгин. Летопись петербургских наводнений. 1703—1879. СПб., 1889, стр. 5.

¹⁹¹ Письма и бумаги императора Петра Великого, т. IV, СПб., 1900, стр. 368—369.

¹⁹² Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом, стр. 269.

¹⁹³ П. П. Каратыгин, ук. соч., стр. 6.

¹⁹⁴ Дневник камер-юнкера Берхгольца..., ч. I, стр. 217—218.

¹⁹⁵ Донесения французского консула в Петербурге Лави и полномочного министра при русском дворе Кампредона с 1719 по 1727 г. Сборник РИО, т. XL, стр. 348—349.

¹⁹⁶ ПСЗ, т. VI, № 3853.

¹⁹⁷ ЦГАДА, ф. 198. Письма к Меншикову, «Т», № 15, лл. 5—10.

воднений путем прорытия системы каналов, подсыпки всей территории, на которой строился город, а также путем устройства предохранительного вала и плотин вокруг города. Наводнение 1721 г. поставило под сомнение эффективность всех этих средств. Оставалось только одно — требовать от жителей Петербурга, чтобы они строили полы своих домов выше уровня затопления при наводнении.

Эта мера была трудно осуществима, к тому же она не избавляла город от наводнений и всех связанных с ними жертв и убытков. В дальнейшем, начиная с упоминавшегося уже нами проекта Миниха 1727 г. (см. рис. 9), было создано много проектов устройства различных предохранительных дамб, но все это было связано с громадными затратами, а главные проекты были технически очень несовершенны, и Петербург так и не был защищен от бедствий, связанных с наводнениями.

Не меньшим бедствием, чем наводнение, были и пожары. Деревянная застройка русских городов и сел являлась причиной частых пожаров, больших и малых. Поэтому известные меры по предупреждению пожаров и борьбы с ними выработались на Руси еще задолго до Петра. В 1504 г. великий князь Иоанн III распорядился по концам улиц устраивать рогатки и при них выставлять караулы «для бережения от огня и всякого воровства». На обязанности караульных лежало поднимать тревогу в случае пожара. Для этой цели служили трещетки и особые подвешенные на веревках доски. В ближайших церквях били в набат.¹⁹⁸

В наказе московским объезжим 1667 г. говорится о мерах, предпринимавшихся правительством, для предупреждения пожаров и организации их тушения.¹⁹⁹ Жители приходили тушить пожар со своим инструментом. Кроме крючьев, топоров, вил, т. е. орудий сломки домов, употреблялись ведра, ушаты, водоливные трубы — оборудование для тушения пожаров. Таким образом, уже в XVII в. в России как-то была организована пожарная служба. Помимо самих жителей, пожар тушили также воинские части (стрельцы), приходившие с соответствующим инструментом (в том числе и с пожарными трубами), как видно из текста указа 1711 г.

После расформирования стрелецких полков в Земском приказе остался пожарный инструмент, среди которого находилось 50 новых «водоливных труб», 41 ломаная труба, парус, крючья, топоры, вилы и т. д. Кроме того, из числа стрелецкого же пожарного инструмента было роздано посадским людям 40 медных труб, 7 больших крюков, 43 средних и малых крюка и т. д.²⁰⁰ Таким образом, в Москве в 1711 г. было свыше 130 труб для тушения пожаров! В отношении своей конструкции эти трубы мало чем отличались от ручных пожарных труб XIX в. Они не имели только заборного рукава, и вода в короб наливалась ведрами.²⁰¹

В Петербурге пожары дали себя знать очень скоро. 28 июля 1710 г. произошел большой пожар на Петроградской стороне: сгорел Гостиный двор. В своем письме к адмиралу Апраксину А. Д. Меншиков писал об этом пожаре: «... вчерашнего числа после полудни в 11 часу загорелось при Санктпетербурху на рынке, и все ряды против города без остатка выгорели». Хорошо, что ветер был в сторону площади, а если бы он дул на город, «то бы не без великой было напасти, понеже и так через великую силу ворота и мост, а наипаче корабли насилу устояли, ибо ворота

¹⁹⁸ В. С. Рудницкий. Пожарное дело в С.-Петербурге. Исторический очерк. СПб., 1903, стр. 65.

¹⁹⁹ ПСЗ, т. I, № 407.

²⁰⁰ Доклады и приговоры..., т. 1, стр. 319—320.

²⁰¹ В. С. Рудницкий, ук. соч., стр. 52.

стрижды загорались и ежели б не ускорили привезть заливных труб, то не бес трудности было». Всё же торговые судна «едва не все без остатках погорели».²⁰² По сведениям Юста Юля, во время этого пожара «весь базар и суконные лавки, числом слишком 70, обращены в пепел; на площади не осталось ни одного дома, все, что только могло сгореть, сгорело».²⁰³ 17 мая 1711 г. был пожар в единственной тогда в городе частной кузнице.²⁰⁴ 5 января 1718 г. сгорело помещение Сената и военной коллегии²⁰⁵ и т. д.

Противопожарные мероприятия правительства шли в двух направлениях: предупреждение пожаров и организация их тушения. В целях предупреждения пожаров правительство устанавливало определенные требования, выполнение которых было обязательно для всех жителей. Мы уже видели, что соображения противопожарной безопасности играли очень большую роль при проведении регламентации нового строительства. Вспомним хотя бы такие правила, соблюдавшиеся при постройке новых домов, как обязательное устройство кирпичных разделок между печью и стеной дома, требование установки печей на фундаментах, а не непосредственно на полу, запрещение употребления огнеопасных кровель (соломенных, досчатых и т. д.), требование обмазки потолков домов глиной, предписание устраивать печные трубы такой ширины, чтобы сквозь них мог пролезть человек,²⁰⁶ и т. д. К мерам, преследующим цель предупреждения пожаров, следует отнести также знакомые уже нам указы по стимулированию каменного строительства.

Во всех этих мероприятиях правительство Петра, как мы уже видели, продолжало линию, намеченную его предшественниками, однако в петровском Петербурге все это проводилось в гораздо более широких масштабах и гораздо более последовательно, чем когда-либо прежде на Руси. Помимо строительных регламентов, к мерам предупреждения пожаров относились также и такие, как сломка деревянных построек, находящихся вблизи огнеопасных объектов, ограничение в летнее время числа дней топки печей и бань, требование регулярной чистки печных труб и т. д. Указом от 18 июня 1718 г. было предписано всем жителям Петербурга чистить печные трубы в своих домах 1 раз в месяц.²⁰⁷ В адмиралтейских казармах, согласно инструкции 1719 г., трубы полагалось чистить даже 2 раза в неделю и у каждой печной трубы ставить кадки с водой.²⁰⁸ В своих записках датский посланник Юст Юль с удивлением отмечает, что в России чистка печных труб считается самым обычным делом, которым никто не брезгает, как например в Дании.²⁰⁹

Таким образом, петровским правительством был установлен целый ряд правил, преследовавших цель предупреждения пожаров в Петербурге. Но одних правил было еще недостаточно. Следовало также иметь людей, которые бы следили за выполнением царских указов. Такие люди, имевшие особые полномочия, назначались специальным указом царя. В мае 1711 г. прапорщику Даниилу Струкову было предписано «в нынешнее летнее время ходить... на острове Адмиралтейской стороны» и следить, чтобы жители по ночам и в ветреные дни изб и бань не топили, в прочие

²⁰² ЦГАВМФ, ф. 1233, № 6, л. 4.

²⁰³ Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом, стр. 229.

²⁰⁴ П. Н. Петров, ук. соч., стр. 85.

²⁰⁵ ЦГАВМФ, ф. 233, № 162, л. 76.

²⁰⁶ ПСЗ, т. V, № 3192.

²⁰⁷ ПСЗ, т. V, № 3210.

²⁰⁸ ЦГАВМФ, ф. 1234, № 36, л. 227.

²⁰⁹ Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом, стр. 272.

же дни разрешалось топить лишь 2 раза в неделю — в воскресенье и в четверг. Инструкция, данная Струкову, предлагала ему опечатать все печи в солдатских банях и в избах «харчевников». Харчевникам предписывалось для изготовления своих изделий на продажу (калачей, блинов и т. д.) устроить специальные печи и горны на дворе и в огородах вдали от жилых строений. Все петербургские домохозяева должны были держать в домах кадки с водой.²¹⁰

В июле того же года, когда указом царя были назначены специальные чиновники с полицейскими функциями (по Петроградской стороне — Лединский-Мелецкий, по Адмиралтейскому острову — князь Шаховской), обязанности наблюдения за выполнением мероприятий по противопожарной безопасности были возложены на них.²¹¹ То же было и при назначении для выполнения полицейских функций по Адмиралтейскому острову в 1713 г. майора Берсенева, а в 1714 г. — поручика Андрея Быкова. Каждому из этих лиц давалась специальная инструкция о том, что они должны делать. В эти инструкции включались и пункты по обеспечению противопожарной безопасности.²¹² С момента учреждения Главной полицеймейстерской канцелярии (1718 г.) проведение всех противопожарных мероприятий в Петербурге было возложено на нее.

Обязанность тушения пожаров в Петербурге лежала на самих жителях города и войсках. По сигналу пожарной тревоги (удары в набатный колокол, барабанный бой) жители должны были спешить на пожар, принося с собой инструмент: крючья, топоры, багры, вилы, ведра.²¹³ Согласно инструкции 1716 г., каждому 100 дворам полагалось выставлять на пожар: 30 человек с топорами, 20 — с ведрами, 10 — с двумя лестницами, 10 — с вилами и крюком. Кроме того, 30 человек дежурили при своих домах. По этой же инструкции каждые 100 дворов обязаны были выставлять на ночь 5 караульщиков, дежуривших посменно.²¹⁴

Пожарная повинность была одной из тяжелых повинностей населения Петербурга. От выполнения ее не освобождалось даже духовенство. Знатные и богатые люди, разумеется, могли лично не отбывать эту повинность, посылая вместо себя на пожар и в караул своих слуг. В тушении пожаров жителям помогали войска. В 1711 г. было приказано завести в полках пожарный инструмент.²¹⁵

Постоянные опасения возникновения пожаров в Адмиралтействе и во флоте побудили Петра сделать первую попытку организации постоянной пожарной команды. Уже в 1711 г. было приказано выдать из Адмиралтейства мастеровым Ивану Кочету и Тихону Лукину по «заливной трубе» и обязать их приходить с этими трубами на пожар вместе со своими подчиненными (токарями, столярами и плотниками). Этот же указ обязывал приходить на пожар дворянина Егора Кушелева с командой плотников, кузнецов, прядильщиков и конопатчиков, причем кузнецам выдавался на каждых 5 человек 1 крюк, прядильщикам и конопатчикам, каждому, — по ведру, плотники приходили со своими топорами.²¹⁶ Таким образом, в Адмиралтействе образовалось нечто вроде пожарной команды.

²¹⁰ ЦГАВМФ, ф. 176, № 62, лл. 113—114. Указом 1719 г. топить печи в летнее время разрешалось лишь один раз в неделю, по субботам, на остальное время печи опечатывались (ПСЗ, т. V, № 3395).

²¹¹ ЦГАВМФ, ф. 176, № 67, лл. 47—56.

²¹² ЦГАВМФ, ф. 176, № 87, лл. 74—77; № 97, л. 81; № 116, л. 190.

²¹³ ПСЗ, т. V, №№ 3382, 3412.

²¹⁴ ЦГАВМФ, ф. 176, № 116, л. 190.

²¹⁵ ПСЗ, т. IV, № 2358.

²¹⁶ ЦГАВМФ, ф. 176, № 62, лл. 115—118, 157, 166—167

В 1712 г. пожарные трубы Адмиралтейства были отданы под ведение капитана адмиралтейского батальона Пугорского. В случае пожара морские батальоны приходили с этими трубами.²¹⁷ С 1713 г. сигналом пожарной тревоги для войск стал выстрел из пушки. По этому же сигналу под руководством своих старших выходили на пожар и адмиралтейские рабочие.²¹⁸

Устав Адмиралтейской коллегии 1722 г. внес дальнейшие улучшения в дело организации пожарной службы: 1/3 людей Адмиралтейства должна была ночевать не в своих домах, а на месте работ. Таким образом, была создана постоянная пожарная вахта. В случае пожара вне Адмиралтейства лишь третья часть дежурящих посылалась для тушения, остальные продолжали оставаться на месте своих работ. Во время пожара поднимались на ноги все люди Адмиралтейства²¹⁹ и приходили с положенным для них противопожарным оборудованием.

Для тушения пожаров судов Петр приказал в 1718 г. оборудовать шесть специальных плашкоутов,²²⁰ на которые были установлены пожарные трубы (брандспойты).²²¹ Про эти суда сообщает автор «Описания» Петербурга 1720 г., который пишет, что в морском канале перед Петербургом он видел «несколько судов с насосами, которые вгоняют воду в длинный кожаный рукав, длиною в несколько сажен и снабженный на конце металлическим шприцем (sikawka), из которого вода брызжет в сторону, в какую его направят».²²²

В «Описании» Петербурга 1717 г. дается очень яркая картина того, как производилось в городе тушение пожаров. «Удивительно, — пишет автор, — что хотя весь город построен из дерева и крыши домов покрыты тонкой щепой, которая легко загорается, тем не менее редко сгорает больше двух домов, как бы плотно они ни стояли друг к другу, ибо [для предохранения] от огня принимаются такие хорошие меры предосторожности, что можно не опасаться больших убытков. Эти меры предосторожности следующие: во-первых, на башнях днем и ночью выставляется стража, которая, как скоро [она] увидит пожар, ударяет на особый манер в колокол, этому звону вторят на других колокольнях и тотчас же во всем городе поднимается пожарная тревога.

«Как только это случится, [уже] видно как со всех сторон спешат [к месту пожара] несколько сот и даже тысяч плотников (это русские Zimmer-Pursche, которыми город наполнен во всех своих частях) с топорами в руках. [Они бегут так быстро] точно у них головы горят, ибо они, так же как и солдаты, суровыми наказаниями приучены быть под рукой мгновенно. Однако его царское величество, когда он находится в городе, бывает обычно на пожаре первым, или князь Меншиков, или комендант крепости, или некоторые другие генералы и старшие офицеры.

«И так как в этих случаях важнее хороший комендант, чем 100 рабочих, то происходит так, что ближайшие дома по обе стороны уже горящего дома организованно ломаются, и так как тем временем к [тушению] присоединяются также большие пожарные трубы, то с необычайной быстротой не только справляются с огнем, но и уже горящие здания частенько спасаются наполовину. Его царское величество бывает, обычно, среди ра-

²¹⁷ ЦГАВМФ, ф. 1233, № 250, л. 378.

²¹⁸ ЦГАВМФ, ф. 176, № 87, лл. 24, 26.

²¹⁹ ПСЗ, т. VI, № 3937, гл. XII, XIII (стр. 570, 571).

²²⁰ Плашкоут — грузовое мелкосидящее судно.

²²¹ ЦГАВМФ, ф. 1233, № 175, л. 13; ф. 1234, № 34, л. 73.

²²² Петербург в 1720 году... Русская старина, т. XXV, стр. 276.

бочих и там, где [имеется] наибольшая необходимость, он вскарабкивается с топором в руке на дома, наполовину обгоревшие, и действует сам, от чего присутствующие приходят в ужас».²²³

Об отличной работе пожарной команды в Петербурге, «какой трудно где-либо найти в другом месте в свете», пишет и Вебер.²²⁴

Несмотря на такие благоприятные отзывы современников об организации тушения пожаров в петровском Петербурге, все же с этим вопросом дело обстояло не очень-то благополучно. Если на Адмиралтейском острове было уже нечто вроде постоянной пожарной команды, имелись пожарные трубы и другое противопожарное оборудование, то в остальных частях города было гораздо хуже: там не было ни пожарной команды, ни труб. 18 марта 1721 г. генерал-полицеймейстер Дивьер обратился в Сенат с «доношением» о некотором упорядочении пожарного дела в столице.

Дивьер писал, что имеющиеся в Адмиралтействе «пожарные заливные трубы медные с рукавами» не в состоянии быстро подвозиться на другие острова в случае возникновения там пожара; поэтому на каждом острове следует иметь по одной такой трубе, а всего 4, которые будут выписаны из Голландии (по 400 руб. за штуку, а всего 1600 руб.). Для наблюдения же за регулярной чисткой печных труб необходимо учредить должность мастера с подмастерьем. Сенат утвердил предложение.²²⁵ Трубы были, по-видимому, приобретены, и для хранения их Дивьер завел в нескольких пунктах города караульни.²²⁶ Поставленный Дивьером вопрос о специальной команде для чистки труб в печах не встретил поддержки в Сенате. Были утверждены только при полиции должности трубочистного мастера с подмастерьем (с оплатой их за счет жителей),²²⁷ а чистить трубы продолжали сами жители.

Пожар 20 июня 1723 г. на Васильевском острове показал, что в этом районе очень неблагополучно с водоемами. Во время тушения пожара воду приходилось подвозить издалека, вследствие чего огонь наделал много убытков. Петр распорядился выкопать силами жителей на Васильевском острове пруды на тех местах, где предполагалось проводить в будущем каналы. В этом же указе предписывалось устроить в разных частях города склады пожарного инструмента: парусов, труб, крюков, вил и т. д.²²⁸

В целях предотвращения пожаров, как мы видели, уже в 1716 г. было положено, чтобы население выставляло караулы (по 5 человек в сутки от каждых 100 дворов).²²⁹ После учреждения полиции ночные караулы попали в ее ведение и стали использоваться также для поддержания порядка ночью. По распоряжению правительства в концах улиц были устроены шлагбаумы, которые опускались в 11-м часу вечера и поднимались лишь утром, после того как пробьют утреннюю зорю в гарнизоне. На все это время движение по улицам прекращалось. Ночные караульщики никого не пропускали. Исключение делалось лишь для знатных персон, докторов, повивальных бабок (акушеров), духовенства и команд солдат, но и они могли проходить ночью только имея при себе фонари.

²²³ *Eigentliche Beschreibung...*, стр. 35—37.

²²⁴ Записки Вебера. Русский архив, год десятый, 1872, стр. 1621.

²²⁵ ПСЗ, т. VI, № 3777.

²²⁶ В. С. Рудницкий, ук. соч., стр. 7.

²²⁷ ПСЗ, т. VI, № 3777.

²²⁸ ПСЗ, т. VII, № 4275.

²²⁹ ЦГАВМФ, ф. 176, № 116, л. 190.

Ежедневно в городе в 1721 г. выставлялось 1200 караульщиков. Организацией караулов, составлением списков дежурств ведали выборные из жителей — сотские, пятидесятские, десятские. Караульная повинность, так же как и выполнение связанных с ней выборных должностей, была тяжелой повинностью населения, так как дежурить приходилось часто, наем же вместо себя человека стоил 10—15 коп. в сутки. В 1721 г. Дивьер предложил заменить караульную повинность денежным сбором с населения, чтобы на полученные от сбора суммы нанять постоянных караульщиков, однако это предложение не встретило поддержки Сената.²³⁰

Другой повинностью, еще более обременительной для населения, была постоянная. В Петербурге было постоянно расквартировано большое число воинских частей. За отсутствием казарм, квартиры всем военнослужащим отводились в домах у жителей города или, как тогда говорилось, войска ставились к жителям на постой. Кроме того, полагалось предоставлять помещение и некоторым категориям гражданского населения, не имевшим собственных домов в Петербурге: служащим иностранных миссий, низшим придворным служащим, учащимся государственных учебных заведений, лицам, прибывшим в Петербург на время по делам службы, и т. д.

Число людей, которым полагалось отводить квартиры, было очень велико. Достаточно сказать, что в 1724—1727 гг. только военнослужащих сухопутных частей в Петербурге значилось свыше 12 000 человек.²³¹ Вследствие этого на каждый дом в Петербурге приходилось по несколько добавочных постояльцев, а так как в большинстве случаев дома в городе были очень невелики по своим размерам, то воинский постой вызывал большое стеснение жителей Петербурга и был источником постоянных недоразумений.

Распределением постоя ведала полиция. Согласно инструкции Петра, от воинского постоя не освобождался никто. «Солдат ставить всем на дворы по пропорции, какого б кто рангу ни был», — собственноручно написал Петр в конце инструкции, выданной Дивьеру.²³² Однако правительство часто не выдерживало им же установленного правила, давая освобождение от постоя некоторым категориям населения. Так, например, 1 апреля 1722 г. распоряжением императрицы было освобождено от постоя 123 человека из числа низших придворных служащих,²³³ в 1724 г. такое же освобождение получили представители духовенства.²³⁴

После окончания войны со шведами Петр пришел к мысли о необходимости постройки в Петербурге постоянных казарм для войск. Он думал провести это мероприятие за счет жителей, заинтересовав их возможностью освобождения от постоя войск. Указ Петра от 2 октября 1723 г. предлагал записаться тем петербургским жителям, кто может дать сколько-нибудь денег на постройку казарм для освобождения от несения постоянной повинности.²³⁵ Казармы для гвардейских полков намечалось строить в Московской части города. Кое-какие меры в этом направлении были проведены, однако в связи со смертью Петра постройка воинских казарм в Петербурге оттянулась еще на полтора десятка лет.

²³⁰ ПСЗ, т. V, № 3412; т. VI, №№ 3494, 3676, 3777.

²³¹ И. К. Кирилов, ук. соч., кн. I, стр. 11—13.

²³² ПСЗ, т. V, № 3203.

²³³ ЦГИАЛ, ф. 1329, оп. 2, № 20, лл. 4—7.

²³⁴ ПСЗ, т. VII, № 4571.

²³⁵ ЦГИАЛ, ф. 1329, оп. 2, № 20, л. 40.

Если правительство так не торопилось с постройкой казарм для размещения войск, продолжая ставить солдат на постой в дома петербургских жителей, то в отношении строительства постоянных домов, приносящих доход казне, оно оказалось гораздо более активным. Казенные постоянные дворы появились в Петербурге в первое же десятилетие существования города.

Еще раньше стали возникать частные постоянные дворы. В 1708 г. Меншиков докладывал царю, что в Петербурге солдаты разных полков построили дома и отдают их из найма. Меншиков спрашивал у Петра разрешения на постройку казенных постоянных дворов.²³⁶ Вскоре возникли и казенные постоянные дворы. Такой двор, названный в подворной описи Петербургской стороны 1713 г. «фатерной избой», находился на Городском острове при входе в Посадскую улицу, против тогдашнего Гостиного двора.²³⁷ Автор «Описания» Петербурга 1720 г. пишет, что в Петербурге есть «здания, где останавливаются гости, а для их удобства и трактиры».²³⁸

В 1723 г. по распоряжению правительства были построены казенные, постоянные дворы: на Городском острове у Гагаринской пристани (т. е. на нынешней Петровской набережной) и на противоположной стороне Невы в Литейной части. По сведению Богданова, это были деревянные «светлицы» на сваях, «архитектурою преизрядною украшены... то есть: убиты тесом с карнизами и пилястрами и прочее убранство, а притом и выкрашены».²³⁹ В связи с постройкой этих постоянных дворов правительство нашло возможным запретить петербургским жителям устраивать в своих домах постоянные дворы.

Подводя итоги всему сказанному о городском хозяйстве Петербурга, следует прежде всего констатировать, что в отношении своего благоустройства Петербург далеко ушел вперед от других русских городов: каменные мостовые, уличное освещение, благоустроенные набережные, многочисленные подъемные мосты, прямые озелененные улицы, широкая сеть каналов — все это придавало Петербургу черты нового образцового города, по которому должны были равняться другие русские города.

Эта новизна не была, однако, результатом простого перенесения на русскую почву западноевропейских образцов, напротив того, как мы уже видели на ряде примеров, она была органически связана со всей предшествующей историей русских городов, являлась как бы ее логическим развитием.

Многие отрасли городского хозяйства, достигшие в Петербурге такого большого развития, в той или иной степени (иногда лишь в зародыше) существовали в городах России. Правда, кое-что было заимствовано Петром за границей: уличное освещение, каменные мостовые. Однако это являлось не правилом, а скорее исключением из общего правила.

Несомненно, что городское хозяйство петровского Петербурга явилось новой страницей в развитии городского хозяйства русских городов и что поставленные правительством задачи носили прогрессивный характер. Однако методы, которыми осуществлялись эти задачи, были далеко не новы. Все городское хозяйство столицы было основано на принудительном

²³⁶ ПСЗ, т. IV, № 2194.

²³⁷ П. Н. Петров, ук. соч., стр. 99.

²³⁸ Петербург в 1720 году... Русская старина, т. XXV, стр. 268.

²³⁹ А. И. Богданов, ук. соч., стр. 140—141; ЦГАДА, ф. 198. Письма к Меншикову. «Т», № 15 лл. 21—22, 24—27.

труде, на использовании натуральной трудовой повинности. Жители Петербурга, как мы уже видели, должны были сами мостить улицы, строить набережные, тушить пожары, нести караулы и т. д. Каждое новое начинание правительства по городскому благоустройству означало и новые повинности для населения.

В методах, которыми проводились мероприятия по городскому хозяйству Петербурга, как нельзя более ярко проявился крепостнический характер государства.

Глава VII

ГОРОДСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ И ГОРОДСКИЕ ФИНАНСЫ

Быстрое увеличение численности населения Петербурга и развитие его городского хозяйства со всей остротой поставили на очередь разрешение вопроса об управлении новой столицей Российской империи. Мало было построить город, заселить его, благоустроить, нужно было также и создать какие-то органы управления, которые бы держали в руках население, следили бы за аккуратным выполнением городских повинностей и уплатой сборов, которые бы вместе с тем ведали всем хозяйством столицы и наблюдали за неуклонным выполнением жителями многочисленных царских указов по застройке и благоустройству Петербурга.

Петровская эпоха, как известно, была временем упрочения самодержавной монархии в России. В интересах господствующего класса дворянства и нарождающегося купечества проводилась реформа административного управления, имевшая целью укрепление правительственного аппарата в центре и на местах. Вместо давно устаревшей путанной системы многочисленных приказов вводились коллегии, функции которых были четко разграничены; вместо неудобных для управления мелких административных единиц — уездов, создавались более крупные — губернии и провинции. Коллегиальный характер новых органов центрального управления ни в коей мере не препятствовал последовательному проведению принципов абсолютизма во всей практической деятельности правительства, потому что все высшие чиновники, в том числе и члены коллегий, назначались в полном соответствии с волей монарха.

«Его величество есть самовластный монарх, который никому на свете о своих делах ответа дать не должен»,¹ написано в петровском «Воинском уставе». В управлении страной Петр I последовательно проводил принцип централизованного бюрократического руководства. До конца жизни он твердо верил во всеислие царского указа, во всеислие регламента. Ему казалось, что достаточно было лишь создать хорошие законы и неуклонно проводить их, и тогда жизнь можно повернуть так, как этого желает правительство.

Будучи крупным государственным деятелем, Петр обычно правильно намечал и разрешал задачи, стоявшие перед Русским государством, перед господствующим классом страны, однако это было не всегда. И в подобных случаях вера во всеислие регламента и огромные возможности произвола, характерные для абсолютных монархий XVIII в., приводили к ра-

¹ ПСЗ т. V, № 3006. стр. 325.

страте больших средств для достижения надуманной цели, а в конце концов получался провал.

Таким образом, в вопросах управления Петр выступает перед нами как убежденный абсолютный монарх, никогда не сомневавшийся в своем исключительном праве на руководство страной, на решение вопросов о жизни и имуществе своих подданных. Не удивительно, что в 1720 г. он отдал под суд одного офицера, дерзнувшего заявить, что царь не имеет права издавать законы без согласия Московского земского собора.² Считая себя слугой отечества, Петр претендовал на исключительное право монарха в решении вопроса, как надо служить отечеству.

Исходя из всего этого, естественно, следует ожидать, что для управления городом Петр должен был создать бюрократическое учреждение, всецело подчиненное центральным органам власти, но построенное, как и все другие правительственные учреждения, на коллегиальных началах. Именно таким органом и явилась, как мы увидим далее, Главная полициймейстерская канцелярия. Однако внутренней политике правительства была присуща еще одна тенденция, связанная с тем, что петровская монархия, защищая прежде всего интересы дворянства, вынуждена была в какой-то степени считаться и с интересами купечества. А для того, чтобы улучшить положение купечества, чтобы поднять его значение, необходимо было оградить его от произвола дворянской администрации, т. е. предоставить торгово-промышленному населению страны какие-то, хотя бы и минимальные, возможности «самоуправления». Именно в этих целях еще в 1699 г. была создана Ратуша в Москве и «земские избы» на местах.³

Стремление к созданию выборных органов городского самоуправления (хотя и подчиненных определенному центральному учреждению в лице московской Ратуши, а позднее Главного магистрата в Петербурге) в какой-то степени противоречило принципу централизованного бюрократического управления страной. Это противоречие не могло не проявиться при решении вопроса об органах городского управления Петербурга. Петру так и не удалось разрешить его юридически, практически же он отдавал явное предпочтение принципу централизованного бюрократического руководства.

Почти с первых же лет существования Петербурга в нем были два рода органов городского управления: с одной стороны, выборные купеческие, с другой стороны, бюрократические учреждения, всецело подчиненные центральному правительственному аппарату. Органом купечества была петербургская Ратуша. Как видно из текста указа 1710 г. об учреждении Ратуши, во главе ее был поставлен инспектором Степан Леонтьев, которому вменялось в обязанность «ведать ратушские всякие зборы, и таможду, и кружечные дворы в Санктпетербурхе, и в Шлиссельбурхе, и в Кроншлоте и во всех местах смотрением и зборов примножением и расправою санктпетербургских посадских жителей и приезжих купецких людей обережением и судом в торговых делах по настоящему и по таможенному праву».⁴

В другом указе этого же года объявлялось, что все «купецкие», «мастеровые» и «промышленные» люди по приезде в Петербург должны были регистрироваться в Ратуше и брать там «явочные письма», без чего нельзя

² Донесения французского консула в Петербурге де Лави и полномочного министра при русском дворе Кампредона с 1719 по 1722 г. Сборник РИО, т. XL, стр. 83—84.

³ Учреждением Ратуши преследовалась и другая цель — обеспечить исправное поступление налогов, а также создать центральную государственную кассу.

⁴ ЛОИИ, ф. 83, картон 13, № 143, л. 36.

было ни стать на квартиру, ни наниматься на работу. Всем этим категориям людей петербургская Ратуша выдавала «проезжие» и «пропускные письма» на случай их выезда из Петербурга. Лиц, не имевших таких «пропускных писем», задерживали на заставах, возвращали в Петербург и наказывали.⁵

Таким образом, петербургская Ратуша ведала торгово-промышленным населением Петербурга. Ей не подчинялись лишь работные люди, прибывшие в Петербург в порядке отбывания трудовой повинности, а также мастеровые, переселенные в Петербург «на вечное житье» и находившиеся в полном распоряжении своих ведомств (Канцелярии городских дел, Адмиралтейства и т. д.).

Учреждениям, которые вели свои работы силами вольнонаемных людей, приходилось иметь дело с петербургской Ратушей. Так, в 1712 г. для работ по постройке в Петербурге «Пушечного литейного двора» было приказано «к тому строению принадлежащие лесные и всякие припасы покупать и плотников и работников сколько надлежит наймовать из Санктпетербургской ратуши, каменщиков и каменные припасы брать ис Канцелярии городских дел». Фраза о покупке «лесных припасов» в Ратуше не совсем ясна. По-видимому, петербургской Ратуше была поручена заготовка лесоматериалов для строительных работ (подрядом).

Ратуша обладала судебными функциями по отношению к петербургскому купечеству и всему торгово-промышленному населению города, взимала с жителей ряд государственных налогов и сборов, а также распределяла налоги и повинности между представителями торгово-промышленного населения. Петербургская Ратуша занималась и вопросами торговли: контролировала правильность мер и весов, доброкачественность продуктов, устанавливала совместно с полицией величину цен на съестные припасы⁷ и т. д. В 1719 г. на ратушского инспектора Семена Панкратьева был наложен штраф за то, что купецкие люди применяли «неорлённые» (т. е. непроверенные) меры и весы.

В ведении петербургской Ратуши, как мы уже видели, до 1715 г. находились городские перевозки, которые она сдавала на откуп.⁸ Кроме этого, Ратуша заведовала в черте города всеми водами и сдавала на откуп рыбные ловли в этих водах.⁹ Ратушскими инспекторами в Петербурге были: в 1711—1714 гг. — Гурьев, в 1718—1719 гг. — Панкратьев.¹⁰

Из всего сказанного видно, что компетенция петербургской Ратуши в отношении городского хозяйства была очень ограниченной. В ее ведении находились лишь городские перевозки (и то только до 1715 г.), торговые заведения, реки. Что же касается административных прав Ратуши, то они распространялись лишь на купечество и посадских людей, составлявших вместе небольшой процент тогдашнего населения Петербурга, так как количество посадского населения в новой столице, даже по второй ревизии (т. е. в середине XVIII в.), не превышало 3500 человек,¹¹ а в первой чет-

⁵ ЦГАВМФ, ф. 176, № 50, ч. II, лл. 418—419.

⁶ ЦГАВМФ, ф. 1233, № 33, л. 147.

⁷ ЦГАДА, ф. 198. Письма к Меншикову, «Д», № 6, лл. 10—12.

⁸ ЦГАВМФ, ф. 174, № 34, лл. 20, 107—109.

⁹ Описание архива Александро-Невской лавры..., т. I, стр. 162—163.

¹⁰ ЦГАВМФ, ф. 1233, № 33, л. 147; Доклады и приговоры..., т. IV, кн. I, стр. 482—483; ЦГИАЛ, ф. 1329, оп. 2, № 15, л. 89; ЦГАДА, ф. 198. Письма к Меншикову, «Д», № 6, лл. 10—12.

¹¹ А. А. Кизиветтер. Посадская община в России XVIII ст. М., 1903. стр. 103.

верти XVIII в. оно было, конечно, еще меньше. Число купцов в петровском Петербурге исчислялось лишь сотнями человек.¹² Дворянство, духовенство, мастеровые и работные люди, находившиеся в распоряжении ведомств, военнослужащие, крепостные крестьяне не были подведомственны петербургской Ратуше.

Несравненно большее значение в управлении Петербургом имела бюрократическая администрация. Из ее представителей первое место принадлежало петербургскому генерал-губернатору князю А. Д. Меншикову, который разрешал все вопросы, связанные со строительством, городским хозяйством и управлением Петербурга. Через него передавались и указы Петра, касающиеся Петербурга. Однако Меншиков, занятый другими крупными делами, не мог уделять Петербургу достаточного внимания. Все вопросы, касающиеся строительства, городского хозяйства и управления Петербурга, Меншиков осуществлял через посредство подведомственных ему учреждений. Так, например, строительством Петербурга ведала Канцелярия городских дел. После учреждения губерний была создана Петербургская губернская канцелярия во главе с вице-губернатором Я. Н. Римским-Корсаковым, для которой построено специальное здание на Большой Никольской улице Городского острова.¹³

Губернская канцелярия ведала главным образом делами Петербургской губернии и гораздо меньше занималась самим Петербургом. В нашем распоряжении имеются лишь довольно скудные сведения о деятельности этой канцелярии в области городского хозяйства и городского управления Петербурга. Так, имеются отдельные известия, что в 1712 г. Римскому-Корсакову была поручена достройка Литейного пушечного двора,¹⁴ что в том же году он наблюдал за выполнением указов по регламентации городского строительства (чтобы «при Санктпетербурхе никакова хоромного деревянного строения и солдатских казарм и анбаров сего числа никому не строить, а делать мазанки», чтобы «кровли крыть черепицею и дерном»). Римскому-Корсакову предлагалось для всеобщего сведения «прибить о том листы», т. е. повесить объявления.¹⁵

По указу 1711 г. без разрешения Губернской канцелярии жителям Петербурга не разрешалось ни продавать, ни закладывать свои дома.¹⁶ В том же году петербургской Губернской канцелярией была составлена инструкция («пункты») по работе стольника Лединского-Мелецкого, которому царским указом поручалось следить за поддержанием порядка и противопожарной безопасностью в Петербурге.¹⁷ В 1714 г. петербургским жителям было объявлено, что они не имеют права держать у себя в домах пришлых людей (плотников, каменщиков и других мастеровых), не записав их в петербургской Губернской канцелярии.¹⁸

Все эти отрывочные сведения говорят о том, что компетенция Губернской канцелярии в какой-то степени распространялась и на Петербург, однако так обстояло дело лишь до создания Главной полициеймейстерской канцелярии. После учреждения должности генерал-полициеймейстера (1718 г.) петербургская Губернская канцелярия совершенно уже не занималась городскими делами, и функции органа местного управления в Пе-

¹² В 1725 г. число более значительных купцов в Петербурге равнялось лишь 162 (А. Г. Тимофеев. История С.-Петербургской биржи. СПб., 1903, стр. 25).

¹³ Это здание сгорело в 1720 г. (А. И. Богданов, ук. соч., стр. 86).

¹⁴ ЦГАВМФ, ф. 1233, № 33, лл. 144—147.

¹⁵ ЦГАВМФ, ф. 1233, № 250, лл. 184а, 186, 347.

¹⁶ ЦГАВМФ, ф. 176, № 62, лл. 1—2.

¹⁷ ЦГАВМФ, ф. 176, № 67, лл. 47—48.

¹⁸ ПСЗ, т. V, № 2862.

тербурге в значительной степени перешли к Полицеймейстерской канцелярии.

Еще меньше сведений о деятельности петербургского воеводы. В тексте указа от 9 февраля 1720 г. говорится о «бывшем санктпетербургском воеводе Иване Феофилачеве», который был жестоко наказан за то, что не вел борьбы с самовольной порубкой деревьев в рощах «при Санктпетербурге».¹⁹ Таким образом, должность петербургского воеводы существовала; она была уничтожена, по сведениям Н. Головина, в 1718 г.²⁰ В какой мере занимался воевода делами города, остается неясным.

Общепринятой датой учреждения в Петербурге полиции считается обычно 1718 год, когда была создана должность генерал-полицеймейстера, но фактически она возникла значительно раньше.²¹ Постоянная опасность возникновения в Петербурге пожаров заставляла правительство назначать специальных лиц, которые бы следили за выполнением царских указов по противопожарной безопасности. Этим лицам стало поручаться и поддержание в городе порядка, а также борьба с подозрительными для правительства элементами населения.

Как мы уже знаем, в мае 1711 г. наблюдение за проведением противопожарных мероприятий по Адмиралтейскому острову было поручено прапорщику Даниилу Струкову. Эта мера показалась правительству недостаточной, так как уже через 2 месяца, в июле того же года, царским указом были назначены специальные лица для выполнения полицейских функций: по городу — стольник Лединский-Мелецкий, а отдельно по Адмиралтейскому острову — стольник князь Шаховской. В инструкции, данной Лединскому-Мелецкому и Шаховскому, перечислялись их обязанности. Помимо надзора за выполнением жителями противопожарных мероприятий, Лединский-Мелецкий и Шаховской должны были также следить и за порядком в городе: прекращать драки, пресекать нищенство и т. д. Им давалось право и наказания ослушников указов: ломать кровли и печи домов, сделанных «не по указу».²²

Обращает на себя внимание одна деталь: полицейский надзор за городом был поручен не одному, а двум лицам. Назначив таким надзирателем стольника Лединского-Мелецкого, правительство тотчас же предложило адмиралу Апраксину поручить выполнение подобных же обязанностей на Адмиралтейском острове кому-нибудь из своих людей, что он и сделал, назначив Шаховского. Лединский и Шаховской получили одинаковые инструкции, однако инструкция Лединскому была подписана Меншиковым, а инструкция Шаховскому — Апраксиным. Все это заставляет предположить, что Шаховской и Лединский действовали независимо друг от друга (не случайно они были в одинаковых званиях) и что управление Адмиралтейским островом находилось в ведении Апраксина, который действовал независимо от Меншикова. В это время городская застройка была сосредоточена лишь на двух больших островах: Городском и Адмиралтейском. Первый, таким образом, был городом Меншикова, второй — Апраксина. В других частях Петербурга практически застройки еще не было.

В 1713 г. чиновником с полицейскими функциями на Адмиралтейском острове был майор Еремей Берсенеv. Берсенеvу, так же как и Шаховскому,

¹⁹ ПСЗ, т. VI, № 3509.

²⁰ Н. Головин. Петербург в петровское время, стр. 32.

²¹ В Москве полицейские функции еще в XVI в. выполнял «Земский двор» или Земский приказ (История Москвы, т. I, стр. 242).

²² ЦГАВМФ, ф. 176, № 67, лл. 47—51, 53—58.

была дана инструкция или «пункты», большая часть которых относилась к мероприятиям по обеспечению противопожарной безопасности. Однако функции Берсенева уже шире: в обязанности его входило не только наблюдение за выполнением жителями правил по противопожарной безопасности и поддержанием в городе порядка, но и обеспечение надлежащей чистоты на набережных, в реках и каналах Петербурга, а также борьба с незаконной торговлей табаком и пивом. В помощь Берсеневу был дан урядник с 10 солдатами. Таким образом, здесь мы имеем налицо уже настоящую полицейскую команду. Подчинялся Берсенев не Губернской канцелярии, а Адмиралтейской.²³

В 1714 г. мы видим на Адмиралтейском острове опять новое лицо, выполняющее полицейские функции, — поручика Андрея Быкова, который действовал там и в 1716 г.²⁴ Как видно из инструкции, данной Быкову в 1716 г., функции его, по сравнению с Берсеньевым, еще более расширены: он организует ночные караулы и тушение пожаров, выявляет подозрительных правительству людей, наблюдает за чистотой в городе, борется с торговлей запрещенными товарами и т. д. Караульщики являются теперь уже своеобразной организованной командой: на каждые 10 дворов назначается из жителей один ефрейтор, на 50 дворов — капрал, на 100 — сержант. О всех происшествиях ефрейторы рапортуют капралам, капралы — сержантам, сержанты — самому Быкову.²⁵

Почти одновременно с Быковым 16 апреля 1714 г. «надсмотрщиком» при постройке в С.-Петербурге деревянных строений и мазанок был назначен поручик Федор Ефремов с шестью солдатами. Ефремову, наряду с другими обязанностями, поручалось также следить за правильным устройством печей и кровель домов, за тем, чтобы жители соблюдали чистоту и мостили улицы.²⁶

Так постепенно царское правительство пришло к мысли о необходимости организации в Петербурге постоянной полицейской команды. Некоторые историки Петербурга считают, что уже до 1718 г. в городе существовала какая-то полициймейстерская канцелярия, которая занималась, между прочим, и вопросами строительства Петербурга. Основанием для такого мнения послужило то обстоятельство, что два петровских указа о застройке города (от 20 мая 1715 г. и от апреля 1716 г.) помещены в пятом томе «Полного собрания законов Российской империи» под названием: «Высочайшие резолюции на доклад (доношение) по делам Полициймейстерской канцелярии».²⁷

Подлинники этих указов хранятся в Ленинградском отделении Центрального государственного исторического архива в делах Полициймейстерской канцелярии. Из их текста никак не видно, что «доношение» и «доклад» составлены именно в Полициймейстерской канцелярии, а не в другом каком-либо учреждении. По всей вероятности эти указы попали в дела полиции после того, как генерал-полициймейстер Дивьер затребовал от Сената все прежние распоряжения правительства, касающиеся Петербурга. И действительно в делах Полициймейстерской канцелярии хранится ряд указов периода 1714—1718 гг.; из них некоторые являются резолюциями Петра на доношения Канцелярии городских дел, т. е. явно не имеют отношения к деятельности полиции. Исходя из всего этого, нам

²³ ЦГАВМФ, ф. 176, № 87, лл. 74—77.

²⁴ ЦГАВМФ, ф. 176, № 97, л. 81.

²⁵ ЦГАВМФ, ф. 176, № 116, л. 190.

²⁶ Доклады и приговоры..., т. IV, кн. I, стр. 409.

²⁷ ПСЗ, т. V, №№ 2909, 3019.

кажется, нет достаточных оснований для того, чтобы считать, что Полицеймейстерская канцелярия существовала до 1718 г., хотя полицейская команда уже была. Только в 1718 г. полиция была окончательно оформлена организационно.

Указом 27 мая 1718 г. «для лутчих порядков в сем городе» учреждается новая должность — генерал-полицеймейстера. Назначенный на эту должность А. М. Дивьер получил от царя инструкцию о том, чем должна заниматься полиция.²⁸ Как видно из текста этой инструкции, состоящей из 13 пунктов, полиция была обязана:

- 1) следить, чтобы все здания в городе строились в соответствии с установленными регламентами, чтобы постройки ставились в линию, а «улицы и переулки были равны и изрядны»;
- 2) обеспечить надлежащий отвод воды с улиц в реки и каналы;
- 3) поддерживать на улицах чистоту;
- 4) следить, чтобы торговые шалаши не стесняли улиц и чтобы эти шалаши имели надлежащий вид (обтягивались холстом, а не рогожами);
- 5) наблюдать, чтобы торговля велась только доброкачественными продуктами и по умеренным ценам, чтобы торговцы пользовались проверенными мерами и весами;
- 6) обеспечить очистку улиц силами самих жителей, вывозя сор в места свалок, а не в реки и каналы;
- 7) не допускать на улицах города драк и бесчинств;
- 8) заставлять жителей регулярно чистить печные трубы и осматривать трубы каждую четверть года;
- 9) не допускать возникновения в городе всякого рода притонов с карточной игрой, пьянством и т. д.;
- 10) вести беспощадную борьбу со всякого рода подозрительными для правительства лицами, а также не допускать нищенства;
- 11) установить строгий контроль за всеми, кто приезжает в город и выезжает из него;
- 12) организовать караулы из жителей для предотвращения пожаров, борьбы с подозрительными лицами и воровством; по концам улиц установить слагбаумы, а караульчиков снабдить оружием и пожарным инвентарем;
- 13) из жителей города назначать старост и десятских для помощи полиции в поддержании порядка.

Дополнительный пункт инструкции, приписанный рукой самого Петра, касался обязанности полиции ставить военный постой в дома жителей, не делая для этого ни для кого исключений.²⁹

Как и во всех подобного рода документах того времени, порядок изложения пунктов в инструкции, данной Дивьеру, довольно случаен. В петровское время не было еще заведено правила выделять на первое место важнейшее. Важность определялась самим содержанием тех или иных пунктов. Из текста инструкции видно, что перед полицией были поставлены две основные задачи:

- 1) держать в твердых руках население Петербурга, ведя борьбу с подозрительными для правительства элементами и предотвращая возможность народных волнений;

²⁸ Высочайшие указы и повеления императора Петра I... Сборник РИО, т. X стр. 372.

²⁹ ПСЗ, т. V. № 3208.

2) следить за выполнением всех указов по регламентации застройки, благоустройству и городскому хозяйству Петербурга, по обеспечению противопожарной безопасности.

Выполнение первой задачи приобретало для правительства особую актуальность в связи с тем, что состав населения столицы не мог не вызывать тревоги у властей. В Петербурге находилось огромное число людей, работающих на строительстве города в совершенно невыносимых условиях. Сюда же тянулись с разных концов страны все те, кто искал какого-нибудь заработка, и среди этих лиц было очень много недовольных существовавшими в то время порядками. Наконец, на строительстве Петербурга работало много людей, осужденных на каторгу, военнопленных и т. д.

Все это делало Петербург таким местом, где особенно легко могли вспыхнуть народные волнения. Напуганное недавними восстаниями на Дону, Волге, в Башкирии, правительство Петра постаралось принять необходимые меры для предупреждения такой возможности. В этой связи делаются понятными пункты 10, 11, 12, 13 инструкции Дивьеру, в которой предлагалось полиции «всех гуляющих и слоняющихся людей, а особливо, которые под видом, аки бы чем промышляли и торговали, хватать и допрашивать. Буде же кто в допросе с словами своими несходен явится, оных определять в работу» (10-й пункт инструкции). Домохозяевам вменялось в обязанность сообщать немедленно в полицию о всех лицах, которые остановились у них в домах или нанялись на работу. У тех, кто нарушал это предписание, конфисковалось все имущество, а сами они ссылались на галеры (11-й пункт). В лице полиции царское правительство получало надежный аппарат воздействия на массы городского населения. Как мы увидим дальше, меры этого воздействия отличались исключительной жестокостью.

Создавая новое, весьма важное для него учреждение, правительство позаботилось, чтобы это учреждение пользовалось соответствующим влиянием. Мы видели уже, что до 1718 г. полицейские обязанности выполняли обычные офицеры (часто даже и в небольших чинах), которые находились в подчинении различных ведомств. Теперь во главе полиции был поставлен генерал-адъютант, который подчинялся только царю и Сенату, пользовался большим расположением императора и постоянно выступал в роли лица, «объявляющего» царские указы, касающиеся Петербурга, даже самым важным сановникам страны, не исключая и руководителей коллегий. Таким образом, полиция сразу же приобрела большое влияние.

Генерал-полицеймейстер возглавлял вновь созданную Главную полицеймейстерскую канцелярию и являлся начальником полицейской команды, штат которой на первых порах был небольшой, но имел тенденцию к быстрому увеличению. В момент учреждения полиции постановлением Сената от 5 июня 1718 г. в распоряжение Дивьера было дано: 10 офицеров, 20 унтер-офицеров, 160 солдат, 1 дьяк, 10 подьячих и на первоначальные расходы 300 руб. (для устройства шлагбаумов).

Таким образом, первоначально в полиции по штату было лишь около 200 человек, а фактически даже меньше.³⁰ Именно поэтому правительство решило привлечь для выполнения полицейских функций самих жителей города под видом сотских, десятских и непосредственно «караульщиков». Все они находились в полном распоряжении генерал-полицеймейстера. С учреждением полиции Петербург был разделен в административном от-

³⁰ П. Н. Петров, ук. соч., стр. 156—157.

ношении на 5 частей: 1) С.-Петербургский остров, 2) Адмиралтейский остров, 3) Московская часть (т. е. городская территория, находившаяся за Фонтанкой, — к востоку и югу от нее), 4) Выборгская сторона, 5) Васильевский остров.³¹ Это было первое административное деление Петербурга. Каждая из частей находилась в ведении определенного офицера полиции. Помощником Дивьера был назначен майор Рыкунов.

Несколько слов о самом Дивiere. По происхождению португалец, он был принят на русскую службу Петром во время его поездки в Голландию в 1697 г. и первоначально служил царским денщиком. Смывленный, исполнительный, энергичный, веселый, но вкрадчивый Дивьер сумел понравиться царю и стал быстро продвигаться по служебной лестнице. Для упрочения своего положения он женился с помощью царя на некрасивой сестре А. Д. Меншикова, но достиг обратного: Меншиков стал относиться к Дивьеру враждебно и через два года после смерти Петра сумел добиться ссылки Дивьера в Сибирь, откуда он был возвращен лишь в 1743 г., незадолго до своей смерти.³²

В отношении рядового населения города Дивьер проявлял исключительную жестокость, как об этом сообщают все современники. По словам Берхгольца, Дивьер внушал жителям Петербурга такой ужас, что они дрожали «при одном его имени». ³³ Вебер сообщает, что «вновь поставленный... полицмейстер распорядился в высшей степени самовластно и почти ежедневно подвергал наказанию и сек кнутом человек по шести и более обоего пола». ³⁴ Прусский посланник Мардефельд пишет о «бесчисленных притеснениях» Дивьера с целью вымогательства денег у жителей. ³⁵

Петровская инструкция Дивьеру, а также утвержденный Петром полицейский устав и последующие указы царя отдали в распоряжение полиции управление и городское хозяйство Петербурга. В ведении полиции находились теперь почти все отрасли городского хозяйства: мосты, набережные, мостовые, уличное освещение, пожарное дело, организация очистки и озеленения улиц, устройство водоотвода и т. д. Полиция следила за выполнением правительственных указов по регламентации городской застройки, отводила под застройку земельные участки, наблюдала за благоустройством торговых помещений и рынков, контролировала торговлю, устанавливала совместно с Ратушей цены на съестные припасы, ведала городскими караулами, распорядилась назначением постоя в дома жителей Петербурга.

Таким образом, основные повинности петербургского населения (постоянная, караульная, пожарная) находились целиком в ведении полиции и этим она получила в свои руки важнейший рычаг воздействия на жителей города. Полиция вела борьбу с воровством и хулиганством, давала разрешение на выезд из столицы.

Наблюдение за выполнением царских указов по застройке Петербурга давало полиции новые средства воздействия на петербургское население и ставило в какой-то мере под ее контроль все строительство, производившееся в столице. Из архивных дел мы узнаем, что Дивьер давал распо-

³¹ Атлас Майера, I, ч. I, Описание, стр. 40—41.

³² С. Н. Шубинский. Первый петербургский генерал-полицеймейстер. Исторический вестник, т. 48, 1892, стр. 426—448; П. Н. Петров, ук. соч., стр. 496.

³³ Дневник камер-юнкера Берхгольца..., ч. I, стр. 94.

³⁴ Записки Вебера. Русский архив, год десятый, 1872, стр. 1669—1670.

³⁵ Дипломатический документ, относящийся к истории России в XVIII столетии. Relationen des Freiherrn Gustav von Mardefeld. Сборник РИО, т. XV, стр. 184.

ряжения архитекторам о разбивке на местности направления улиц и водоотводных канав, об определении отметок, на уровне которых должны устраиваться полы зданий, пристани и т. д. Генерал-полицеймейстер выступал как инициатор царских указов по городскому хозяйству Петербурга. В штат полиции входил архитектор с помощником.

В функции полиции входило также обнародование указов царя путем их чтения в городе с барабанным боем. Кроме этого, указы вывешивались в наиболее людных местах, некоторые же сообщались жителям под расписку.³⁶ Ослушников царских указов ждало суровое наказание: крупные денежные штрафы, битье кнутом, ссылка на каторгу. У тех, кто не выполнял приказания о переселении на Васильевский остров, ломалась кровля их домов.³⁷ Очень сурово расправлялись с петербургскими жителями, засорявшими реки и каналы: их били кнутом и ссылали на каторгу.³⁸ В 1721 г., например, некий Леонтьев за вывоз сора на реку был бит морскими кошками и сверх того заплатил еще большой штраф.³⁹

Жестоко расправлялись и с нищими. Пойманных нищих били батогами и беглых отправляли к их хозяевам. Пойманные вторично и в третий раз подвергались битью кнутом и ссылке на каторгу. Даже детей били батогами, а затем отправляли на работу.⁴⁰ Престарелых и увечных полагалось помещать в богадельни, но это являлось лишь благим пожеланием, потому что богаделен в Петербурге было очень мало. В 1727 г. на весь город имелось лишь 6 богаделен на 141 место (во всех шести).⁴¹ В Москве положение было гораздо лучше: там в 1721 г. числилось 93 богадельни на 4411 место.⁴² Большинство богаделен находилось при церквях. Призреваемые старики получали нищенское содержание.

Учреждение Главной полицеймейстерской канцелярии внесло значительные изменения в управление Петербургом, так как было создано новое влиятельное ведомство, которое сосредоточило в своих руках все управление столицей. Другие учреждения, которые имели отношение к городскому хозяйству, строительству и управлению Петербургом, оказались поставленными в известную зависимость от полиции. В функции петербургской Ратуши, например, входило наблюдение за торговлей, за употреблением торговцами проверенных мер и весов, она устанавливала цены на съестные припасы. Однако то же самое входило и в функции полиции. Это привело к тому, что полиция как учреждение гораздо более сильное получило возможность командовать Ратушей.

Другой пример. Полиция сама не занималась строительством Петербурга, но имея право контроля за выполнением указов по строительству, она тем самым могла воздействовать на Канцелярию городских дел и другие ведомства, занимавшиеся строительными работами, и постоянно вмешивалась в их дела. Что касается Губернской канцелярии, то после учреждения полиции, она была совершенно устранена от какого-либо участия в управлении городом и с того времени занималась исключительно лишь делами петербургской губернии. Сам Меншиков продолжал играть большую роль в решении вопросов, касающихся Петербурга, вы-

³⁶ ПСЗ, т. V, № 3226; т. VI, № 3633; Сборник РИО, т. XI, стр. 398.

³⁷ ЦГИАЛ, ф. 1329, оп. 2, № 19, лл. 1—10.

³⁸ ПСЗ, т. V, № 3382.

³⁹ ЦГИАЛ, ф. 467, оп. 73/187, кн. 19, л. 630.

⁴⁰ ПСЗ, т. V, № 3213.

⁴¹ И. К. Кирилов, ук. соч., кн. I, стр. 20.

⁴² Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода, т. I, стр. 665.

ступая и как губернатор и как лицо, приближенное к Петру, однако свои распоряжения по городу он передавал уже не через посредство Губернской канцелярии, а через полицию, по строительству же — через Канцелярию городских дел.

Учреждение Главной полициеймейстерской канцелярии первоначально имело известное положительное значение для городского хозяйства Петербурга. Действуя по указаниям Петра, полиция способствовала развитию различных отраслей городского хозяйства столицы. Выше уже указывалось на роль Дивьера в создании сети уличного освещения в Петербурге, организации очистки улиц, пожарного дела и т. д. Для трудового населения Петербурга и в петровское время полиция была самым ненавистным учреждением, орудием произвола, угнетения и вымогательства.

Созданием полиции вопрос об управлении Петербургом, казалось, мог бы считаться решенным. Однако Петр не оставил своей мысли о некотором расширении прав купечества, о создании органов городского самоуправления. Уже в год учреждения полиции шла деятельная подготовка к магистратской реформе. 11 июня 1718 г. Петр приказал учредить в России городские магистраты.⁴³ В следующем 1719 г. последовало новое распоряжение Сенату «начать магистрат делать в здешнем городе».⁴⁴ Оба эти указа выполнены не были, и в 1720 г. Петр снова возвращается к этому вопросу: 13 февраля он приказал Сенату: «... объявите бригадира господина Трубецкого над здешними и прочими магистраты обер-президентом, и чтоб он ведал всех купецких людей судом, и о их делах доносил в Сенат, и рассыпанную сию хранину паки собрал. В товарищи ему над здешним магистратом президента определите Илью Исаева».⁴⁵

Этим указом было положено начало существованию Главного магистрата. Как видно из текста указа, магистратской реформой Петр преследовал цель обособить купечество в отдельное сословие, создав для него центральный орган управления в лице Главного магистрата, а в городах создать местные органы управления — городские магистраты.

16 января 1721 г. был утвержден Регламент Главного магистрата,⁴⁶ а в 1724 г. на основании этого документа составлена и утверждена инструкция магистратам.⁴⁷ Текст обоих документов создает впечатление, что в России вводился новый порядок городского управления, потому что каждый магистрат объявлялся городской властью («глава и начальство есть всему гражданству»), в функции которой вошло все то, что является обязанностью учреждений, ведающих управлением города, и в зависимости от которой ставилась даже полиция. В действительности, как мы увидим далее, было совсем не так. Какова же была новая структура городского управления?

Согласно Регламенту Главного магистрата, все городское население было разделено на две категории: регулярных, т. е. полноправных, и нерегулярных граждан. Ко второй категории были отнесены «все подлые люди, обретающиеся в наймах и черных работах», т. е. простой народ. Регулярные граждане, в число которых входили купцы и ремесленники, в свою очередь делились на две гильдии. К первой гильдии, пользовав-

⁴³ ПСЗ, т. V, № 3208.

⁴⁴ ЦГИАЛ, ф. 1329, оп. 1, № 12, л. 50; см. также: Высочайшие указы и повеления императора Петра I... Сборник РИО, т. XI, стр. 386.

⁴⁵ ПСЗ, т. VI, № 3520.

⁴⁶ ПСЗ, т. VI, № 3708.

⁴⁷ ПСЗ, т. VII, № 4624.

шейся привилегиями и преимуществами, были отнесены «знатные купцы», наиболее богатые ремесленники («золотари», «серебрянники», «иконники», «живописцы»), представители немногочисленной тогда интеллигенции (доктора, лекари, аптекари), ко второй гильдии — все остальные ремесленники и мелкие торговцы.

Представители других сословий: дворяне, духовенство, а также чиновники не были включены в число граждан, среди которых Петр желал видеть только людей, связанных с торговлей и промышленностью. Каждая гильдия выбирала на два года из среды наиболее состоятельных своих членов по несколько человек старшин; из их числа выбирались староста и его помощник, которые должны были иметь «попечение и старание о гражданской пользе» и помогать магистрату в его работе. Магистрат, таким образом, был в городе высшим органом местного управления, стоявшим над посадским сходом и выборными от населения старостой и старшинами.

Члены магистрата выбирались пожизненно. В городах 1-й категории, к которой были отнесены Петербург, Москва, Новгород, Казань, Рига и другие (т. е. для городов, имевших 2—3 тысячи дворов и выше), городской магистрат имел следующий состав: 1 президент, 4 бургомистра и два ратмана (советника). При выборах в члены магистрата всегда отдавалось предпочтение наиболее богатой части купечества. Регламент рекомендовал выбирать «в президенты и в бургомистры и ратманы из перво-степенных, добрых, пожиточных и умных людей».⁴⁸ Таким образом, городской магистрат оказывался в руках кучки богачей, бывших к тому же независимыми от избравшего их «гражданства», потому что, как уже говорилось, члены магистрата выполняли свою должность пожизненно.

Функции городского магистрата, согласно Регламенту Главного магистрата и инструкции магистратам, были широкие: он являлся судом всех граждан (т. е. торгово-промышленного населения города), распределял между гражданами платежи и повинности, собирал налоги, организовывал цехи, ведал полицией и городским хозяйством (пожарное дело, очистка города и т. д.), школами, богадельнями, содействовал развитию торговли и мануфактур, учреждал ярмарки и т. д. Он выполнял и чисто полицейские обязанности: выдавал отъезжающим паспорта или отпускные письма, регистрировал приезжающих, следил за тем, чтобы никто не жил в городе без соответствующих документов.

Во главе всех магистратов был поставлен находящийся в Петербурге Главный магистрат. В функции его входило: «1) во всех городах порядочной магистрат учредить, 2) оный добрыми уставами и ограждениями снабдить, 3) того смотреть, чтоб было правосудие, 4) добрую полицию учредить, 5) купечество и мануфактуры размножить».⁴⁹ Главный магистрат был центральным органом управления для всего торгово-промышленного населения России и вместе с тем он возглавлял все органы городского самоуправления, так как магистраты в пределах выполнения своих функций не были подчинены ни губернатору, ни воеводам, ни другим представителям администрации.

Вся эта стройная структура, которая, казалось, должна была открыть новую страницу в истории русских городов, практически мало что изменила в городском управлении. Высказавшись в Регламенте Главного магистрата за устранение администрации от городских дел, Петр практи-

⁴⁸ ПСЗ, т. VI, № 3708, гл. VI.

⁴⁹ ПСЗ, т. VI, № 3708, гл. II.

чески не проводил этого в жизнь. Ярче всего это проявилось во взаимоотношениях Главного магистрата и полиции. По Регламенту получалось так, что вся полиция должна была подчиняться Главному магистрату, в обязанность которого входило «добрую полицию учредить», а местные полицейские власти подчинялись городским магистратам, которые должны были «содержати в своем смотрении полицию».

Однако Петр не нашел нужным подчинить полицию магистратам и, действуя в этом случае вразрез с утвержденным им же Регламентом Главного магистрата, оставил все по-прежнему. Главная полициеймейстерская канцелярия в Петербурге и ее начальник генерал-полициеймейстер, сохранив все свои прежние функции, оказались вне магистратской системы, подчиняясь непосредственно Сенату. Мало того, как учреждение гораздо более сильное и влиятельное, чем Главный магистрат, и к тому же обладающее аппаратом принуждения Полициеймейстерская канцелярия часто вмешивалась в его работу, контролировала выполнение им тех или иных правительственных указов, касающихся Петербурга.

В тех случаях, когда функции полиции и магистрата совпадали, как например в осуществлении контроля за продажей съестных припасов, установлении на них цен и т. д., полиция получала лишь новую возможность воздействия на работу магистрата, как это наблюдалось уже ранее во взаимоотношениях Ратуши и полиции. Мы уже приводили случаи, когда полицией в 1719 г. был оштрафован ратушский инспектор за то, что он плохо следил за тем, чтобы торговцы употребляли лишь «орлённые», т. е. проверенные меры и весы. После учреждения магистрата Ратуша в Петербурге прекратила свое существование, однако и магистрат по отношению к полиции оказался не в лучшем положении, чем Ратуша. Практически все управление городом продолжало оставаться в руках полиции.

Не развернув сколько-нибудь серьезно деятельности по выполнению своих функций как органов городского управления, магистраты гораздо более проявили себя в качестве сословных органов торгово-промышленного населения. Городской магистрат являлся судом этой категории жителей города, распределял между ними платежи и повинности. Здесь он имел довольно широкие полномочия. Для государства было важно, чтобы положенный на город сбор уплачивался полностью, а как распределится вся сумма между отдельными гражданами, было уже делом магистрата и выборных от города (старост и старшин). Так, например, сумма подушного сбора исчислялась из расчета 40 алтын с человека. Однако при распределении ее между отдельными горожанами рекомендовалось учитывать материальное и семейное положение каждого. Такой порядок создавал возможности для всякого рода несправедливостей.

Как раньше Ратуша, так и магистраты занимались вопросами торговли (следили за тем, чтобы продавались лишь доброкачественные продукты, чтобы продавцы применяли лишь проверенные меры и весы, устанавливали вместе с Полициеймейстерской канцелярией цены на съестные припасы и т. д.), собирали некоторые из государственных сборов. Однако, собирая налоги, они имели очень ограниченное право расходования средств на свои собственные нужды. Из окладных сборов (прямые налоги) вообще нельзя было ничего расходовать («под опасением жестокого штрафа»), из неокладных сборов разрешалось тратить (и то лишь в самом ограниченном количестве) только на дрова, свечи, бумагу, сургуч, чернила, т. е. на мелкие расходы. Никакого городского бюджета установлено не было.

Согласно Регламенту Главного магистрата, в Петербурге полагалось быть двум учреждениям: Главному магистрату (возглавлявшему все магистраты страны) и Петербургскому городскому магистрату. Президентом Петербургского городского магистрата был назначен купец Илья Исаев, который одновременно являлся и вице-президентом Главного магистрата. Оба магистрата должны были иметь по одинаковому числу членов и пользоваться общей канцелярией. Возникает вопрос: существовали ли они как отдельные учреждения или они представляли одно целое?

Мы знаем, что Главный магистрат существовал уже в 1721 г., а городского магистрата тогда еще не было. Вследствие этого Петр в категорической форме потребовал немедленно учредить в Петербурге городской магистрат. 19 января 1722 г. последовало грозное письмо царя на имя обер-президента Главного магистрата князя Юрия Трубецкого: «Понеже давно имеете указ и регламент о исправлении дела, вам врученного, а именно: о учинении перво магистрата правильного и цехов в Питербурхе, в пример другим городам, а потом в Москве, и тако в протчих, но по се время никакого успеха в том не делаете, того ради определяем, что ежели в Питербурхе сих двух дел, то есть магистрата и цехов, не учините в пять месяцев или полгода, то на тебе и на товарище твоём Исаеве жестоко будет взыскано».⁵¹

Таким образом, Петр требовал срочного учреждения как цехов, так и Петербургского городского магистрата, который должен был являться образцом для магистратов других городов. Грозный приказ царя действовал: цехи в Петербурге были учреждены в том же году. Поэтому надо думать, что и городской магистрат был создан в это же время. В практической же своей работе этот магистрат, имея с Главным магистратом общую канцелярию и общее начальство, едва ли существовал как самостоятельное учреждение. По крайней мере И. К. Кирилов, давая в своей книге очень подробный перечень всех учреждений, существовавших в 1724—1727 гг. в Петербурге, ничего не говорит о Петербургском городском магистрате, а упоминает лишь Главный магистрат.⁵²

Одной из обязанностей магистрата была организация ремесленных цехов. Указом от 27 апреля 1722 г. объявлялась запись в цехи, причем это полагалось делать добровольно. Как видно из текста указа, путем организации цехов правительство стремилось повысить качество ремесленных изделий. Каждый мастер отвечал за свою продукцию, а старшина цеха за все изделия цеха. Указ устанавливал три градации: мастера, подмастерья, ученики (срок ученичества не менее 7 лет).⁵³ Старшины цехов, или альдермены, несли административные функции и являлись помощниками магистрата в его работе.

Указ об организации цехов не остался лишь на бумаге. Уже в 1722 г. в Петербурге записалось в цехи 535 ремесленников (из которых: 82% мастеров, 3,38% подмастерьев, 14,62% учеников), а в 1724 г. в 24 цехах состояло 1566 человек. Интересно, что в Москве в 1722—1726 гг. ремесленников записалось в цехи гораздо больше — 6885 человек.⁵⁴ Цеховые

⁵⁰ Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода, т. I, стр. 350, 373, 402, 631.

⁵¹ ЦГИАЛ, ф. 1329, оп. 1, № 18, л. 329; см. также: Высочайшие указы и повеления императора Петра I... Сборник РИО, т. XI, стр. 449.

⁵² И. К. Кирилов, ук. соч., кн. I, стр. 8—9, 33.

⁵³ ПСЗ, т. VI, № 3980.

⁵⁴ К. А. Пажитнов. Проблема ремесленных цехов в законодательстве русского абсолютизма. М., 1952, стр. 47, 48.

ремесленники были одной из основных категорий регулярных граждан петровского Петербурга.

Подводя итог всему сказанному о магистратах, следует констатировать, что петровский городской магистрат в отношении своих практических функций по управлению городом мало чем отличался от петербургской Ратуши. Это было сословное учреждение, которое лишь в самой небольшой степени занималось вопросами городского хозяйства. Новое заключалось лишь в широком декларативном провозглашении прав и обязанностей магистрата (гораздо более широкое, чем оно было в практической жизни) да в обязанности магистратов организовывать цехи. Магистраты были уже не чисто купеческими органами, как ратуши, а в какой-то мере представляли и ремесленников.

Не следует забывать и того факта, что магистратская реформа, провозглашавшая невмешательство администрации в дела магистратов, а также создание центрального органа купечества — Главного магистрата, который имел право обращаться по своим делам непосредственно в Сенат и к царю, в какой-то мере подняли значение магистратов по сравнению с Ратушей и земскими избами. Что же касается правительства, то новая реформа дала ему возможность несколько упорядочить дело взимания налогов с городского населения. Как известно, одна из основных задач, которые ставило перед собой правительство Петра I при проведении магистратской реформы, состояла в том, чтобы увеличить поступление доходов в государственную казну. Эта цель в какой-то мере была достигнута.

Как мы уже говорили, Петербург, как и другие русские города, не имел своего постоянного бюджета. Все доходы, собиравшиеся в Петербурге и Петербургской губернии, шли непосредственно в царскую казну, а из казны отпускались средства на производство тех или иных расходов для нужд города. В конце царствования Петра общая сумма сборов, взимавшихся в Петербурге и в Петербургской губернии и шедших в доход казны, выражалась ежегодно в огромной для того времени цифре — около полумиллиона рублей. Так, в 1723 г., по данным А. И. Богданова, было собрано доходов:⁵⁵

1. Таможенных	37920	руб.	80 ¹ / ₄	коп.
2. Портовых, кроме внутренних денег и ефимков, собрано .	180923	”	80 ¹ / ₄	”
3. Кабацких	128077	”	44 ³ / ₄	”
4. Табачных	8597	”	67 ¹ / ₄	”
5. Хомутных с извозчиков	531	”	33 ¹ / ₄	”
6. С ледоколу и водопою	122	”	88	”
7. С торговых бань	1102	”	28 ¹ / ₄	”
8. С рыбных ловель	118	”	23	”
9. С лавок и с анбаров	20837	”	66 ³ / ₄	”
10. Канцелярских мелочных	5	”	28	”
11. С палых лошадей и скотинных кож	744	”	38 ³ / ₄	”
12. С найму извозчиков десятой доли	181	”	56 ¹ / ₂	”
13. С квасов	113	”	64 ¹ / ₄	”
14. С дегтя	—	”	55	”
15. Конных пошлин	2428	”	70 ³ / ₄	”
16. В коллегиях и канцеляриях с дел пошлин	27756	”	10	”
17. Печатных пошлин в Санктпетербурге в печатном приказе .	6871	”	47	”
18. С письма крепостей в Санктпетербурге	13829	”	63	”
19. С судов привального и отвального	992	”	28 ³ / ₄	”
20. Партикулярной верфи с перевоза	16024	”	—	”
21. С почт почтового збору	16261	”	2	”

Итого . . . 457254 руб. 69³/₄ коп.⁴.

⁵⁵ А. И. Богданов, ук. соч., стр. 524—525.

В следующем 1724 г. общая сумма доходов была еще больше: 579 802 руб. 96 коп., а с учетом «нарвских доходов» и доходов с Выборгского уезда — 669 834 руб. 94 коп. Основную часть сборов давал Петербург. Как видно из приведенного перечня доходов 1723 г., чисто городские сборы (такие, как например доходы от городских перевозов) составляли небольшую сумму. Основной доход давали таможня, портовые пошлины, а также винная монополия.

Средства, отпускавшиеся на нужды Петербурга, никак не определялись размером тех доходов, которые собирались в городе. Каждый раз, когда нужно было произвести тот или иной расход на строительство, городское хозяйство и другие нужды Петербурга, требовался специальный царский указ, в котором устанавливалось: размер отпускаемой суммы, за счет каких доходов производился данный расход и была ли эта сумма единовременной или ее полагалось отпускать ежегодно в течение какого-то определенного времени.

Строительство Петербурга требовало огромных средств. Царскими указами было установлено, что работные люди, ежегодно высылавшиеся в Петербург из разных губерний, должны содержаться за счет населения этих губерний. Стоимость содержания в месяц каждого человека определялась в 1 руб., а всех 40 000 человек в течение месяцев (которые они должны были отработать) — в 120 000 руб. Кроме того, с населения губерний взыскивались и другие сборы, шедшие на строительство Петербурга:

На изготовление кирпича	22000 руб. в год
На выжигание извести	20000 » » »
На покупку «припасов» и другие расходы	30700 » » »
Налог на татар, установленный взамен натуральной повинности	50000 » » »

Итого . . . 122700 руб.

Таким образом, вместе с деньгами, собиравшимися на содержание работных людей, общая сумма, взыскивавшаяся с населения страны на строительство Петербурга, составляла 242700 руб.⁵⁶ Очень характерно, что каждый сбор имел вполне определенное целевое назначение: на содержание работных людей, на изготовление кирпича, на выжигание извести и т. д. Сумма в 30 700 руб., которую первоначально выплачивала целиком одна Московская губерния, шла на оплату мастеровых людей (иностранцев и русских), оплату административного персонала Канцелярии городских дел (1748 руб.), на покупку различных материалов (железа, стали, гвоздей, стекла, бумаги, свинца, кирок, ведер и т. д. — 15 252 руб. 72 коп.), на изготовление судов для перевозок.

Налог на татар, установленный в связи с тем, что среди татар было особенно много беглых, шел на содержание мастеровых людей, переведенных на постоянное жительство в Петербург, оплату архитекторов, «мельничных мастеров», содержание «батальона городских дел», транспортировку материалов, оплату труда арестантов и другие расходы.⁵⁷ С 1712 г., как мы уже знаем, наряд людей с Сибирской губернии был заменен денежным сбором (так же как и с татар, с населения этой губернии собиралось по 10 руб. вместо каждого работника,⁵⁸ а всего 3220 руб.).⁵⁹

⁵⁶ Доклады и приговоры..., т. II, кн. II, стр. 218—223; ПСЗ, т. IV, № 2592.

⁵⁷ Доклады и приговоры..., т. II, кн. I, стр. 111—114.

⁵⁸ ПСЗ, т. IV, № 2594.

⁵⁹ Доклады и приговоры..., т. III, кн. II, стр. 1202—1204.

Всеми перечисленными сборами, однако, не исчерпывался перечень платежей, взимаемых с населения страны на строительство Петербурга; правительство постоянно прибегало к дополнительным обложениям временного характера. Так, по официальным данным, в 1716 г. на содержание рабочих людей было собрано с населения дополнительно не менее 160000 руб.⁶⁰

Все собранные деньги присылались губерниями в Москву. Здесь их принимал специально высланный из Петербурга комиссар Канцелярии городовых дел и отправлял в новую столицу. Транспортировка денег представлялась нелегким делом, потому что население вносило причитающиеся с него платежи медью и в таком виде деньги доставлялись в Москву. В 1713 г., например, из 13 200 руб., собранных с жителей Московской губернии, 10 000 руб. были доставлены в виде медных монет. Комиссару предстояла трудная задача пересчитать всю эту мелочь и запаковать деньги в бочки (по 2500 руб. в каждой). Эту работу производили счетчики. Каждый такой счетчик складывал пересчитанные им деньги в особый мешок и опечатывал его своей печатью. Мешки укладывались в бочки, которые опечатывались государственной печатью. Затем бочки грузились на подводки и под охраной провожатых от губерний и солдат направлялись в Петербург.

Сохранились сведения об отправке из Москвы в Петербург денег, полученных в 1713 г. из разных губерний комиссаром Федором Пыжовым. Всего им было получено с трех губерний (Московской, Киевской и Сибирской) 25 292 руб. Деньги были направлены в Петербург под охраной 10 солдат, 1 подьячего и 18 провожатых от губерний. Для перевозки потребовалось 45 подвод: 34 — для денег, 4 — для провожатых и 7 — для подьячего и солдат. Несмотря на то, что деньги были уже приняты комиссаром, расходы на транспортировку их до Петербурга падали на губернии, которые обязаны были поставлять подводки, продовольствие для провожатых и давать счетчиков денег. По-видимому, провожатые одновременно являлись и счетчиками. Иногда бывали случаи недостачи денег. Так, например, в июне 1714 г. при вскрытии бочек в Петербурге обнаружилась недостача в 300 руб.⁶¹ Вероятно для убыстрения приемки денег при подсчете их применялись весы.

В 1714 г. Сенат приговорил: послать в Петербург вместе с денежной казной «для весу денег» весы, однако на денежных дворах в Москве лишних весов не оказалось. Пришлось покупать у частных лиц. Свои услуги предложили «торговой человек» Василий Никонов и Никифор Иванов. Никонов запросил «за вески медные с железным коромыслом» да за «медный рассыпной орлёный фунт» (т. е. за мелкие гири общим весом в 1 фунт) 3 руб. 50 коп., а Иванов за 2 гири по 5 фунтов и одну в 2 фунта (железных «орлёных») — 3 руб. 40 коп. Весы и гири были куплены.⁶²

Денежные сборы на строительство Петербурга являлись тяжелой повинностью для населения страны. Несмотря на всевозможные угрозы, уплата этого сбора производилась очень туго. Царские указы требовали, чтобы деньги в Петербург доставлялись ежегодно в феврале-марте месяцах, т. е. до прибытия рабочих людей в столицу, потому что нужно было заблаговременно закупить продовольствие и строительные материалы.⁶³

⁶⁰ ПСЗ, т. V, № 3124.

⁶¹ Доклады и приговоры..., т. III, кн. II, стр. 536—537, 579; т. IV, кн. I, стр. 469—470.

⁶² Доклады и приговоры..., т. IV, кн. I, стр. 537.

⁶³ ПСЗ, т. IV, № 2517.

Фактически же деньги прибывали гораздо позже и в далеко не полной сумме. Так, например, согласно донесению Синявина, к сентябрю 1712 г. полностью еще не поступили даже те деньги, которые должны были быть высланы в 1711 г. (не дослано 20 643 руб.), а из той суммы, которую следовало доставить в Петербург в 1712 г., поступило менее половины (не дослано 143 212 руб.).⁶⁴

Аналогичная картина наблюдалась и в последующие годы. По состоянию на 17 ноября 1713 г. по четырем губерниям (Московской, Архангелогородской, Казанской и Сибирской) было недодано за 1712 г. 9000 руб., а за 1713 г. — 133 498 руб. 47 коп. (из 190 830 руб. 73 коп.),⁶⁵ т.е. к ноябрю месяцу платежи текущего года поступили лишь в размере 30% от общей суммы.

В 1717 г. встал вопрос о замене натуральной трудовой повинности денежным сбором. Как уже сообщалось, правительство побоялось сразу полностью отменить трудовую повинность. Она была сохранена для местностей, близко расположенных к Петербургу, с остальных же губерний вместо 24 000 работных людей был положен денежный сбор по 6 руб. за каждого человека, итого 144 000 руб.⁶⁶ Сохранены были и другие денежные сборы на строительство Петербурга, исчислявшиеся в сумме 122 700 руб. (на изготовление кирпича 22 000 руб., на выжигание извести 20 000 руб., «на покупку припасов» 30 700 руб., налог на татар 50 000 руб.).

Таким образом, в 1717—1721 гг. общая сумма платежей, собираемых с населения на строительные работы в столице, составляла 266 700 руб. Кроме того, в Петербург продолжали высылаться ежегодно по 8000 работных людей «с ближних мест», на содержание которых, как и раньше, собирались с населения деньги. В 1720 г. общая сумма платежей на строительство Петербурга составляла 316 484 руб. 43 коп. К этому же времени за 5 лет (1715—1719 гг.) накопилось недоимок 346 199 руб. 55 коп.⁶⁷

В 1721 г., как мы уже знаем, натуральная трудовая повинность была отменена полностью, и все виды сборов с населения на строительство Петербурга заменил единый денежный сбор в сумме 300 000 руб. в год.⁶⁸ Этот сбор распределялся на губернии по числу крестьянских дворов. Из доношения вологодского архиерейского дома видно, что на каждый крестьянский двор церковных земель приходился ежегодный платеж в сумме 27 коп. Для выколачивания этих денег Камер-коллегия рассылала по деревням офицеров,⁶⁹ так как население всячески сопротивлялось уплате налогов.⁷⁰

Не следует считать, что расходы на строительство Петербурга ограничивались суммой 300 000 руб. Это был лишь бюджет Канцелярии городских дел. Однако Канцелярия городских дел часто не укладывалась в отпускаемую ей сумму и правительству приходилось отпускать ей дополнительно по 80—100 тысяч в год.⁷¹ Кроме того, расходы на строительство Петербурга (хотя и в значительно меньшем размере) шли по линии других ведомств: Адмиралтейства, Главной полициймейстерской канцелярии,

⁶⁴ Доклады и приговоры..., т. II, кн. II, стр. 218—223.

⁶⁵ Доклады и приговоры..., т. III, кн. II, стр. 1204—1205.

⁶⁶ ПСЗ, т. V, № 3124.

⁶⁷ ЦГИАЛ, ф. 467, оп. 73/187, кн. 19, лл. 387—388.

⁶⁸ ПСЗ, т. VI, № 3768.

⁶⁹ Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего синода, т. II, ч. I, стр. 886—887.

⁷⁰ Высочайшие указы и повеления императора Петра I... Сборник РИО, т. XI, стр. 429.

⁷¹ ЦГИАЛ, ф. 467, оп. 73/187, кн. 58, лл. 45—46.

Александро-Невского монастыря и т. д. Значительная часть работ производилась на средства самих жителей города.

В 1724 г., в связи с введением подушного сбора с населения, специальный денежный сбор на строительство Петербурга был отменен. С этого времени расходы на строительные работы в столице стали производиться за счет соляного налога, составлявшего довольно значительную сумму, имевшую тенденцию к возрастанию. Если в 1707 г. правительство рассчитывало получить по соляному налогу 360 000 руб.,⁷² то в 1724 г. общая сумма этого сбора составляла уже 662 118 руб.⁷³ Однако соляной налог шел не только на расходы по строительству Петербурга. За счет этого сбора производились и другие работы: по Кронштадтскому и другим каналам (кроме Ладожского), на Сестрорецких заводах и т. д.⁷⁴ Отнесение расходов по строительству Петербурга за счет соляного сбора не улучшило денежные дела Канцелярии от строений, так как, судя по ее доношению от 1727 г., в распоряжение этой канцелярии ежегодно поступало лишь 200 000 руб.⁷⁵

Помимо средств, отпускавшихся на строительные работы, Петербургу необходимы были также какие-то деньги на повседневные расходы по городскому хозяйству, т. е. по содержанию в исправности мостов, набережных, мостовых, очистке улиц, приобретении противопожарного инвентаря и т. д. С этим дело обстояло гораздо хуже, чем с отпуском средств на строительство города, потому что правительство долгое время не находило нужным устанавливать какую-либо, пусть даже небольшую сумму, ежегодно отпускаемую на такого рода расходы. Предполагалось, что всякого рода ремонт может производиться силами жителей Петербурга, так же, как они выполняли за свой счет целый ряд строительных работ: устройство набережных, замощение улиц и т. д.

В тех случаях, когда почему-либо не представлялось возможным переложить расход по ремонтным работам на жителей Петербурга, издавался специальный царский указ об отпуске той или иной суммы. Так, в 1720 г. по указу царя было отпущено одновременно 2000 руб. «на починку государевых подъемных и других мостов и каналов и для содержания чистоты тех мостов, которые сделаны по речкам и по каналам и по першпективной дороге и попортились и впредь попортятся». Указ устанавливал возможность и в дальнейшем выдавать деньги на такого рода работы, но каждый раз требовалось сообщать, на какие точно работы и сколько нужно денег.⁷⁶

Полиция, в ведении которой находилось все городское хозяйство Петербурга, имела в своем распоряжении очень ограниченные средства. Так, по табелю 1724 г. (государственный бюджет) доходы петербургской и московской полициеймейстерских канцелярий были исчислены вместе в сумме 7491 руб. 73 коп., из них 5145 руб. 47 коп. падало на доходы с московских постоянных дворов. За вычетом сборов с постоянных дворов в Москве остальные денежные средства, поступавшие в распоряжение обеих полициеймейстерских канцелярий, — штрафные, привозные, исцовые пошлины — исчислялись в сумме 2025 руб. 68 коп.⁷⁷

Правда, здесь речь шла лишь об окладных сборах, но прочих доходов было едва ли много больше, так как Полициеймейстерская канцелярия ис-

⁷² ПГАДА, ф. 9, отд. II, оп. 9/3, кн. 5, л. 138.

⁷³ ЦГИАЛ, ф. 1329, оп. 1. № 23, лл. 2, 3.

⁷⁴ ПСЗ, т. VII. № 4680.

⁷⁵ ЦГИАЛ, ф. 467, оп. 73/187, кн. 58, лл. 45—46.

⁷⁶ ПСЗ, т. VI, № 3514.

⁷⁷ ЦГИАЛ, ф. 1329, оп. 1. № 23, лл. 2, 3.

пытывала иногда затруднения даже с выплатой жалованья своим служащим. В числе сборов, взимавшихся полицией с петербургского населения, были так называемые «посаженные деньги» — сбор, который уплачивался застройщиками при отводе им в городе земельных участков. С каждой сажени ширины земельного участка (т. е. по его протяжению вдоль улицы) уплачивалось по 1 алтыну (3 коп.).⁷⁸ Кроме того, полиция взимала с населения некоторые дополнительные сборы целевого назначения, шедшие на нужды городского хозяйства (например, сбор на замощение улиц, в тех случаях, когда замощение производилось казной, а расходы раскладывались на жителей, и т. д.).

Все это, однако, не давало возможности производства сколько-нибудь крупных затрат на городское хозяйство. К тому же даже теми средствами, которые сосредоточивались в руках полиции (кроме сборов целевого назначения), она не могла распоряжаться без соответствующего царского указа, и часто деньги шли совсем не на городское хозяйство.

В 1721 г., как мы уже знаем, полиции было поручено устройство уличного освещения в Петербурге. В связи с этим встал вопрос о необходимости производства крупных денежных затрат. 18 марта 1721 г. генерал-полицеймейстер Дивьер вошел в Сенат с доношением об отпуске необходимых средств не только на устройство уличного освещения в Петербурге, но и на другие нужды городского хозяйства: очистку улиц, содержание при полиции архитектора с тремя помощниками, покупку заливных пожарных труб, содержание команды городских трубочистов, содержание постоянных ночных караульчиков.

Как видно из доношения Дивьера, Петр приказал отнести расходы по содержанию уличного освещения за счет специального обложения петербургских жителей пропорционально величине их городских земельных участков. Однако Дивьер высказался против такого сбора, поскольку жители Петербурга «и так отягчены постоем и другими делами». Он предложил передать на все эти расходы часть доходов акцизной камеры. Сами же расходы по подсчету Полицеймейстерской канцелярии исчислялись в следующих суммах:

1) на устройство уличного освещения требовалось 21 438 руб.; сюда входила как стоимость установки фонарей, так и стоимость их содержания;

2) содержание архитектора и трех «подмастерьев» — 1450 руб. (архитектору в год 1000 руб., подмастерьям каждому по 150 руб.);

3) содержание трубочистой команды — 752 руб. (двум мастерам по 100 руб. в год, подмастерью — 50 руб., 30 трубочистам — 502 руб.);

4) очистка улиц — 2753 руб. 18 коп.; предполагалось организовать команду фурманов (возчиков) из 50 человек и приобрести для нее необходимый инструмент;

5) приобретение больших пожарных труб — 1600 руб. (по 400 руб. каждая).

Всего требовалось, таким образом, 27 993 руб. Помимо того, Дивьер поставил вопрос о замене караульной повинности денежным сбором с населения (общая сумма которого должна была составить 43 920 руб.). Сенат принял все предложения Дивьера, кроме предложения об отмене караульной повинности. На устройство уличного освещения, содержание команды фурманов и покупку пожарных труб Сенат отпустил одновременно всего 5000 руб., но этого было явно недостаточно, и Сенат предложил устано-

⁷⁸ ЦГИАЛ, ф. 1329, оп. 2, № 18, лл. 29—40; см. также: ПСЗ, т. VI, №№ 3541, 3650.

вить денежный сбор с населения всей страны, так как «здесьнее место»⁷⁹ без того дороговизною провиантом и харчем и квартирами отягчено». Архитектора и его помощников Сенат предложил содержать за счет Канцелярии городских дел, а трубочистного мастера и его подмастерья — за счет жителей Петербурга (пропорционально числу печных труб).⁸⁰

Таким образом, реально было отпущено на городское хозяйство Петербурга лишь 5000 руб. (и то одновременно). Для установления новых налогов на жителей требовались особые царские указы, и дело затянулось еще на два года. Наконец, 13 декабря 1723 г. царским указом был установлен новый денежный сбор с жителей Петербурга, который должен был идти на: 1) устройство и содержание уличного освещения, 2) содержание команды фурманов, 3) устройство водоотвода и 4) починку мостов.

Сбор взимался с владельцев городских земельных участков пропорционально площади этих участков. При этом хозяева участков, расположенных между Невой и Мойкой, а также на Васильевском острове, платили по 1 коп. с квадратной сажени, хозяева участков, расположенных между Мойкой и Фонтанкой и на Городском острове, — по 1 деньге ($\frac{1}{2}$ коп.) с квадратной сажени, а те, кто имели свои земельные наделы за Фонтанкой, на Выборгской стороне и Аптекарском острове, — по 1 полушке ($\frac{1}{4}$ коп.).⁸¹

Этот сбор, дававший ежегодно около 6000 руб.,⁸² очень часто фигурировал в последующих правительственных указах под названием «квадратных денег» (так как взимался с каждой квадратной сажени земельных участков). С установлением нового налога на нужды городского хозяйства Петербурга стала ежегодно выделяться определенная, хотя и небольшая сумма. Правительство Петра видело, что нового сбора недостаточно даже для устройства уличного освещения, поэтому тем же указом от 13 декабря 1723 г. в распоряжение полиции «в прибавку к посаженному сбору» был передан «хомутный сбор» и четвертая часть доходов с новых постоянных дворов.⁸³ Таким образом, было установлено нечто вроде городского бюджета. Однако всего этого было явно недостаточно для поддержания городского хозяйства в надлежащем состоянии. По-прежнему правительство стремилось возможно большее число работ переложить на жителей Петербурга.

Мы видели уже, что петербургское население широко привлекалось к работам по строительству города. На обязанности жителей лежало строительство набережных, замощение улиц, посадка зеленых насаждений, устройство водоотвода и т. д. Но этим, как мы уже знаем, дело не ограничивалось. Жители должны были следить за исправным состоянием всего того, что они построили, т. е. ремонтировать набережные, мостовые, ограждать от скота зеленые насаждения, регулярно заниматься очисткой улиц и т. д. На обязанности жителей лежали мероприятия по предупреждению пожаров (караулы, содержание мелкого пожарного инвентаря и т. д.) и тушение самих пожаров; они должны были обеспечивать постой войск в своих домах, благодаря чему правительство могло обходиться без постройки казарм.

Вследствие всего этого петербургское население было настолько сильно отягчено всевозможными сборами и повинностями, что само правительство, как мы уже видели, признавало, что петербургским жителям приходилось

⁷⁹ Т. е. Петербург.

⁸⁰ ПСЗ, т. VI, № 3777.

⁸¹ ПСЗ, т. VII, № 4391.

⁸² П. Н. Петров, ук. соч., стр. 189.

⁸³ ПСЗ, т. VII, № 4391.

нелегко. Натуральные повинности жителей, связанные с городским хозяйством Петербурга, сверх всякой меры обременяли трудящееся население города, создавая невыносимые условия жизни и давая неограниченные возможности воздействия на них ненавистного полицейского аппарата, ведавшего распределением всех этих повинностей. Особенно тяжелы были постоянная, караульная и пожарная повинности, от несения которых не освобождался никто, но которые всей тяжестью ложились на плечи менее обеспеченных жителей. Более богатая часть имела возможность построить отдельные помещения для постоя солдат, нанять вместо себя караульщиков и посылать тушить пожары своих слуг. Беднякам же приходилось делать все самим.

Впрочем, и само правительство имело основания быть недовольным необходимостью прибегать к использованию натуральной трудовой повинности жителей. Это связывалось с неизбежными проволочками в работе, плохим ее качеством, постоянными конфликтами с населением. Целесообразность замены повинностей денежным сбором становилась очевидной для царского правительства уже в петровское время, однако его пугала необходимость новых обложений жителей, потому что налогов было и так слишком много. К тому же правительство видело, что новые обложения дадут только новые недоимки, так как платежеспособность большинства жителей Петербурга была подорвана.

Вследствие этого замена натуральных повинностей денежным сбором шла туго. Некоторые виды таких натуральных повинностей сохранились в Петербурге вплоть до XX в.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основная цель, поставленная правительством Петра при развертывании грандиозных работ по строительству Петербурга, была достигнута: в результате огромного напряжения сил всей страны в кратчайшее время на пустом месте¹ создан был большой благоустроенный город — «окно в Европу», новая столица Русского государства. Успех в выполнении этой трудной задачи говорит прежде всего о том, что разрешение ее, как уже отмечалось во введении, являлось для России такой же исторической необходимостью, как и другие преобразования первой четверти XVIII в. Но кроме этой основной предпосылки, создавшей возможность строительства столицы на берегах Невы, были и другие факторы, которые превратили эту возможность в действительность. Каковы же были те причины, благодаря которым удалось успешно разрешить такую трудную задачу, как строительство Петербурга?

Важнейшая из них заключалась в том, что к строительству Петербурга была привлечена вся страна. Как уже говорилось в IV главе, в течение целого ряда лет десятки тысяч мастеровых и рабочих людей, собранных со всех концов России, трудились над созданием нового города, в то время как остальное население несло на своих плечах бремя огромных дополнительных налогов и повинностей, связанных с этими работами. Строительство Петербурга являлось, таким образом, делом всего русского народа.

Другая причина, обеспечившая успех строительных работ, заключалась в том, что к началу XVIII в. Россия уже имела свой собственный богатый опыт в области градостроительства. Как уже отмечалось выше, очень многое из того, что осуществлялось в Петербурге, имело свои истоки в русской градостроительной практике предшествующих эпох. Ни регламентация строительства, ни линейная застройка, ни попытки проведения планировочных мероприятий, ни замощение улиц (правда, деревянными мостовыми), ни строительство мостов, водопровода, ни организация противопожарных мероприятий и т. д. не были совершенной новостью для России, а в какой-то степени проводились в допетровское время. К этому надо добавить большой опыт Приказа каменных дел по организации крупных строительных работ и производству строительных материалов, а также наличие в России кадров мастеровых людей строительных специальностей. Оставалось только развить весь накопленный опыт, используя при этом все лучшее, что могла дать градостроительная практика Западной Европы. Это и было сделано в Петербурге.

Очень важная причина успеха работ по строительству Петербурга заключалась в том, что правительство Петра, используя все имевшиеся возможности страны, сумело создать необходимые для строительства мате-

¹ Если не считать отдельные мелкие поселения, существовавшие на территории Петербурга до его основания.

риальные условия, обеспечив стройку рабочей силой, строительными материалами, денежными средствами и надлежащей организацией самих работ. Проблема рабочей силы была решена как старым, типичным для крепостнического государства, методом использования людей, привлеченных в порядке натуральной трудовой повинности, так и путем применения труда наемных рабочих.

Следует отметить, что правительство хорошо понимало преимущество наемного труда и сумело добиться того, что в 20-х годах XVIII в. наемные рабочие были уже основным видом рабочей силы на строительстве Петербурга. Однако в условиях крепостничества отойти полностью от практики применения принудительного труда не представлялось возможным, и городское хозяйство Петербурга как в первой четверти XVIII в., так и в последующее время продолжало базироваться на использовании трудовой повинности населения. Жители Петербурга сами мостили улицы, следили за исправностью и чистотой мостовых, строили набережные, сажали деревья по улицам против своих домов, тушили пожары, несли караулы и т. д.

Большое значение для успеха всего дела имело разрешение проблемы производства строительных материалов. Как видно из материалов V главы, Петру удалось наладить в Петербурге и его окрестностях производство всех основных видов строительных материалов: кирпича, черепицы, извести, пиломатериалов, бутового камня и т. д., что дало возможность почти бесперебойно вести строительные работы.

В отношении организации строительных работ правительству также удалось справиться с поставленной задачей. Очевидно, помог богатый опыт Приказа каменных дел. Канцелярия городских дел (переименованная позднее в Канцелярию от строений) была весьма работоспособным учреждением с широкими функциями. Правительство не пришло еще к мысли о полной централизации руководства всеми строительными работами в одном учреждении, однако в какой-то мере это общее руководство осуществлялось Канцелярией городских дел, что, несомненно, способствовало успеху работ. Через Канцелярию городских дел в строительство вносились те элементы плановости, которые было возможно осуществить в условиях крепостнического государства. Применение передовых для того времени методов производства (механическая распиловка леса и т. д.) способствовало повышению производительности труда.

Необходимо указать еще на две причины, содействовавшие успеху строительства Петербурга; это, во-первых, привлечение к делу строительства частных капиталов и частной предпринимательской инициативы, и, во-вторых, использование опыта передовых стран Запада. Строительство новой столицы требовало таких огромных затрат, что для государства не представлялось никакой возможности развернуть все необходимые работы на средства казны, несмотря на огромное увеличение при Петре налогового бремени. Поэтому возникла настоятельная необходимость привлечения частных капиталов к делу строительства. Это, как мы видели, достигалось двумя средствами: правительство либо просто обязывало население производить работы за свой счет (строить дома, мостить улицы, укреплять берега рек и т. д.), либо сдавало производство работ в подряд, что избавляло государственные учреждения от всех хлопот по организации этих работ, а также давало возможность привлечения частных капиталов.

Первый метод являлся одним из типичных приемов крепостнического государства, второй — требовал гораздо большей гибкости и наличия в стране известных экономических предпосылок. Эти предпосылки в России

в первой четверти XVIII в. были уже налицо. Страна достигла в это время такой степени экономического развития, что возможность привлечения частных капиталов к делу строительства Петербурга стала вполне реальной. Выше говорилось о подрядчиках, производивших самые разнообразные работы: рытье каналов, замощение улиц, строительство зданий и т. д. Эти подрядчики вербовались из различных групп населения (купечества, чиновничества, крестьянства и т. д.); с их помощью привлекалась на строительство Петербурга основная масса наемных рабочих (подрядчики приходили на работу со своими людьми). Роль подрядов особенно сильно возросла в 20-х годах XVIII в. Очень характерно, что это явление наблюдалось не только на строительстве Петербурга, но и в промышленности.

Значительную роль в строительстве Петербурга сыграло и использование опыта передовых стран Западной Европы. Несомненно, под влиянием Запада в Петербурге было устроено уличное освещение, началось замощение улиц камнем, обращалось большое внимание на архитектурное оформление зданий и т. д. Иностранцы — архитекторы, инженеры, мастера — работали на строительстве Петербурга и некоторые из них, как например Д. Трезини, строитель петербургских мостов Г. Более и другие, много способствовали успеху работ. Передавая свои знания и опыт русским, иностранные специалисты содействовали выращиванию кадров технического персонала и квалифицированных рабочих.

Таковы были те причины, которые обеспечили успех в строительстве Петербурга. Однако дело заключалось не только в том, что за каких-то два десятилетия на пустом месте был создан большой город. Важным являлось и другое: этот город строился не по старинке, а по-новому, и черты нового вносились в жизнь города сознательно. Эта новизна, как мы уже видели, проявилась во всем: и в прямых улицах, и в новой манере застройки, и в широко проведенных мероприятиях по городскому благоустройству (каменные мостовые, набережные, уличное освещение и т. д.), и в хорошей организации городского хозяйства, и в новых органах городского управления, и т. д.

Борьба за внесение черт нового в жизнь столичного города перекликалась со всей упорной работой петровского правительства по преобразованию страны и в первую очередь с мероприятиями правительства по переустройству быта господствующих классов. В Петербурге — центре, откуда проводились все реформы, было особенно важно создать новые условия жизни для переселенных туда людей. В городе, по-новому построенном, в котором сама жизнь населения протекала по-иному, чем раньше, жители, вырванные из рутины старого быта, легче всего приобщались к делу борьбы за преобразование страны.

Во Введении уже говорилось, что регламентация — явление, очень характерное для русского абсолютистского государства первой четверти XVIII в., — служила одним из методов принудительного проведения в жизнь страны элементов нового. Как видно из материалов настоящей работы, регламентация очень широко применялась на строительстве Петербурга путем издания специальных указов, устанавливающих соответствующие обязательные нормы (требование постройки зданий вдоль улиц, а не внутри дворов, покрытия кровель домов черепицей или дерном и т. д.), путем требования строить здания по типовым чертежам, путем, наконец, установления обязательных «образцов», которым нельзя было не следовать в строительных работах. Такие «образцы» широко применялись на строительстве Петербурга. Выше уже говорилось об образцовых мазанковых и

деревянных домах, образцовых пристанях, образцовых торговых палатках и т. д. Образцы были установлены также для кирпича, тачек и т. д.

Петровские реформы, имевшие главной задачей преодоление вековым отсталости страны, проводились, как известно, методами, типичными для абсолютистского крепостнического государства. Борьба с варварством на Руси велась и варварскими средствами. Первая половина XVIII в. была временем дальнейшего укрепления абсолютизма в России, что обуславливалось обострением классовой борьбы. Абсолютная монархия особенно сильно укрепилась при Петре. Воля царя являлась законом для страны. Убеждение во всеилии царского указа было распространенным явлением не только в правительственных кругах. Считалось, что достаточно написать хорошие указы и проследить за их выполнением, чтобы Россия получила хорошие порядки. Такими указами начинались все реформы Петра, которые проводились в жизнь с необычайной настойчивостью и жестокостью, не считаясь ни с чем. То же самое можно сказать и о мероприятиях петровского правительства по строительству Петербурга.

Ярким примером являются указы о высылке работных людей для строительства новой столицы. Ежегодно тысячи крестьян и жителей городов гнали в Петербург за сотни, а иногда и за тысячи верст для того, чтобы они отработали на строительстве положенные им 3 месяца. Люди отрывались от своих семей в самое важное для них летнее рабочее время. Здесь в Петербурге им приходилось работать за нищенское вознаграждение в условиях беспощадной эксплуатации. Не мудрено, что голод и болезни уносили тысячи жизней.

Не менее разительны примеры и с насильственным заселением Петербурга. Сотни семейств разных сословий населения в принудительном порядке переселялись в Петербург и должны были здесь, строить себе дома, участвовать в работах по благоустройству города и нести городские повинности. Таким путем за короткое время удалось добиться того, что застройка Петербурга увеличилась в несколько раз, и новая столица превратилась в один из крупнейших городов России. С исключительной жестокостью расправлялось правительство со всеми ослушниками царских указов по застройке и благоустройству города.

Однако всеисильный царский указ далеко не всегда приводил к желанным результатам. В тех случаях, когда цель, поставленная правительством, не вызывалась потребностями жизни, все мероприятия Петра, направленные к достижению этой цели, неизбежно терпели провал, несмотря на всю его энергию и настойчивость. В этом отношении очень характерен провал петровского плана создания центра города на Васильевском острове. Надо поражаться той настойчивости, с какой Петр пытался осуществить этот план, и все же его ждала неудача. Неудобство расположения центра города на острове при отсутствии постоянных мостов сыграло решающую роль. Таким же провалом окончился и петровский план принудительного расселения жителей в новой столице по принципу их сословий и рода занятий. План этот был явно надуманный и никак не вызывался потребностями жизни.

Строительство Петербурга, как уже отмечалось во Введении, имело большое прогрессивное значение для дальнейшего развития страны, однако оно было осуществлено за счет еще большего усиления эксплуатации крестьянства, с которого драли три шкуры. Мы уже видели, как сильно увеличились налоги и повинности трудового населения в связи с работами по строительству Петербурга. Но, помимо платежей, падавших непосредственно на них, крепостным крестьянам приходилось также выплачивать ту

долю налогов, которая падала на их светских и духовных феодалов. Получив приказание строить дом в Петербурге, помещик прибегал к дополнительному обложению своих крестьян.

Места под застройку в Петербурге отводились в зависимости от имущественного положения жителей. Лучшие места (по большим улицам, набережным и т. д.) получали знать, купечество; трудовое население селилось на второстепенных улицах (в дальних «линиях»). Мастерские люди жили обычно в особых слободах за чертой тогдашнего города («переведенские слободы», поселения охтенских плотников). Таким образом, резкое различие между благоустроенным центром и рабочими окраинами, характерное для капиталистического Петербурга, как и для всякого капиталистического города, ведет свое начало еще с петровских времен, хотя оно тогда было выражено гораздо менее ярко. Все мероприятия по городскому благоустройству проводились почти исключительно в центральной части города. Слободы мастеровых людей мало чем отличались от поселений сельского типа. Поэтому благоустройство Петербурга проводилось по существу лишь для привилегированных групп населения Петербурга. Для рабочего населения мероприятия по благоустройству означали лишь увеличение платежей и повинностей, однако именно простой народ создал тот замечательный город, которым с полным правом гордится вся наша страна.

Построенному ценой величайших жертв русского народа Петербургу — новой столице государства — суждено было сыграть выдающую роль в дальнейшей истории России.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- А**
Алексей Петрович, царевич 32
Алимари А. 90.
Алимари Д. 90.
Андреев А. И. 13.
Андреев, подрядчик 74.
Андреев, резчик по камню 93
Антонов В. 110.
Апраксин П. М. 35.
Апраксин Ф. М. 14, 18, 20, 21, 33, 34, 43, 66, 102, 103, 145, 157.
Апухтин В. А. 25.
Арескин Р. К. 143.
Аркажский В., посадский 72.
Арсеньев, поручик 35.
Афиногенов, подрядчик 103.
Ба
Бахай, подрядчик 73.
Башуцкий А. П. 7.
Берсенев Е., майор 147, 157, 158.
Берх В. Н. 11.
Берхгольц Ф. В. 41, 42, 44, 45, 116, 118, 119, 121, 122, 134, 136, 143, 144, 161.
Билос К., кузнечного дела мастер 116.
Бобров Л., крестьянин 73.
Богданов А. И. 6, 7, 30, 42, 50, 63, 108, 118, 121, 123, 127, 128, 130, 131, 133, 138, 151, 156, 167.
Богословский М. М. 25.
Божеряннов И. Н. 11.
Более Г. 66, 73, 127, 129, 133, 177
Борис Годунов, царь 49.
Брюс Р. В. 66, 67, 78, 79.
Брюс С. И. 106.
Брюс Я. В. 32, 39.
Булавин К. А. 98.
Бунин А. В. 9, 12.
Быков А., поручик 147, 158.
Быков, подрядчик 74.
В
Васильев Ф., архитектор 65.
Вебер Х. Ф. 8, 9, 30, 68, 69, 70, 85, 105, 107, 110, 117, 119, 120, 131, 142, 143, 144, 149, 161.
Вейде А. А. 33.
Вестери А. 90.
Виноградов Е., гравер 137.
Вит Г., гравер 135
Волконский Г. И. 25.
Вульф И., лекарь 96.
Г
Гагарин М. П. 30, 64, 82.
Гарнифелт Л., садовник 91.
Гдо, садовник 91.
Гейман В. Г. 13, 105, 108, 111
Генин В. 32.
Георги И. Г. 7.
Гербель Н. Ф. 51, 53, 90, 144.
Гершбергер, мастер 110.
Голиков, подрядчик 74.
Голицын В. В. 4.
Голигын Д. М. 87.
Голицын Н. В. 11, 15, 16.
Голицын П. А. 25.
Голицын П. М. 39.
Головин Н. 11, 133, 157.
Головин Ф. А. 15, 16.
Головкин Г. И. 21, 30, 94.
Голохвастова, помещица 73.
Гольденберг П. И. 57.
Готовцев П. Н. 15, 16.
Грабарь И. Э. 12, 23, 49, 64, 65, 68.
Григорьев А., «кирпичный заводчик» 103
Григорьев Ф., «живописец» 112.
Гурьев, инспектор Ратуши 155.
Гусев И., крестьянин 73.
Д
Девит см. Вит.
Делаваи см. Лави.
Дивьер (Девьер) А. М. 119, 120, 149, 150, 158, 159, 160, 161, 163, 172.
Долгорукий В. В. 89.
Долгорукий М. В. 25.
Долгорукий Я. Ф. 25.
Дубяго Т. Б. 12, 121, 123, 124.
Е
Екатерина II, императрица 124.
Елагин А. Б. 121.
Елизавета Петровна, императрица 7.
Ефремов Ф., поручик 158.
Ж
Жеребцов И., «живописец» 112.
З
Заозерская Е. И. 3, 13, 71, 72, 107, 109, 111.
Земцов М. Г. 65, 91.
Зубов А. Ф. 132, 136, 140.
И
Иван III, великий князь Московский 145.
Иван IV Грозный, царь 61.
Иванов Н., торговый человек 169.
Исаев И., вице-президент Главного магистрата 163, 166.
К
Каратыгин П. П. 11, 144.
Карпов, монастырский комиссар 121.

- Качалов Г. А. 125.
 Кизеветтер А. А. 155.
 Кикин А. В. 18, 21, 33, 34, 66, 122.
 Кирилов И. К. 63, 64, 96, 106, 107, 110, 111, 112, 150, 162, 166.
 Кирилов, подрядчик 103.
 Клокачев, вице-губернатор 35.
 Клочков М. В. 77.
 Козел, подрядчик 74.
 Корольков М. 65.
 Кочадамов В. И. 9, 12.
 Кочет И., мастеровой Адмиралтейства 147.
 Кошелев Г., 75, 87.
 Крюйс К. И. 14, 18, 33, 66, 108, 116, 136.
 Крюков С., подрядчик 72, 128.
 Кулибин И. П. 134.
 Куракин Л. Р. 12, 13, 28, 29, 31, 32, 35, 53, 103, 104, 106.
 Кушелев Е., дворянин 147.
 Кушелев И., подрядчик 105.

Лабзин, подрядчик 74, 143.
 Лави, французский консул 24, 25, 36, 52, 94, 105, 144, 154.
 Леблон Ж. Б. 36, 52, 65, 68, 69, 90.
 Левенвольд, барон 54.
 Лединский-Мелецкий, стольник 147, 156, 157.
 Леонтьев С., инспектор Ратуши 154.
 Леонтьев, житель Петербурга 162.
 Лепинас, майор 36.
 Ливонский А., «живописец» 112.
 Лихачев Н. П. 27.
 Локалов, резчик по камню 93.
 Лукин Т., мастеровой 147.
 Луппов С. П. 27.
 Лутковский И. Е., подрядчик 72, 73, 103.
 Любомиров П. Г. 13, 46.

Майдель, шведский офицер 18, 99.
 Майер, составитель атласа планов Петербурга 134.
 Макаров А. В. 94.
 Макарьев, бобыль 72.
 Мансуров Б. П. 11, 87, 88.
 Мардефельд, прусский посланник 54, 59, 60, 120, 161.
 Марич Ю., подрядчик 106.
 Марселиус Х. 35, 37, 43, 44, 45, вклейка 48—49, вклейка 80—81, 95, 132, вклейка 144—145.
 Мартынов В., подрядчик 102.
 Марфа Матвеевна, гарица 32, 70
 Матвеев А. А. 34.
 Матвеев А. С. 4.
 Матвеев И., архитектор 65 99, 108, 122, 123.
 Маттарнови Г. И. 51.
 Махаев М. И. 124, 125, 137.
 Мацулевич Ж. 12, 122, 124, 128.
 Меншиков А. Д. 14, 17, 18, 21, 22, 34, 35, 36, 37, 40, 44, 47, 52, 66, 67, 68, 70, 77, 78, 80, 81, 88, 94, 99, 102, 107, 108, 119, 122, 129, 136, 144, 145, 148, 151, 156, 157, 161, 162.

 Мещерский А. Д. 66.
 Мещерский Р. Д. 66.
 Миних Б. Х. 55, 145.
 Михайлов, подрядчик 103.
 Мусин-Пушкин И. А. 25.

Наталья Алексеевна, царица 32, 63
 Нестеров А., обер-фискал 72.
 Никитин, подрядчик 103.
 Николаи Л. Ф. 133.
 Никонов В., торговый человек 169.
 Ньюкомен, изобретатель паровой машины 124.

Озеров В., подрядчик 72, 129.
 Ордин-Нащокин А. Л. 4.
 Оттенс, издатель вклейка 48—49.

Павлов-Сильванский Н. Н. 65
 Падорин, подрядчик 74.
 Пажитнов К. А. 166.
 Панкратьев О., инспектор Ратуши 155.
 Пекарский П. П. 7, 21, 36, 130.
 Петлинг (Питли) Ж., «машинного дела мастер» 119, 124.
 Петр I, император *rassim.*
 Петров П. Н. 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 15, 18, 23, 28, 30, 31, 36, 45, 52, 63, 64, 65, 77, 78, 90, 94, 96, 104, 105, 118, 119, 120, 128, 129, 140, 146, 151, 160; 173.
 Петров Ф., лекарь 96.
 Пещеряков Я., дворянин 82.
 Пикарт П. 17, 135.
 Платонов С. Ф. 21.
 Племянников Г. А. 25.
 Полискалов, подрядчик 103.
 Полонская, генеральша 35.
 Потемкин И. 135, 136, 138.
 Потехин М. Н. 88.
 Прасковья Федоровна, царица 35, 108, 142.
 Предтеченский А. В. 13, 38.
 Прозоровский П. И. 26.
 Прокофьев, резчик по камню 93.
 Пуль, лекарь 94.
 Путоровский, капитан адмиралтейского батальона 148.
 Пушкарев И. 7, 133.
 Пыжов Ф., комиссар Канцелярии городских дел 169.
 Пырский, капитан 87, 88.

Распарн Я. 91.
 Редкий Л., стольник 79.
 Репников А. Н. 12, 13, 18, 52, 53, 108.
 Римский-Корсаков Я. Н. 67, 76, 79, 135, 156.
 Розен Я., садовник 91.
 Ромодановский М. Г. 26.
 Рубан В. Г. 6.
 Рудницкий В. С. 11, 145, 149.
 Рункевич С. Г. 11, 82, 93, 97, 102, 106, 108, 110, 111, 112, 118, 122, 129, 134.
 Рыкунов, помощник генерал-полициймейстера 161.

- Самарин М. М. 25.
 Семенов П. П. 112.
 Синявин Н. А. 64, 65
 Синявин У. А. 18, 64, 65, 68, 78, 79, 82, 84, 85, 86, 88, 94, 99, 108. 17U.
 Скляев Ф., карабельный мастер 136.
 Скорняков-Писарев Г. Г. 124.
 Скрыбин, подрядчик 74.
 Смирнов Т., подрядчик 102.
 Соловьев, маршалк 35, 70.
 Соловьев Ф., «кирпичный заводчик» 101.
 Сперанский А. Н. 49. 61, 64, 68.
 Спиридонова Е. В. 3.
 Степанов И., «живописец» 112.
 Степанов С., подьячий 66.
 Столянский П. Н. 9, 10, 11, 23, 34, 101, 118, 129, 130.
 Стрешнев Т. Н. 25.
 Строгановы, купцы 39.
 Струков Д., прапорщик 146, 147, 157
 Сытин П. В. 56, 57, 61, 119, 134.
- Такман Д., лекарь 96.
 Татаринов А., ученик лекаря 96.
 Тимофеев А. Г. 156.
 Тимченко-Рубан Г. И. 11. 18, 20. 98, 134
 Тихомиров М. Н. 58.
 Тихонов, подрядчик 103.
 Тишин, владелец пильной мельницы 110, 111.
 Толбухин, полковник 85.
 Гоннауер Я., «живописец» 91.
 Трезини Д. (Трезин А.) 36, 40, 47, 52, 63, 65, 68, 70, 90. 103, 123, 130. 133, 144, 177.
 Трубецкой Ю., президент Главного магистрата 163, 166.
- Туманский Ф. 7, 108.
- Урусов Ю. С. 26.
 Устинов Г., архитектор 65.
 Устинов, резчик по камню 93
- Ф**едор Иванович, царь 56.
 Феодосии, архимандрит 110.
 Феофилаьев И., петербургский воевода 121, 157.
 Фонармус Т. 66, 73, 101.
 Фонболес см. Более.
 Фонтана, архитектор 90.
 Фоншвизен, архитектор 54.
 Фонаршт см. Эршт.
- Ч**еркасский А. М. 36. 65, 83. 101
- Ш**апирос А. Л. 74, 89.
 Шафиров П. П. 21.
 Шаховской, стольник 147, 157.
 Шквариков В. А. 12.
 Штарин Я., лекарь 96.
 Штелин Я. 129, 130.
 Штукенберг А. 133.
 Шубинский С. Н. 161.
- Щ**ербаков, подрядчик 103.
 Щербатов Ю., управляющий заводами в Стрельне 86, 101, 102, 103.
 Щукин А. Я. 25.
- Э**ршт Д., подрядчик 127, 129.
- Ю**ст Юль, датский посланник 94. 119. 134, 142. 144. 146.
- Я**кимов В., крестьянин 73.
 Яковлев И. Я. 66.

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Азов** 77.
 Азовская губерния 25, 80, 82, 85.
 Амстердам 23, вклейка 48—49.
 Архангелогородская губерния 80. 83. 85.
 88, 102, 170.
 Архангельск 3. 4, 6, 8.
 Астрахань 61.
- Балтийское море** 4, 18.
 Бежецкий уезд 89.
 Бело-озеро 87.
 Берлин 119.
 Бирмингем 119.
 Битюг, река 25.
 Боровичи 102.
- Вена** 119.
 Венеция 130.
 Волга 112, 160.
 Вологда 87.
 Вологодский уезд 89.
 Воронеж 77, 84.
 Воронежская губерния 80. 102.
 Выборг 20, 85, 96.
 Выборгский уезд 168.
- Голландия** 149, 161.
- Дания** 146.
 Дон 72, 160.
 Дрезден 119.
 Дудергофское озеро 124.
- Жабино, деревня Ямбургского уезда** 107.
 Жерновка, река 111.
- Ижора, река** 99, 106, 109, 111, 112, 113.
 Ингерманландия (Ингрия, Ижерская земля) 107.
 Италия 65.
- Казанская губерния** 80, 85, 108, 170.
 Казань 61, 78, 164.
 Калиш 108.
 Карельский перешеек 134.
 Киевская губерния 80, 85, 169.
 Копорский уезд 106.
 Костромской уезд 89.
 Котлин, остров 18, 24, вклейка 24—25, 25
 26, 27, 28, 36, 58, 79, 80, 83, 84, 85.
 104.
 Красное село 106.
 Кроншлот 18, 62, 154.
 Кронштадт 44.
- Лава, река** 111.
 Ладога 104.
 Ладожское озеро 74. 107. 111.
 Лейпциг 8.
 Лига, река 124.
 Лондон 124.
- Москва** 10, 12, 13, 23, 25, 28, 30, 42, 45,
 47, 56, 57, 58, 64, 69, 70, 84, 85, 90,
 114, 115, 119, 121, 126, 134, 142, 143,
 145, 154, 157, 162, 164, 166, 169, 171.
 Москва, река 61, 126, 134.
 Московская губерния 79. 80. 82. 83. 85
 168, 169, 170.
 Московский уезд 89.
 Мета, река 106.
- Назья, река** 105, 110, 111.
 Нарва 17, 78, 79, 96, 111.
 Нева 4. 5, 15, 17, 18, 20, 21, 22, 21,
 24, 25, 26, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 38,
 40, 41, 42, 43, 44, 45, 48, вклейка 48—
 49, 50, 52, 53, 62, 63, 78, 87, 95, 99,
 100, 101, 103, 104, 107, 110, 111, 122,
 123, 124, 126, 127, 128, 129, 130, 131,
 132, 134, 135, 136, 138, 144, 151, 173,
 175.
- Ниеншанц (Шлотбург)** 15, 16, 17.
 Нижегородская губерния 108
 Новая Ладога 79.
 Новгород 79, 104, 114, 126, 164.
 Новгородский уезд 89.
- Ораниенбаум** 104, 110.
- Пернов** 85.
 Петербург *rassim.*
 Петербургская губерния 77. 79. 80. 81.
 83, 85, 112, 167.
 Петербургский уезд 111.
 Петергоф 62, 63, 65, 79, 94, 95, 104.
 Покровский уезд Петербургской губернии
 112.
 Польша 15.
 Пошехонский уезд 25.
 Преображенское (под Москвой) 119.
 Пудость, река (приток Ижоры) 105. 106.
 111, 112.
 Путиловские высоты 111.
- Рига** 17, 85, 164.
 Рижская губерния 80.

- Россия 3, 4, 5, 17, 27, 30, 33, 42, 47, 49.
50, 56, 58, 60, 61, 66, 68, 69, 71, 85.
87, 89, 98, 100, 106, 108, 112, 114.
119, 120, 145, 151, 153, 163, 164, 175.
176, 178, 179.
- Ростовский уезд 89.
- С**
Самара 85.
Саратов 78.
Свинорт, погост 106.
Свирь 110, 111.
Сегожа, река 111.
Сегозеро 111.
Сибирская губерния 80, 82, 83, 85, 168.
169, 170.
Сибирь 126, 161.
Симбирск 78.
Славянка, река 107, 108, 113.
Смоленск 49, 61.
Смоленская губерния 80, 85.
Старая Русса 79.
Старица, город на Волге 112.
Старорусский уезд 89.
Страсбург 119.
Стрельна 63, 65, 86, 94, 101, 103, 104
- Суздальский уезд 89.
Сясь, река 105, 106, 111.
- Т**
Таганрог 77.
Тосна, река 69, 99, 100, 104, 105, 106.
107, 108, 110, 111, 112, 113
Троицк 80.
Тула 126.
Турция 81.
- У**
Устюг (Великий) 87.
- Ф**
Финляндия 107.
Финский залив 15, 18.
- Х**
Хопер, река 72
- Ч**
Черная речка 101, 104, 110, 111, 123-
126, 129, 134.
- Ш**
Швеция 4.
Шелонь, река 106.
Шлиссельбург (Нотебург) 15, 62, 77, 78
86, 99, 100, 101, 110, 111, 113, 154
Шлиссельбургский уезд 110, 111.
- Я**
Ямбургский уезд 107.
Яранск 78.
Ярославский уезд 89.
Яуза, река 57.

ТОПОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

(Части города, острова, реки, каналы, отдельные здания)

- Австрия** 30.
Адмиралтейская сторона 26, 41, 44, 50, 54, 96, 117, 136, 144, 146.
Адмиралтейский остров 11, 13, 18, 20, 21, 22, 23, 28, 29, 32, 33, 34, 39, 44, 47, 49, 50, 51, 52, 59, 60, 66, вклейка 80—81, 115, 120, 131, 134, 140, 141, 147, 149, 157, 158, 161.
Адмиралтейство 15, 18, 20, 21, 22, 26, 33, 34, 45, 47, 48, 50, 52, 53, 66, 67, 72, 85, 95, 118, 127, 128, 130, 131, 133, 134, 143, вклейка 144—145, 147, 149.
Александро-Невский монастырь (Александро-Невская лавра) 45, 82, 101, 118, 123, 129, 132, 133.
Аничковская слобода 45.
Аптека в Петропавловской крепости 96.
Аптека на Адмиралтейском острове 96.
Аптекарский «огород» 31.
Аптекарский остров 31, 173.
Астраханская слобода 45.
Бассейная (ныне Некрасова) улица 124.
Богадельни петербургские 162.
Бойня на Петроградской стороне 31, 141.
Бойня у устья Мойки 48, 141.
Большая Нева 31, 35, 36, 59, 131.
Большая Невка 21, 30, 31.
Большая Никольская улица 156.
Васильевский остров 9, 10, 13, 20, 22, 26, 29, 30, 35, 36, 37, 39, 40, 41, 42, 44, 45, 46, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 57, 58, 59, 60, 70, 73, 93, 97, 104, 105, 108, 113, 121, 122, 123, 126, 129, 130, 132, 136, 144, 149, 161, 162, 173, 178.
Воскресенский (ныне Чернышевского) проспект 7.
Выборгская сторона 22, 26, 28, 29, 34, 35, 51, 62, 102, 104, 138, 161, 173.
Галерный двор (галерная верфь) 34, 50, 129, 130, 131, 136.
Городской (Санктпетербургский, Петербургский) остров. Петроградская сторона 9, 10, 11, 18, 20, 21, 22, 24, 26, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 44, 47, 48, 49, 50, 51, 53, 59, 60, 68, 72, 96, 98, 108, 115, 132, 139, 145, 147, 151, 156, 157, 161, 173.
Госпиталь на Выборгской стороне 34, 35, 45, 62.
Гостиный двор на Васильевском острове 44.
Гостиный двор на Петроградской стороне 21, 30, 31, 135, 139, 140, 145, 151.
Двенадцати коллегий здание 44, 45, 63, 65, 70, 130.
Дворянская улица 21, 30, 31.
Екатерингофский сад 122.
Ждановка, река 133.
Захарьевская (ныне Каляева) улица 7.
Заячий остров («Люст Елант», Веселый остров) 15, 18, 20, 133.
Зимний дворец (первый) 18, 21, 52, 131.
Зимний дворец (второй) 33, 62, 63, 92, 119, 129, 130, 131, 132, 133, 137.
Зимняя канавка 21, 62, 129, 130, 133, 137.
Ингерманландская сторона (левобережье Невы) 21.
Исаакиевская церковь 22, 34.
Итальянский сад 122.
Канал в Петропавловской крепости 21, 127.
Канал внутри Адмиралтейства 128.
Канал вокруг Адмиралтейства 128, 129, 130, 133.
Канал по Бульвару профсоюзов 128, 129.
Канал у Почтового двора 129, 132, 133.
Каналы на Васильевском острове 9, 10, 13, 36, 38, 40, 41, 129, 130, 149.
Канатный двор 22, 34, 66.
Канцевская сторона (Охта) 26, 45, 87, 104, 105, 108, 111.
Конюшенный двор 62.
Красный канал 33, 128.
Крестовский остров 108.
Кривуши, река 34.
Кронверк 18, 21, 31.
Кронверкский пролив 18, 133, 135, 140.
Крюков канал 72, 128, 129, 130.
Кунсткамера 44, 45, 63, 108.

- Лебяжий канал** 128.
Летний дворец 18, 33, 63, 73, 123, 124, 134.
Летний сад 1 2, 18, 21, 32, 33, 62, 63, 65, 121, 122, 123, 124, 125, 126, 127, 128, 132.
Лиговский канал 124, 126, 127.
Литейный двор 32, 62, 67, 72, 155, 156.
Литейный проспект (Литейная перспектива) 7, 126.
Малая Нева 21, 31, 35, 36, 73, 131.
Марсово поле 33, 50, 122, 128, 130, 138.
Меншикова дворец на Васильевском острове 22, 35, 37, 70, 122.
Мойка (Мья, Малая речка) 18, 22, 32, 33, 34, 47, 48, 50, 59, вклейка 80—81, 108, 122, 128, 129, 130, 131, 132, 141, 173.
Монастырка, река 129.
Морская слобода 22, 34, 141.
Морской рынок 34, 140. вклейка 144—145.
Московская сторона (часть) 26, 28, 29, 32, 33, 39, 45, 50, 51, 59, 60, 126, 150, 161.
Мытнинская набережная (на Городском острове) 21, 31, 140.
Мытный двор (на Адмиралтейском острове) 45, 53, 63, 141.
Мытный двор (на Васильевском острове) 74.
Мытный двор (на Городском острове) 31, 140.
Нева 4, 5, 15, 17, 18, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 38, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 48, вклейка 48—49, 50, 52, 53, 62, 63, 78, 87, 95, 99, 100, 101, 103, 104, 107, 110, 111, 122, 123, 124, 126, 127, 128, 129, 130, 131, 132, 134, 135, 136, 138, 144, 151, 173, 175.
Невский проспект («перспективен дорога») 8, 45, 53, 118, 119, 120, 121, 126, 127, 140.
Немецкая слобода 60.
Ново-Адмиралтейский канал 50, 129.
Охта см. Канцевская сторона.
Охта, река 96, 103, 134.
Охтенская слобода 45, 88.
Партикулярная верфь 32, 53, 129, 130, 136, 138.
Переведенские слободы 28, 54.
Петровская набережная 21, 30, 45, 151.
Петровские ворота 21, 30, 47.
Петровский остров 22.
Петроградская набережная 30.
Петропавловская крепость 13, 15, 18, 20, 21, 26, 30, 62, 63, 65, 66, 68, 77, 78, 94, 96, 105, 127, 132, 133.
Петропавловский собор 21, 30, 62, 65, 105, 119.
Пороховой завод 21.
Посадская улица 151.
Постоялые дворы (на Городском острове) 151.
Постоялые дворы (на левом берегу Невы) 151.
Постоялый двор А. Д. Меншикова 34.
Почтовый двор 33, 41, 48, 50, 52, 53, 121, 129, 130, 131, 132, 133, 136.
Прядильный двор 50.
Пушкарская слобода 22.
Сампсоньевская церковь 24.
Сергиевская (ныне Чайковского) улица 7.
Симеоновская церковь 62, 129.
Таврическая улица 7.
Татарская слобода 21, 31, 139.
Татарский рынок 31, 139.
Троицкая площадь (ныне Площадь Революции) 21, 30, 70, 72, 116, 139.
Троицкая церковь 30.
Финляндская сторона (правобережье Невы) 21, 115, 132.
Фонтанка (Фонтанная речка) 18, 21, 32, 33, 45, 50, 52, 62, 122, 123, 124, 125, 126, 127, 128, 129, 130, 132, 133, 134, 138, 161, 173.
Шневенская слобода 34.
Шневенский рынок 34, 140.
Ямская слобода 140.

УКАЗАТЕЛЬ НАЗВАНИЙ УЧРЕЖДЕНИЙ

- Адмиралтейство.** Адмиралтейская канцелярия. Адмиралтейская коллегия 10, 14, 18, 20, 22, 26, 28, 46, 59, 60, 62, 66, 67, 69, 75, 79, 80, 81, 82, 84, 87, 88, 90, 93, 94, 96, 101, 102, 103, 107, 108, 109, 110, 111, 116, 132, 136, 147, 148, 149, 155, 158, 170.
- Александро-Невский монастырь** (Александро-Невская Лавра) 67, 93, 97, 101, 102, 103, 104, 106, 110, 111, 112, 119, 122, 171.
- Главная полициѣмейстерская канцелярия** 51, 67, 72, 147, 154, 156, 157, 158, 159, 160, 162, 163, 164, 165, 170, 171, 172.
- Главный магистрат** 46, 104, 142, 154, 163, 164, 165, 166, 167.
- «Земские избы»** 154, 167.
- Земский приказ** («Земский двор») 145, 157.
- Камер-коллегия** 87, 170.
- Канцелярия городских дел** (Городовая канцелярия, Канцелярия от строений) 7, 10, 12, 18, 28, 30, 31, 34, 36, 47, 49, 51, 59, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 70, 72, 73, 75, 78, 83, 85, 90, 92, 93, 96, 97, 100, 101, 103, 104, 105, 106, 110, 111, 112, 113, 116, 121, 126, 135, 155, 156, 158, 162, 163, 168, 169, 170, 171, 173, 176.
- Коммерц-Коллегия** 46, 70.
- «Контора лесного правления»** 121.
- Контора Партикулярной верфи** 59, 88, 136.
- Магистраты городские** 42, 163, 164, 165, 166, 167.
- Мануфактур-коллегия** 46.
- Петербургская губернская канцелярия** 31, 67, 156, 158; 162, 163.
- Приказ артиллерии** 14, 28, 96.
- Приказ Большого дворца** 25.
- Приказ каменных дел.** Канцелярия каменных дел 10, 61, 64, 99, 175, 176.
- Ратуша московская** 154.
- Ратуша петербургская** 135, 136, 154, 155, 156, 161, 162, 165, 167.
- Сенат** 10, 14, 25, 27, 28, 30, 31, 44, 64, 71, 72, 79, 81, 86, 100, 120, 146, 149, 150, 158, 160, 163, 165, 167, 169, 172, 173.
- Синод** 73, 75.
-

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ААН — Архив Академии наук СССР.
АИМ — Артиллерийский исторический музей (Ленинград).
ЛОИИ — Архив Ленинградского отделения Института истории Академии наук СССР.
ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи.
Сборник РИО — Сборник Русского исторического общества.
ЦГАВМФ — Центральный государственный архив Военно-морского флота (Ленинград).
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов (Москва).
ЦГИАЛ — Центральный государственный исторический архив в Ленинграде.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Стр.

План Петербурга в первые годы его существования (копия 40-х годов XVIII в.). Отдел рукописной и редкой книги Библиотеки АН СССР	16
Петербург в 1704 г. Гравюра П. Пикарта. Начало XVIII в.	17
План Петербурга 1706 г. (сентябрь). Музей истории Ленинграда. Атлас Майера	19
Проект планировки столичного города на острове Котлине. Около 1709—1712 гг. Отдел рукописной и редкой книги Библиотеки АН СССР	24—25
Набережная Васильевского острова у дворца А. Д. Меншикова. Рисунок Х. Марселиуса. 1725 г. Отдел рукописной и редкой книги Библиотеки АН СССР	37
Набережная левого берега Невы у дворца Ф. М. Апраксина. Рисунок Х. Марселиуса. 1725 г. Отдел рукописной и редкой книги Библиотеки АН СССР	43
Панорама Невы. Вид со стороны моря. Рисунок Х. Марселиуса. 1725 г. Отдел рукописной и редкой книги Библиотеки АН СССР	48—49
Генеральный план Петербурга. 1715—1716 гг. Изд. Оттенс, Амстердам (год издания не известен)	48—49
Проект Миниха защиты Петербурга от наводнений. 1727 г. Отдел рукописной и редкой книги Библиотеки АН СССР	55
Вид на Адмиралтейский остров со стороны Мойки. Рисунок Х. Марселиуса. 1725 г. Отдел рукописной и редкой книги Библиотеки АН СССР	80—81
Набережная левого берега Невы и Адмиралтейство. Рисунок Х. Марселиуса. 1725 г. Отдел рукописной и редкой книги Библиотеки АН СССР	95
Часть титульного листа брошюры «Tryumf polskiey muzy...». Ноябрь 1706 г.	109
Фонтанка у Летнего сада. Гравюра Г. А. Качалова по рисунку М. И. Махаева. Середина XVIII в.	125
Торжественный ввод в Петербург взятых в плен шведских кораблей (сентябрь 1714 г.). Гравюра Г. де Вита по рисунку П. Пикарта	135
Зимний дворец и подъемный мост через Зимнюю канавку. Гравюра Е. Виноградова по рисунку М. И. Махаева. Середина XVIII в.	137
Торжественный ввод в Петербург взятых в плен шведских кораблей. Сентябрь 1720 г. Гравюра А. Ф. Зубова. 1721 г.	140
Морской рынок у Адмиралтейства. Рисунок Х. Марселиуса. 1725 г. Отдел рукописной и редкой книги Библиотеки АН СССР	144—145

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
В в е д е н и е	3
Г л а в а I. История застройки Петербурга	15
Г л а в а II. Регламентация городской застройки	46
Г л а в а III. Организация строительных работ	61
Г л а в а IV. Рабочая сила	77
Г л а в а V. Производство строительных материалов	99
Г л а в а VI. Городское хозяйство	114
Г л а в а VII. Городское управление и городские финансы	153
З а к л ю ч е н и е	175
Указатель имен	180
Указатель географических названий	183
Топографический указатель	185
Указатель названий учреждений	187
Список сокращений	188
Список иллюстраций	189

Утверждено к печати
Библиотекой Академии наук СССР
*

Художник Д. С. Данилов
Технический редактор А. В. Смирнова
Корректоры Н. А. Браиловская и Г. Т. Никифорова
*

РИСО АН СССР № 21—110В. М-08267.
Подписано к печати 21/III 1957 г. Бумага
70X108^{1/16} Бум. л. 6. Печ. л. 16.44. Уч.-изд.
л. 16.21 +4 вкл. (0.91 уч.-изд. л.).
Тираж 5000. Зак. № 16.
Цена 10 р. 15 к.

2-я типография Изд. Академии наук СССР
Ленинград, В-34, 9-я линия, д. 12.

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

<i>Страница</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Должно быть</i>
28	25 сверху	историческом архиве	архиве древних актов
40	9 снизу	370 ¹ / ₂	371 ¹ / ₂
83	5 сверху	33778	33779
102	2 снизу	т. II,	т. III,
108	3 „	ныне здание	ныне здесь здание
119	23 „	предпраздничные	праздничные
155	2 „	Кизиветтер	Кизиветтер
159	1 „	3208.	3203.
161	2 „	Дипломатический документ, относящийся	Дипломатические документы, относящиеся
168	20 сверху	в течение месяцев	в течение трех месяцев

С. П. Лу п о в. История строительства Петербурга в первую четверть XVIII в.